

**КАК
Гитлер
пришел
к власти**

**ВОЛЬФГАНГ
РУГЕ**

ВОЛЬФГАНГ
РУГЕ

Как Гитлер пришел к власти

ГЕРМАНСКИЙ
ФАШИЗМ
И МОНОПОЛИИ

Сокращенный перевод
с немецкого Г. Рудого

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1985

ББК 63.3(4Г)
P82

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Wolfgang Ruge

DAß ENDE VON WEIMAR

Monopolkapital und Hitler

Dietz Verlag. Berlin, 1983

Руге В.

P82 Как Гитлер пришел к власти: Германский фашизм и монополии / Сокр. пер. с нем. Г. Рудого. — М.: Мысль, 1985. — 320 с.

В пер.: 1 р. 50 к.

В новой книге известного историка-марксиста ГДР, лауреата Национальной премии Вольфганга Руге развернута широкая панорама событий в Германии 20-х — начала 30-х годов и одновременного восхождения Гитлера и его преступной партии к террористической диктатуре. На широком фоне истории Веймарской республики дана научная интерпретация обстоятельств крушения в Германии буржуазно-парламентарной демократии и замены ее диктаторским режимом Гитлера.

Р $\frac{0506000000-181}{004(01)-85}$ 77-85

**ББК 63.3 (4Г)
9(М)7**

ВВЕДЕНИЕ

30 января 1933 г. главарь нацистской партии Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером. Пробыл последний час парламентской Веймарской республики; на Германию опустилась ночь фашизма. Террор и бесчеловечность стали повседневностью 65-миллионного народа. Прошло еще немного лет, и «великогерманские» властители «третьего рейха» установили свое деспотическое господство также за пределами страны, ввергли сначала Европу, а затем чуть ли не весь мир в пучину войны. Зверства, творившиеся именем Гитлера на фронте и в самой Германии, превзошли по своей мерзости и жестокости все, что только имело место в предшествующие века.

Чтобы сокрушить кровавый фашизм, державам, выступившим на борьбу против него, прежде всего Советскому Союзу, пришлось напрячь все свои силы и принести ради победы невиданные в истории человечества жертвы. Когда после шести лет второй мировой войны над полями сражений поднялись последние столбы дыма, народы оплакивали 50 миллионов погибших. Не счесть было раненых и искалеченных, вдов и сирот. В руинах и пепле лежали обширные края, тысячи городов и десятки тысяч деревень. Предположительная стоимость уничтоженных материальных ценностей достигала поистине астрономических цифр, а утраченных сокровищ культуры и искусства — вообще не поддавалась никакому измерению.

Гитлеровской Германии пришлось пережить военное поражение невиданного масштаба. Но именно это побуждает многих буржуазных историков приписывать всю вину за фашистский кошмар, мировую войну и это беспримерное поражение одному-единственному человеку — позорно обанкротившемуся «фюреру». Особенно живучи такие взгляды в странах Запада, где радио и телевидение, школа и пресса целенаправленно культивируют легенду о «фю-

рере-ферфюрере» *. Людям втолковывают, что Гитлер растоптал республиканскую конституцию и уничтожил буржуазную демократию, разорвал в клочья Версальский мирный договор, создал на пустом месте «всесокрушающий» вермахт и послал на смерть миллионы беспрекословно повинующихся солдат не только без чьей-либо помощи, но и вопреки сопротивлению целого легиона врагов из лагеря тогдашней буржуазной демократии.

Словом, что он, и только он один, был движущей силой событий и за ним никто не стоял, что не было никаких нажившихся на войне монополистов и увешанных высшими орденами военных преступников-милитаристов. А по-сему западные публицисты и телекомментаторы, лишь только речь заходит о злосчастном прошлом, начинают разглагольствовать о расовом бреде именно одного Гитлера, о партии именно одного Гитлера, о программе именно одного Гитлера, о терроре именно одного Гитлера, о вооружении именно одного Гитлера, о войне именно одного Гитлера... Да еще при этом не забывают изобразить ликвидацию безработицы, строительство автострад и чистоту на улицах тоже делом рук этого якобы загадочного человека, который был вегетарианцем и вместе с тем чудовищно жестоким, больше всего на свете любил домашних животных и вместе с тем приказал удушить газом миллионы людей.

Авторы школьных учебников, журналисты и кинематографисты, распространяя такие ложные представления об истории, могут ссылаться на буржуазную историческую науку, которая в солидных (правда, лишь на первый взгляд) исследованиях и толстенных «кирпичах» неутомимо вдалбливает читателям, будто Гитлер единолично измыслил, породил и осуществил все злодеяния нацистского времени.

Эту мысль наиболее четко формулирует известный исследователь истории фашизма Эрнст Дойерляйн: «Национал-социализм... исторически определялся одним человеком, который именовал себя творцом и свершителем, — Адольфом Гитлером» ¹. Если можно выразить данную мысль еще яснее, то это сделал Иоахим Фест, автор вышедшего в ФРГ «бестселлера» «Гитлер. История его

* Игра слов: der Führer — вождь; der Verführer (нем.) — совратитель, соблазнитель, обольститель (здесь и далее примечания переводчика).

карьеру», по которому поставлен нашумевший фильм. «На самом деле,— пишет Фест,— он (Гитлер.— В. Р.) в невиданной мере был сам по себе и все в самом себе: сам себе наставник, организатор партии и создатель ее идеологии, тактик и исцелитель-демагог, фюрер, государственный муж и — в течение одного десятилетия — движущий центр мира»². Не без почтительного трепета и другие буржуазные историки заявляют, будто Гитлер был «демонический человек... мрачного величия», «психически-социальная дефективность которого стала роковой для целого континента»³.

Восходящие к таким дефинициям псевдонаучные изыскания насчет «души» нацистского главаря преследуют цель вызвать всеобщее любопытство к Гитлеру-«человеку», которого, мол, при всей его непостижимости все же можно понять (а значит, и простить). От связанного с этим перемещения проблемы в психологическую плоскость всего один лишь шаг до, по меньшей мере частичной, реабилитации фашизма. Именно за нее и берется все большее число не только откровенно неофашистских, но и «серьезных» буржуазных авторов.

Разумеется, есть и такие буржуазные историки, которые выводят германский фашизм не исключительно или хотя бы не в первую очередь из личности Гитлера. Однако их взгляды мало распространены и находят весьма ограниченный доступ в исторические представления масс на Западе. И уж без всяких оговорок можно констатировать, что персоналистски обоснованные теории возникновения и сущности германского фашизма стали составной частью всех без исключения попыток буржуазных историков дать его толкование. Так, кельнский профессор Андреас Хильгрубер на коллоквиуме историков ФРГ в 1979 г. заявил, что все «важные политические решения принимались одной личностью, в данном случае Гитлером»⁴.

Причина того, что тезис о единоличной вине Гитлера особенно любим буржуазными учеными,— это в значительной мере его исключительная пригодность для реакционной пропаганды. Вышедшая из употребления нацистская легенда о всемогущем чудотворце — спасителе нации наипростейшим образом выворачивается наизнанку и превращается в антилегенду о всемогущем злодее, а затем пристегивается к распространенным на Западе идеалистическим историческим взглядам о всесии уникальной личности.

Таким образом, потребителя буржуазной идеологии, так сказать, избавляют от труда переосмысления, поскольку эта антилегенда по своей внешней правдоподобности превосходит другие интерпретации, предполагающие наличие хоть какого-нибудь знания истории. Все это наилучшим образом приспособлено, дабы убедить так называемое общественное мнение на Западе, что проблема фашизма ни в каком дальнейшем объяснении не нуждается, а прошлое уже «преодолено».

Благодаря этому указанный тезис просто-таки идеально отвечает социальному заказу буржуазной историографии, которая стремится оправдать дискредитированную бесчеловечностью и войной империалистическую систему и внести свой вклад в ее сохранение и упрочение. Ведь если признать правильным утверждение, будто Гитлер был единственным творцом и исполнителем зловещих замыслов германского фашизма и единоличным виновником второй мировой войны, то отсюда логически следует: искать других виновников преступлений 30—40-х годов или же задавать вопрос об общественных причинах тогдашнего хода развития в Германии совершенно ни к чему.

Уже на Нюрнбергском процессе главных немецких военных и нацистских преступников в 1945—1946 гг. защитники фашистского «первого гарнитура», впервые выступившие с тезисом об абсолютной единоличной вине Гитлера (которого один из них назвал Люцифером), не делали тайны из того, что тезис этот служил им для обеления обвинявшихся крупных промышленников, банкиров, военщины и заправил нацистской партии⁵. Но если для адвокатов нацизма в Нюрнберге на первом плане стояла задача — снять вину с отдельных лиц, то буржуазные историки приступили к защите уже целого класса с целью реабилитации общественного строя, представляемого данным классом. Некоторые из них без обиняков признают это.

Так, американский историк Генри А. Тэрнер, который, по его собственным словам, хочет разрушить «некоторые легенды» об ответственности германской крупной индустрии за приход к власти фашизма, пишет: «Если широко распространенная точка зрения, что фашизм — это продукт современного капитализма, действительно отвечает фактам, то защита этой системы едва ли возможна». Тем самым он признает, что тезис о единоличной вине Гитлера затрагивает отнюдь не только прошлое, но и грубо

вторгается в современную борьбу между прогрессом и реакцией, между силами мира и поджигателями войны.

Если допустить, что тезис этот верен, то отсюда вытекает вывод: не будь Гитлера, не было бы ни фашизма, ни преступной, агрессивной войны. А так как нацистский главарь вот уже четыре десятилетия мертв, значит, мол, борьба против неофашизма и опасности новой мировой войны по сути своей никчемные наскоки на давно преодоленное зло, она-де или политическое донкихотство, или же злостное стремление отвлечь общество от решения действительно назревших задач. Так безмерное преувеличение исторической роли Гитлера оказывается в наши дни средством дискредитации прогрессивных сил, средством политической дезориентации масс в их борьбе за демократию и мир.

Тезис о единоличной вине Гитлера занимает видное место и в современной идеологической борьбе империализма против социализма. Он целеустремленно направлен против марксистско-ленинского определения фашизма, которое, раскрыв его классовое содержание и охарактеризовав его главные черты, дал на VII конгрессе Коммунистического Интернационала в 1935 г. Георгий Димитров в лаконичных словах: «Фашизм у власти есть... *открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала*»⁶.

Нападки буржуазных историков на это научное определение фашизма облегчаются тем обстоятельством, что для миллионов людей на Западе Гитлер — это конкретная и хорошо знакомая фигура, между тем как с понятием «финансовый капитал», а тем более с отдельными его элементами они едва ли связывают какие-либо конкретные представления и ассоциации. Активные действия различных групп финансового капитала и в прошлом и в настоящем им по большей части неизвестны и почти всегда для них непроницаемы. А потому для рядового западногерманского бундесбюргера взаимосвязь, существовавшая между толпой, оравшей «Хайль Гитлер!», мероприятиями фашистского правительства, террористическими походами на представителей иного мировоззрения, военными преступлениями или истреблением еврейского населения, с одной стороны, и элитой финансового капитала — с другой, остается, как правило, неосознанной. «Случайные явления и личные особенности знаменитых людей, —

отмечал еще Георгий Плеханов, один из выдающихся пропагандистов марксизма на рубеже XIX — XX вв., — несравненно заметнее, чем глубоко лежащие общие причины»⁷.

Пользуясь этим, буржуазные историки уверяют, будто марксистско-ленинская историческая наука упускает из поля зрения реальные условия и вместо этого конструирует какие-то абстрактные схемы. Будто она, вместо того чтобы исследовать бесчисленное множество неповторимых, индивидуально-национально и традиционно обусловленных, порожденных массовой психологией и «духом времени» факторов, только и знает, что цепляется за вопрос «*сui bono?*» (кому выгодно?) и из того факта, что Гитлер и его сообщники были ставленниками магнатов военной промышленности, выводит «банально упрощенную» теорию, согласно которой нацистский главарь просто получал задания от пушечных королей и послушнейшим образом выполнял их. Марксистско-ленинская историческая наука, утверждают они, «слишком изолированно» видит и огрубляет социальную функцию фашистского движения⁸. Озабоченная якобы только тем, чтобы заклеить монополистический капитал, она, как утверждают эти буржуазные историки, отвлекает внимание от сложности причин и форм проявления фашизма да к тому еще и игнорирует тот факт, что никакой единой фаланги «фюреров экономики» («виртшафтсфюреров») вообще не существовало, а следовательно, нельзя говорить и о формирующей историческую силу монополистического капитала как такового.

Подобными утверждениями хотят затушевать тот факт, что именно марксистско-ленинская историческая наука стремится всесторонне вскрыть все порождающие фашизм, благоприятствующие ему и определяющие его условия, и что особое внимание она уделяет дифференциации монополистического капитала, а также изменчивой политической ориентации отдельных монополистических групп⁹.

Охватывая всю сферу взаимодействия сил вокруг фашизма, марксистско-ленинская историография одновременно включает в нее (чего полностью старается избежать буржуазная наука) и антифашистскую борьбу — не в последнюю очередь потому, что борьба эта служит основой того опыта и тех уроков, которые дал разгром фашизма. При всем этом марксистско-ленинские исследования концентрируются на раскрытии сущности фашизма, его

классовой функции, и авторы их не занимаются (как это делают биографы Гитлера, апологизирующие его личность) всякими сенсационными рассуждениями об извращениях патологической психики нацистского главаря.

Главное внимание марксистско-ленинского исследования фашизма направлено, таким образом, на изучение его социально-экономических причин, тех условий, которые сделали возможным его продвижение, а также профашистских и антифашистских позиций и действий различных политических сил. В анализе их оно опирается на основные положения классиков марксизма-ленинизма и исходит из того, что, как подчеркивал Ф. Энгельс, хотя экономическая необходимость *в конечном счете* обуславливает историческое развитие, отнюдь не только она одна является *активной* в том процессе взаимодействия, в котором политические, правовые, философские, религиозные, литературные, художественные и тому подобные факторы также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис¹⁰.

Что же касается многослойной проблематики фашизма, марксистско-ленинская историческая наука придает особое значение указанию Ф. Энгельса: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая». К случайностям, которые Ф. Энгельс называет «дополнением и формой проявления» необходимости, принадлежат не в последнюю очередь «так называемые великие люди», появление которых «в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность»¹¹.

Однако люди эти могут представлять интерес не сами по себе, а лишь в контексте с общественным окружением, из которого они вышли и на которое они фактически были способны воздействовать. Они, как писал В. И. Ленин, «вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее «помыслах и чувствах» с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса»¹². В изучении исторической реализации этих качеств марксистская историография исходит из того, что, как указывал В. И. Ленин, «действительный вопрос, возникающий при оценке общественной де-

тельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных?»¹³.

Решающим здесь является, как выразился Ф. Энгельс, «спрос» на эту деятельность, а тем самым и «спрос» на определенные личные качества и способности, в оптимальной или хотя бы в достаточной степени обеспечивающие осуществление этой деятельности. Если же решающим фактором является «спрос», то отсюда вытекает заменяемость и заменимость любой отдельной личности. «...Всегда, — говорит Энгельс, — когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д.»¹⁴.

Г. В. Плеханов, детально занимавшийся вопросом о роли личности в истории, констатировал, что материалистическое представление об истории отнюдь не игнорирует и тем более не отрицает влияния особенностей характера отдельной личности на судьбы общества. «Иногда, — писал он, — их влияние бывает даже очень значительно...» Но особенности характера (и это касается также психического склада, духовных качеств и т. п.), хотя и оказывают воздействие на формы, темп и устойчивость, короче говоря, на *индивидуальную физиономию* общественного развития, не в состоянии придать этому объективно обусловленному развитию другое направление. Возможности и масштаб подобного влияния, подчеркивает Плеханов, «определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения»¹⁵.

В заключение Плеханов указывает на «оптический обман», которому поддается человек при рассмотрении исторических событий, ибо, к примеру, *личная сила Наполеона* является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю ту *общественную* силу, которая выдвинула и поддерживала ее. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей, силы не перешли из *возможности* в *действительность*»¹⁶.

На примере Луи Бонапарта (Наполеона III) Карл Маркс ярко показал, что порой возникает такая расстановка общественных сил, в которой недалекие, ординарные или даже смешные личности выдвигаются на первый план, поддерживаются и ставятся реакционным классом

или слоем на такое место, которое придает им историческую действенность¹⁷.

Поскольку карьера Гитлера представляет собой крайний случай такой расстановки сил, стоит из соображений философии истории проследить тот путь, который привел нацистского главаря к 30 января 1933 г. Ведь этот путь ясно показывает, что не какие-то исключительные, а тем более сверхчеловеческие способности подняли сына мелкого австрийского чиновника над массой германских дюжинных контрреволюционеров. То были дремлющие в тысячах потенциальных авантюристов качества, которые в данном случае шаг за шагом активизировались в условиях обостренной классовой борьбы и скорее могли бы быть охарактеризованы как ущербность.

Это — чрезмерное честолюбие как результат личностной несостоятельности; гигантомания, порожденная крахом неудачника, не нашедшего себе профессии; обскурантистский фатализм на базе жалкой полуобразованности; психическая неустойчивость в сочетании с одержимостью; словоблудие и тяга к бахвальству как оборотная сторона выродившейся в бессилие боязни самостоятельных действий; ловкая способность к приспособлению вместе с безмерной переоценкой собственной персоны; полная беспардонность и презрение к чужой жизни.

Эти качества, оказавшиеся козырями в случайной расстановке объективно обусловленных противоречий общественной жизни, позволили Гитлеру в конечном счете стать представительной фигурой верхнего слоя того класса, который исторически уже обанкротился и мог держаться у власти лишь при помощи безграничной жестокости и непревзойденной бесчеловечности.

Глава первая

НАЧАЛЬНЫЕ ШАГИ НАЦИЗМА

Когда Гитлер уже перестал быть совсем безвестным, он утверждал, что обратился к политике сразу же после начала Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Однако еще многие месяцы после ее свершения 30-летний Гитлер болтался по верхнебаварским казармам, будучи далек от всякой политики. Выписавшись из госпиталя, он вернулся в мюнхенскую казарму, поскольку не имел ни пристанища, ни занятия. У него не было ни семьи, ни родных, ни друзей, ни какой-либо профессии, и никогда в жизни он не занимался каким-либо постоянным делом.

Перед первой мировой войной, проев отцовское наследство и все доставшееся ему от матери, он жил впроголодь, подрабатывая малеванием открыток с видами исторических достопримечательностей. Но теперь, во взбаламученной атмосфере революционного переворота, картинками с изображениями старинных соборов и дворцов было уже не прожить. Гитлер опасался, как бы после увольнения из армии не оказаться на улице без всяких перспектив и не очутиться опять, как всего каких-то десять лет назад в Вене, в ночлежке, обреченным на жалкое существование. Ему не оставалось ничего иного, как послушно нести охранную и внутреннюю службу сначала в лагере для военнопленных, а потом в своем прежнем полку, дислоцировавшемся в Обервизенфельде.

Как и все перепуганные мелкие буржуа, Гитлер причитал по поводу проигранной войны и неопределенности будущего. Однако он выделялся тем, что разглагольствовал так учено и высокопарно, как это свойственно человеку, который читает много книг, а переварить их не может. Даже самое тщательное изучение условий жизни никому не ведомого в ту пору Гитлера, а также его духовного облика не оставляет и тени сомнения в том, что он отнюдь не предпринимал каких-то исключительных волевых усилий и никакой системы мыслей у него не было и в помине. Са-

мые различные по своим взглядам биографы Гитлера в один голос констатируют, что ефрейтор, отгороженный казарменными стенами от всенародных бедствий, был занят тогда только планами собственной дальнейшей жизни. Томас Манн охарактеризовал его состояние как чувство «неприкаянности» в сочетании с «высокомерным в основе своей... отказом от всякой разумной и уважаемой деятельности»¹.

Еще сильнее, чем в свои венские и (с 1913 г.) мюнхенские годы, неприкаянный Гитлер предавался смутным мечтаниям. Ему грезилось, как он, заделавшись живописцем, архитектором, театральным художником в некоем супер-театре, изобретателем нового блюда или просто крупно выиграв в денежной лотерее, в одно прекрасное утро становится знаменитым, богатым и независимым. Если в довоенном Мюнхене Гитлер еще метался между убогими мансардами и вагнеровскими операми, даже и не помышляя о серьезном труде, то теперь, когда работы стало мало, да и сулила она лишь жалкий заработок, он погрузился в мир филистерских видений, рисуящих опьяняющие триумфы. Временами он впадал в депрессию и не раз намекал своим сослуживцам по казарме, что ему ничего не стоит взять пистолет да и положить всему этому конец.

Подверженный таким настроениям, будущий нацистский главарь в дни белого террора и подавления Баварской советской республики пережил настоящий взрыв антикоммунистической истерии и мании подозрительности. Он явился в следственную комиссию 2-го пехотного полка при военно-полевым суде и стал поставлять ей, как это называлось, «информацию» о тех солдатах, которые симпатизировали коммунистам и Советам. Этими доносами (по всей вероятности, граничившими с фантастическими вымыслами) он, как замечает один из его биографов, выполнял задания командования рейхсвера «столь удовлетворительно, что вскоре его командировали на специальные курсы по формированию «гражданского мышления»², что и стало исходным пунктом его политической карьеры.

Командование 4-й группы рейхсвера (Мюнхен), разведывательный отдел которого организовал эти курсы, принадлежало к реакционному авангарду вооруженных сил молодой Веймарской республики, по которым, пожалуй, нагляднее всего можно было судить о классовом характере нового государства.

Будучи рождено антимилиитаристско-антиимпериалистической народной революцией, это государство, возглавленное правыми лидерами социал-демократии, извратило волю восставших и не только сорвало обобществление средств производства, т. е. сохранило существующие социально-экономические условия, но и постаралось унаследовать как можно больше институтов, правовых норм и общественных учреждений кайзеровского рейха.

Возникшее в результате революции правительство во главе с Эбертом и Шейдеманом, именовавшее себя Советом народных уполномоченных, а в действительности принявшее на себя заботу о делах контрреволюции, в первую очередь спасло реакционные центры старого военного командования. Тем самым оно дало «зеленый свет» контрреволюции. Ведь эти командные центры, после того как в ноябре — декабре 1918 г. уставшие от войны солдатские массы разошлись по домам, создали из оставшихся регулярных частей и «добровольческих» формирований новую вооруженную силу, состоявшую прежде всего из националистически настроенных офицеров, контрреволюционной военщины и солдатни, а также ландскнехтов всевозможного типа.

Этот сброд в январе 1919 г. возглавил правый социал-демократ Густав Носке. Вступая в должность военного министра, он заявил: «Что же, пусть меня считают кровавой собакой!» Своей циничной фразой Носке дал ясно понять, что в борьбе с революцией намерен превзойти даже самых ретивых кайзеровских генералов.

Так рейхсвер республики еще в процессе своего возникновения оказался авангардом врагов республики в борьбе за ликвидацию всех тех уступок, которые правящие классы были вынуждены сделать трудящимся во время революции. Не удивительно, что наиболее контрреволюционные силы армии с самого начала только и помышляли о том, как можно скорее покончить с республикой, и всеми средствами готовились к решающему удару по государству «ноябрьских преступников», как они называли ее сторонников.

Эта подготовка включала, в частности, и враждебную революции пропаганду, которая по их замыслам должна была учитывать склад характера и повседневные заботы рядового состава, а следовательно, — если она хотела быть действенной — строиться на надежной информации о настроениях в казармах. Сбору такой информации слу-

жили также «курсы гражданского мышления», опекавшиеся начальником разведки мюнхенского окружного командования рейхсвера капитаном Карлом Майром. Там рейхсверовских доносчиков учили не только выявлять тех солдат, которые с симпатией относились к рабочему движению или к революционным лозунгам, но и специально затевать провокационные споры на актуальные политические темы. Их накачивали всяческими «аргументами» для словесных баталий по вопросам текущей политики, а сверх того, обучали дешевым риторическим приемам, умению хлестко отвечать на реплики и тому подобным демагогическим методам обработки солдатских масс.

В центре политического «обучения» этих шпииков и провокаторов стоял Версальский мирный договор, в связи с предстоявшим подписанием которого разгорались бурные страсти. Большинство народа и почти все военнослужащие воспринимали его как чудовищную несправедливость. Реакционная военщина, в первую очередь несшая вину за развязывание Германией первой мировой войны, стремилась перевалить ответственность за этот договор на республиканское правительство.

Эта тема наилучшим образом годилась для разжигания в казармах у тех, кто годами выносил на себе тяготы и кошмар окопной жизни, чувства ненависти к «дезертирам» и «тыловым крысам», которые будто бы нанесли «удар кинжалом в спину непобежденной армии», а теперь создали новое государство. Расчет был на то, чтобы вновь пробудить восхищение былым «военным величием» Германии, уже совсем поблекшим к концу войны.

Лекции на курсах читали кайзеровские университетские профессора. Они разрисовывали героическими красками германскую историю, превозносили грабительский Брестский договор с Советской Россией, восхваляли колониальную политику, проповедовали милитаристскую «закалку молодежи», а также обличали «преступность» забастовок, «аморальность» бунта и порочность возмущения богоугодным строем.

Опираясь на те понятия и взгляды, которые были внушены им школой и «патриотическим обучением» на фронте, огрубелых солдат рейхсвера и наемников-«фрайкоровцев»* идеологически настраивали на граж-

* Так именовались участники «добровольческих» контрреволюционных формирований (от нем. *das Freikorps*).

данскую войну внутри страны и на якобы предстоящий в недалеком будущем реванш с целью отомстить «заклятому врагу».

Здесь оперировали броскими фразами о тупой массе, не способной на героизм, о «размягчении» народа демократией, о продажности социалистических вождей, об «азиатском призраке большевизма», об измене германству вездесущих евреев, об изначально predetermined триумфе нордической расы господ над окружающим миром. Все это преподносилось на псевдонаучной основе так называемого социал-дарвинизма, фальсифицировавшего учение выдающегося естествоиспытателя Чарльза Дарвина: ведь он, как известно, открыл законы *биологического*, а отнюдь не *общественного* развития.

Гитлер еще в довоенные годы восторгался кайзеровской романтикой и вагнеровским расистским культом германства. Испытывая присущий мелкой буржуазии страх падения в «низшие» общественные слои, он проклинал любые социалистические побуждения, восхищался успехами воинствующе-шовинистского антисемитизма, проповедовавшегося бывшим обер-бургомистром Вены Карлом Люгером, «глотал» пангерманско-антиславянские грошовой брошюры и коллекционировал помойные трактаты одержимого сексуальной патологией антисемита Ланца фон Либенфельза.

Можно с уверенностью считать, что Гитлер мало чем отличался от прочих платных доносчиков и агитаторов. Он научился жонглировать громкими словами и пользоваться всеми приемами дешевой антисоциалистическо-шовинистской пропаганды. При каждом удобном случае он пускал в ход антисемитизм, к которому беспрестанно прибегали и все другие реакционные элементы. Ведь антисемитизм служил в известной степени тем «чудодейственным» аргументом, которым можно было «обосновывать» противоречившие здравому смыслу и логике «теории», а также объяснять поражение Германии в войне. Он предназначался для того, чтобы внушать немцам бредовые взгляды расизма, преподносить, а в случае необходимости и оправдывать насилие над другими народами, их порабощение и истребление как дело высоконравственное и справедливое.

В своей подготовке к разгрому рабочего движения и к свержению Веймарской республики мюнхенский центр рейхсвера, естественно, рассчитывал не только на подчи-

ненные ему войска, но и на широкую сеть всевозможных правэкстремистских групп, ферайнов (объединений) и тому подобных образований, которые создавались в виде военизированных союзов и имели с рейхсвером многообразные взаимосвязи. Поэтому капитан Майр и его сотрудники засылали туда своих осведомителей и агитаторов, круг деятельности которых стал охватывать также полувоенную и гражданско-политическую сферу. Она включала в себя сотни праворадикальных организаций и групп.

Националистические союзы и группы, объединявшиеся понятием «Фёлькиш» *, стали появляться как грибы после дождя уже в начале империалистической эры. Еще большее число их возникло во время и непосредственно после Ноябрьской революции, когда традиционные консервативные партии обанкротились и потеряли свою притягательную силу, а в водоворот политических событий втягивались все новые и новые мелкие буржуа и лишившиеся классовых корней одиночки из всех слоев общества.

Наиболее густо эти реакционные организации проросли в Баварии, где противоречие между обладавшим большими традициями революционным рабочим классом Мюнхена — столицы этой земли — и частично весьма антиавторитарно настроенной интеллигенцией, с одной стороны, и воспитанным в строго католическом духе сельским населением — с другой, проявлялось особенно резко.

Здесь после подавления Баварской советской республики творил свои кровавые оргии антикоммунизм. К тому же здесь имелся сильный сепаратистский компонент контрреволюции. Только в одном Мюнхене вокруг самозванных «фюреров» порой группировалось свыше 50 всевозможных союзов, партий, клубов, организаций «самообороны», ферайнов, орденов, «добровольческих корпусов», псевдосоветов и обществ, украшавших себя такими пышными названиями, как «Железный кулак», «Старый германский флаг», «Кольцо Зигфрида», «Германо-Фёлькишский союз обороны и наступления» и т. п.

Некоторые из них (например, вернувшаяся из Прибалтики после боев на стороне контрреволюции бригада Эрхарда) уже тогда начертали на своих знаменах свасти-

* Völkisch (от нем. das Volk — народ) — народный, народнический в ультранационалистическом и крайне шовинистическом смысле слова; излюбленный термин нацистской идеологии и пропаганды, отразившийся также в названии центрального органа фашистской партии «Фёлькишер беобахтер» («Народнический наблюдатель»).

ку. Все они участвовали в белом терроре, расправлялись с прогрессивными политическими деятелями и идеями, прибегая и к клевете, наперебой предлагали свою собственную стратегию уничтожения марксизма и всякие паннации самого извращенного характера. Все они грызлись между собой, то сливались во всевозможные объединения, то опять раскалывались, исчезали и появлялись вновь.

Среди праворадикальных организаций и группок с их пестрыми вывесками имелись и такие, которые наряду с националистической «фёлькишской», т. е. шовинистической, или христианской фразеологией прибегали и к псевдосоциалистической демагогии.

Так, австрийский антисемит Георг фон Шёнерер еще до первой мировой войны создал в Северочешско-Моравском промышленном районе партию, оперировавшую понятием «народный социализм» в духе ультранационалистических идей. С мая 1918 г. она стала именовать себя «Национал-социалистской рабочей партией».

Когда шовинистический угар 1914 года на второй или третий год мировой войны улетучился, уступив место всеобщему отрезвлению, так называемые свободные комитеты за германский рабочий мир в Бремене, Рурской области и других местах провозгласили социал-империалистскую программу. Она требовала жестокой империалистической внешней политики как условия обеспечения социального благосостояния трудящихся внутри самой Германии.

При помощи таких столь рьяно использовавшихся позднее нацистами лозунгов, как «народ без пространства» и «жизненное пространство на Востоке», эта программа призывала к захвату колоний, к аннексиям и диктаторской политике в области внешней торговли, утверждая, что улучшение условий жизни немецких рабочих может быть достигнуто только за счет других народов.

По инициативе некоего Альфреда Бруннера, инженера по профессии, после войны дюссельдорфский «Рабочий комитет» был преобразован в «Германо-социалистскую партию» на «очищенной от евреев и капитала почве». Примерно в то же время патологический антисемит (впоследствии один из главных военных преступников) Юлиус Штрейхер основал аналогичную организацию в Нюрнберге.

Во время Ноябрьской революции объявился и первый «теоретик» националистического псевдосоциализма. То был Эдуард Штадтлер — офицер, которого обуревала

мечта использовать в интересах контрреволюции неисчерпаемые потенции рабочего класса. Опиравшийся при разработке своей концепции на христианско-социальных и других подобных предшественников, Штадтлер создал в 1918 г. ультравоинствующую «Антибольшевистскую лигу», которой предназначалось служить объединением всей контрреволюции и проводить на практике реакционную политику. Пытаясь заменить «христианским социализмом», как он выражался, «социализм классовой борьбы», он пропагандировал «народное сообщество» с целью «тесного и функционального сотрудничества между рабочими и предпринимателями». Себя он именовал политиком, пролагающим путь к военной диктатуре, которая должна опираться на массу, подогреваемую псевдосоциалистическими националистскими идеями. Далеко не случайно людьми, пригодными для осуществления этой диктатуры, он считал как крупного промышленного магната Стайнесса, так и правого социал-демократа Носке. Штадтлер призывал использовать «социалистическую идею», а также все то, что в прошлом обеспечивало величие Германии, подчеркивая, что «многое из этого уходит своими корнями в старую консервативную Пруссию»³.

Несмотря на некоторые опасения насчет распространения «социалистических» по внешней форме лозунгов, элита германского финансового капитала в разгар январских боев 1919 г. против революционного пролетариата встала на точку зрения Штадтлера. К этой элите принадлежали, в частности, владельцы концернов Гуго Стайнесс, Карл Фридрих фон Сименс и Эрнст фон Борзиг, магнат металлургии Альберт Фёглер, Феликс Дойч из электрокомпании «Альгеймайне электрицитетсгезельшафт» (АЭГ), Пауль Манквевитц из «Дойче банк», Артур Заломонзон из «Дисконтогезельшафт». Примечательно, что имена всех этих монополистов (за исключением умерших или же отвергнутых нацистами как «неарийцы») мы встретим в дальнейшем среди тех, кто покровительствовал гитлеровскому фашизму и финансировал его. Заслушав в избранном кругу реферат Штадтлера о «большевизме как мировой опасности», вышеназванные лица 10 января 1919 г. основали антибольшевистский фонд, составивший 500 млн. марок — сумму весьма внушительную, даже если принять во внимание, что марка к тому времени в результате инфляции потеряла половину своей стоимости.

Однако политическая карьера Штадтлера закончилась прежде, чем по-настоящему началась. И дело здесь было не в его собственном ничтожестве, а в объективно изменившейся ситуации. Январские бои 1919 г. и последующие вооруженные выступления рабочего класса в этот революционный период потерпели поражение отнюдь не в результате появления нового националистическо-псевдосоциалистического движения, как утверждают антикоммунистические апостолы монополистического капитала, а в результате действий сил, издавна известных этому капиталу, — офицерского корпуса и формирований ландскнехтов, вместе с которыми делали одно общее дело правые социал-демократические лидеры.

В этих условиях основатели антибольшевистского фонда решили, что они слишком переоценили потенции рабочего класса и тем самым необходимость псевдосоциалистической активизации и совершили ошибку, предоставив средства Штадтлеру. Вероятно, они все-таки не пожалели бы денег, если бы смогли предвидеть, что всего через год промышленный пролетариат, единым фронтом выступивший против милитаристского путча Каппа, покажет себя силой, способной творить историю. Но к 1920 г. Штадтлер уже был вытеснен из первого руководящего гарнитура контрреволюции. Из пригодности его взглядов для воротил концернов и банков теперь извлекли выгоду другие националистско-псевдосоциалистические пропагандисты, а среди них — и появившийся на политической арене Гитлер.

О Штадтлере мы упомянули лишь потому, что в его лице мы в сущности имеем дело с первым немецким фашистом. Основание для такой характеристики дает не только его концепция слияния социальной демагогии с национальной для мобилизации трудящихся масс на осуществление контрреволюционных целей. Зачатки этой концепции имелись и до Штадтлера. Однако явно фашистским был практический вывод: при помощи «кнута и пряника» привлечь рабочих к созданию такой организации, которая состояла бы и из террористических, и из ориентированных на массовую демагогию формирований.

Один из биографов Стиннеса замечает по этому поводу: «Особым признаком организации Штадтлера была смесь широкой политической работы с целенаправленными акциями военного (т. е. террористического. — В. Р.) характера во внутривнутриполитической борьбе. «Антибольшевистская

лига» служила фирмой, которая оказывала услуги (монополистическому капиталу.— В. Р.), принимая на себя в это столь опасное для промышленности время отражение атак слева»⁴.

Столь примечательная для буржуазного историка характеристика фашизма как политической фирмы, имеющей целью оказание услуг крупной буржуазии, принципиально приемлема и для фашизма нештаттлеровского вида, т. е. и для тесно связанного с ним родственными узами, однако вышедшего на арену несколько позже гитлеровского фашизма.

Перечисленные выше «рабочие комитеты» и партии, действовавшие в духе так называемого немецкого социализма, были вызваны к жизни орудовавшим предпочтительно из-за кулис «Пангерманским союзом» или же крайне реакционной «Немецкой отечественной партией». Эта партия, во главе которой стояли будущий руководитель направленного против Веймарской республики путча Капп, рурский промышленник Эмиль Кирдорф и юнкер барон Конрад фон Вангенхайм (все они — пангерманские функционеры), сама являлась инструментом «Пангерманского союза». Он был создан на рубеже перехода к империализму и являлся элитной организацией самых безрассудных кругов господствующего класса, открыто стремившихся к уничтожению всех революционных и демократических сил, а также к захватнической войне против других народов.

«Пангерманцы» считали, что они выработали безошибочную (поскольку она являлась безудержной) стратегию и тактику агрессии внутри страны и за ее пределами и благодаря тому владеют безотказными идеологическими и политическими рецептами. Проводя свой ультрареакционный курс, «пангерманцы» не останавливались даже перед критикой кайзера и его правительства за якобы чрезмерную «щепетильность» в борьбе против революционного движения. Так, председатель «Пангерманского союза» Генрих Класс в своей изданной в 1912 г. под псевдонимом книге «Если бы кайзером был я» требовал возвращения к бисмарковскому исключительному закону против социалистов, выдворения из Германии всех социал-демократических депутатов, публицистов и функционеров, полного лишения евреев всех прав, возобновления воинственного «дранг нах Остен», а также внушал монарху мысль стать диктатором и больше не считаться с конституцией⁵.

Когда же в решающие общественные и политические события оказались вовлеченными широчайшие народные массы, когда военная машина превратилась в многомиллионную армию, а милитаризация жизни охватила даже далекие от войны области, когда все без исключения классы и слои населения включились в борьбу вокруг войны и политического облика послевоенной Германии и все эти процессы, а также победа социалистической революции в России все яснее показывали, какой вес будет иметь рабочий класс в будущих схватках, перед руководящими органами «пангерманцев» все чаще стал возникать вопрос: не пришло ли время, как они выражались, начать борьбу «за душу немецкого рабочего»?

Эти намерения были не раз выражены без обиняков; так, в 1920 г. Класс заявил, что «будущее германской промышленности целиком зависит от правильных взаимоотношений между рабочим и предпринимателем»⁶. Подобным же образом высказался в том же году, а затем в 1924-м повторил это на процессе по делу Гитлера генерал Людендорф: «Я и мои друзья по «Оберланду», а также из числа национал-социалистов всегда верили в то, что мы можем прийти к свободе только путем оздоровления германского рабочего класса»⁷.

Поскольку значительная — и притом самая активная — часть немецкого рабочего класса была привержена социалистическим идеям, лидеры «пангерманцев», чтобы приобрести влияние на рабочих, стали не только размышлять, как бы с большей для себя пользой фальсифицировать эти идеи и узурпировать их в интересах реакции, но и на практике пытаться поставить на ноги организации так называемого немецкого социализма.

В Мюнхене примкнувший к «пангерманцам» тайный «Германский орден» (его местный филиал — «Общество Туле» возглавлял авантюрист фон Зеботтендорф, выдававший себя за прибалтийского барона) в 1918 г. основал «Немецкий рабочий ферайн» во главе с Карлом Харрером и «Немецкую социалистическую партию» под руководством Ганса Георга Грассингера. Однако обе эти организации вскоре прекратили свое существование. Это объяснялось не в последнюю очередь тем, что мюнхенские «пангерманцы» в октябре того же года решили пойти на любовную сделку со «Свободным рабочим комитетом», возникшим семью месяцами ранее. Его основателем был

превратившийся в мелкого буржуа рабочий-инструментальщик Антон Дрекслер.

После заключения Германией перемирия с Антантой в ноябре 1918 г. Харрер и руководящий функционер «Пангерманского союза» Пауль Тафель, являвшийся членом дирекции машиностроительного концерна «Машиненверке Аугсбург — Нюрнберг» (МАН) и членом правления Баварского союза промышленников, побудили Дрекслера номинально превратить свой комитет в партию. Так в январе 1919 г. возникла «Немецкая рабочая партия» (ДАП *), вошедшая позже в историю как «Национал-социалистская немецкая рабочая партия» (НСДАП **) — партия гитлеровского фашизма.

Подобно другим так называемым немецко-социалистским партиям, дрекслеровская ДАП, в которой состояли преимущественно более обеспеченные коллеги ее основателя, служившие в государственных железнодорожных мастерских, влачила жалкое существование. Главной причиной было то, что абсолютное большинство рабочего класса не поддавалось на удочку примитивного «немецкого социализма». Хотя основная масса интересовавшихся политикой организованных рабочих находилась под влиянием реформизма и в большинстве своем имела о подлинном социализме представление весьма смутное, она все же обладала достаточно ярко выраженным классовым сознанием, чтобы разглядеть его грубую националистическую фальсификацию.

К тому же псевдосоциалистические организации, как правило, поощрялись их закулисными менеджерами с изрядной опаской и не очень умно. Это объяснялось прежде всего тем, что «пангерманские» фабриканты, крупные помещики, военщина и чиновники высокого ранга плохо представляли себе склад характера и общеобразовательный уровень политически активных рабочих. Кроме того, они постоянно боялись, как бы внесение в сознание рабочего класса даже заведомо искаженных социалистических идей не привело в конечном счете к совершенно нежелательным результатам — не повысило бы его готовность к восприятию революционных положений.

На такие опасения следует особо указать потому, что они, как известно, имелись и у всех последующих похро-

* Аббревиатура от нем. Deutsche Arbeiterpartei (DAP).

** Аббревиатура от нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP).

вителей так называемого национал-социализма вплоть до 1933—1934 гг. и сыграли немалую роль в истории германского фашизма. Вместе с тем следует иметь в виду, что опасениям этим отнюдь не придавалось решающего значения, ибо не только любая разновидность псевдосоциалистической массовой демагогии, но и любая попытка активизации трудящихся с реакционными целями таила в себе в условиях обострения классовой борьбы неизбежный риск. Для того чтобы мобилизовать эксплуатируемых на действия, направленные против их же собственных интересов, реакционерам волей-неволей приходилось идти на резкую критику некоторых элементов и явлений того эксплуататорского строя, который они в действительности защищали и укрепляли, а также предпринимать хотя бы показательные наскоки на него.

Эта ведшаяся для обмана масс игра в мнимую революционность могла выйти из-под контроля и впрямь толкнуть их на сторону революционных сил. Признание на словах справедливости даже минимальных социальных требований трудящихся могло при определенных обстоятельствах обострить понимание ими существа социальных проблем и дать им осознать, что только подлинно социалистическое рабочее движение действительно защищает их интересы.

Призывая к свержению республики, реакция тем самым невольно ослабляла доверие к государственной власти вообще, ставила под вопрос самое существование буржуазного государства как такового, служителями которого стали теперь и многие кайзеровские чиновники и офицеры, нередко вдохновлявшие праворадикальных демагогов. Антикапиталистически подаваемый антисемитизм в сочетании с демагогическим обличением банковских плутократов, акционерных компаний и спекулянтов вопреки воле реакционеров мог усилить ненависть и к вполне «арийским» капиталистам, т. е. обратить народный гнев против закулисных вдохновителей самих этих демагогов.

«Пангерманские» подстрекатели и милитаристские путчисты-заговорщики ясно сознавали возможное угрожающее системе побочное воздействие развернутой ими травли Веймарской республики, евреев и плутократии. Они постоянно старались заполучить информацию о том, какой резонанс вызывает праворадикальная агитация. Капитан Майр требовал от своих людей внедряться и

в реакционные организации, чтобы наблюдать за настроениями в них.

Тақ один из осведомителей капитана Майра, по фамилии Гитлер, по прямому указанию своего начальника, а быть может, как гласит другая версия, и по собственному почину 12 сентября 1919 г. очутился на очередном собрании членов ДАП в мюнхенской пивной «Штернэккеброй».

В тот вечер здесь выступал недавно обанкротившийся мелкий фабрикант Готфрид Федер — в нем Гитлер сразу же признал «доцента» со своих курсов. Оратор говорил о необходимости «рвать цепи процентной кабалы». Преподнесенная под этим лозунгом «теория» насчет «созидающего» и «загрбеающего прибыли» капитала хотя и могла произвести впечатление на невежественных представителей средних слоев (которые, возможно, на себе испытали бремя долговых процентов и закладных), но даже с точки зрения любой мало-мальски серьезной буржуазной политэкономии представляла собой редкостную чушь. Недаром ставший впоследствии самым рьяным официальным поборником этой «теории» имперский руководитель пропаганды Йозеф Геббельс отзывался о ней и о требовании «рвать цепи процентной кабалы» с циничным презрением. «Что значит: рвать? — высказался он однажды с глазу на глаз. — У того, кто вынужден читать сей федеровский бред, это вызывает именно рвоту»⁸.

На Гитлера, которому не хватало элементарных социально-экономических знаний, гротескная нелепость «откровений» Федера (ставшего впоследствии официальным теоретиком НСДАП в области экономики) произвела, как он поведал в «Майн кампф», сильное впечатление. Чутьем демагога он уловил их пропагандистскую применимость. Хотя реферат Федера не дал ему повода для полемики, Гитлеру надо было обязательно выступить: за это ему и платили деньги. К тому же, подвизаясь в последние месяцы в казармах, он уверовал в свой ораторский дар и просто-таки жаждал всеобщего внимания и аплодисментов. К счастью для Гитлера, выступивший в прениях профессор Бауман обронил несколько слов, которые можно было истолковать как дань баварскому сепаратизму, за что будущий нацистский главарь тут же и уцепился. В длившейся четверть часа громоподобной речи он атаковал баварский сепаратизм, упрекнул немцев в недостатке чувства взаимной общности, а затем перешел к высоко-

парным разглагольствованиям о необходимости создания «великой Германии».

Через несколько дней пятеро членов руководящего комитета ДАП во главе с Дрекслером прислали Гитлеру, к его собственному удивлению, открытку с уведомлением, что он принят в их партию. Как и положено платному осведомителю, он запросил разрешения у своего начальника. «Прошу господина капитана, — писал Гитлер Майру 3 октября 1919 г., — разрешить мне вступить в этот ферайн или партию»⁹. Он явно надеялся отличиться этим среди своих коллег-шпиков и постарался убедить Майра в полезности дрекслеровской организации.

Майр приказал Гитлеру стать членом ДАП, а затем добиться кооптации в ее руководящий комитет. Одновременно Майр направил в эту партию и другого однокашника Гитлера по рейхсверовским курсам — Германа Эссера, считавшегося ловким журналистом, а также еще несколько военнослужащих рейхсвера. Среди них был и бывший фельдфебель той части, в которой некогда служил Гитлер, — Макс Аманин, ставший впоследствии управляющим делами НСДАП. Получив задание «взять на буксир» пока еще весьма жалкую партию, пришельцы образовали в ней наиболее активную фракцию «солдат-фронтовиков».

Так Гитлера в качестве заурядного шпика военной инстанции, действовавшей на баварском земельном уровне, «подкинули» той самой партии, которой позже было суждено оказаться неразрывно связанной с его именем. Рьяно выполнявший свои служебные обязанности и обладавший непомерным честолюбием, Гитлер сразу продвинулся в руководящий комитет ДАП и возглавил в нем отдел вербовки новых членов. На поприще деятельности в ДАП он вполне угодил своим начальникам, добившись того, чего так давно жаждал для себя лично, — ораторской славы хотя бы в этом пока еще узком кругу.

Идеи, с которыми выступал здесь Гитлер, родились вовсе не в его голове. Они были вложены ему (как и другим «фронтовикам» в ДАП) рейхсверовским начальством в связи с планами государственного переворота, который готовился Каппом и вступившей с ним в заговор военной. В сентябре 1919 г. эти планы уже приняли свою окончательную форму. Они исходили из того, что ожидаемую с опасением «вторую волну» революции следует упредить вооруженным разгромом рабочего движения и восстановлением монархии. Заговорщики спешили:

главное их орудие — армия подлежала в ближайшие месяцы сокращению по Версальскому договору до 100 тыс. человек и державы-победительницы на различных конференциях требовали роспуска военизированных гражданских организаций «самообороны» и прочих реакционных вспомогательных формирований.

Кто именно стоял за этими планами путча, видно из следующего факта. Самый деятельный из реакционеров и в то же время самый могущественный рурский промышленник Гуго Стиннес вел активную переписку с Каппом, а директора почти всех крупных банков («Дойче банк», «Дрезднер банк», «Коммерц-унд дисконтбанк», «Берлинер хандельсгезельшафт», «Национальбанк», «Миттельдойче кредитбанк»), как сказано в одном случайно уцелевшем документе, «относились к этому предприятию (т. е. готовившемуся путчу. — В. Р.) весьма благосклонно»¹⁰.

При обсуждении своих планов и программ эти закулисные вдохновители государственного переворота, а также сами путчисты задавались, в частности, вопросом: как ввести в действие «все решительные силы порядка» (иначе говоря, всех сторонников контрреволюции), чтобы помочь «диктатуре, которая должна быть чисто буржуазной» заполучить «доверие народа»? Придя к выводу, что существующие правые партии не способны обеспечить будущему диктаторскому режиму массовую политическую базу, а потому с ними не стоит и связываться, они сочли необходимым помочь приобрести большее влияние на массы тем контрреволюционным организациям, которые еще не дискредитировали себя и действовали «современными» средствами¹¹.

К таким новоявленным организациям принадлежала ДАП, усиленная теперь «солдатами-фронтовиками». В соответствии с этой концепцией капитан Майр (тоже переписывавшийся с Каппом и несомненно посвященный в его планы) приказал своим людям в дрекслеровской партии перейти в пропагандистское наступление.

Проведя зимой 1919/20 г. ряд открытых собраний, ДАП решила устроить 24 февраля 1920 г. — всего за 18 дней до начала путча! — большой митинг с целью обнародовать свою программу, незадолго до того подготовленную Дрекслером, Федером и «солдатами-фронтовиками». Не надеясь собственными силами заполнить зал, вмещавший более тысячи человек, главари ДАП пригласили в качестве

«приманки» одного известного в Мюнхене антисемита, которому поручили сделать доклад о так называемом еврейском вопросе.

После его выступления Гитлер, старавшийся привлечь к себе всеобщее внимание как провозвестник «национальной идеи», зачитал новую программу партии. Этот документ, известный под названием «25 пунктов», представлял собой винегрет из националистических лозунгов и антикапиталистических обещаний. Первые три пункта были направлены против Версальского договора и провозглашали выдвигавшийся шовинистическо-реваншистскими силами лозунг создания «великой Германии» и германской колониальной империи. В пунктах 4—8-м, в полном созвучии с настроениями участников этого антисемитского собрания, евреям отказывалось в каких-либо гражданских правах. За двумя сформулированными в самых общих словах промежуточными пунктами насчет подлежащих первоочередному обеспечению «интересов всего общества» следовали восемь пунктов с расплывчатыми социальными требованиями, рассчитанными в первую очередь на постоянных посетителей националистических собраний из средних слоев. Здесь снова шла речь об «уничтожении процентного рабства», о немедленной конфискации крупных универсальных магазинов и предоставлении их в дешевую аренду лицам, занимающимся мелким промыслом, о «беспощадной борьбе» с ростовщиками и спекулянтами и т. п. Некоторые требования (например, о национализации трестов или «об участии в прибылях крупных предприятий») были демагогически нацелены на привлечение промышленных рабочих. В остальных пунктах ДАП, через десять дней переименовавшая себя в «национал-социалистскую немецкую рабочую партию» (НСДАП), требовала народного образования, ориентированного на «мышление в государственном духе», введения всеобщей воинской повинности, ликвидации буржуазной свободы печати, организации сословных и профессиональных палат и, наконец, «создания в рейхе сильной государственной власти»¹².

За закрытыми дверями «фюреры» НСДАП (о единичном «фюрере» еще долго не было и речи!) объясняли своим покровителям, что их антикапиталистические требования не более чем обычная приманка крысоловов. Так, всего через несколько месяцев после провозглашения «25 пунктов» Гитлер заверял председателя «Пангерман-

ского союза» Класса, что руководство НСДАП придало своей программе социальную драпировку лишь для того, чтобы приобрести необходимое влияние на массы, и готово «после достигнутого успеха поступиться ею»¹³.

Хотя нацистский главарь и подчеркивал позже, что не намерен ни при каких обстоятельствах изменять провозглашенную программу, и «25 пунктов» уже через год (а еще раз в 1926 г.) были объявлены непреложным законом для НСДАП, он и Федер во второй половине 20-х годов фактически отказались от тех положений, которые были не по вкусу магнатам финансового капитала. Так, Федер «уточнил» пункт 12-й в том смысле, что под «загрещающим прибыли» следует понимать исключительно еврейский банковский капитал; немецкие же финансовые институты были отнесены к капиталу «созидающему». А Гитлер письменно заявил в 1928 г. насчет пункта 1-го, что «НСДАП стоит на почве частной собственности».

Попытка реакционного государственного переворота, предпринятая в Берлине 13 марта 1920 г. Каппом и генералом Лютвицем, была сорвана всеобщей забастовкой и вооруженными выступлениями рабочего класса, поначалу действовавшего в единстве. 12 миллионов бастующих — больше чем когда-либо в Германии — и свыше 100 тысяч вооруженных рабочих ряда промышленных районов в считанные дни поставили на колени самозванного рейхсканцлера Каппа и его приспешников. Однако, поскольку правые лидеры Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и профсоюзов помешали осуществить требование трудящихся о создании революционно-демократического строя (исключающего в будущем подобные выступления реакции), а также раскололи фронт бастующих, добиться полного успеха не удалось. После бегства потерпевших поражение Каппа и Лютвица все осталось по-прежнему.

Что означало на практике такое непоследовательное «спасение» республики от покушений реакции, стало отчетливо видно в Баварии, где боевая сила революционного рабочего класса после кровопролития, устроенного ему контрреволюцией при подавлении Баварской советской республики, была сильно подорвана. Militarистские заговорщики одержали здесь верх тихой сапой. Они создали во главе с известным покровителем праворадикальных военизированных формирований Густавом Риттером фон Каром такое земельное правительство, которое, внешне

соблюдая «правила игры в демократию», сумело приспособиться к политическому климату Веймарской республики.

Под эгидой этого правительства (наверняка самого реакционного после Ноябрьской революции) контрреволюционные силы, включая и все еще не игравшую никакой значительной роли НСДАП, получили возможность развиваться беспрепятственно и еще настойчивее выдвигать свои притязания на то, чтобы отсюда, из этой «ячейки порядка», как они называли Баварию, положить начало «обновлению» Германии в реакционном духе.

Пользуясь этим, сформировавшаяся в НСДАП фракция «солдат-фронтовиков» стала принимать активные меры с целью расширить влияние на массы, что полностью отвечало и амбициям новых членов, которых поддерживал Федер. «Новички» все сильнее захватывали в свои руки руководство НСДАП. До января 1921 г. в небольших пивных и огромных пивных залах мюнхенских пивоварен было проведено 46 и в окрестных городах еще 32 собрания НСДАП, на большинстве которых выступал и Гитлер, заделавшийся руководителем всей нацистской пропаганды. Дабы не дискредитировать НСДАП в глазах ее приверженцев как прямую агентуру военщины, ему пришлось 31 марта 1920 г. уволиться из рейхсвера. Теперь он стал профессиональным контрреволюционером. Направив все свои тщеславные помыслы на завоевание себе прочного положения в реакционной фаланге, он в еще большей степени, чем остальные «солдаты-фронтовики», стремился к усилению политической активности НСДАП в массах.

Закулисные инспираторы Гитлера были им вполне довольны. До нас дошло написанное в июле 1920 г. письмо также покинувшего рейхсвер капитана Майра бежавшему в Швецию Каппу, в котором он рассматривал предпосылки повторения неудавшейся «акции» (т. е. путча). «Национальная рабочая партия, — говорится там о НСДАП, — должна дать базу для сильного ударного отряда, на создание которого мы надеемся. Программа ее, конечно, еще несколько беспомощна и, возможно, имеет пробелы; мы ее дополним. Верно только одно: под это знамя мы уже смогли привлечь довольно много приверженцев. С июля прошлого года я стараюсь... усилить это движение... Я мобилизовал на это дело весьма умелых молодых людей». Далее Майр сообщал, «что некий господин Гитлер... стал его движущей силой»¹⁴.

Чтобы завербовать в НСДАП и те круги населения, которые избегали посещать ее бурные, часто переходившие в побоища собрания, Майр считал необходимым для нее обзавестись собственным печатным органом. Поэтому цитированное выше письмо заканчивалось просьбой дать через «Пангерманский союз» 45 тыс. марок на приобретение газеты «Фёлькишер беобахтер», выходявшей прежде под названием «Мюнхнер беобахтер».

Однако получить эту сумму у своих закулисных покровителей Каппу на первых порах не удалось: либо неудачливый и пребывавший вдали от событий путчист потерял прежнее влияние, либо тому помешали интриги соперничавших между собой «пангерманцев». Ведь большинство акций этой газетенки принадлежало любовнице главара «Общества Туле» Зеботтендорфа, и вполне вероятно, что Капп и его ближайшие доверенные желали финансового и политического банкротства этого прожженного авантюриста.

Так или иначе Дрекслеру и Гитлеру через несколько недель пришлось искать другие источники денег для покупки газеты. Тут им подвернулся один «пангерманский» журналист сомнительного толка, автор и издатель антисемитского еженедельника «Ауф гут дойч» («На добром немецком языке») некий Дитрих Эккарт, тоже член «Общества Туле» и приятель Зеботтендорфа, поддерживавший самые разнообразные связи как с баварским командованием рейхсвера, так и с мюнхенским «избранным обществом» и с подонками баварской столицы.

Взявшийся за эту сделку не в последнюю очередь потому, что сам хотел стать главным редактором «Фёлькишер беобахтер» (что и произошло), Эккарт тогда еще смотрел на Гитлера сверху вниз, поскольку тот пресмыкался и раболепствовал перед всеми мало-мальски стоящими выше. Например, во время беседы с генералом Людендорфом в Берлине в дни капповского путча еще, по словам Эккарта, «совершенно никому не известный» Гитлер не смог выдать из себя ничего, кроме «Яволь *, ваше высокопревосходительство!» и «Как прикажете, ваше высокопревосходительство!», да при этом каждый раз вскакивал со стула.

По ходатайству Эккарта незадолго до того произведенный в генералы Эпп (он был назначен командиром со-

* Так точно (нем.).

зданной вместо 4-й группы рейхсвера 7-й пехотной дивизии) в декабре 1920 г. выделил 60 тыс. марок на покупку «Фёлькишер беобахтер». Другие средства (по различным данным, от 26 до 56 тыс. марок) предоставили мюнхенские промышленники из окружения «пангерманского» издателя Юлиуса Лемана. Остальную сумму — 120 тыс. марок или больше — Эккарт получил под залог своего дома и имущества. Для погашения этого долга при содействии различных промышленников принимал меры (правда, с ограниченным успехом) Класс, встретившийся с Гитлером во время переговоров о газете в Берлине.

Господа, к которым он обращался, дали понять «пангерманскому» лидеру, что «движение, концентрирующееся вокруг Дрекслера и Гитлера», ограничивается мелкобуржуазными группами, «сбивает их с толку» и заражает «социалистическим образом мыслей», но при этом не выполняет своей истинной задачи, поскольку «получить сколько-нибудь значительное пополнение из рядов рабочего класса не удастся»¹⁵. Однако Класс все же своих усилий не прекратил, настойчиво внушая кредиторам, что превращение еженедельника «Фёлькишер беобахтер» в ежедневную газету продвинет вперед согласованное с Дрекслером и Гитлером распространение деятельности НСДАП на Северную Германию («особенно на Берлин и Гамбург»)¹⁶.

Приобретение «Фёлькишер беобахтер», на облик которой мелкобуржуазные рабочие типа основателя партии Дрекслера в силу хотя бы незнания ими газетного дела влияния оказывать не могли, еще более усилило в НСДАП позиции авантюристов, студентов и полуинтеллигентов, примкнувших к фракции «фронтовых солдат». Стремясь к расширению сферы деятельности нацистской партии, они добивались полного отстранения старых членов или даже замены слишком вялого, по их мнению, руководящего комитета, к утверждению в НСДАП жесткого руководства, которое должно мыслить и действовать по-военному. Выступая против предпринимавшихся группой Дрекслера попыток объединить НСДАП с другими партиями так называемого немецкого социализма, эти активные нацисты преследовали как свои личные, так и политические цели.

В общем и целом у членов прежней ДАП никаких шансов одержать верх над стремящимися выдвинуться нацистскими активистами не было. Дрекслер и его коллеги

(в большинстве своем проводившие каждый день по восемь, а то и более часов в конторе, за прилавком или у станка) не получали никакой материальной поддержки от рейхсвера. Они не соприкасались с теми кругами, которые постоянно делали газете «Фёлькишер беобахтер» финансовые инъекции, и почти не имели возможности устанавливать дополнительные контакты с влиятельными лицами или же находить новые денежные источники. Зато протежируемые Майром и Эккартом «фронтовые солдаты» умели приобретать для НСДАП все больше и больше покровителей и благожелателей.

Во время своей поездки в Берлин в марте 1920 г. Эккарт и Гитлер установили контакты с различными ведущими политиками правого толка. Хотя некоторые из этих связей со временем и ослабли, тем важнее оказались сохранившиеся. Так, большое значение возымело то, что оба визитера, как уже упоминалось, встретились с идолом германской реакции генералом Людендорфом. Не только потому, что после образования правительства Кара он переселился в ставшую оплотом антиреспубликанизма Баварию и, начав действовать в мюнхенских праворадикальных кругах, считал нацистов своими старыми знакомыми. Прежде всего потому, что Людендорф стал передавать им деньги, которые предоставляли ему отдельные реакционеры и союзы на поощрение «национального дела» и которыми он мог распоряжаться по собственному усмотрению.

В июле 1920 г. Гитлер снова появился в Берлине. В салоне доверенной Эккарта — супруги владельца фабрики роялей Хелене Бехштайн его познакомили с еще несколькими правыми политиками: бывшим офицером кайзеровского военно-морского флота, воинствующим монархистом, публицистом графом Эрнстом цу Ревентловом; командиром «фрайкоровских» отрядов Вальтером Стеннесом; генералом в отставке Йорком фон Вартенбергом; адмиралом из «Национального союза германских офицеров» и инженером концерна «Сименс унд Гальске» Эмилем Ганссером.

По меньшей мере от двух последних Гитлер получил денежную субсидию — для своей ли партии или для себя лично, узнать уже не удастся никогда. Но второе более вероятно, поскольку нацистский вербовщик уже вскоре (в то время как председатель партии Дрекслер зарабатывал всего 35 марок в неделю, а автомобиль еще был редким

предметом роскоши) приобрел приличную подержанную машину и завел собственного шофера.

Успешными были и действия «фронтовых» сил нацистской партии по укреплению своих связей с наиболее экстремистски настроенными антикоммунистами мюнхенского общества — с одержимыми патологической ненавистью к большевизму белогвардейцами, бежавшими из Советской России, и с немецкими эмигрантами из Прибалтики. Многие из последних, сочетая мистический ризм с деловой предприимчивостью, нашли себе прибежище в «Обществе Туле» и изображали себя апостолами антисоветизма.

Так, например, поступал будущий заместитель главного редактора и ведущий автор «Фелькишер беобахтер» Альфред Розенберг. Некоторые из этих элементов не скупались на жертвования, поскольку, нажив деньги на спекуляциях и мошеннических проектах, они охотно финансировали уже казавшийся им близким «крестовый поход» против Советского государства.

Укреплению позиций в руководстве НСДАП новых ее активистов, группировавшихся вокруг Майра и Эккарта, способствовали также их связи с мюнхенскими властями. Однако здесь проявлялась та двойственность, которая была типична для всего пути фашистской партии до 1933 г. С одной стороны, нацисты выдавали себя за «антибуржуазных» и «революционных», с другой же — искали благорасположения и поддержки со стороны буржуазных институтов и государственных органов.

Это мнимое противоречие лишь частично объясняется стремлением фашистов обеспечить как можно более благоприятные возможности для своей деятельности. В нем в первую очередь отражалось двойственное отношение нацистов к существующему государству, в свою очередь порождавшееся двойственным политическим обликом самой Веймарской республики. Ведь, несмотря на весь свой демократический антураж и парламентарный фасад (т. е. те ее стороны, которые проклинались и атаковались правыми экстремистами), эта республика в своей как внутренней, так и внешней политике была насквозь империалистическим государством, т. е. орудием осуществления общих интересов традиционных господствующих элит, орудием угнетения трудящихся.

А отсюда вытекало, что, когда эта буржуазная республика более или менее выполняла свою угнетательскую

функцию, невзирая на некоторые парламентские ограничения, когда она осуществляла на практике антикоммунизм, преследовала демократические устремления и назначала в качестве своих исполнителей власти таких политиков и чиновников, которые считали демократическую драпировку вредной и стремились отбросить ее, фашисты по большей части — пусть и молчаливо — ее признавали.

Это наиболее отчетливо выразилось в том, что руководство НСДАП старалось установить контакт и сотрудничество с теми государственными институтами и органами, а также представителями властей, которые (действуя внутри государственного аппарата) вели дело к уничтожению всех буржуазно-демократических завоеваний. В этом смысле особенно показательное отношение фашистов к рейхсверу.

К числу наиболее враждебных республике ее вынужденных слуг принадлежали баварский министр-президент (премьер-министр. — *Перев.*) Кар и многие высшие административные чиновники этой земли, например мюнхенский полицей-президент Эрнст Пёнер, который даже вступил в НСДАП. И вполне естественно, что различные функционеры нацистской партии, среди них и Гитлер, уже вскоре после смены правительства в Баварии объявились у Кара, чтобы успокоить его насчет «опасности» своей псевдосоциалистической демагогии и таким образом положить начало координации контрреволюционной деятельности как в баварских государственных канцеляриях, так и на улице.

Об этих связях говорится в письме, которое уже тогда небезызвестный в министерских кругах член «Общества Туле», будущий секретарь «фюрера» Рудольф Гесс в мае 1921 г. направил Кару в связи с подготовкой его второй беседы с Гитлером. Из письма ясно видно, какими аргументами нацисты стремились зарекомендовать себя в глазах обладавшего властью представителя правящего класса (а впоследствии и одного из руководителей этого класса).

Прежде всего они заявляли, что без социальной и псевдосоциалистической демагогии привлечь рабочих на сторону контрреволюционного движения невозможно. Вот вторых, эта демагогия, если пользоваться ею ловко, не столь уж опасна, как кажется на первый взгляд. «Главное, — писал Гесс, — Гитлер убежден в том, что новый подъем осуществится лишь в том случае, если удастся

вернуть к национальному делу крупную массу, особенно рабочих», а это можно сделать, только действуя совместно с национал-социализмом. Далее Гесс намекал, что гарантией надежности нацистов является поддержка НСДАП рейхсвером, а также расхваливал успехи нацистской массовой пропаганды. Письмо заканчивалось многозначительным заверением: «Ваше превосходительство может безусловно доверять Гитлеру. К тому же Гитлер умеет держать язык за зубами, в чем я сам убедился»¹⁷.

Укрепление этих многообразных, хотя порой еще и нестабильных связей усилило решимость «фронтовых солдат» окончательно забрать руководство НСДАП в свои руки путем внутривнутрипартийного переворота. Ситуация казалась благоприятной, поскольку в результате всеобщей забастовки рабочих Мюнхена 10—12 июня 1921 г. в ответ на убийство председателя фракции Независимой социал-демократической партии (НСДПГ) в баварском ландтаге Карла Гарайза в городе возникла своего рода атмосфера гражданской войны. К тому же две недели спустя под давлением держав-победительниц, осуществленным через имперскую власть, баварское правительство оказалось вынужденным распустить выросшую из так называемых отрядов «гражданской самообороны» (давно запрещенных во всей остальной Германии) военизированную организацию Эшериха («Оргэш»).

Поэтому высшие рейхсверовские чины в Мюнхене стремились хоть частично включить реакционные силы в другую надежную правую организацию, каковой и являлась НСДАП. К тому же некоторые социальные демагоги из НСДАП, по мнению ее «пангерманских» покровителей, заходили со своими псевдоантикапиталистическими лозунгами слишком далеко¹⁸.

Внутрипартийный путч был разыгран в июле 1921 г. Прелюдией к нему послужил провокационный выход Гитлера из партии. Это дало повод «фронтовым солдатам» оказать давление на Дрекслера и его группу своими требованиями возратить якобы незаменимого оратора. Поднялась почти невообразимая волна взаимных обвинений и нападок, даже сенсационно поданных «разоблачений» «фронтовиками» старой партийной верхушки.

Интриги, в которые включилась и пёнеровская полиция, обнаружили прежде всего всю беспардонность и аморальность, тогда еще маленьких, нацистских «великих деятелей». Верх в такой склоке, естественно, должны были

одержать самые бессовестные и кровожадные элементы. На чрезвычайном общем собрании НСДАП 29 июля 1921 г. избранием Гитлера первым председателем партии они успешно завершили этот путч. Теперь твердое руководство было гарантировано. Дрекслера задвинули на пост почетного председателя. Большую роль в личном успехе Гитлера сыграла не только его беспощадность к соперникам, но и — как это ни парадоксально — его непригодность во всех других сферах жизни к какой-либо иной деятельности.

Однако не следует забывать: НСДАП пока еще была далека от доминирующего положения среди дюжины других праворадикальных организаций Мюнхена и ее первый председатель оставался лишь популярным в пивнущках демагогом местного значения. Точно так же не надо преувеличивать тогдашний вес Гитлера в руководстве НСДАП. Отнюдь не своими самостоятельными действиями против сильных противников — как это зачастую утверждалось позднее — пробился он к руководству нацистской партией. Он добился этого как кандидат группы, стоявшей у главного рычага. Хотя Гитлер и использовал при этом призыв реакционной фаланги к созданию авторитарного руководства, а во время выборов потребовал для себя «диктаторских полномочий», сам он в сильной мере находился под влиянием своих сообщников — Эккарта, Эссера, Федера, Гесса, Розенберга и др. По свидетельству одного из них, командира «фрайковровцев» Герхарда Россбаха, он даже страдал тогда комплексом неполноценности¹⁹.

Глава вторая

ПЕРВЫЙ НАСКОК НА РЕСПУБЛИКУ

Пусть тот факт, что Гитлер — несмотря на свою психическую неустойчивость — сумел действовать локтями бесцеремоннее, чем другие, и является исторической случайностью, однако то, что именно вербовщик нацистской партии сподобился встать во главе ее, отвечало логике развития. Коренившаяся в самой сущности этой партии беспредельная демагогия способствовала карьере как раз тех функционеров, которые подвизались на этом поприще. Именно НСДАП пустила в ход особенно эффективные методы демагогического воздействия на широкие массы и смогла благодаря этому при определенных условиях превзойти в обмане трудящихся все остальные реакционные организации.

Однако возникнут ли такие условия вообще и когда конкретно, в 1921 г. еще оставалось вопросом открытым. Это зависело от многих факторов, и не в последнюю очередь от того, удастся ли в результате экономического и общественного развития политически активизировать потенциальный резервуар сторонников нацистской партии, т. е. до тех пор еще не включившуюся в ее деятельность значительную часть воспитанных в духе буржуазного авторитаризма городских средних слоев, крестьянства, а также мелкой буржуазии, стоявшей на грани превращения в люмпенов.

В этом смысле НСДАП была более пригодна на роль притягивающего массы магнита, чем, к примеру, маршировавшие во главе реакции Немецкая национальная народная партия (НННП) и Немецкая национальная партия (ННП). Нацистский главарь мог выдавать себя за «простого человека из народа», между тем как председатели первой (сначала прусский экс-министр Оскар Хергт, затем старший правительственный советник в отставке аристократ граф Куно фон Вестарп и под конец тайный советник Альфред Гугенберг) и председатель ННП Густав

Штреземан (который в течение 15 лет был вторым председателем Союза промышленников) принадлежали в эти кризисные годы к вызывавшей всеобщее недовольство верхушке общества. Кроме того, ни один из этих лидеров партий крупной буржуазии не находился во время войны на фронте, между тем как Гитлера окружал ореол «безвестного ефрейтора», целых четыре года проведенного в окопах во славу фатерланда. К тому же кайзеровских чиновников высшего ранга Хергта и Вестарпа реакционеры могли обвинить в том, что в ноябре 1918 г. они бросили своего монарха на произвол судьбы, а сами трусливо спрятались.

Однако свежее испеченный первый председатель НСДАП тогда еще отнюдь не рассматривался в качестве соперника парламентских и правительственных политиков, о которых изо дня в день кричали газетные заголовки. Пока никто и не помышлял о том, что действующая только в Мюнхене и его окрестностях, ведущая с другими локальными правыми организациями борьбу за свое существование НСДАП, число членов которой не достигло еще и 5 тыс., когда-либо станет более привлекательной для заправил крупного капитала, чем возглавлявшиеся самими монополистами и юнкерами обе массовые партии (ведь они насчитывали в своих рядах по 500 тыс. членов, а партия немецких националистов вскоре довела их число до 950 тыс.).

В чем, однако, нацистская партия и ее председатель никак не уступали старым партиям, так это в той энергичности и предприимчивости, с какой они разворачивали свою деятельность. Поскольку подготовка и проведение вербовочных собраний представляли собой тогда главное поле деятельности нацистов, Гитлер, движимый давним стремлением к самоутверждению, благодаря присущему ему дару ловкого демагога постепенно становился центром внимания на нацистских собраниях.

Гитлер делал ставку прежде всего на устное слово. И не только потому, что в том кругу, в котором он вращался, чтение литературы было делом непривычным. У него уже имелся опыт общения со слушателями, большинству которых церковь, школа, традиции и определяемая властями предрержащими окружающая среда преградили путь к разумному пониманию общественных явлений и которые эмоционально цеплялись за такие понятия, как «фатерланд», «германство», «порядок», а гнетущие их

повседневные тяготы относили за счет козней чужеродных сил.

Этот опыт изо дня в день говорил ему, что кажущаяся экспромтом речь куда действеннее, чем написанное слово. Во время устного выступления он мог (что невозможно сделать в листовке или в полемической статье) произвольно подменять одни понятия другими, заменять логику сарказмом или иронией, по ходу дела смягчать подвергаемые сомнению утверждения, не жалея голоса, опровергать контраргументы, топить сомнения аудитории и противоречия в специально подобранных единичных примерах. Определенные звенья в цепи «доказательств» можно было раздувать или же просто опускать, а словесный поток начать или прервать на любом месте.

Слушатели не имели никакой возможности проследить всю концепцию речи в целом и проконтролировать, действительно ли исходные посылки сказанного соответствуют выводу и существует ли из всего лабиринта претенциозных общих мест какой-либо иной выход, нежели указанный оратором. Импровизированная речь, во время которой докладчик, непрерывно проверяя воздействие своих высказываний на аудиторию, мог каждую фразу, каждое слово приспособлять к ее восприятию, строилась так, что слушатели укреплялись в своих предвзятых мнениях, предположениях и ощущениях и у них складывалось впечатление, будто здесь их собственные мысли приобрели самое полное, почти ими самими осознанное и адекватное выражение. Для этого оратор прибегал к эскалации выражений, к нагнетанию пафоса, ко все более захватывающей мимике и жестике.

Обычно Гитлер начинал свои речи более или менее спокойно, привязывая их к какому-либо хорошо известному из повседневной жизни бедствию — инфляции, безработице, жилищной нужде. Он называл цены на продукты, рисовал очереди перед лавками, затем, горя «благородным возмущением», бичевал роскошную жизнь спекулянтов, захлебываясь в обличении козней, повсюду подстерегающих простого человека, и так подходил к своей излюбленной теме — насчет «кровопийцев-евреев». Отсюда же всего один шаг до воплей о буйно распространяющемся «пацифистском размягчении костей», о «гибельном большевистском болоте» и «бандах красных убийц». Перед лицом их угрозы он взывал к испытанной во «фронтовом товариществе» силе простого человека, «ду-

ховная готовность к бою» которого должна привести к богугодному спасению нации.

Многие из тогдашних покровителей и поощрителей нацистского фашизма — начиная с преемника Майра капитана Эрнста Рема и кончая старейшиной германской угольно-сталелитейной промышленности Кирддорфом — свидетельствуют, что свое решение поддерживать НСДАП они приняли не в последнюю очередь под воздействием гитлеровских речей, способных своей социальной и национальной демагогией увлечь не искушенных в политике «простых людей». Например, Фриц Тиссен писал: «Я осознал его ораторский дар и способность вести за собой массы. Что произвело на меня наибольшее впечатление... так это почти что военная дисциплина его приверженцев»¹.

Гитлер знал, что его ораторские успехи, которые в «пангерманских» кругах вызывали восхищение и считались виртуозной «игрой на рояле, именуемом массой», гораздо меньше зависели от того, *что* он говорил, нежели от того, *как* он это преподносил. А потому он больше всего заботился о своей ораторской технике и методе преподнесения. Дабы избавиться от баварского акцента, он брал регулярные уроки дикции, одновременно стал учиться актерскому мастерству, тщательно изучал голосовую нюансировку, манеру держать голову, жестикуляцию и даже репетировал свои выступления перед зеркалом.

Когда разглядываешь сегодня фотографии более чем шестидесятилетней давности, невольно спрашиваешь себя: каким же образом этому производившему столь комичное впечатление председателю НСДАП, одетому в какой-то нелепый, словно маскарадный дождевик, с клоунскими усиками и напوماженным пробором удавалось владеть аудиторией и устанавливать с ней контакт? Вполне возможно, на первых порах нацистский главарь извлекал пользу даже из своей невыигрышной внешности, совершенно не соответствовавшей тому водопаду слов, который он обрушивал на слушателей. Недаром Дрекслер однажды сказал о нем, что такой хорошо подвешенный язык наверняка принадлежит продувной бестии. Полуобразованный Гитлер умел произвести на своих слушателей, как правило стоявших на еще более низком образовательном уровне, желаемое впечатление целыми пирамидами понятий, высокопарной апелляцией к первозданным силам и мнимым «железным законам бытия». Он создал себе репутацию

неуязвимого оратора, который за словом в карман не лезет, и эта репутация работала на него.

Значительную роль играла и та (первоначально по большей части неумело применявшаяся всеми «немецко-социалистскими» партиями) новомодная митинговая стратегия, которую Гитлер, возглавив фашистскую партию и став профессиональным демагогом, неустанно совершенствовал. Теперь он вел себя на митингах как режиссер-постановщик явно рассчитанных на эффект суперспектаклей, чутко улавливая все то, что эмоционально воспринималось обывателем, выбитым революцией из привычной колеи. Ведь с этим обывателем его самого связывали родственные узы: прошедшее под сенью католицизма детство, плебейское прозябание на задворках кайзеровских дворцов, животный страх перед смертью на фронте, гнетущая боязнь непостижимого послевоенного хаоса и страх перед силой рабочих масс, все громче заявлявших свое право на политическое руководство страной. В те годы он, по его собственному признанию, нередко часами простаивал на улицах и, едва сдерживая ярость, смотрел, как мимо него сплоченными рядами проходили колонны демонстрантов.

Под руководством Гитлера НСДАП вырабатывала стиль своих сборищ, который представлял собой причудливую смесь богослужения, торжественного парада и безудержного подстрекательства против прогрессивных сил немецкого народа. Подготовка этих сборищ начиналась с подбора подходящего помещения. В принципе выбирались залы поменьше, чтобы людей набилось как можно больше и возникло впечатление, что зал заполнен до отказа. Позади трибуны и стола президиума устанавливалась напоминающая большой алтарь декорация, задрапированная белой тканью. На красном фоне в белом кругу была изображена позаимствованная из древнегерманской символики свастика. Эта комбинация черно-бело-красного цвета * господствовала во всем нацистском декоруме. Она повторялась и на нарукавных повязках членов президиума и «служителей порядка» (орднеров) в зале, на плакатах, кружках для сбора пожертвований и на значках.

Перед разукрашенной таким образом задней стеной размещались устроители сборища, а если возможно, то

* Цвета государственного флага кайзеровской Германии — «второго рейха».

и застывшие в строгом солдатском строю, поначалу одетые в белые рубахи так называемые спортивно-гимнастические отряды, а впоследствии — в коричневых рубашках — нацистские боевики в форменных фуражках с туго затянутыми под подбородками ремешками. Скоро к коричневым рубашкам добавились и перенятые от итальянских фашистов так называемые штандарты — пока еще доморощенные, но помпезные знамена отдельных формирований; по бокам устанавливался «почетный караул». Пока помещение заполнялось участниками, военный оркестр оглушительно играл марши и нацистские песни. Каждый входивший уже на пороге зала ощущал, по словам одного очевидца, «знойное дыхание гипнотизирующего массового возбуждения». Гораздо вернее это назвал один левый писатель: «шумиха для создания балаганного психоза».

Предназначенные для нацистских сборищ залы обычно имели сквозной центральный проход от входных дверей к сцене. В этом проходе в сопровождении эскорта появлялся нацистский главарь, позднее ставший именоваться фюрером. Приветствуя зал подстегивающим аудиторию взмахом руки, он под возгласы поднявшихся с мест участников стремительной походкой проходил вперед. Каждый жест, каждое мгновение этого спектакля были заранее спланированы и неоднократно отрепетированы. Проход сквозь ряды должен был быть не слишком узким, но и не слишком широким, однако достаточным, чтобы отделять «фюрера» от сидящих вокруг и вместе с тем не отгораживать их от него.

Заранее тщательно устанавливалось, в какое именно время жители этого города или предместья в будние или праздничные дни наиболее восприимчивы к такому спектаклю и, следовательно, на какой час следует назначить сборище. Точно так же рассчитывалось, как долго заставлять собравшихся ждать появления главного оратора, опаздывающего согласно плану. В зависимости от конкретных обстоятельств и от масштаба митинга время ожидания затягивалось и заполнялось короткими, всего из нескольких фраз, речами второстепенных ораторов — всяких «унтерфюреров», хоровой декламацией нацистских лозунгов и т. п. Так же на основе опыта планировалась и продолжительность речи самого «фюрера»: она должна была полностью исчерпать резервы восприятия аудитории, но не утомить ее.

В церемониал нацистских сборищ входил также обязательный и зачастую весьма жестко проводимый сбор денежных пожертвований. Он преследовал несколько целей. Во-первых, пополнить постоянно опустошаемую партийную кассу. Во-вторых, призыв жертвовать на НСДАП в определенной мере вынуждал жертвователей публично признать свою приверженность к нацизму. И наконец, та настойчивость, с какой проводились сборы денег, нужна была для того, чтобы опровергнуть все подозрения, будто НСДАП, именующая себя «рабочей» партией, содержится на средства антирабочих сил — фабрикантов, помещиков, военщины — и даже обеспечивает их деловые интересы.

Иногда нацисты приглашали на свои сборища и политических противников, чтобы «поспорить» с ними на глазах публики: им, мол, нечего бояться противоположных взглядов. Но стоило появиться более или менее опытному функционеру одной из рабочих партий — коммунисту, социал-демократу или независимцу — и разбить лживые аргументы «национального социализма», как его тут же обкладывали бранью, избивали и вместе с товарищами вышвыривали из зала. Это тоже вполне отвечало планам нацистских боссов, которые стремились запугать своих политических противников. Руководствуясь принципом, что сила импонирует и при ее помощи можно выдвинуться на политической арене, нацисты при любой возможности устраивали побоища и громкие скандалы, срывали собрания и митинги других партий. Поэтому наряду с постоянным совершенствованием демагогического влияния на массы шло создание нацистских военизированных формирований.

Вскоре после внутривнутрипартийного путча, в августе 1921 г., так называемые гимнастическо-спортивные группы НСДАП были преобразованы в организованные строго по-военному «штурмовые отряды» (СА *). В результате НСДАП приобрела окончательный облик фашистской партии. Соответственно своей двойной функции как организации массовой демагогии и вместе с тем террористической организации (что, впрочем, отражало линии двух поощрявших ее и стремившихся к ее активизации центров — «Пангерманского союза» и рейхсвера) она располагала теперь централизованно руководимым аппаратом,

* Аббревиатура от нем. Sturmabteilungen (SA).

состоявшим из специалистов по пропаганде и террористических формирований.

Пальмиро Тольятти, один из выдающихся руководителей Итальянской коммунистической партии, которая оказалась вынужденной первой начать борьбу против фашизма, подчеркивал новое качество контрреволюционного движения, нашедшее выражение в подобном организационном построении. Он говорил о том, что в лице фашистской партии «буржуазия располагает политической организацией нового типа, приспособленной к условиям открытой диктатуры над трудящимися классами»².

Возникновение этой новой, именно фашистской формы контрреволюционного движения, в которой нашли свое место Гитлер и его сообщники со всеми присущими им качествами, отвечало объективной потребности господствующего класса, который в условиях постоянных революционных потрясений уже не мог традиционными средствами и методами подавлять выступления трудящихся.

Еще за несколько лет до первой мировой войны В. И. Ленин указывал на то, что в борьбе за защиту своего господства империалистическая буржуазия пользуется по отношению к массам двумя методами, «причем,— как подчеркивал он,— эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия... Второй метод — метод «либерализма»». Под «либерализмом» В. И. Ленин понимал не только шаги «в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»³, но особенно использование «лести» народу и всех разновидностей «обмана... фразы, миллиона обещаний»⁴.

Итак, при формировании фашизма речь шла по сути дела не только о том, чтобы придать большую эффективность этим методам господства, но прежде всего о новой комбинации их переплетения. В классовых схватках, которые приобретали все более многообразные формы, на свет божий являлись гибриды применения силы и идеологической диверсии против рабочего класса. В зависимости от той или иной расстановки политических сил они оказывались действенными или недейственными, что и определяло их дальнейшую судьбу.

Таким образом, возникновение фашизма и его дальнейший подъем обусловлены объективными обстоятельствами и не могут быть объяснены каким-то демоническим «озарением» отдельных реакционных политиков, мечтаю-

щих о «чудо-оружии» в классовой борьбе. И уж тем более нельзя назвать Гитлера «изобретателем» фашизма. Об этом говорит, в частности, уже приведенный выше пример Штадтлера: развившиеся под непосредственным давлением событий фашистские концепции возникли еще до образования ДАП и до вступления в нее Гитлера.

Окончательное формирование фашистской партии никоим образом нельзя сводить к планам, идеям или «интуиции» Гитлера. Образование нацистских террористических органов было связано в первую очередь с тем, что командование рейхсвера в Баварии после роспуска организаций — преемниц контрреволюционной «Гражданской обороны» создало тайное «Оружейное управление» для руководства подпольными складами оружия, которые ранее опекались «добровольческими отрядами» и «Оргэшем», и на случай применения этого оружия нуждалось в дисциплинированном, обученном и контролируемом им самим войске.

«Оружейное управление» подчинялось капитану (гауптману) Эрнсту Рему из штаба Эппа. С тех пор все местные экстремистско-милитаристские организации стали добиваться благорасположения этого «пулеметного короля» Баварии. Рем, один из первых членов НСДАП и один из самых ревностных ее покровителей, всячески благоволил к нацистской партии и ее председателю. Недаром позже тот же «фрайкоровец» Россбах констатировал: начало «маршу» Гитлера к карьере положил именно Рем.

Господствующий класс Германии отнюдь не представлял собой монолитного блока, а состоял из многих фракций, различных клик и отдельных личностей, специфические возможности которых получать прибыли, их амбиции и притязания на власть, традиционные связи и т. п. вели к постоянным разногласиям, интригам и распрям. Это позволяло правым политическим актерам и стремившимся выдвинуться на передний план группам, лишь только они приобретали некоторый вес, жонглировать подобными разногласиями, интригами и распрями, дабы приобрести определенный простор для собственных действий в рамках сложного переплетения реакционных интересов.

Выражением этого явилось наметившееся изменение отношений между покровителем Ремом и покровительствуемым им Гитлером: постепенно они менялись местами. Недаром через полтора года после образования СА шеф

Рема генерал Эпп с полусожалением-полувозмущением писал в «Записке о причинах напряженных отношений между баварскими военными союзами», что Рем «все больше становился духовным оруженосцем Гитлера»⁵.

Однако отношения между Гитлером и Ремом еще долго не достигали своей конечной фазы. Только спустя десять лет, когда флаг со свастикой уже развевался над Имперской канцелярией, Рем, еще в 1923 г. расставшийся с рейхсвером, безоговорочно признал главенствующее положение Гитлера и после смены ряда должностей вновь получил пост начальника штаба СА. Он стал фигурой, в которой кристаллизовались наиболее бросающиеся в глаза противоречия фашистского режима, все еще добивавшегося своей стабилизации.

То было противоречие между основной массой нацистской партии, ожидавшей введения «немецкого социализма», и могущественными закулисными хозяевами НСДАП, которые были по горло сыты болтовней о «национал-социалистской революции». То было противоречие между плебейскими по своему составу СА, с одной стороны, и вермахтом и элитарными «охранными отрядами» (СС *) — с другой. То были разногласия между боссами «ИГ Фарбениндустри», главенствовавшими в конкурентной борьбе различных групп концернов, и «наци № 2» Германом Герингом, связанным с тяжелой промышленностью.

Учитывая эту становившуюся в процессе соперничества все более явной расстановку сил, Гитлеру пришлось занять четкую позицию против недовольных. Идя навстречу прежде всего желанию генералитета, он в июне 1934 г. предпринял широко задуманную акцию и вероломно приказал убить Рема, одного из немногих своих друзей, с которыми он был на «ты», а заодно и немалое число других фюреров СА. Во время этой резни (она по справедливости получила название «ночь длинных ножей»), которая в результате ее фальсификации стала именоваться ремовским путчем, Гитлер попутно расправился и с некоторыми своими давними личными соперниками, а также с людьми, слишком много знавшими о его прошлом. Поэтому, прослеживая дальнейшую карьеру Гитлера, мы не раз будем встречаться и с реакционными

* Аббревиатура от нем. Schutzstaffeln (SS).

политиками, дата смерти которых одна и та же — 30 июня 1934 г.

Но вернемся к году 1921-му. Уже в первые месяцы после создания штурмовых отрядов (СА) нацистские громилы, теперь уже одетые в свою униформу — коричневые рубашки, в многочисленных нападениях и стычках (особенно известной стала «битва в пивном зале «Хофбройхауз»» в ноябре того же года) показали себя террористической гвардией, далеко превосходящей в жестокости все другие правозэкстремистские военизированные формирования. Выражение «СА марширует» стало в Мюнхене понятием вполне однозначным. Нацисты все больше появлялись в поле зрения общественности. О Гитлере, с помпой принимавшем парады своих одетых в коричневую форму «партайгеноссен» (или, как их сокращенно называли, «пэ-гэс» *), его подручными стали создаваться целенаправленные легенды. Даже Эккарт, еще год назад оценивавший нацистского главаря весьма пренебрежительно, с конца осени 1921 г. стал восхвалять «фюрера» в «Кёльнишер беобахтер»⁶.

Поначалу термин «фюрер» (вождь) применительно к Гитлеру был более или менее синонимом понятия «председатель партии». Но те, кто пустил его в оборот, в перспективе рассчитывали поставить на пользу нацистскому движению живущую в праворадикальных кругах тоску по «обновителю рейха». Такое мессианское «ожидание прихода фюрера» раздувалось почти всеми правыми политиками. Тем самым они объективно (и во всевозрастающей мере субъективно) работали на гитлеровский фашизм.

Например, консервативный теоретик Артур Мёллер ван ден Брук в 1923 г. в своей книге «Третий рейх» (название которой нацисты сделали своим пропагандистским девизом) писал о «готовности к восприятию идеи фюрера»⁷. А модный в то время философ социал-дарвинист Освальд Шпенглер, присовокупивший в 1919 г. к своей известной книге «Закат Запада» эссе в духе «немецкого социализма» с программным заголовком «Пруссачество и социализм», внушал надежды на нового цезаря, который, однако, по его мнению, мог появиться отнюдь не из числа демагогов, презрительно названных им «барabanщиками и свистуна-

* Аббревиатура от нем. Parteigenossen (PG's) — так на нацистском жаргоне именовались члены гитлеровской партии.

ми»⁸. Влиятельный политик, бывший председатель фракции консерваторов в рейхстаге, будущий председатель партии немецких националистов граф Вестарп в одном пропагандировавшем «прусскую государственную идею» журнале, который позже возвестил свое желание «открыть путь... тому, кто должен прийти», взывал о появлении «в надлежащий час» ниспосланного богом государственного мужа⁹.

Широкие круги буржуазии, в том числе и мелкой, считали будущим фюрером генерала Людендорфа, который в качестве фактического главы Верховного военного руководства (ОХЛ*) второго и третьего состава приобрел репутацию политика силы, не знающего никаких пределов дозволенного и не ведающего никаких угрызений совести. В Баварии многие реакционеры возлагали свои надежды и на главного представителя клерикальной реакции Риттера фон Кара. Ведь на Людендорфе (несмотря на милитаристскую легенду об «ударе кинжалом в спину», якобы нанесенном армии спартаковско-пацифистским тылом), как ни верти, лежал позор проигранной войны. В свою очередь Кар вызывал у многих подозрение в баварском сепаратизме, которого он почти не скрывал.

Поэтому в окружении фашистов и зародилась мысль, что именно из их среды появится кто-то доселе неизвестный и покажет себя «сильным человеком». Например, Эпп, еще не будучи нацистом, заявил однажды: «Во главе должен встать тот, кто пустит в ход пулеметы. А сброд пусть накроет в штаны от страха. Офицер мне не нужен — к офицерам в народе больше нет уважения. Лучше всего подошел бы рабочий с хорошей глоткой... Ума ему много не надо... Пусть будет холостяком — этим мы приманим женщин»¹⁰. Аналогичные желания высказывал в середине 1921 г. и Рудольф Гесс. В своей (отмеченной университетской премией!) семинарской работе на тему «Как должен выглядеть человек, который сможет спасти Германию?» он писал: «Такой человек, если нужда заставит, не остановится и перед кровопролитием... Дабы достигнуть своей цели, он перешагнет и через своих ближайших друзей... Если потребуется, он сумеет растоптать кирасирским сапогом и целый народ, и отдельного человека»¹¹.

* Аббревиатура от нем. die Oberste Heeresleitung (OHL). Подробно об этом см.: *Руге В.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981.

Однако поначалу даже нацисты, рисовавшие такие картины будущего, не думали, что именно лишенный всякого творческого начала и душевно неуравновешенный Гитлер поднимется на пьедестал столь страстно желаемого ими «фюрера». Даже когда Эккарт, окрыленный приходом к власти возведенного в ранг «дуче» главаря итальянских фашистов Муссолини, в последних числах октября 1922 г. начал все чаще распространяться в «Фёлькишер беобахтер» насчет «нашего фюрера Адольфа Гитлера», ближайшие сотрудники нацистского лидера еще возражали против такой «подачи» человека, который не блистал ничем, кроме демагогии. Симптоматично в этом отношении письмо Федера, направленное Гитлеру в августе 1923 г. В нем он упрекает нацистского босса в недостаточной способности к координации, обвиняет его за «анархию» в руководстве НСДАП, начисто отрицает наличие у него способности «отличать важное от не важного»¹².

Когда сочинялось это письмо, Гитлер, которому ликование вокруг его персоны на всех нацистских сборищах и парадах все больше ударяло в голову, уже порядком привык к роли «фюрера», стоящего над всеми. Однако иногда он еще подчеркивал, что его миссия лишь в том, чтобы подготовить путь чему-то «более крупному». «Можно привести, — замечает в данной связи марксистский историк фашизма Курт Госсвайлер, — столь же доказательные факты, что уже в июле 1921 г. и во всяком случае в конце 1922 г. Гитлер чувствовал себя «фюрером», «вторым Муссолини». Вместе с тем, и это можно подтвердить фактами, он заявлял, что даже к моменту путча (ноябрь 1923 г. — *В. Р.*) и много позже воспринимал себя не как будущего диктатора, а всего лишь как «барабанщика».

Это весьма просто объясняется тем, что, будучи психически весьма неустойчивым, Гитлер, как и в любом другом вопросе, и в этой своей роли был в высшей степени зависим от внешних влияний, от собственного настроения и т. п. Объективной основой колебаний его самовосприятия между «барабанщиком» и «фюрером», между «Иоанном» и «мессией» служило то силовое поле, в котором он находился с лета 1921 г. Могущественные концерны и их властелины признавали его фюрером партии только до тех пор, пока он был готов довольствоваться ролью «барабанщика» и помощника. Влияние же его на массы росло в той мере, в какой он умел подавать им себя в качестве спасителя и избавителя, стоящего выше всех земных властей.

Но роль эта была лишь воображаемая, фиктивная, играть которую он должен был научиться. Настоящая же его роль, означавшая его реальную жизнь, была роль добровольного слуги могущественных кругов. Однако возрастающий культ «фюрера», который расчетливо создавало его окружение, затем увеличение массы уверовавших в него и следовавших за ним, но прежде всего превращение главаря итальянских фашистов в одержавшего победу государственного деятеля и диктатора — все это должно было мучить Гитлера, ставя перед ним сверлящий сознание вопрос: почему же, собственно, его фиктивной роли суждено так и остаться фиктивной, почему же ему не удастся то, что удалось Муссолини?»¹³

Но независимо от того, «фюрер» он уже или еще не «фюрер», сама репутация добившегося успеха «барабанщика» открыла Гитлеру двери мюнхенских салонов. Его начали вводить туда Эккарт, Эссер и другие вращавшиеся в «высших» кругах нацисты.

Одним из них был прибалтийский немец Шойбнер-Рихтер — помесь светского человека, антисоветчика и дельца, во многом типичная для той среды, в которой тогда обретался Гитлер. После русской революции 1905—1907 гг. Шойбнер-Рихтер познакомился в Риге с еще совсем молодым Альфредом Розенбергом, а во время первой мировой войны служил консулом в турецком городе Эрзерум. В 1919 г. он подвизался в качестве политического советника правого социал-демократа (впоследствии сделавшегося фашистом) Августа Виннига, назначенного имперским комиссаром Восточной Пруссии (фактически координатором германской антисоветской деятельности). Через год Шойбнер-Рихтер стал шефом печати у предводителя путчистов Каппа. Он принадлежал к числу друзей Людендорфа, бывшего царского генерала Бискупского и членов свергнутой баварской династии Виттельсбахов.

Во время гражданской войны в России Шойбнер-Рихтер, чувствовавший себя как дома среди германских промышленников и владевший несколькими языками, организовал заключение торгового соглашения между «правительством» барона Врангеля и баварским «Промышленным союзом». В следующем году он финансировал, частично из собственных средств, примирительный конгресс всех враждовавших между собой (и в дальнейшем так и не объединившихся) группировок русской монархи-

ческой эмиграции, Шойбнер-Рихтер поддерживал отношения с рурскими промышленниками Фрицем Тиссенем и Паулем Ройшем (концерн Ганиеля) и даже сумел через жену претендента на русский трон Кирилла (которая доводилась внучкой английской королеве Виктории) позаимствовать драгоценности из сейфов британской аристократии для финансирования как русской, так и германской контрреволюции.

Направляемый и управляемый такими и подобными авантюристами, Гитлер попал в дотолу совершенно неведомое ему «избранное общество». Будучи подвержен всяким комплексам и испытывая мучительную жажду почестей, он держался там неловко, скованно, а потому его советчики, прошедшие огонь и воду и медные трубы, рекомендовали ему выдавать свою неуверенность за эксцентричность, присущую необыкновенной личности, и таким образом нажить на ней капитал.

Теперь нацистский главарь, приглашаемый в роскошные апартаменты или на аристократическую виллу, больше и не думал скрывать свою неуклюжесть. Напротив, он, не торопясь, вешал в прихожей на вешалку кавалерийский хлыст, с которым никогда не расставался, и свой револьвер, который носил на ремне, уже одним этим возбуждая любопытство и ироническое благорасположение хозяев и гостей. Не давая смутить себя отчасти насмешливыми, отчасти похвальными взглядами, он даже с некой гордостью выставлял напоказ свою довольно жалкую и по понятиям моды нелепую одежду.

Он выделялся среди приглашенных тем, что почти не брал в рот спиртного, не притрагивался к мясным блюдам, зато поглощал невероятно много сливок и торта. По отношению к хозяйке дома и приглашенным дамам он вел себя с утрированной галантностью: привыкшие к комплиментам, они поражались любезности человека, у которого под командой внушающие такой страх отъявленные головорезы.

Как и следовало ожидать, Гитлер добился особенного успеха у мюнхенских салонных львиц, например у супруги владельца одного издательства Эльзы Брукман, урожденной литовской княгини и оголтелой антисемитки, которая впоследствии охотно наслаждалась славой «гитлеровской мамочки»; у невестки своего идола Рихарда Вагнера — англичанки Уинфрид Вагнер; у советницы королевского двора Эрны Ханфштенгль (ее сын Эрнст вскоре

тесно сблизился с нацистским главарем) и у некой Каролы Гофман. Они самодовольно передавали его с рук на руки своим друзьям и знакомым, тем самым способствуя расширению светских связей Гитлера.

Гитлер, для которого актерство со времени возникновения и нагнетания его культа «фюрера» окончательно стало второй натурой, вращался в этой атмосфере в свою новую роль. Тщательно наблюдая привычки и нравы «высших» кругов, он выработал для себя кодекс поведения, представлявший смесь добропорядочно-буржуазных манер с экзальтированным оригинальничаньем. Впоследствии это облегчило ему проникновение в изысканные особняки могущественных и в конечном счете решавших его политическую судьбу капитанов промышленности.

Сначала Гитлер учился, как ни тяжело ему это было, внимательно слушать. Во время вечерних приемов он часами просиживал молча в углу и фиксировал все окружающее. Но уже очень скоро он перестал стесняться говорить. Хотя и здесь он почти всегда произносил свои монологи, но все же в совсем ином стиле, чем на нацистских сборищах: другая жестикуляция, другой лексикон, другая тональность. Набор его риторических трюков был обширен и прежде всего имел цель показать привилегированным слушателям, что он обладает даром убеждать «человека с улицы».

Что же касается содержания салонных речей Гитлера, то, поскольку цели его во многом совпадали с целями аудитории, он мог излагать здесь подлинные намерения фашистского руководства. Речи эти тогда не стенографировались, но по тому, что Гитлер позднее говорил в элитарных клубах и в узком кругу промышленников, можно заключить: он отнюдь не излагал тут федеровский бред о «созидающем» и «загребающем» капитале и не нес тому подобную чушь. Нет, он делал упор на необходимости уничтожения большевизма и «нового подъема» Германии, ловко вводя в игру эмоциональные моменты, причем в выражениях, необычных для культурной речи. Для закрепления эффекта Гитлер взял себе за правило сразу же после выступления покидать собравшееся общество.

Поскольку гитлеровские сообщники типа Экарта, Эссера и Шойбнер-Рихтера ввели нацистского главара в мюнхенские салоны именно для того, чтобы привлечь на сторону НСДАП новых покровителей, они могли считать, что замысел их увенчался полным успехом. В конце

1921 — начале 1922 г. между членами руководящей фашистской клики и отдельными представителями господствующего класса возникли многообразные новые связи. Например, Гитлер познакомился с тайным советником Аустом из баварского объединения промышленников, который не только оказал нацистской партии финансовую поддержку, но и, вероятно (вместе с уже упоминавшимся Тафелем), наладил ее контакт со своим зятем, юрисконсультом этого объединения Альфредом Куло. Через него Гитлер получил возможность выступать в мюнхенском Клубе господ, а также в местной Торговой палате.

Поскольку реакционные партийные боссы, как и промышленники, старались тщательно скрывать переплетение политики и хозяйства, лишь немногие источники дают представление о тех связях, которые устанавливались после подобных выступлений Гитлера перед фабрикантами, банкирами и крупными торговцами из числа правых экстремистов. Но и имеющихся данных достаточно для общего представления о тыле праворадикальных организаций¹⁴. После первых успехов своего главаря в «высшем» обществе НСДАП получила денежные пожертвования от союза владельцев металлургических предприятий, от объединения мюнхенских пивоварен и от штутгартских автозаводов Даймлера, а также от многочисленных средних и мелких предприятий Южной Германии.

В ситуации, которая в области внутренней и внешней политики постоянно обострялась инфляцией, нуждой народных масс, забастовками, спорами насчет репараций, а также подогревалась покушениями на республиканских политиков, нацистам (за которых теперь еще усерднее выступал и Класс) удалось оживить связи с берлинскими крупными промышленниками, например с главой известного машиностроительного концерна Борзигом, который являлся членом Имперского союза германской промышленности, а также правления Объединения союзов германских работодателей и председателем Общего союза предпринимателей металлообрабатывающей промышленности. По свидетельству одного его уполномоченного, Борзиг «в кругу своих самых близких промышленных друзей доверительно выступал за поддержку (гитлеровского. — В. Р.) движения»¹⁵. Это в полной мере касалось и концерна Сименса, связи с которым укрепились.

И наконец, нацисты сумели попасть в поле зрения элиты германского монополистического капитала — про-

мышленников Рура. В автобиографической книге магната стальной промышленности Фрица Тиссена «Я финансировал Гитлера» (подлинность которой апологеты крупного капитала стремятся подвергнуть сомнению, но поддающиеся проверке свидетельства которой оказались вполне соответствующими истине) этот монополист сообщает следующее. Деньги Людендорфу давал не только он, но и самый богатый человек в Германии — Гуго Стиннес вместе со своим генеральным директором Фридрихом Мино¹⁶.

Суммы денежных пожертвований из этих источников, как правило, выражались шестизначными числами, хотя в это время из-за инфляции марка катастрофически падала. Однако упоминавшиеся, к примеру, в письме Классу от июля 1922 г. 400 тыс. марок¹⁷ при тогдашнем курсе — 493 марки за один доллар — все же составляли около 3450 довоенных марок. Впрочем, это лишь капля в море в сравнении с пожертвованием Тиссена в твердой валюте в начале 1923 г.: оно дало возможность превратить «Фёлькишер беобахтер» в ежедневную газету. Это пожертвование, переданное через Людендорфа НСДАП и союзу «Оберланд», равнялось 100 тыс. золотых марок (по другим сведениям, даже вдвое больше¹⁸). В условиях безбрежной инфляции то было целое состояние!

Благодаря новым и вновь оживившимся старым связям Гитлер к концу 1921 г. установил контакт с берлинским Национальным клубом. Членами этого клуба были наряду с промышленниками и банкирами бывшие кайзеровские сановники, верхушка министерской бюрократии, военные и юнкеры, т. е. представители тех кругов, которые все еще цеплялись за монархические устои. Теперь они обратили внимание на нацистское движение и 8 декабря 1921 г. пригласили его «фюрера» на беседу, дабы узнать, как представляет он себе решение «проблемы марксизма» и как мыслит он себе «взятие власти», а также чего он хочет достигнуть своим антисемитизмом фашистского толка. Очевидно, они были удовлетворены ответами Гитлера, подчеркивавшего необходимость «бескровного» и, следовательно, легального, а потому связанного с наименьшим риском для них «взятия власти» нацистами. Руководство клуба пригласило его выступить 29 мая и 5 (или 12) июня 1922 г. с программными докладами.

Об этих и других выступлениях нацистского главаря в Берлине и Гамбурге (в частности, перед крупными па-

роходовладельцами, хозяевами верфей и оптовыми заморскими торговцами из Национального клуба) сохранились лишь весьма скудные и ненадежные воспоминания участников встреч. Однако то, что преподносил Гитлер «сливкам общества» двух крупнейших городов Германии, все же можно восстановить довольно точно. На основе одного из докладов он, явно по требованию своих слушателей, в октябре 1922 г. подготовил памятную записку для промышленников, где обобщил свои устные высказывания.

Этот документ исходил из того, что «оздоровление» германского хозяйства зависит от «государственного величия» рейха, а «величия» этого не достигнуть до тех пор, пока доля «интернационально-марксистски настроенной части нашего народа составляет свыше 40 процентов». Эти 40 процентов, по словам самого Гитлера представляющие собой «самые активные и энергичные элементы нации», стремятся к «большевизации Германии», которая равнозначна «уничтожению вообще всей христианско-западной культуры»; предотвратить ее способна лишь фашистская партия. Цель этой партии, говорилось далее, — «уничтожение и истребление марксистского мировоззрения». В качестве средств рекламировалось следующее:

«1. Наличие ни с чем не сравнимой, гениально (!— В. Р.) поставленной пропагандистской организации, охватывающей все мыслимые возможности влияния на людей.

2. Существование организации, обладающей беспощаднейшей силой и жесточайшей решимостью, готовой противопоставить десятикратный террор любому марксистскому террору»¹⁹.

Вряд ли более ясно можно обрисовать стремления нацизма, чем сделано в этом документе, который (если воспользоваться терминологией Штадтлера) означал предложение Гитлером своих услуг монополистическому капиталу. Подчеркнув, что это действительно не что иное, как предложение своих услуг, Гитлер назвал и цену за них. Во второй части памятной записки он изложил смету расходов — нечто вроде своеобразного прейскуранта.

В соответствии со структурой нацистского движения он педантично разделил ассигнования на пропагандистский и на террористический аппарат НСДАП: для первого потребовал 26,1 млн., а для второго — 27,14 млн., итого 53,24 млн. марок. «Это, — подбил итог нацистский главарь с дотошностью торгаша, — составляет в валюте мирного времени 95 тыс. марок — взнос, смехотворно малый

в сравнении с тем делом, которое так или иначе будет иметь величайшее значение для будущего нашего фатер-ланда»²⁰.

Неизвестно, какую именно часть этой суммы дали Гитлеру боссы промышленности и торговли, ведь поощрение тех или иных политических партий они осуществляли по принципу наивысшей эффективности капиталовложений и, как правило, одновременно поддерживали несколько соперничающих реакционных движений. Но несомненно, что с осени 1922 г. деньги в кассу НСДАП, насчитывавшую тогда всего около 6 тыс. членов, потекли более полноводным потоком. Это дало ей возможность ощутимо усилить свою требовавшую больших затрат демагогическую пропаганду. А Гитлер уже разъезжал в самом дорогом автомобиле — фирмы «Хорьх».

Однако не следует полагать, будто влиятельные круги германского промышленного и банковского капитала как бы внезапно решили вопрос в пользу зарождавшегося фашизма. Прогрессивный американский историк Джордж Хальгартен верно констатирует: германские крупные предприниматели («на которых не производило никакого впечатления любое мнение, если оно не принадлежало по меньшей мере генеральному директору какого-нибудь крупного промышленного концерна») выдавали «свои собственные интересы за интересы нации» и стремились к проведению «новой германской политики силы», которая должна была «зиздиться на военной основе». Однако он допускает некоторое упрощение, утверждая, что «капитаны индустрии вели доверенный им гигантский корабль через ураган времени с железным спокойствием», прокладывая курс, конечной целью которого были фашистская диктатура и война²¹.

Ни о каком «спокойствии», а тем более «железном», о фаталистической уверенности германского монополистического капитала в своей победе тогда не могло быть и речи. Напротив. Симптоматично уже то, что один из самых влиятельных владельцев концернов, Альберт Баллин, во время Ноябрьской революции в отчаянии покончил жизнь самоубийством. Лихорадочный, зигзагообразный курс «капитанов индустрии» показывает также то, что Гуго Стиннес в революционные дни решил выступать за либеральную партию, а потом склонился к Штадлеру, в 1920 г. поддерживал Каппа, а в заключение стал вдохновителем путчистских планов 1923 г.

Его уже упоминавшийся коллега Кирдорф, закоренелый «пангерманец», возглавлявший Рейнско-Вестфальский угольный синдикат, в 1919 г. в письме Классу причитал, что потерял веру в немецкий народ («германскую бестию!»), и заявлял, что отходит от всякой политики²². Потом он вдруг снова почуял живительную струю, стал поддерживать немецких националистов и под конец, как мы еще увидим, сделался главным покровителем фашизма в Рурской области. И другие заправила концернов, например крупный банкир (впоследствии главный фашистский преступник) Яльмар Шахт и Пауль Зильверберг (поставивший своеобразный «рекорд» одновременного членства во множестве наблюдательных советов), тоже неоднократно меняли свою позицию.

Следовательно, уместно говорить не о «железном спокойствии», а о непостоянстве политических позиций и растерянности боссов монополий, которых повергли в состояние неуверенности и страха Великая Октябрьская социалистическая революция в России, поражение Германии в первой мировой войне, Ноябрьская революция 1918—1919 гг., угроза социализации промышленности и рост немецкого революционного движения. Заправила концернов, стремясь приспособиться к возникавшему новому соотношению сил, постоянно экспериментировали в области политики, чтобы найти подходящие средства оградить себя от опасности, укрепить свою власть, а для этого найти и поставить на ноги необходимых подручных. К числу таких экспериментов, результат которых отнюдь не был заранее определен, следует отнести также поощрение и финансирование гитлеровского фашизма, который, дабы вообще остаться на политической сцене, должен был непрерывно лезть из кожи вон, чтобы оправдать доверие своих покровителей и кредиторов.

Насколько благоприятны были условия для того, чтобы испробовать нацистов на деле, видно, в частности, на следующем примере. Именно тогда (в октябре 1922 г.) Стиннес направил американскому послу секретный план «оздоровления» Германии, предусматривавший на 10—15 лет вперед 10-часовой рабочий день без повышения заработной платы, кары за участие в любой забастовке, как за уголовное преступление, «поощрение аккумуляции капитала... и восстановление уважения частной собственности». Эти и аналогичные меры, которые означали бы огромный рост эксплуатации трудящихся, лишение их

всех прав, следовало, по представлениям Стиннеса, для видимости санкционировать народным голосованием²³, для чего требовалась исключительная демагогия. Тут-то и могла пригодиться предлагавшая свои услуги НСДАП.

Эксперимент с нацистской партией представлялся магнатам индустрии весьма многообещающим. Поэтому они и обеспечили быстрое выдвижение этой дотоле мало-значительной партии на политическую сцену, начавшееся почти в тот же самый день, когда Гитлер впервые выступил в берлинском Национальном клубе. Спустя 15 месяцев (к ноябрю 1923 г.) НСДАП увеличилась в 6—7 раз и насчитывала уже 35 тыс. «партайгеноссен».

Отныне Гитлер не только приобрел вес во всех сварах внутри реакционной фаланги Мюнхена, но и смог фигурировать на общесаварском политическом уровне. Красноречивым свидетельством этому послужила, в частности, сопровождавшаяся уличными побоищами встреча правоэкстремистских организаций в Кобурге в ноябре 1922 г.: штурмовые отряды коричневорубашечников на много часов стали хозяевами города. За колоннами СА шли теперь в едином строю все правоэкстремистские организации (например, «добровольческий корпус» Россбаха; в нем состоял и участник пресловутых «судов Фемы»*, впоследствии один из главарей штурмовиков, Эдмунд Хайнес, убитый вместе с Ремом 30 июня 1934 г.). Среди многих других весьма полезных лиц в НСДАП вступил (также в ноябре 1922 г.) и бывший военный летчик Герман Геринг, последний командир авиационной «эскадры Рихтгофена», доверенный человек Людендорфа, близкий родственник ушедшего в отставку обер-президента провинции Познань графа Виламовитц-Мёллендорфа, деловой партнер ряда баварских фирм.

Вместе с тем подъем НСДАП в 1922—1923 гг. подтвердил, что моноказуальных, т. е. сводимых к одной-единственной причине, общественных явлений не бывает. Гитлеровскому фашизму наряду с усиленным поощрением его предпринимателями благоприятствовал и ряд других факторов. Так, интенсивная агитация нацистов (несмотря на всю их болтовню о защите интересов «немецких рабочих») за два года привлекла в их ряды подат-

* *Femeegerichte* (нем.) — средневековые судилища. Так в веймарской Германии именовались тайные суды террористических организаций, выносившие смертные приговоры рабочим и прогрессивным республиканским деятелям и организовывавшие их убийства.

ливую к социальной демагогии мелкую буржуазию, и это сразу дало свои результаты. Свирепствовавшая в стране опустошительная инфляция настолько взвинтила опасения множества ремесленников и лавочников за свои доходы, что они, ища спасителя от хаоса, стали зачастую жертвовать НСДАП свою, пусть не последнюю, тысячемарковую банкноту. Фашистская демагогия производила впечатление и на значительную часть молодежи из средних слоев.

Имело значение и то, что гитлеровский фашизм особенно поощрялся баварскими властями. Например, после убийства в июне 1922 г. членом фашистской организации «Консул» (преемницей «морской бригады» Эрхарда) министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау, принадлежавшего к демократическим кругам крупной буржуазии, правительство Баварии — в отличие от правительств других германских земель — не пожелало запретить НСДАП, а также некоторые иные правоэкстремистские партии и союзы. Нарушая конституцию Веймарской республики, оно даже отказалось признать направленный (кстати, весьма непоследовательно) против терроризма общегерманский закон «О защите республики» и вместо этого издало свой собственный, направленный против коммунистов. Более того, оно добилось от Берлина, чтобы и общегерманский закон почти неприкрыто толковался как направленный в первую очередь против левых сил.

Баварские лидеры СДПГ еще резче, чем правые социал-демократы в других частях Германии, выступили против значительно усилившихся после убийства Ратенау стремлений к единству действий с коммунистами и тем оказали содействие фашизму. Руководящий деятель СДПГ в Баварии Эрхард Ауэр даже выразил протест против якобы «недемократического намерения» земельного министра клерикала Швейера выдворить австрийского подданного Гитлера из Баварии как нежелательного иностранца. Этот пример ясно показывает, что социал-демократические лидеры ложно интерпретировали понятие «демократия», полностью отрицая классовый характер государственной власти.

Усилению НСДАП способствовало и то, что на германский фашизм обратили свое внимание крайне реакционные и антисоветские силы других капиталистических стран. Они исходили из того, что Германия является своего рода ключевой позицией во всемирном противоборстве между социализмом и капитализмом и нацистская

партия сможет сыграть значительную роль в утверждении империалистических позиций в Центральной Европе. Они стремились в перспективе сделать империалистическую Германию ударным отрядом антибольшевистского «крестового похода».

Данные о финансировании НСДАП из-за рубежа в еще большей мере, чем о финансировании ее германскими монополистами, во многих источниках сознательно затушеваны. При оценке размера денежных сумм, поступавших из-за границы, следует учитывать, что штатные функционеры НСДАП в 1923 г. нередко оплачивались в иностранной валюте. В условиях чудовищной инфляции, когда бумажная марка к концу недели сохраняла лишь часть своей стоимости в начале той же недели, это была неслыханная привилегия. Американские исследователи собрали материал, свидетельствующий о той поддержке, которую оказывал гитлеровскому фашизму автомобильный король Генри Форд²⁴. Доллары, финские марки и швейцарские франки добывали для НСДАП Эрнст Ханфштенгль, а также благодаря своим зарубежным связям мюнхенские фанатичные поклонники «фюрера». А в сентябре или октябре 1923 г. Гитлер лично привез из Цюриха 33 тыс. швейцарских франков.

Для характеристики той атмосферы, в которой действовали жертвователи иностранных денежных поступлений в кассу НСДАП и их посредники, а вместе с тем для социальной характеристики ближайшего окружения нацистского главаря можно привести в пример международного афериста Курта Людекке.

В течение некоторого времени он по заданию Гитлера занимался поисками новых иностранных источников финансирования нацистской партии. Людекке, сын преуспевающего фабриканта, вырос в так называемых избранных кругах общества; перед первой мировой войной он объявился в Лондоне как коммерсант, в Париже как служащий, а потом занимался какими-то махинациями в Италии, Египте и Индии, вел светскую жизнь на фешенебельных курортах и в игорных домах.

Во время первой мировой войны он отсиживался в тылу, а потом подвизался в нейтральных странах в качестве закупщика оборудования для электрокомпании АЭГ. В 1919 г. Людекке организовал несколько фирм в странах Латинской Америки, которые должны были покупать германские самолеты для отправки их в страны Антанты.

В 1920 г. он распродал чуть ли не по всей Европе остатки германского военного имущества; в 1921 г. «прогорел» на выставке произведений немецкого искусства в Нью-Йорке и в конце концов очутился в Мюнхене.

Там он в одно мгновение стал другом и доверенным человеком Питтингера, но уже через какие-нибудь несколько месяцев начал совершать вояжи через Париж в качестве «специального посланца» его соперника — Гитлера к Муссолини. Когда же Людекке вероломно передал часть привезенных из Франции денег организации «Консул», нацистский главарь донес на него в полицию как на государственного изменника. Но, отсидев всего два с половиной месяца, Людекке снова включился в движение, выступавшее под знаком свастики; в Барселоне, Вене и Будапеште стал петь хвалебные гимны председателю НСДАП как будущему «фюреру» Германии. В 1923 г. он снова в качестве «посланца» нацистской партии отправился в Италию и, наконец, в 1924 г. с письменным поручением Гитлера прибыл в США для сбора финансовых средств.

Установление фашистского режима в Италии дало сильный импульс гитлеровскому фашизму и впервые вселило во многих нацистов уверенность в том, что и они тоже смогут «взять власть». Муссолини (впрочем, довольно сдержанно относившийся к нацистам, игравшим на локальном уровне в мировую политику) стал для нацистских главарей образцом и идиолом. НСДАП и СА переняли от итальянских фашистов многие внешние атрибуты вплоть до вскинутой вверх руки «германского приветствия», которое вернее было бы назвать итальянским.

Возглавлявшееся Муссолини движение, название которого — Fascismus — отныне присвоили себе и воинствующие реакционные организации в Германии, в первую очередь означало, что союз демагогии и дубинки может творить в политике чудеса. При этом для нацистской руководящей клики было, пожалуй, самым поучительным, что псевдореволюционная массовая акция Муссолини — так называемый поход на Рим — явилась лишь фоном, на котором произошла передача власти итальянскому фашизму. Сама же эта передача власти была осуществлена с помощью реакционных представителей государственного аппарата (в частности, короля), на которых было оказано соответствующее давление.

Итак, самым пресным было скопировать итальянский образец. Поскольку Муссолини последний натиск с целью овладения властью предпринял на неаполитанском съезде фашистов, нацистам казалось, что назначенный на 27 января 1923 г. в Мюнхене 1-й общегерманский съезд НСДАП послужит трамплином для их решающего рывка к правительственной власти. Однако ситуация в Германии — несмотря на многие параллели с итальянской — была совершенно иной, чем по ту сторону Альп. Германский фашизм располагал пока массовой базой лишь в региональном баварском масштабе, причем именно там, где важнейшие позиции в государственном аппарате занимали сами притязавшие на власть и соперничавшие между собой реакционные силы. Это были те организации и объединения, которые группировались вокруг клерикально-сепаратистской Баварской народной партии (БНП) во главе с Каром.

Премьер-министр Баварии Ойген фон Книллинг, коллега по партии ушедшего в сентябре 1921 г. в отставку Кара, 26 января, т. е. за день до нацистского съезда, опрометчиво ввел чрезвычайное положение и запретил объявленные НСДАП массовые мероприятия. Однако уже через два дня земельное правительство пришло к выводу, что оно «не сможет положиться на рейхсвер и полицейские отряды, если дело дойдет до насильственных действий против национал-социалистов»²⁵. Поэтому оно решило избежать испытания сил в столкновении с нацистами, ибо это испытание могло оказаться губительным для сплоченности реакционной фаланги. Когда же Рем обратился к командующему войсками рейхсвера в Баварии генералу фон Лоссову, правительственному президенту Верхней Баварии Кару и мюнхенскому полицей-президенту с соответствующей просьбой, правительство частично отменило чрезвычайное положение в отношении нацистских сборищ; в отношении же антифашистских сил оно продолжало действовать.

Баварское правительство сделало это по настоянию Лоссова, который во время поспешно устроенной встречи с нацистским главарем заверил Гитлера в том, что считает НСДАП «значительной» и «выносливой», но вместе с тем посоветовал ей для обеспечения успеха «очистить национал-социализм от шлаков и крайностей, дабы вылущить и сохранить здоровое и радующее национальное ядро»²⁶.

Таким образом, Гитлер услышал слова признания из уст человека, который хотя и выдавал себя за слугу Веймарской республики, однако в согласии с могущественными кругами господствующего класса вел дело к ее гибели. В то же время Гитлеру дали понять, что, прежде чем ему и его партии позволят развить активную деятельность, он должен устранить всякие сомнения насчет псевдосоциалистической сущности нацизма и демагогического характера нападков на капиталистический строй. Гитлер намек понял и обещал путча не устраивать, а после съезда «вновь явиться к его превосходительству».

Поэтому связанные со съездом сборища и парады нацистов прошли в полном «спокойствии и порядке». 27 января состоялось 12 массовых митингов, и Гитлер на своем «хорьхе» метался с одного конца города на другой; 28-го — освящение знамен во время парада 5 тыс. штурмовиков на Марсовом поле, затем факельное шествие к пивной «Киндль». Путч был отложен, но в результате уступчивости баварского правительства престиж нацистов и их шансы на последующий успех возросли.

Вскоре НСДАП, ряды которой продолжали пополняться, вступила в организационное сотрудничество с милитаристскими союзами «Имперский флаг» и «Нижняя Бавария», которые ранее больше склонялись к питтингеровскому союзу «Бавария и рейх», а также с союзом «Оберланд» и (временно) с «Патриотическими объединениями» Мюнхена. НСДАП удалось также впервые заключить соглашение с организацией за пределами Баварии — с руководимой Альбрехтом фон Грефе фашистской «Немецко-фёлькишской свободной партией». Грефе практически возглавил все запрещенные правительствами земель внебаварские местные группы НСДАП и заявил о своей готовности предоставить Баварию на откуп мюнхенским нацистам.

В процессе всех этих комбинаций Гитлер, считавшийся в новом организационном содружестве самой видной персоной, невзирая ни на что, подчеркивал: его партия ни на какие программные компромиссы со своими временными союзниками никогда не пойдет. Но поскольку руководители НСДАП (как показано выше) считали ее программу не чем иным, как набором ни к чему не обязывающих фраз, предназначенных для вербовки сторонников, и (как это будет проиллюстрировано двумя конкретными примерами) в случае необходимости беззастенчиво отказывались

от провозглашенных принципов, такие заявления, естественно, служили всего-навсего тактико-демагогическим маневром.

Однако свое воздействие они все же оказывали: многие шедшие в фарватере нацизма мелкие буржуа увидели в этом доказательство того, что НСДАП — та единственная политическая сила, которая в период продолжающихся парламентских сделок и распрей уже утвердившихся буржуазных партий и постоянного отхода СДПГ от провозглашенных ею долгосрочных целей, а также в условиях уступчивости общегерманского правительства перед угрозами держав-победительниц не мирится ни с какой половинчатостью и не склоняется ни перед кем.

Дабы еще больше подчеркнуть мнимую самостоятельность своей партии, Гитлер даже решил провокационно противопоставить себя всем правоэкстремистским и прочим буржуазным партиям в одном бурно обсуждавшемся тогда вопросе. То был типичный пример его наглости и хитрости, поскольку это означало внезапный отказ в пропаганде (на практику это все равно никак не влияло) от той позиции, которую он вчера еще выдавал за краеугольный камень «национал-социализма».

Речь шла об отношении к оккупации Рура и Южного Тироля. В процессе обострения послевоенных противоречий между державами-победительницами и Германией Франция, поддержанная Бельгией, 11 января 1923 г. оккупировала индустриальное сердце Германии — Рурскую область, введя туда войска якобы в качестве карательной меры за не полностью произведенные репарационные платежи. На самом же деле Франция предприняла эту акцию для того, чтобы таким образом приблизиться к своей не достигнутой в 1919 г. военной цели — переносу границы на Рейн. В ответ в Германии поднялась волна шовинизма и правительство, поддержанное буржуазными партиями и СДПГ, провозгласило «пассивное сопротивление». За исключением коммунистов, которые призывали к борьбе против империалистических поджигателей войны по обе стороны Рейна, все остальные партии апеллировали к «единству народа» и провозглашали, как и в 1914 г., лозунги «гражданского мира».

В отличие от других националистических партий Гитлер потребовал прежде всего повести борьбу не против иностранной оккупации важнейших индустриальных областей Германии, а против «внутренних врагов!» «В этой

ситуации, — заявил он, — борьба должна вестись в первую очередь против марксистов, «берлинских евреев» и «ноябрьских преступников» (т. е. социал-демократов и коммунистов. — *Перев.*), и только после расправы с ними можно будет перейти к преодолению «внешнего врага». Тут даже националистические соперники Гитлера обвинили его в измене фатерланду и чуть ли не в подкупе со стороны Франции. Гитлер на время поставил себя в затруднительное положение перед своими приверженцами. Но с точки зрения долговременной перспективы Гитлеру гораздо важнее было другое. Тем самым нацистский главарь дал понять могущественным магнатам угля и стали, заинтересованным в задержке репарационных платежей и, учитывая позицию Англии и США, рассчитывавшим на выгодное урегулирование конфликта на базе экономической кооперации с ними: подобно им, он руководствуется приоритетом классовых капиталистических интересов, а внешнеполитические вопросы намеревается выдвигать только после обеспечения в стране стабильной политической власти буржуазии.

Аналогичным образом вел себя Гитлер и по вопросу о Южном Тироле. До тех пор нацисты — в едином хоре со всеми другими реваншистами — безоговорочно требовали пересмотра всех границ, установленных по Версальскому миру в 1919 г. и, само собой разумеется, возврата отошедшего к Италии Южного Тироля, который был частично населен немцами и благодаря Бреннерскому перевалу через Альпы имел большое стратегическое значение. Но Гитлер сообразил, что ставшая фашистской Италия потребуетя ему в качестве будущего союзника для осуществления куда более важных экспансионистских устремлений, а потому следует устранить возможные трения с нею. Словно позабыв, что еще недавно он патетически негодовал по поводу того «позора», которому «низшая итальянская раса» подвергает тирольских немцев, Гитлер теперь заявлял: «Болтовня о Южном Тироле, пустые протесты против [итальянских]... фашистов вредят только нам самим, ибо они разобщают нас с Италией. В политике нет сентиментов, в ней есть только холодный расчет... Отказом от Южного Тироля Германия приобрела бы согласие Италии на аншлюс Австрии и на введение вновь воинской повинности»²⁷.

Смена Гитлером курса в вопросе о Южном Тироле не в последнюю очередь была практическим доказательством

того, что он в состоянии держать своих приверженцев в повиновении даже в том случае, если ранее провозглашенные им лозунги вдруг превратятся в свою полную противоположность. А это могло и должно было показать его собственную пригодность для крупной буржуазии, его способность в нужный момент отказаться от тех псевдосоциалистических обещаний, которые нацисты давали массам. Для этого и надобен был культ, преднамеренно создававшийся вокруг его личности. Этот культ выражался формулой «Фюрер всегда прав» и позже достиг своей кульминации в пресловутом девизе: «Фюрер приказал — мы повинемся!»

Весна 1923 г. была отмечена тяжелыми кризисными явлениями. Инфляция приняла невиданные в мировой истории размеры, борьба за Рур обострилась, все чаще возникали забастовки, голодные и антивоенные демонстрации, усиливалось стремление рабочих к единству действий, «пролетарские сотни» набирали боевую силу, требования КПП о создании рабочего правительства находили все больший отклик. Различные контрреволюционные группы готовились ко «дню X», чтобы разгромить рабочее движение и установить режим военной диктатуры.

В этой ситуации Гитлер и его сообщники вновь и вновь пытались прощупать, не согласятся ли непосредственно связанные с ними представители правящего класса — генерал Лоссов, действующий из-за кулис Кар, начальник баварской полиции полковник Ганс Риттер фон Зайссер и такие могущественные персоны, как рурский промышленник Стиннес, лидер «пангерманцев» Класс, командующий рейхсвером генерал фон Сект, — в случае провозглашенного правыми организациями «похода на Берлин» предоставить нацистам за их услуги по усмирению народных масс положенную долю власти. Но добиться ясного ответа от всех этих господ, которые, разумеется, преследовали и свои личные цели (а некоторые имели в соответствии с интересами различных групп финансового капитала собственные взгляды насчет распределения власти), они не смогли.

Гитлеру стало известно об одном разговоре Секта с Людендорфом. Глава рейхсвера, хотя и обещал «герою» мировой войны передать ему командование «новой германской армией», тем не менее заявил: сделать это он сможет только в том случае, если смена власти произойдет «легально»²⁸. 10 марта Сект (в присутствии Лоссова)

встретился с Гитлером и снова настаивал на том, что при любой смене правительственной системы должна быть обеспечена «легальность». Ответа на вопрос, что именно следовало понимать под этим магическим словом, нацистский главарь (во время беседы он несколько раз вскакивал, метался туда-сюда, выкрикивал угрозы по адресу берлинского правительства) добиться от славившегося своей неприступностью генерала так и не смог; тот своим молчанием на сей счет оставлял открытой любую возможность толкования.

Во время этого и других зондажей выявился главный мотив сдержанности Секта и других реакционеров — страх перед единым отпором путчистам со стороны рабочего класса, и прежде всего боязнь перерастания таких акций во всеобщее антиимпериалистическое народное восстание. На этот главный мотив весьма четко указывалось в ретроспективной общей оценке событий 1923 г. тайным генеральным штабом. Насчет пути «к оздоровлению [и] к созданию чисто национального правительства» в этом документе говорилось следующее: «Надо отдавать себе полную ясность в том, что имеется только два вида [действий]»; один из них состоит в том, что «будет применена грубая сила и осуществлен полный внутренний переворот в Германии (путч). Такое применение даст лишь моментальный успех, но не сможет принести окончательного оздоровления. За путчем справа последует путч слева и т. д.»²⁹.

Дабы вынудить все соперничающие друг с другом консервативные силы поддержать фашистский насильственный акт, нацисты выработали такую модель путча, которая в последующие 10 лет неоднократно фигурировала в их расчетах и в конце концов в модифицированной форме была осуществлена ими в виде поджога рейхстага 27 февраля 1933 г. Они замыслили государственный переворот, который должен был выдаваться за «оборону от Коммуны», за контрудар, призванный сорвать якобы готовящуюся пролетарскую революцию.

В накаленной атмосфере 1923 г. нацисты собирались воспользоваться традиционным боевым праздником рабочего класса — 1 Мая. Нападения на колонны демонстрантов рабочих должны были вызвать истерию гражданской войны. Вюртембергский посланник в Баварии сообщал, что накануне пролетарского праздника не только нацистами, но и другими кругами «за кулисами распрост-

ранялись... слухи, что с коммунистической стороны... планируется переворот»³⁰. Хотя отряды фашистских громил и нападали в разных местах на участников пролетарских митингов, совместно проводимых КПП и СДП в Мюнхене, на этот раз начать путч не удалось. Это объяснялось отчасти тем, что реакционные власти старались не допустить преждевременной акции нацистов. Но главной причиной было разумное поведение организованного пролетариата перед лицом провокаций штурмовиков.

Рабочие партии за прошедшие месяцы все отчетливее осознавали масштабы фашистской опасности. Однако социал-демократия, видевшая в нацизме исключительно движение мелкобуржуазных насильников, уклонялась от анализа классовых корней фашизма. Из этой характерной для социал-демократии и позже неспособности правильно определить сущность фашизма уже тогда выросла та тактика, которая в начале 30-х годов выродилась в «политику смирения» и в высшей степени благоприятствовала нацизму. Выступая против Отто Бауэра, одного из ведущих теоретиков II Интернационала, Клара Цеткин в июне 1923 г. заклемила позицию социал-демократии, которая перед лицом угрозы фашизма не придумала ничего лучшего, как рекомендовать своим сторонникам «тихо и спокойно отойти в сторонку... и терпеливо выжидать, удастся ли немножко продвинуться вперед на пути демократии и реформы».

Встревоженные успехом итальянского фашизма и усилением фашистского движения в других странах, коммунисты забили тревогу уже на IV Всемирном конгрессе Коминтерна (ноябрь — декабрь 1922 г.). На III пленуме Исполкома Коминтерна (ИККИ) в июне 1923 г. эти проблемы заняли центральное место. В докладе о борьбе против фашизма Клара Цеткин дала оценку контрреволюционного движения последних лет. Эта оценка подтвердилась в ходе дальнейшего развития и в основных пунктах сохранила свое значение по сей день. Имея в виду верхушку финансового капитала, Клара Цеткин констатировала, что буржуазия уже не может обеспечить свое классовое господство обычными средствами и методами и потому нуждается в организациях, действующих вопреки закону. Одна из таких организаций — прибегающий к методам насилия фашизм. «Она (буржуазия.— В. Р.)... питает и содержит его, поощряет его развитие всеми находящимися в ее распоряжении средствами денеж-

ного мешка и политической власти». Примечательной особенностью фашизма Клара Цеткин назвала то, что он пользуется «двойным аппаратом»: «одним аппаратом — для подкупа рабочих, а другим — для подавления их вооруженной силой, террористическими средствами».

Клара Цеткин реалистически охарактеризовала массовую базу фашизма и определила задачи политической и идеологической борьбы с ним. Она указала на податливость обнищавших низших и средних слоев, мелкой буржуазии и интеллигенции фашизму и сделала вывод: «Многотысячные массы устремляются к фашизму... Он стал пристанищем для политически бездомных, для лишившихся своих социальных корней, для потерявших материальную основу своего существования и для разочарованных». Клара Цеткин призвала «начать борьбу не только за души пролетариев, попавшихся на удочку фашизма, но и за души мелких и средних буржуа, крестьян-бедняков и за интеллигенцию»³¹.

В своей борьбе против нового, крайне изоциренного врага коммунисты старались использовать и национальные чувства широких народных масс, найти неиспробованные методы. Как трудна была эта задача борьбы в еще не изведанной области, вновь обрисованная в воззвании КПГ от 11 июля 1923 г.³², видно из следующего факта. В атмосфере раздуваемого антикоммунизма и терпимости к фашистскому движению со стороны буржуазного государства коммунистам, несмотря на гигантское напряжение всех сил, вплоть до 1933 г. не удавалось добиться решающего прорыва в ряды мелкобуржуазных сторонников нацистов. Даже развязанная фашистской Германией вторая мировая война и совершенные в ее ходе неслыханные преступления гитлеровцев не смогли высвободить средние слои из идеологических тисков фашизма вплоть до его разгрома.

Как в годы подъема фашистского движения до 1933 г., так и при нацистской диктатуре рабочий класс и в ранней фазе этого движения представлял собой потенциально наиболее мощную антифашистскую силу. Поэтому КПГ уже тогда ориентировалась на создание пролетарского единства действий как надежного оплота против реакции, вступающей под знаком свастики. Состоялась и первая общегерманская массовая акция против фашизма; она была организована коммунистами, и полиция повсеместно пыталась помешать ей. Речь идет об Антифашистском дне

29 июля 1923 г., который проходил под лозунгом единой воли рабочего класса дать отпор фашизму.

В условиях постоянно обострявшейся внутривнутриполитической ситуации, когда революционное движение в промышленных центрах, в Берлине, Саксонии и Тюрингии, Рурской области, Гамбурге и в других местах усиливалось день ото дня, фашизму все же удалось добиться некоторых успехов, а именно в Баварии. В начале сентября, всего через три недели после того, как объявленная революционными фабзавкомками всеобщая забастовка в Берлине привела к падению правительства Куно, возникшее в январе 1923 г. организационное сотрудничество баварских правых союзов, включая и НСДАП, оформилось в «Германский боевой союз», который полностью шел в нацистском фарватере. Политическим лидером этого союза стал Гитлер, военным руководителем — подполковник в отставке Герман Крибель.

Новый рейхсканцлер, глава Немецкой народной партии, Густав Штресеман, в кабинет которого (подобно тому как это было при формировании последнего кайзеровского правительства накануне Ноябрьской революции) вошли и озабоченные сохранением буржуазного строя правые социал-демократические лидеры, 26 сентября прекратил «пассивное сопротивление» в Руре. Он исходил при этом из того, что для подавления с опасением ожидаемого революционного восстания потребуется вся мощь государственной власти, что борьбу в Руре, все сильнее отвергаемую и населением оккупированной области, больше нечем финансировать (государственные расходы всего на один процент покрывались доходами!), а в перспективе уже вырисовывается возможность заставить ослабленную Францию (как это в дальнейшем и произошло) пойти на приемлемое для Германии разрешение конфликта. Одновременно с прекращением «пассивного сопротивления» социал-демократический президент Фридрих Эберт по настоянию Штресемана ввел чрезвычайное положение и передал всю исполнительную власть в Германии министру рейхсвера Отто Гесслеру, который, хотя и принадлежал к Демократической партии, был известен как решительный поборник ликвидации парламентаризма.

Гитлер и его ближайшие сообщники, которые уже неоднократно вселяли в своих унтер-фюреров надежду на предстоящий путч против Веймарской республики, снова попытались использовать затруднительное положение

общегерманского правительства для государственного переворота. Они наметили на 27 сентября 1923 г. проведение в Мюнхене 14 крупных собраний, на которых, по информации властей, намеревались подать сигнал к «нанесению удара»³³. Однако правительство земли упредило его, запретив эти собрания, а также назначив Кара генеральным комиссаром Баварии и передав ему исполнительную власть чрезвычайного характера. К тому же Гитлеру спустя четыре дня пришлось убедиться, что и берлинское командование рейхсвера энергично выступило против правоэкстремистских выходов: был подавлен путч, устроенный майором Бухруккером в Кюстрине при участии 500 человек из «черного рейхсвера» (так называли нелегально создаваемые в нарушение Версальского договора армейские части).

Назначив Кара генеральным комиссаром, баварское правительство нарушило указания берлинских властей по осуществлению чрезвычайного положения. То был вызов Берлину, угрожавший единству страны и поощрявший местную реакцию на контрреволюционные сепаратистские и антиреспубликанские действия. Все это способствовало нарастанию со времени падения правительства Куно революционного кризиса. В Германии возникла ситуация, которую В. И. Ленин в принципе охарактеризовал как такую, когда «*низы*» не хотят старого и когда «*верхи*» не могут по-старому»³⁴.

Материальная нужда «низов» приняла невыносимые размеры. Обесценение денег достигло фантастических цифр. Если в августе за один доллар еще платили 4,6 млн. марок, то в сентябре уже 98,8 млн., в октябре — 25 260,2 млн., а в ноябре — даже 4 200 000 млн. — для этой суммы в обиходном языке даже нет названия! На свою заработную плату и пособия трудящиеся не могли купить ровно ничего: деньги перестали выполнять свою функцию платежного средства. В октябре были полностью или частично безработными уже 70 % рабочих.

В этой обстановке созданные трудящимися комитеты действия и комитеты единства начали брать в свои руки контроль над производством и над снабжением населения. Широкие массы все настойчивее требовали изменения существующих условий. В октябре 1923 г. в Саксонии и Тюрингии были сформированы состоявшие из левых социал-демократов и коммунистов рабочие правительства. При условии дальнейшего наступления революционных

сил они могли бы стать основой для образования рабоче-крестьянского правительства всей Германии.

Но и у «верхов» тоже заколебалась почва под ногами. В октябре почти 95 % всех предприятий работали с недогрузкой. Объем промышленной продукции составил всего 20 % довоенного. Правящие круги со всевозрастающим беспокойством следили за деятельностью пролетарских контрольных органов и за ходом событий в Саксонии и Тюрингии. Поворот все более широких масс к Коммунистической партии Германии уже не мог сдерживаться практиковавшимися прежде средствами.

Поскольку тесно связанные с буржуазным государством правые социал-демократические лидеры проводили антикоммунистическую политику, они тем самым сорвали создание сплоченного боевого фронта пролетариата. Что касается реакционных представителей правящего класса, то у них тоже не имелось ясного представления о путях и формах преодоления кризиса. Поэтому не только платные французские агенты, но и влиятельные рейнско-вестфальские банкиры и промышленники (выразителем их политических взглядов был тогдашний обер-бургомистр Кёльна, будущий канцлер ФРГ Конрад Аденауэр) стремились к созданию сепаратной Рейнской республики. По их замыслам она должна была отделиться от остальной Германии, где реакция со страхом ожидала революционного восстания, и предоставить французским штыкам спасение эксплуататорского строя.

Эти сепаратистские стремления поначалу усложнили позиции различных врагов республики в Рурской области, Берлине и Мюнхене. Однако они постоянно искали компромиссов между собой. Спор между ними (не говоря уже о личных амбициях и притязаниях на власть) шел из-за того, кому — рейхсверу или военизированным формированиям фашистского типа — отдать предпочтение в деле военного обеспечения будущей диктатуры, на какую массово-политическую базу должны опереться носители вооруженной силы.

В сентябре Стаиннес поделился с американским послом своими планами, согласно которым, как он выразился, коммунисты должны быть «полностью раздавлены», социализм «как политическая форма существования в Германии навсегда ликвидирован», а рабочий класс силой принужден к оживлению экономики и к введению «нормального 10-часового рабочего дня». Согласно телеграф-

ному донесению американского дипломата государственному секретарю США, Стиннес сказал: надо «найти диктатора, наделенного властью делать все, что нужно. Такой человек должен говорить на языке народа, а сам быть из буржуазных кругов. И такой человек есть». Стиннес имел в виду Кара; это позволяет предположить следующая фраза: «Крупное, исходящее из Баварии движение, полное решимости восстановить старую монархию, уже близко»³⁵.

В то же самое время (сентябрь 1923 г.) генерал Сект подготовил краткое правительственное заявление и подробную правительственную программу для директориума, который он назвал «кабинетом чрезвычайного положения и переходного периода». Оба этих документа по содержанию своему мало чем отличались от плана Стиннеса. Однако Сект избрал более осмотрительные формулировки: «Частная собственность, также и на средства производства, признается в полном ее объеме», 8-часовой рабочий день подлежит отмене вместе с тарифными договорами, а профсоюзы следует заменить профессиональными палатами. Поскольку Сект (правда, не так категорично, как рейхсканцлер Штрезман) ориентировался на частичную поддержку со стороны находившейся под влиянием реформистов части рабочего класса или по меньшей мере на ее нейтрализацию, он упомянул о «праве на забастовки при твердых предпосылках» и о (несомненно, чисто демагогическом) «запрете картелей и синдикатов». В то же время он недвусмысленно подчеркивал необходимость «применения имеющихся в распоряжении рейха средств власти» — говоря открытым текстом, это означало установление рейхсверовской диктатуры³⁶.

Намерения Секта и по времени их осуществления совпадали с планом Стиннеса. Его близкий сотрудник, начальник войскового управления рейхсвера генерал Хассе записывал 6 октября: «...через две недели клич о сильном человеке должен раздаться снова»³⁷.

Сект согласовывал свои действия с бывшим директором фирмы Круппа Отто Видфельдтом, который временно являлся германским послом в Вашингтоне и должен был стать канцлером и министром внутренних дел. В качестве членов своего директориума он предлагал, далее, министра рейхсвера Гесслера и лидера христианских профсоюзов Адама Штегервальда — автора программы объединения буржуазных сил, «стоящих на ярко выраженных позициях борьбы с марксизмом». Министрами должны были стать

также генеральные директора концерна Сименса Отто Генрих и Мино. Последний участвовал в подготовке правительственной программы Секта, но в октябре отошел от него.

Сект хотел подчинить всех претендентов в диктаторы одному диктатору — себе самому. Это видно из того, что в своем директорииуме он предоставлял место и Кару. Однако он вскоре отбросил эту идею, после того как тот отказался запретить «Фёлькишер беобахтер», чего командующий рейхсвером требовал за нанесенное ему газетой личное оскорбление. Конфликт обострился, когда Лоссов отказался выполнить поступивший из Берлина приказ осуществить этот запрет военной силой, а Кар в ответ на последовавшее затем отстранение Лоссова 27 октября заставил 7-ю дивизию рейхсвера принести присягу на верность баварскому правительству.

Хотя это было равнозначно прямому бунту и ставило под вопрос единство германского государства, имперское правительство и командование рейхсвера, лишь накануне приказавшие силой свергнуть созданные в соответствии с конституцией рабочие правительства в Дрездене и Веймаре, не сожгли свои мосты к баварским реакционерам. Вопреки конституции, но действуя вполне последовательно с точки зрения своих классовых интересов они объявили возглавленные левыми социал-демократами и коммунистами правительства Саксонии и Тюрингии врагами республики и расправились с ними. Баварскую же антиреспубликанскую реакцию они считали до поры до времени выжидающим союзником и партнером, который придерживается того же образа мыслей.

У самого Кара никакой детальной правительственной программы явно не было. Тем не менее он имел вполне четкие представления о том, как воспользоваться будущей властью. Это видно из памятной записки верхнебаварских местных групп «Пангерманского союза» и различных военизированных формирований, направленной Классу 8 сентября 1923 г. В ней содержалось требование установить в Баварии «диктатуру Кара», которая должна находиться «в тесной связи с этим движением по всей Германии» и при которой следует осуществить, в частности, следующие немедленные меры: «введение военно-полевых судов. Подавление беспощадной силой любого сопротивления. Арест руководящих лиц всех не стоящих на отечественной почве политических партий и объединений...

Решение еврейского вопроса... Отмена свободы печати». Далее в памятной записке говорилось: «Для прочного обеспечения здоровых условий и свободного хозяйства на фёлькишской основе необходимо ужесточение уголовных законов и применение без всякого снисхождения смертной казни за забастовки, саботаж, помехи работе и бунт против государственной власти»³⁸.

Почти те же самые пункты (и это весьма примечательно) содержали и проект чрезвычайной конституции, и положения о военно-полевой юрисдикции, вышедшие из-под пера солидаризировавшегося с «Пангерманским союзом» нациста фон дер Пфортена, одного из высших судебных чиновников Баварии. Как и осужденный впоследствии в Нюрнберге главный военный преступник Вильгельм Фрик, являвшийся тогда крупным чиновником мюнхенского полицей-президиума, Пфортен принадлежал к числу тех заведомых фашистов, которые, несмотря на все кризисы, сохраняли свои посты в баварском государственном аппарате.

Пфортеновский проект чрезвычайной конституции предусматривал использование рейхсвера, которому надлежало предоставить право передавать «законодательство, административное управление и исполнительную власть... ответственным только перед ним должностным лицам». Что же касается имперского правителя, то Пфортен считал возможным назначение Класса или Кара, но, вероятно, думал уже и о Гитлере.

Во всяком случае об этом говорит то, что с рукописью своего плана в кармане (там она и была найдена) Пфортен 9 ноября, когда его настигла смертельная пуля, шагал рядом с нацистским главарем, который за двенадцать часов до того самозвано назначил себя рейхсканцлером. К тому же многие частные положения проектов Пфортена выходили за рамки обычных реакционных требований (запрет партий, отмена свободы прессы, смертная казнь за участие в забастовках и т. п.) и носили несомненные черты гитлеровского фашизма.

Таково было, например, требование отправки всех евреев в сборные лагеря и смертной казни за любое устное или письменное общение с ними. Положение о военно-полевой юрисдикции легализовало тотальное бесправие, которое следовало осуществить позднее, при фашистской диктатуре. «Предварительное расследование,— говорилось далее,— не должно иметь места. Дело рассматривается

сразу в судебном заседании на основании обвинения... Приговоры выносятся одним председателем, вне судебного заседания... Обвинитель (прокурор) может отдавать приказ об аресте. Основания ареста письменно излагать не требуется... Правовые нормы не применяются»³⁹.

Господство произвола на основе подобных «правовых» норм, которого неприкрыто требовали нацисты в качестве своей цели, привлекло интерес к ним наиболее воинствующих монополистов, например стального магната Фрица Тиссена. В октябре 1923 г. он поспешил в Мюнхен и встретился с Гитлером в доме Шойбнер-Рихтера. Тиссен тоже хотел сказать свое слово в реализации диктаторских планов. Какое именно, не в последнюю очередь видно из того, что в баварской столице он воспользовался гостеприимством не кого иного, как Людендорфа, фактически примкнувшего к Гитлеру. Нимб полководца (его называли «армейский корпус на двух ногах») еще позволял Людендорфу имитировать некоторую политическую самостоятельность.

В весьма запутанной сваре претендентов в диктаторы победителем в середине ноября временно оказался генерал Сект. Однако ему пришлось надолго согласиться с концепцией Штреземана. Решающую роль в этом сыграли не политические способности командующего рейхсвером, а объективные условия. Особенную роль сыграло то обстоятельство, что насильственным смещением рабочих правительств в Средней Германии, подавлением Гамбургского восстания (23—25 октября 1923 г.) и других выступлений трудящихся реакции удалось еще сильнее углубить раскол в рабочем движении, ослабить революционные силы и таким образом создать предпосылки для реализации отвечавшей взглядам Секта, замаскированной конституционными положениями военной диктатуры, пусть даже и ограниченной по своим возможностям.

Однако в конце октября — начале ноября все еще выглядело так, будто наибольшие шансы прийти к цели имеются у Кара, который наряду с Гитлером был наиболее энергично действующим среди правых радикалов. Заместитель Кара барон фон унд цу Ауфзесс призвал 20 октября к «походу на Берлин» и подверг оскорблениям президента Эберта, по профессии шорника⁴⁰. Спустя четыре дня генерал Лоссов, который тоже принадлежал к числу ближайших доверенных Кара, заявил о необходи-

мости вступления в Берлин и установления «национальной диктатуры»⁴¹.

Однако Кар и его приспешники ориентировались на совместные действия с Сектом, который располагал куда более внушительными средствами власти, чем нацистский главарь, выступавший с абсолютистскими претензиями на фюрерство и представлявший собой величину местного баварского масштаба. 3 ноября Кар послал другого своего доверенного, начальника баварской полиции полковника Зайссера, в Берлин, поручив ему изложить командующему рейхсвером свой план установления «независимой от парламента, свободной национальной диктатуры», которая должна своими «решительными мерами» выступить «против социалистической нечисти».

Сект по этому поводу заметил: «Это — моя цель... Различие — в темпе, а не в цели»⁴². В подтверждение он через два дня набросал черновик письма Кару, содержащий ставшую известной фразу: «Веймарская конституция для меня не *poli me tangere* (недотрога. — *B. P.*); я ее не делал, и она в своих основополагающих принципах противоречит моему политическому мышлению»⁴³.

Твердо намереваясь подчинить все реакционные военизированные формирования командованию Лоссова и тем самым обеспечить себе в совместной с Сектом акции максимум самостоятельности и даже больше, Кар 6 ноября созвал совещание представителей так называемых отечественных объединений для непосредственной подготовки решающего удара по Берлину. От «Германского боевого союза» в совещании участвовал только его военный руководитель Крибель. Политического руководителя этого союза — Гитлера даже не пригласили. Его явно хотели держать поодаль, дабы обеспечить единое руководство силами реакции и не подвергать удар по республике риску из-за непомерных амбиций нацистского главаря.

Разумеется, Гитлер и его ближайшие сообщники были этим крайне обозлены. Они ни в коем случае не желали дать оттеснить себя теперь, когда для них на карту было поставлено решительно все. По настоянию Гитлера Людендорф во второй половине дня 8 ноября предстал перед триумвиратом Кар — Лоссов — Зайссер и потребовал включить «Германский боевой союз» в работу по политическому планированию заговора. Когда же это требование было отклонено, Гитлеру не осталось ничего иного, как ошеломляющим маневром заставить «взбунтовавшееся

начальство» признать участие фашистов в задуманном государственном перевороте.

Подходящий случай представился в тот же самый вечер во время «митинга отечественных сил» в пивном зале «Бюргербройкеллер». На нем Кар, заранее оправдывая запланированную антиреспубликанскую акцию, выступал в связи с 5-й годовщиной Ноябрьской революции перед министрами, чиновниками, военными и коммерсантами с носившим антимарксистский характер докладом «От народа к нации». Около 21 часа в дверях огромного зала возникла свалка, раздались громкие выкрики, с опрокинутых столов со звоном покатались по полу пивные кружки. Не успел Кар собрать свои бумаги, как в зал ворвалось несколько десятков человек в коричневой форме; на рукавах — повязки со свастикой, на головах — стальные каски. Сопровождаемый двумя громилами, державшими пистолеты дулом вверх, Гитлер устремился вперед. Добежав до сцены, он вскочил на стул и широким жестом потребовал тишины. Гул голосов не смолк, и он приказал одному из телохранителей выстрелить в потолок. Выстрел заставил всех замолчать. Было слышно, как с потолка посыпалась штукатурка.

В воцарившейся тишине Гитлер прокричал, что «национальная революция» началась и зал оцеплен штурмовиками с тяжелым оружием. Потом он произнес несколько фраз о «величии момента». Сохранявший видимость спокойствия Кар и его свита удалились вместе с Гитлером в соседнюю комнату.

Лишь только дверь за ними закрылась, в зале раздался сдержанный смех, послышались возгласы: «Комедия!», «Театр!» Тогда штурмовики выволокли из зала премьер-министра Баварии Книллинга и еще двух-трех видных лиц. Командовавший погромщиками Геринг, стоя на трибуне, еще раз выстрелил в потолок. Шум стал стихать. Тогда Геринг, как сообщает очевидец, «громким голосом, весьма жестко и энергично» заявил: удар направлен не против господина генерального комиссара, не против рейхсвера, а против «марксистско-еврейского правительства» в Берлине.

После замешательства, во время которого Гитлер, то и дело выбегая из соседнего помещения, еще пару раз выстрелил из своего браунинга в воздух, было провозглашено, что три «сильных человека» Баварии — Кар, Лоссов и Зайссер — вступили в союз с нацистским фюрером и во

главе с ним и вместе с генералом Людендорфом создали «национальное правительство» Германии. Новые министры, прежде всего объявленный «регентом» Баварии Кар, произнесли короткие, но воодушевившие присутствовавших речи и заверили «рейхсканцлера» Гитлера в своей верности. Свежеиспеченный «имперский военный министр» Лоссов произнес здравицу в честь появившегося в последнюю минуту «главнокомандующего» Людендорфа: «Желание вашего превосходительства — для меня закон! Я соберу армию на борьбу!» Сам Гитлер говорил о «марше на Берлин». Он заявил, что «ноябрьские преступники» во главе с президентом Эбертом будут переданы суду «национального трибунала» и через три часа после вынесения приговора расстреляны.

На этом программа «национальной революции» на данный вечер закончилась. Гитлер поспешил удалиться, чтобы проинспектировать некоторые опорные пункты своих головорезов. Людендорф остался на сцене пивного зала как символ «национального мятежа». Непрерывно звучали восторженные тосты и выкрики «Хайль Гитлер!». Тем временем Кар, Лоссов и Зайссер почти незаметно исчезли и отправились в расположенную поблизости казарму 19-го пехотного полка, чтобы обсудить возникшую ситуацию.

На следующее утро население Мюнхена узнало из газет, что Бавария освободилась от «ига берлинских евреев» и «глава правительства» Гитлер вскоре наведет порядок в германской столице. Когда же люди вышли на улицу поглядеть, как осуществляется «национальная революция», они увидели повсюду плакаты — Кар, Лоссов и Зайссер доводили до всеобщего сведения, что данное ими в «Бюргербройкеллере» Гитлеру слово вырвано у них силой и, следовательно, ничего не значит: они отмежевываются от Гитлера и Людендорфа.

Оказывается, во время ночного совещания триумвират пришел к выводу, что гитлеровский путч натолкнется за пределами Баварии на немалое сопротивление рабочего класса, как в свое время капповский, и потому никаких шансов на успех не имеет. Когда к тому же из Берлина поступило сообщение, что Эберт ввиду мюнхенских событий наделил исполнительной властью (до сих пор принадлежавшей министру рейхсвера) не кого иного, как именно Секта, Кару и его партнерам стало ясно: из этой нацистской авантюры надо вылезать как можно скорее.

Узнав об этом, Гитлер понял, что его дважды предали — и как псевдореволюционера, и как приверженца военной силы. Он пришел в такую дикую ярость, что не смог преодолеть ее в течение целого десятилетия: «рассчитываясь» 30 июня 1934 г. с Ремом, он приказал убить и Кара и Лосова. Однако первоначально Гитлер попытался превратить намеченный на первую половину дня 9 ноября триумфальный марш по Мюнхену в демонстрацию протеста против трех «старых господ», которых он таким образом еще надеялся заставить встать под его знамя. Но Кар и его сообщники должны были (если только они не хотели оказаться сидящими между двух стульев — между Гитлером и Сектом) принять серьезные меры. Когда колонна нацистов с Гитлером, Людендорфом, Крибелем, Герингом и другими известными фашистами, шагавшими в первой шеренге, свернула с аристократической Резиденцштрассе и приблизилась к Галерее полководцев, путь ей преградила полицейская цепь. Незадолго до того нацистам удалось прорвать такое же ограждение на мосту через реку Изар, и поэтому они пренебрегли предупреждением остановиться и разойтись.

Прогредел первый залп. Несколько человек, шедших во главе колонны, были убиты, среди них Шойбнер-Рихтер и фон дер Пффордтен. Тут же открыли огонь и нацистские стрелки. Стали падать раненые, остальные бросились на землю. Людендорф, в которого не посмел целиться ни один солдат и полицейский, был арестован на площади Одеонплац. Было убито 16 фашистов и трое полицейских. Гитлеру повезло: шедший рядом Шойбнер-Рихтер, падая убитым, увлек его за собой на землю. Хотя при этом Гитлер всего-навсего вывихнул себе руку, это позволило ему впоследствии утверждать, что он бросился на землю не от страха или трусости, а потому, что был ранен. Его быстро довели до автомашины штурмовиков, в которой он и умчался с поля боя. Три дня спустя он был арестован на вилле Ханфштенгля в Уффинге.

Дилетантский путч нацистов бесславно провалился. Ликвидация нескольких еще продолжавших действовать гнезд штурмовиков вечером 9 ноября, во время которой схватили и Рема, прошла без всякого труда. Но фиаско Гитлера уменьшило и шансы Кара на установление своей диктатуры.

Многие покровители фашизма были разочарованы в Гитлере, который легкомысленно подставил ножку

слышшему солидным политиком Кару и провалом своего путча подорвал репутацию нацизма. Некоторые закулисные инспираторы НСДАП даже публично заявили, что они отказывают Гитлеру в своей поддержке, однако по-прежнему высказывали одобрение целям нацизма.

В дальнейшем же многие правые политики ретроспективно оценивали путч как событие, послужившее нацистам саморекламой и позволявшее им выдавать себя за «героев». Так, руководитель «Стального шлема» Теодор Дюстерберг писал в 1929 г., что пивной путч «на самом деле нисколько не повредил Гитлеру».

Глава третья

ЛОВКО ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ВЫНУЖДЕННАЯ ПАУЗА

О судебном процессе по делу Гитлера, начавшемся 26 февраля 1924 г. и закончившемся 1 апреля (это напоминает дурную первоапрельскую шутку!), следовало бы рассказать в предыдущей главе, если бы обвинявшийся в государственной измене нацистский главарь действительно был приговорен к заслуженному наказанию, а затем, отбыв положенный срок тюремного заключения, был бы выдворен из Германии как нежелательный иностранец. Такой исход процесса положил бы конец политической карьере Гитлера, хотя это и не устранило бы фашистской опасности; кстати, мог бы появиться и какой-либо иной «фюрер».

На самом же деле этот процесс знаменовал новый этап фашистского движения и потому должен рассматриваться во взаимосвязи с его дальнейшим развитием, тем более что обстановка к тому времени значительно изменилась. Финансовая система с середины ноября 1923 г. стабилизировалась, промышленное производство вновь набирало обороты, предвещая новый экономический подъем. Интерес к крайне реакционным авантюрам резко упал, ибо военный режим генерала Секта (он закончился 28 февраля отменой чрезвычайного положения по всей Германии) создал главные предпосылки для консолидации власти. Рабочее движение было ослаблено, КПГ загнана в подполье. Запрету подверглась и правозэкстремистская НСДАП. Начинался период относительной стабилизации капитализма.

Как и другие политические уголовные процессы этого времени, процесс против Гитлера и его сообщников показал, что тогдашняя юстиция еще более явно, чем другие звенья государственного аппарата, ставила интересы господствовавшего в веймарской Германии класса капиталистов гораздо выше интересов республиканского строя. Сказанное прежде всего относится к баварскому «народному суду», которому было передано уголовное дело на-

цистских участников заговора против республики, хотя оно и входило в компетенцию общегерманского государственного суда. Это было сделано, дабы выгородить сильно скомпрометировавших себя баварских вельмож — Кара, Лоссова и Зайссера. При этом судьи не раз показывали, что Гитлер и его сообщники политически им даже ближе. Прокуроров и судей ничуть не смущало, что фашисты посягали на охраняемое ими государство и, более того, как похвалялся нацистский главарь, намеревались незамедлительно расстрелять высших представителей республиканской власти. Им гораздо важнее было превратить процесс против нацистов в процесс против республики, а самих обвиняемых политически и морально реабилитировать.

Суд, обвинение и подсудимые (некоторые из них, например Людендорф, Пёнер, Фрик, украшенные орденами, продолжали оставаться на свободе) заранее договорились между собой насчет того, что именно о связях заговорщиков с местными правительственными и рейхсверовскими органами, об активности военизированных формирований и о других деликатных вещах может быть предано гласности, а что нет. Когда же тайные происки баварских правителей и правозэкстремистских организаций против республики утаить на судебных заседаниях не удавалось, публику (в том числе и наблюдателя из берлинского центра рейхсвера) просто-напросто удаляли из зала.

Антимилитаристский публицист Эрнст Юлиус Гумбель саркастически писал о процессе: самое интересное в нем — поменявшиеся роли. «Обвиняемые, — констатировал он, — стали руководителями судопроизводства. Они сами определяют, когда выдворить публику из зала. Через своих доверенных лиц они организовали выдачу входных билетов, чтобы их рассчитанная на привлечение избирателей * пропаганда получила нужный резонанс. Гитлер энергично подвергает свидетелей допросу, и публика награждает его громкими аплодисментами. Насколько уверенными чувствуют себя обвиняемые, видно из слов Крибеля: «Я заслужил свои лавры заговорщика против госу-

* Имеются в виду выборы в баварский ландтаг 6 апреля 1924 г., в результате которых запрещенная НСДАП временно стала сильнейшей в Мюнхене партией, а также выборы в рейхстаг 4 мая, в ходе которых кандидаты фёлькиш-фашистского списка едва набрали 2 млн. голосов (в парламент прошли, в частности, Фрик, Пёнер, Рем и Грегор Штрассер). — *Прим. авт.*

дарства еще во время капповского путча». А Пёнер даже издевательски заявил: «Если совершенное мною вы называете государственной изменой, то этим делом я занимаюсь уже пять лет». ...Гитлер и его друзья с полным правом утверждали, что они лишь продолжали начатое Каром и Лоссовом... Так обвиняемые сделались обвинителями. Официальный же обвинитель стал их защитником»¹.

Поскольку процесс был задуман в целях реабилитации нацизма, Гитлер, поднаторевший в ораторских приемах, стремился использовать его для саморекламы. Хорошо зная, что многие бывшие покровители уже списали его со счетов, Гитлер теперь не жалел сил, доказывая, что он отнюдь еще не конченный человек, а, напротив, завоевал себе право выступать в качестве лидера всего «отечественного движения». Судьи же так превосходно «подыгрывали» ему, что путч 8—9 ноября 1923 г., который прежде зачастую именовался путчем Гитлера — Людендорфа, после процесса стали называть просто гитлеровским.

В своем хвастливом последнем слове нацистский главарь не ограничился подробным изложением фашистской программы «безудержной политики силы» и «разгрома марксизма», а поставил вопрос: кто же призван осуществить эту программу? Он заявил, что все другие, кто стремился, как и он, к неприкрытой диктатуре, оказались слишком непоследовательными, слишком дряблыми, слишком трусливыми и только он один устремился на штурм республики. «Того, кто рожден быть диктатором, — выкрикнул он, указывая на себя, — того не отбросить назад, он не даст отбросить себя, он пробьется вперед!» Упрек в непоследовательности и трусости Гитлер адресовал также суду и прокуратуре: пусть те и квалифицировали породившую республику Ноябрьскую революцию как «преступление, равнозначное государственной измене», пусть и обличали парламентаризм за подрыв авторитета государства, они все же «запятнали себя» унижительными, с точки зрения нацистов, услугами республике и парламентаризму.

Дабы «отмыться» от подобных обвинений фашистского главаря, представители обвинения и судьи выразили свою полную симпатию к подсудимым. Произнесенная в обоснование приговора речь главного обвинителя читалась прямо как нацистская листовка, имеющая целью завербовать новых приспешников. Прокурор с одобрением перечислил программные цели фашистской партии и отметил

«честное стремление» Гитлера «вновь пробудить в угнетенном и разоруженном народе веру в германское дело».

Несмотря на явные симпатии к нацистам, суд все же был вынужден констатировать несомненный факт государственной измены, но приговорил главных обвиняемых — Гитлера, Крибеля, Пёнера и главаря «Оберланда» Фридриха Вебера — к смехотворно мягкому наказанию: шести месяцам заключения в крепости; к тому же приговор предусматривал условное освобождение по истечении определенного срока. Каждый знал, что к началу следующего года путчисты окажутся на свободе. Остальные обвиняемые были фактически, а Людендорф даже и формально оправданы.

Комфортабельное пребывание Гитлера в крепости Ландсберг-на-Лехе не имело ничего общего с тем, что обычно подразумевается под тюремным заключением. В качестве «камеры» ему предоставили со вкусом обставленные и устланные коврами апартаменты, где он поочередно принимал «для доклада» своих подручных. Хотя продолжительность посещений официально ограничивалась шестью часами в неделю, ему молчаливо позволяли принимать посетителей по шесть часов в день.

Так крепость превратилась для Гитлера в подобие клуба, в место инструктажа своих сообщников. Вместе с арестованными компаньонами и посетителями он направлялся в большой конференц-зал «тюрьмы» для трапезы. Там же регулярно устраивались «товарищеские вечера», на которых нацистский главарь в присутствии молчаливых надзирателей распространялся, как, став главой правительства, он истребит всех «ноябрьских преступников» и евреев. Со своими приближенными он обсуждал тактические вопросы восстановления запрещенной партии и отрядов своих громил, развертывания нацистской пропаганды, применения новых методов запугивания и насилия. На этих беседах присутствовал и директор тюрьмы, симпатизировавший нацистам. Это видно из той характеристики, которую он дал Гитлеру через пять месяцев заключения для досрочного освобождения; в ней благожелательно указывалось на якобы изменившуюся политическую тактику обер-нациста².

Буржуазные авторы порой утверждают, будто такое галантное обращение с заключенными в крепости было тогда делом обычным и условия заключения Гитлера и других реакционеров (таких, например, как убийцы

Эйснера * графа Арко, который в 1919 г. тоже сидел в Ландсберге) вполне отвечали тюремным правилам. Но воспоминания заключенных-революционеров свидетельствуют, что это было совсем не так. Осужденный за участие в установлении Баварской советской республики 1919 г. революционный писатель Эрнст Толлер (товарищи которого Евгений Левине, Густав Ландауэр и другие были расстреляны по приговору военно-полевого суда) писал, что крепость Нидершёненфельд (километров 60 севернее Ландсберга) представляла собой «нечто среднее между тюрьмой и каторгой»³. В этом тюремном заведении один из заключенных в течение одного года был подвергнут следующим наказаниям: 149 дней одиночного заключения, 243 дня запрета переписки, 70 дней лишения прогулки, 168 дней запрета посещения, 217 дней запрета передач, 14 дней без права лечь на койку, 8 дней ареста в карцере и 24 дня лишения пищи⁴.

Обсуждая свои будущие действия, содержащиеся в роскошных условиях ландсбергские «узники» пришли к мысли, что нацистское движение нуждается в некоем программном опусе, который должен послужить своеобразной библией германского фашизма. В соответствии с доктриной всемогущего «фюрера» автором ее мог быть только сам Гитлер. Он и продиктовал большинство разделов той книги, которая получила предложенное Аманном саморекламное название «Майн кампф» («Моя борьба»). Другие разделы этой книги написаны находившимся в Ландсберге личным секретарем Гитлера Рудольфом Гессом, воспитанным в Гарварде буржуазным сыном полуамериканского происхождения Ханфштенглем, сотрудником «Фёлькишер беобахтер» Штольцин-Черни и принимавшим значительное участие в ее редактировании автором реакционных статей, бывшим орденским патером Бернхардом Штемпфле. (Кстати, последний знал, какая заведомая ложь содержалась в автобиографии Гитлера, и за это поплатился жизнью 30 июня 1934 г.) Так возникло это пропитанное фанатичной одержимостью, расистской и шовинистической псевдонаучностью и духом реакционного мессианства «творение», подобное бесконечно повторявшимся гитлеровским речам.

* Курт Эйснер, член Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), в 1918—1919 гг. был премьер-министром Баварии.

В расплывчатой компоновке «Майн кампф» взаимосвязаны три комплекса вопросов. Во-первых, это жизнеописание Гитлера, которое подано как восхождение ощущающего себя мессией простого человека к осознанию каких-то «вечных ценностей». Во-вторых, это распространявшийся фашистами в качестве нового «мировоззрения» конгломерат бредовых идей о движущих силах истории и их проявлениях в прошлом, настоящем и будущем германского народа. И в-третьих, это изложение пропагандистской стратегии НСДАП.

Гитлер и его соавторы приложили немало усилий, чтобы «облагородить» и сделать не поддающейся проверке биографию возносимого в качестве «фюрера» деклассированного австрийского мелкого буржуа, который во время первой мировой войны стал ефрейтором германской армии. За весьма немногими исключениями, в книге нет никаких конкретных лиц, не приведено никаких сведений о них. Напрасно искать в ней имена соучеников, друзей молодости, коллег, однополчан и единомышленников Гитлера или же указаний на то, какие книги повлияли на него, какие мысли волновали его, какие теории воодушевляли, с какими гипотезами он полемизировал. Трогательно описанные годы якобы интенсивного самообразования остаются бездоказательными и беспредметными. Равным образом представлен вымышленный путь Гитлера к «вершинам искусства» в живописи и архитектуре; повсюду видно лишь одно неизменно декларируемое маниакальное желание достигнуть величия в этой области. Скучные сведения о детстве, юности и ранних годах зрелости «фюрера» в большинстве случаев грубо фальсифицированы.

В описании последнего пребывания Гитлера на фронте в октябре 1918 г. всячески размалевывается, как он во время газовой атаки на время ослеп, хотя имеется медицинское свидетельство о том, что заболевание глаз у него произошло на нервной почве, поскольку он страдал сильной истерией. Кстати, заметим, что командование рейхсвера позже, когда Гитлер стал для него докучливым партнером, начало собирать документы, изобличающие его в фальсификации собственной биографии, чтобы в случае необходимости пустить их в ход для шантажа.

Однако для политиканствующей военщины, группировавшейся вокруг генерала Шлейхера, это стало роковым. Усевшись в рейхсканцлерское кресло, Гитлер приказал шпикам разыскать свидетелей своего одиозного прошлого;

в одном случае устранить неожиданно объявившегося соседа по нарам в венской мужской ночлежке, в другом — уничтожить письма юношеских лет. Естественно, он стал охотиться и за подобными документами, равно как и за их собирателями. Это явно повлияло на его решение во время расправы со штурмовиками в июне 1934 г. убрать со своего пути и интриганов генерала Шлейхера и генерала фон Бредова⁵.

Первые послевоенные годы изображены в биографии нацистского главаря как цепь событий, которые должны доказать его «гигантское превосходство» над всеми соперниками в праворадикальном лагере. О первых шагах возникшего до Гитлера зародыша НСДАП — дрекслеровской Немецкой народной партии (ДАП) в «Майн кампф» говорится с величайшим презрением, дабы еще сильнее подчеркнуть: всем на свете нацистская партия целиком и полностью обязана только ему одному! Чтобы изобразить Гитлера почти единоличным основателем партии, в «Майн кампф» указывалось, что номер его членской карточки был 7-м, хотя нумерация членских карточек ДАП началась лишь с 501-го. На самом же деле Гитлер имел членскую карточку № 555, а с номером 7-м он получил только после того, как состоявшее первоначально из шести человек руководство партии стало называть себя «комитетом».

О позорном «пивном путче» в гитлеровском творении не сказано ни слова. Позже, во втором томе «Майн кампф», инициатор мюнхенского путча «обосновал» свое уклонение от оценки событий ноября 1923 г. тем, что от описания их не ожидает «ничего полезного» для будущего, а кроме того, считает бесцельным беречь свежие раны.

Авторы «Майн кампф» прибегли к передедеригованию фактов и жалким трюкам и в тех разделах, которые были поданы в историко-философском духе. Они наскребли обрывки мыслей из всего того, что «выдали» фёлькиш-расистские, антисемитские и социальные демагоги несколькими десятилетиями ранее, на пороге империалистической стадии развития капитализма, для оправдания жесточайшей агрессии как внутри страны, так и за ее пределами. Желая преподнести всю эту мешанину в качестве своих оригинальных находок, они поостереглись назвать имена тех людей, чьими псевдонаучными учениями они воспользовались для подстрекательства масс в контрреволюционных и экспансионистских целях.

Но кто был их идейными наставниками, установить нетрудно. Это француз граф Гобино, пытавшийся обосновать господство аристократии ее мнимым биологическим превосходством. Это англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен, который интерпретировал всемирную историю как триумф народов «чистой крови» над ордами народов «нечистокровных». Это австриец Ланц фон Либенфельз, венцом сексуально-патологического антисемитизма которого стало требование «расовой гигиены». Это немец Пауль де Лагард, который включил идею «германства» в арсенал оружия, направленного против социалистического движения.

Опираясь на этих и других поставщиков крайне реакционных «идей», авторы «Майн кампф» изображали мир грандиозным Эльдorado для кровожадных хищников. «Творец» и «природа» (оба этих понятия были у Гитлера постоянно на устах) предоставили все сферы человеческого бытия действию одного закона: пожирать или быть пожранным. А потому в качестве главного принципа права и морали авторы «Майн кампф» провозглашали: «Чья сила, тот и властелин».

Но кому именно быть сильнейшим и властвовать — это кучка незадачливых путчиков, сидевших в тюрьме-люксе Ландсберг, решала сама. Их повторявшиеся в бесчисленных вариантах высказывания, лишённые какой бы то ни было доказательности и логики, но зато нагло претендовавшие на непогрешимость, увенчивались утверждением: есть лишь одна избранная раса — светлокожая «арийская»; внутри ее первое место занимают немцы; однако большинство и этого народа, как и всех других, «глупо и трусливо». А посему воплощением «расы господ» служит только элитное меньшинство «осознавших свое расовое превосходство немцев» во главе с «фюрером». Задача этих «господ» — вновь продолжить с превосходящей все бывшее жестокостью завоевательную политику прежних германских властителей и привести немецкий народ к «возрождению его могущества» и главенству над другими народами. Основная масса народа, которую они презрительно называли «мякиной», предназначена лишь для «употребления» (можно сказать и «принесения в жертву»). А кто в этом сомневается, тот не рожден господствовать, ибо фюреры должны сознавать, что перед лицом их «великой» цели «все соображения гуманности или этики обращаются в ничто».

На основании псевдоисторических ретроспекций детально разъяснялось, каким образом фашисты, придя к власти, намерены осуществить на практике эти враждебные человечеству принципы. Зачинщиков любого сопротивления «власти господ» и политике войны, в первую очередь марксистов, следует уничтожить «до последнего». Народы захваченных стран надлежит (поскольку это в интересах германской элиты) либо безжалостно истребить, либо насильственно поработить. Свой собственный народ нацисты хотели полностью отстранить от руководства политической, общественной и хозяйственной жизнью, т. е. лишить всяких прав. Его культурный уровень они намеревались низвести до крайнего предела, женщин превратить в машины для деторождения и производства солдат, организовать «выращивание» восторгающихся войной подростков, а молодежи оставить лишь одно право — право на «геройскую смерть».

После 1945 г. на Западе часто задавался вопрос: почему же во второй половине 20-х — начале 30-х годов в Германии не принималось всерьез то, что черным по белому было написано в «Майн кампф», — провозглашение открыто враждебной всякой культуре и цивилизации, не останавливающейся ни перед чем, бесчеловечной диктатуры насилия? Почему не были приложены все усилия, чтобы перечеркнуть преступные планы Гитлера и его сообщников?

Такая постановка вопроса игнорирует тот факт, что единственно последовательные антифашисты — коммунисты и без гитлеровского «творения» имели в целом правильное представление о враждебной всему человеческому сущности фашизма. Они неизменно указывали на исходящую от фашизма угрозу и делали все, что было в их силах, чтобы преградить нацистам путь к власти.

Когда в конце 1929 г. в связи с успехами НСДАП на выборах в ландтаги нескольких земель стало ясно, что провалившиеся в 1923 г. и с тех пор считавшиеся лишь обскурантистской сектой коричневорубашечники могут превратиться в реальную опасность, ЦК КПГ прямо назвал фашистских фюреров «сознательными и лишенными совести агентами финансового капитала, а особенно шовинистических предпринимателей из кругов тяжелой индустрии». Коммунисты все настойчивее повторяли: гитлеровский фашизм — опаснейший враг рабочего класса, всего народа.

«Цель фашистского движения, — говорилось в цитированной выше резолюции ЦК КПГ, — это установление фашистской диктатуры, кровавый разгром всего рабочего движения, установление режима белого террора, военно-полевых судов и злодейских убийств»⁶. Коммунисты клеймили фашизм за то, что он пролагает путь к преступной империалистической войне во имя экспансии. «Мы должны, — заявляло руководство КПГ примерно через год после начавшегося нового подъема нацистской партии, — разоблачать в массах безудержную, направленную на подготовку войны, авантюристическую политику германского фашизма, его подстрекательство к разбойничьей войне против Советского Союза, а также к войне с целью реванша (против западных держав. — В. Р.)»⁷.

Однако буржуазно-демократические, социал-демократические и другие нефашистские силы не придавали серьезного значения гитлеровским заявлениям, в частности и содержащимся в «Майн кампф», недооценивали фашистскую опасность вообще. Не в последнюю очередь именно потому они не находили в себе ни мужества, ни сил преодолеть свой антикоммунизм, являвшийся основным препятствием для создания широкого народного движения против нацизма. Главной причиной было непонимание ими сущности гитлеровского фашизма. Они считали его не политическим инструментом могущественного крупного капитала, а мелкобуржуазной ордой хулиганов, слишком слабой для того, чтобы изменить структуру государства, придать варварский характер внутренней политике и развязать экспансионистскую войну невиданного масштаба против других стран.

Одной из причин такой недооценки было и то, что многие, в том числе и прогрессивная буржуазная интеллигенция, просто не желали (считая это никчемным занятием) тратить время на чтение гитлеровской неудобоваримой пропагандистской галиматии, которая к тому же поначалу казалась почти ничем не выделяющейся в потоке абстрактных реакционных трактатов, проповедовавших всякую чушь вроде многоженства как основы будущего «солдатского государства».

После 1930 г., когда число приверженцев нацизма начало быстро расти и приобретение гитлеровской библии стало обязательным для принятия в НСДАП, тираж ее достиг многомиллионной цифры. Но большинство покупателей этой книги, введенных в заблуждение фашистской

пропагандой, вряд ли всерьез собирались читать ее, а тем более критически осмысливать ее содержание. Более того, многие из тех нефашистских буржуазных политиков, которые, прочтя «Майн кампф», разглядели гитлеровские «несуразности», в страхе перед революционным движением реагировали на это так же, как, например, бургомистр Гамбурга Петерсен, видный член Демократической партии: «Немножко больше авторитарности вреда не принесет»⁸.

Любопытно сделанное в 1973 г. в ФРГ признание бывшего статс-секретаря земли Баден-Вюртемберг, ныне западногерманского историка Теодора Эшенбурга, который в веймарские времена был референтом одной организации предпринимателей. Как он сообщил, его тогдашние работодатели поручили ему изучить гитлеровскую программную книгу и информировать их о ее содержании⁹. Такое признание позволяет констатировать: по крайней мере некоторые представители верхнего слоя правящего класса лично ознакомились с продуктом гитлеровского «творчества». Например, крупный банкир, а после 1933 г. — президент Рейхсбанка и министр хозяйства Яльмар Шахт сказал, что он «Майн кампф» «тщательно прочел»¹⁰. А юнкер князь Ойленбург-Хертефельд, с 1931 г. подвизавшийся в качестве ревностного вербовщика сторонников нацизма, в феврале того же года в циркулярном письме к избранным представителям своего сословия настоятельно рекомендовал им прочитать «Майн кампф»¹¹.

После освобождения из тюрьмы Ландсберг Гитлер сконцентрировал свои усилия на установлении непосредственных контактов с крупными промышленниками и банковскими воротилами. В ноябре — декабре 1926 г. он сочинил второй том «Майн кампф». Этот том не содержал ни единой новой мысли, а повторял сказанное в первом. Стиль его, рассчитанный на всемогущих капитанов хозяйства, с еще большей отчетливостью свидетельствовал о прокапиталистической коренной ориентации нацистов. Гитлер давал им понять, что только определенные условия вынудили его прибегнуть к антикапиталистической демагогии; сам же он никогда и не помышлял выполнять данные массам обещания.

Дабы устранить возможные опасения крупных предпринимателей, Гитлер целую главу второго тома посвятил изложению собственных взглядов на роль в фашистском государстве профсоюзов, которым он категорически отка-

зывал в каком-либо вмешательстве в руководство и управление производством. «В национал-социалистском государстве никаких забастовок больше не будет», — заверил он воротил монополистического капитала.

Во втором томе «Майн кампф» нацистский главарь гораздо определеннее высказался и по вопросам вооружения Германии, а также внешней политики. Необходимость покончить с парламентаризмом (у него — с господством «большинства парламентских дураков и дармоедов») Гитлер недвусмысленно обосновывал тем, что «полное подчинение прочих интересов народного сообщества единственной задаче — подготовке будущего вооруженного похода с целью обеспечения безопасности государства» может быть осуществлено только путем диктатуры.

Затем говорилось, что военное столкновение с Западом «может иметь смысл только в том случае, если оно обеспечит расширение жизненного пространства для нашего народа в Европе». И далее следовали часто цитируемые слова: фашисты начинают там, «где было кончено шесть столетий назад. Мы приостанавливаем вечное движение германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взгляд на восток. Мы прекращаем наконец колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к осуществлению в будущем политики захвата земель. Но, говоря сегодня о новых землях в Европе, мы думаем в первую очередь о России и подчиненных ей окраинных государствах». Сама судьба, вещал Гитлер, указывает своим перстом на большевистскую Россию.

Эти высказывания Гитлера и его соавторов не только обнажали основное направление их будущей политики, но и целиком и полностью отвечали империалистическим интересам агрессивных кругов финансового капитала. Они не оставляли также ни малейшего сомнения в готовности нацистов предоставить все решения ключевого характера по вопросам экономики и экономической политики тем, кто «на основании своего воспитания и деятельности» «понимал» в этих делах, а именно промышленным и финансовым магнатам.

Не следует упускать из виду, что имелись и другие праворадикальные группы, провозглашавшие по сути такую же, во многих пунктах схожую программу и предлагавшие себя монополистам в качестве покорных слуг. Во всяком случае одна из крупных, уже утвердившихся на политической арене партий — Немецкая национальная

народная партия (ННП) — по своим программным целям не столь уж многим отличалась от нацистской и, хотя не употребляла откровенно агрессивных формулировок, была солидарна с ее лозунгами уничтожения парламентаризма, экспансии на восток, «самоуправления хозяйства» и т. п.

Среди всех этих праворадикальных групп, включая немецких националистов, Гитлер и его сообщники выделялись главным: они утверждали, будто обладают инструментом завоевания на свою сторону подавляющего большинства трудящихся. Этим инструментом, заявляли они, служит совершенно новая («гениальная», по их словам) пропаганда, на которую не способны буржуазные партии, поскольку они уже дискредитировали себя в глазах рабочих и те больше не поверят им. Эта пропаганда базируется на авторитете, который в свою очередь достигается популярностью и силой. Популярность же, поучал Гитлер своих читателей из кругов крупной буржуазии, достигается посредством пусть «грубой и ординарной», но зато приводящей к успеху пропаганды.

Самой яркой чертой выработанной нацистскими главарями стратегии пропаганды (читай: демагогии) было их безграничное презрение к ее объекту — народным массам, а главной чертой пропагандистской тактики — абсолютная бессовестность. Гитлер неизменно подчеркивал: масса глупа, ленива, безвольна, примитивна и простодушна; она любит «больше властелина, чем просителя»; ее «мышление и действия определяются куда меньше трезвым размышлением, нежели эмоциональным ощущением». А потому, цинично заявлял он, пропаганда должна «сильнее напирать на чувства и лишь весьма относительно — на так называемый разум». Основным принципом фашистской пропаганды было: «чем больше ложь, тем больше веры в нее»; этот фактор следует усиливать той «безоговорочной, наглой, односторонней тупостью, с которой она преподносится».

Таковыми бесстыдно сформулированными «принципами» нацисты далеко превзошли даже самых закоренелых реакционеров консервативного толка, которые тоже прибегали к фальсификации истины¹². Не подлежит сомнению, что на наиболее злобных крупных капиталистов тотальный цинизм фашистов в изложении своих пропагандистских принципов (полностью совпадавших с их практикой) произвел большое впечатление. Однако вначале они счи-

тали эти принципы нереализуемыми. Положение изменилось после того, как НСДАП на рубеже 20—30-х годов и в последующем стала одерживать значительные массово-политические успехи; теперь нацистское движение вызывало растущий интерес у все большей части крупной буржуазии.

Однако когда за четыре дня до рождества 1924 г. Гитлера выпустили из тюрьмы Ландсберг, такой поворот еще не намечался, а сама нацистская партия являла собой жалкое зрелище. И если фашизм, корни которого лежат в объективном ходе развития империализма, в дальнейшем все же вырос в грозную силу, поскольку империалистическое господство продолжало сохраняться, то тогда, в середине 20-х годов, еще никто не смог бы наверняка утверждать, что уцелевшие и соперничавшие между собой нацистские группки уже через несколько лет превратятся в многомиллионное массовое движение. Этот новый подъем объяснялся, как мы увидим далее, не в последнюю очередь теми связями, которые фюреры консолидировавшихся затем нацистских группок установили со всемогущими капитанами хозяйства. Когда же в конце 20-х годов разразился опустошительный экономический кризис, интерес крупной буржуазии к правому экстремизму скачкообразно возрос, а массы стали более подвержены фашистской демагогии.

Новый подъем фашизма мог бы произойти и в другой форме, и при других «фюрерах» — это отнюдь не зависело исключительно от личности Гитлера. Именно специфические условия позволили ему удержаться во главе поначалу казавшегося бесперспективным движения и тем самым создать исходные позиции для дальнейшего продвижения фашизма к власти. Тяжелый кризис, в котором находилась НСДАП после неудачи мюнхенского путча, как ни странно это покажется, способствовал карьере нацистского главаря. Только в условиях такого кризиса и могла возникнуть и получать все новую пищу легенда, будто нацизм переживал спад именно из-за вынужденного отхода Гитлера от активной политической деятельности, а само существование «движения» неразрывно связано с персональной «фюрера».

Ловко рассчитывая усилить впечатление о своей «незаменимости», Гитлер, в июле 1924 г. формально сложивший с себя обязанности председателя запрещенной НСДАП, еще во время пребывания под следствием передал

руководство ею своему заместителю Альфреду Розенбергу — человеку, который не обладал ни организаторским талантом, ни связями с «пангерманцами», рейхсвером и промышленностью, ни кругом друзей или «домашней властью», а потому не мог стать для него опасным соперником. К тому же и интерес к фашизму наиболее авантюристичных представителей верхушки правящего класса в период начавшейся относительной стабилизации капитализма ощутимо упал. Что же касается буржуа, которых ранее гнали в ловушку свастики страх перед революцией, ужасами инфляции и боязнь за свое существование, то теперь они в значительной степени стали политически индифферентными.

На пользу Гитлеру, как это ни парадоксально, пошло и то, что после выхода из заключения ему было запрещено выступать почти во всех германских землях. Создавалось впечатление, будто тяжелая для фашизма полоса объясняется вынужденным молчанием «фюрера», который главным своим оружием называл «магию устного слова». Когда в 1929 г. разразился мировой экономический кризис и в таких условиях еще сильнее поощряемая крупным капиталом НСДАП уже стала одерживать успехи в завоевании масс, оказалось возможным внушить «маленькому человеку»: эти успехи (по крайней мере в значительной степени) объясняются отменой в сентябре 1928 г. в Пруссии (т. е. на территории двух третей Германии) запрета публичных выступлений Гитлера. Все, казалось, снова сошлось на нем одном.

После своего назначения заместителем председателя НСДАП Розенберг попытался восстановить и легализовать ее под названием «Великое германское народное сообщество». Однако против этого объединения (из руководства которого Розенберга весьма быстро вытеснили Штрейхер и Эссер) выступили Людендорф, Грефе и бывший гауляйтер НСДАП в Нижней Баварии Грегор Штрассер. Под вывеской «Национал-социалистская свободная партия» (НССП) они создали конкурирующую организацию; охватывая всю Германию, она должна была стать наследницей старой «Немецко-фёлькишско-свободной партии» Грефе.

Кроме того, к Людендорфу тяготели еще дюжины две организаций помельче, частично ставших восприемницами принадлежавших НСДАП союзов, а также военизированный союз «Фронтбан». Его несколько позже сколотил Рем,

чтобы обеспечить за собой руководство всеми южногерманскими военизированными формированиями, включая и СА.

Помпезный съезд НСДАП, состоявшийся в августе 1924 г. в Веймаре, как можно было считать, принес Людендорфу победу в неугасавшем со времени «пивного путча» соперничестве между ним и Гитлером. Все выглядело так, будто нацистский главарь, которому теперь предназначался только пост разъездного оратора, окончательно отодвинут на второе или третье место в рядах правых экстремистов.

Но видимость была обманчивой. И не только потому, что руководство НССП не было единым. Оно совершенно распалось, когда Гитлер, вернувшись из Ландсберга, снова появился на поверхности политической жизни и сразу заявил, что к новой партии не присоединится. Дабы ослабить своих соперников, он ловко разжигал разногласия в правоэкстремистских кругах по тем самым пунктам, которые были предметом наиболее ожесточенных споров между Людендорфом, Грефе и Штрассером.

Речь шла об отношении правого радикализма к католической церкви; Людендорф (в значительной мере под влиянием своей второй жены, проповедовавшей «германскую» религию) видел в ней идейного врага. Речь шла также о позиции в отношении рейхсвера, которому Грефе после событий 1923 г. отказывал в способности к политическим действиям в общегерманском масштабе. К числу спорных вопросов принадлежали и связанная с этим путчистская тактика (Гитлер теперь демонстративно отмежевывался от нее), а также требование Штрассера включить закоренелых гитлеровских приспешников в руководство НССП.

Уже в первой половине февраля 1925 г. три главаря «Свободной партии» сложили с себя свои обязанности. Людендорф основал «Танненбергбунд», так и оставшийся политической сектой. Грефе попытался спасти существующие организации в рамках «Немецко-фёлькишско-свободного движения», но они лишь несколько лет продержались в качестве конкурентов НСДАП. Штрассер снова переметнулся к Гитлеру, который через два месяца после возвращения из Ландсберга опять заимел свою «собственную» партию (правда, насчитывавшую первоначально всего 700 членов).

Помощь на старте Гитлер получил от баварского правительства: в начале февраля оно отменило осадное положение и сняло запрет с НСДАП и газеты «Фёлькишер беобахтер». 27 февраля в том же самом мюнхенском «Бюргербройкеллере», где всего 16 месяцев назад он устроил провалившийся путч, нацистский главарь провозгласил воссоздание НСДАП и выдвинул свои притязания на руководство ею.

Хотя новая НСДАП и придерживалась прежней стратегии завоевания масс и организации сборищ, дела ее поначалу шли плохо. Экономический и политический климат не благоприятствовал правому экстремизму. Безработица в период относительной стабилизации капитализма резко упала, новая финансовая система оказалась устойчивой. Вслед за тяжелой промышленностью после десяти лет прогрессирующего обнищания (во время войны, в первый послевоенный период и в годы инфляции) оживились ремесла и мелкая торговля. Большинство крестьянских хозяйств в годы обесценения денег избавилось от бремени долгов и ипотек. Чиновники и служащие глядели в будущее с определенной надеждой. Отношения Германии с западными державами в результате принятия американского «плана Дауэса», представлявшего собой промежуточное решение репарационного вопроса, частично потеряли свою остроту. Противоречия между державами-победительницами и побежденными в первой мировой войне временно отошли на второй план.

Выборы в рейхстаг в декабре 1924 г. принесли выступавшим с единым списком фёлькишско-фашистским партиям и группам менее половины того количества голосов, которые они получили в мае того же года (0,9 млн. по сравнению с 1,9 млн.), — за них проголосовало всего 2,9% избирателей. Буржуазным же партиям, участвовавшим в трех последних республиканских правительствах (Центр, ННП и Демократическая партия), отдали свои голоса более 30% избирателей, а стоявшая на республиканских позициях социал-демократия добилась 26% всех голосов (7,9 млн. по сравнению с 6 млн.).

Прирост голосов сумели записать в свой актив и немецкие националисты, которые на декабрьских выборах преодолели 6-миллионную отметку. Однако внимательные наблюдатели расценили это не как плюс для врагов республики; они объясняли успех согласием реакционных партий на сотрудничество с буржуазным государством,

невзирая на его республиканскую форму. Ведь в конечном счете Немецкая национальная народная партия, несмотря на поднятый ею шумный протест против урегулирования вопроса о выплате репараций, все же дала рейхстагу принять «план Дауэса», а также заявила о своей готовности с января 1925 г. участвовать в республиканском правительстве. Внешне более умеренное поведение партии немецких националистов выразилось не в последнюю очередь в постепенном превращении находившихся под ее влиянием военизированных организаций в милитаристские «традиционные союзы» и в связанном с этим некотором уменьшении антиреспубликанской активности.

В результате такого развития событий сборища НСДАП теперь нередко проходили в полупустых залах, а о парадах штурмовиков, в которых порой участвовало всего несколько десятков человек, реакционные газеты упоминали лишь петитом на последней полосе. Даже если к нацистской партии прибивались вышедшие из других правых партий экстремисты, если некоторые фетишизированные силу интеллигенты чувствовали вкус к гитлеровскому культу, если недовольные «прогосударственными» тенденциями руководства ННП мелкие буржуа порой снова поглядывали на свастику, все это еще отнюдь не означало превращения НСДАП в перспективе в массовую партию. Даже по ее официальным данным, приток новых членов в НСДАП составлял за год около 20 тыс. человек, и, таким образом, к концу 1927 — началу 1928 г. она насчитывала самое большее 70 тыс. «партайгеноссен».

В надежде на будущие изменения общей политической ситуации и в ожидании попутного ветра руководство НСДАП сконцентрировало усилия на организационном воссоздании своей партии и примыкающих к ней групп. В марте 1925 г. Грегор Штрассер, по опыту своей деятельности в НССП знавший условия за пределами Баварии и имевший там связи, был уполномочен возглавить руководство НСДАП в Северной Германии. Его задача состояла в том, чтобы привлечь в нее сторонников Грефе и все больше отходившего от политической жизни Людендорфа (на президентских выборах в марте 1925 г. он получил всего 0,2 млн. голосов). Штрассер с этой задачей справился, заложив тем самым краеугольный камень для собственной партийной карьеры, несмотря на назревавшие разногласия с Гитлером, он в 1927 г. стал имперским руководителем НСДАП по организационным вопросам и за-

тем некоторое время даже считался «наци № 2». Однако это не спасло его от пули, когда наступило кровавое 30 июня 1934 г.

Организационному укреплению воссозданной НСДАП служило, разумеется, и полное подчинение СА Гитлеру. Из-за этого в марте — апреле 1925 г. дело дошло до острых разногласий между ним и Ремом. В конце концов предводитель штурмовиков капитулировал и был отстранен от руководства этими террористическими бандами. Новым «фюрером СА» был назначен (однако только в сентябре 1926 г.) бывший офицер-фрайкоровец Франц Пфедфер фон Заломон. Рем поначалу отошел на задний план, затем на время отправился военным инструктором в Боливию, но в 1930 г. (за четыре года до его убийства Гитлером) по просьбе последнего вернулся в Германию, чтобы в качестве начальника штаба СА произвести реорганизацию штурмовых отрядов.

Через несколько месяцев после восстановления НСДАП были созданы и так называемые охранные отряды (СС). Первоначально они представляли собой немногочисленную личную охрану нацистского главаря («ударный отряд Гитлера»). После назначения в 1929 г. начальником СС Генриха Гиммлера они с начала 30-х годов превратились во внушительное преторианское формирование НСДАП и в конечном счете в террористическую элитную армию, игравшую главную роль во всех преступлениях германского фашизма в отношении собственного народа и других народов Европы.

Несмотря на все тирады о своем якобы неоспоримом единоличном руководстве, Гитлер и теперь смог удержаться во главе нацистской партии только при помощи тактических трюков. Фактически ему приходилось терпеть рядом с собой второй — северогерманский — центр, целеустремленно создававшийся Штрассером под видом распространения НСДАП на всю Германию. Штрассер регулярно созывал гауляйтеров Рейнско-Рурского бассейна, Берлина, Гамбурга и других северогерманских областей и городов на совещания. В результате в октябре 1925 г., формально с согласия Гитлера¹³, возникло содружество западно- и северогерманских гауляйтеров НСДАП. Руководил им, естественно, Штрассер, а управляющим делами стал кичившийся своим докторским званием некий Йозеф Геббельс. До тех пор он подвизался информатором на Кёльнской бирже, а затем пробовал свои силы в качестве

автора националистических статей и приобрел репутацию лихого борзописца.

Фашистские функционеры, действовавшие в крупных промышленных центрах, где их задачей было прежде всего сделать НСДАП привлекательной для рабочих, в гораздо большей мере прибегали к псевдосоциалистической демагогии, чем нацистские пропагандисты в Баварии и других, преимущественно мелкобуржуазно-крестьянских областях. Северогерманские нацисты говорили не о «национал-социализме», а о «национальном социализме» и употребляли такие выражения, как «тотальная германская революция», «сообщество по нищете и хлебу», «хозяйство для потребления, а не для прибылей».

Отсюда позже возникла легенда, будто группа Грегора Штрассера и тесно сотрудничавшего с ним его брата Отто была чем-то вроде «левой» фракции внутри германского фашизма. Импульс эта легенда получила и благодаря тому, что Штрассер, демонстрируя свою якобы антикапиталистическую позицию, в январе 1926 г. составил проект новой программы НСДАП. Он предусматривал, в частности, превращение предприятий тяжелой промышленности в предприятия с государственным или коммунальным участием, а также конфискацию крупных юнкерских имений.

Однако это были чисто демагогические формулировки: сколь бы смело они ни звучали, они никоим образом не противоречили интересам господствующего класса, с которым Штрассер имел или стремился установить особенно тесные отношения. Например, менеджеры так называемых новых отраслей промышленности (электроника, химия) отнюдь не возражали против участия фашистского государства в угольной и частично металлургической промышленности.

Такие меры укрепили бы их относительную независимость от монополистических соперников, увеличили бы их собственный вес внутри крупной буржуазии, привели бы к стабилизации цен на энергоносители и основное сырье, а также удешевили бы обременительную для всего хозяйства транспортировку. То же самое относится и к требованию отчуждения нерентабельных, малопроизводительных юнкерских поместий, за которое выступали вынашивавшие проекты поселений рейхсверовские круги, пропагандисты «военизированного крестьянского сословия», крупные аграрии и не в последнюю очередь стремившиеся

к более широкому сбыту производители сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений. Все это не имело ничего общего с какой-либо социализацией.

Наряду с самой гнусной псевдосоциалистической демагогией следует указать и на вторую особенность приобретавшего в это время все большее значение северо- и западногерманского центра НСДАП — стремление к установлению и поддержанию более тесных контактов с определенными кругами крупной буржуазии, с командованием рейхсвера и крупным землевладением капиталистического типа. При этом контакты северогерманских нацистских «фюреров» с предпринимателями отнюдь не ограничивались, как могло бы показаться на первый взгляд, так называемыми новыми отраслями промышленности. Скорее наоборот. Несмотря на некоторую сдержанность в отношении зараженной, по их мнению, духом «революционизма» НСДАП, именно капитаны тяжелой индустрии, по традиции стоявшие на крайне правом фланге, благосклонно взирали на возрождение фашистской партии.

Это в особенности относилось к элите германской промышленности угля и стали — рурским промышленникам. Такие владельцы концернов, как Фриц Тиссен, Фридрих Мино и умерший в 1924 г. Гуго Стиннес, проявляли интерес к НСДАП еще в политически кризисном 1923 году. Старейшина рурских магнатов Эмиль Кирдорф тоже (он сам признал это двенадцатью годами позднее, во времена нацистской диктатуры, в одном газетном интервью) стремился встретиться с Гитлером¹⁴.

Этот интерес оживился вновь, когда осенью 1925 г. наступил ставший известным под названием «промежуточный» или «очистительно-кратковременный» достаточно острый экономический кризис. Он наглядно продемонстрировал крупным промышленникам: не сегодня завтра может возникнуть новая расстановка сил, и тогда им опять потребуется воинствующее праворадикальное движение. К тому же магнаты тяжелой промышленности вовсе не порвали связи, установленные ими во время оккупации Рура с антифранцузскими группами саботажников, большинство которых не только принадлежало к НСДАП или примыкало к ней, но и занимало в ней высокие посты. В качестве примера можно указать на Пфеффера фон Заломона или на одного из бывших организаторов «активного сопротивления» — Карла Кауфмана — нацистского

гауляйтера земли Рейнланд-Норд и Рурской области — Вестфалии, а после 1926 г. гауляйтера Рура¹⁵.

Нацистская партия снова попала в поле зрения властелинов Рура и потому, что большинство их рассматривало поворот партии немецких националистов к сотрудничеству с республиканским государством как показатель падения влияния правых партий. Они искали активную замену. Рурские магнаты еще более укрепились в своей девальвирующей оценке традиционных консервативных партий, когда выяснилось: избранный в апреле 1925 г. в президенты (при их мощной финансовой поддержке, а также голосами всех антиреспубликанцев) бывший кайзеровский генерал-фельдмаршал Пауль Гинденбург со скрипом, но все же начал приспособливаться к парламентскому стилю правления.

Они были недовольны, когда министр иностранных дел Германии, он же председатель ННП, Густав Штреземан при заключении изобилующего миролюбивой фразеологией Локарнского пакта в октябре того же года согласился на признание Версальского договора, столь поносившегося немецкими националистами и «пангерманцами».

Недовольны были они и тогда, когда в марте 1926 г. запланированный ими «легальный» государственный переворот провалился из-за дилетантизма его организаторов. Последнее обстоятельство особенно разозлило Кирдорфа и генерального директора германо-люксембургской угольно-металлургической компании «Бергверкс-унд хюттен АГ» Альберта Фёглера (с 1 апреля 1926 г. он стал генеральным директором угольно-металлургического гиганта «Ферайнигте штальверке»). Оба они были замешаны в заговоре, однако остались безнаказанными, так как республиканская полиция и специально созданная комиссия по расследованию тщательно заметали следы, ведшие даже во дворец рейхспрезидента.

С другой стороны, рурские промышленники боялись (и это усиливало их крен вправо) будто бы наметившихся левых тенденций внутри социал-демократии, а также усиления рабочего движения в результате создания блока всех левых сил, к чему стремились коммунисты. Они с опасением отмечали, что СДПГ на Гейдельбергском съезде (сентябрь 1925 г.) отказалась от своей четко ориентировавшейся на коалицию с буржуазными партиями Гёрлицкой программы и приняла такую программу, в которой хотя и мимоходом, но все же говорилось об уста-

новлении политической власти рабочего класса с целью обобществления производительных сил.

Это была лишь словесная уступка классово сознательным рабочим — социал-демократам. Но владельцы концернов воспринимали как тревожный факт то, что СДПГ, пусть и скрепя сердце, поддержала в декабре 1925 г. возникшее по инициативе коммунистов народное движение за безвозмездную конфискацию собственности бывших германских князей, свергнутых Ноябрьской революцией в 1918 г.

Неустойчивость относительной стабилизации капитализма в 20-х годах приводила не в последнюю очередь именно к тому, что определенные круги монополистической буржуазии занимали по отношению ко вновь возникшей нацистской партии выжидательно-заинтересованную позицию. Пока эти круги не предпринимали решительных действий для обеспечения ее успеха, поскольку гинденбурговская республика создавала приемлемые рамки для усиления их экономической власти, расширения их предприятий, форсированной концентрации капитала, капиталистической рационализации и интенсификации производства. Однако у самых агрессивных боссов концернов, а затем и у все большего числа крупных капиталистов уже имелись в запасе связи, дававшие им возможность в случае экономического или политического потрясения сразу же ввести в действие самый воинствующий ударный отряд правого экстремизма, чтобы преодолеть кризис, обеспечить наступление реакции на социальные права трудящихся, разгромить рабочее движение, а также уничтожить парламентаризм и, наконец, взять курс на захватническую войну.

В буржуазной исторической литературе часто подчеркивается, что главным признаком вновь возникшей НСДАП являлся «курс на легальность», к которому Гитлер и его сообщники склонились после провала путча в ноябре 1923 г. Сказанное верно лишь до известной степени. Подтверждением этого служит, в частности, тот факт, что первым политическим шагом, предпринятым нацистским главарем после его освобождения из тюрьмы, была просьба, адресованная принадлежавшему к партии немецких националистов баварскому министру юстиции Францу Гюртнеру (в 1932 г. он стал имперским министром юстиции в кабинетах Папена и Шлейхера, а в 1933 г. сохранил этот пост и в фашистском правительстве). Гит-

лер просил устроить ему аудиенцию у баварского премьер-министра Генриха Хельда. На ней фашистский «фюрер» заверил, что в будущем ни при каких обстоятельствах не будет устраивать путчей. Этим заявлением Гитлер вернулся к принятой и германскими фашистами (не позже, чем со времени успеха Муссолини) тактике использования реакционного государственного аппарата для низвержения республики.

Истинно же новое в воссозданной НСДАП вытекало из того вывода, который нацисты сделали из событий 1923 г. Вывод сей был таков: надо держаться не за всяких, зачастую промежуточных носителей власти вроде полусепаратистских земельных правительств, своекорыстной военщины, зависимых от них «пангерманцев» и т. п.; необходимо обеспечить себе поддержку магнатов монополий, ибо именно они владеют решающими позициями власти! Наиболее ясно это осознали находившиеся в несомненно более тесной связи с некоторыми капитанами индустрии северогерманские функционеры НСДАП. Гитлер не только усвоил данную мысль, но и (как и в некоторых других случаях) еще энергичнее и целеустремленнее принялся проводить ее на практике.

Таким образом, то действительно новое, что красной нитью проходило через всю активизировавшуюся деятельность Гитлера с 1925 по 1933 г. и что, как уже показано, являлось главным во втором томе «Майн кампф», — это упорно осуществлявшееся нацистами *стремление получить непосредственно от верхушки крупной буржуазии мандат на свержение буржуазно-парламентарной республики.*

Первого, правда весьма скромного, успеха на этом пути нацистский главарь добился, когда 28 февраля 1926 г., через год после тюрьмы и впервые после долгого перерыва, его пригласили сделать доклад перед избранной публикой — вероятно, уже известными ему членами гамбургского «Национального клуба».

Произнесенная там Гитлером речь, текст которой сохранился и был проанализирован как буржуазными (Йохман), так и марксистскими (К. Госсвайлер) историками¹⁶, в основном повторяла то, что он уже говорил в упомянутой выше памятной записке от октября 1922 г. Он требовал беспощадного истребления марксизма и создания националистического воинствующего массового движения,

курса на захватническую войну, введения самоуправления хозяйства в фашистском государстве и подчеркивал неспособность старых реакционных партий осуществить это.

Впоследствии Гитлер не раз излагал сии мысли на собраниях предпринимателей. «Если Йохман, — верно констатирует К. Госсвайлер, — с наигранной наивностью не перестает удивляться тому, что «люди солидного возраста, обладавшие хорошим знанием жизни и большими профессиональными заслугами, поддались демагогическому влиянию новичка в политике», то изучение его речи не дает никаких оснований для удивления. О том, что они якобы «поддались», не может быть и речи. Гитлер с полнейшей откровенностью... разъяснил этим господам, что его программа — это их программа. За это его неоднократно награждали аплодисментами, а за самые жестокие формулировки — даже и бурными, что особенно заслуживает внимания. Кроме того, он постарался убедить их в том, что другие буржуазные партии, на которые эти господа до тех пор возлагали свои надежды, не в состоянии осуществить то, что осознано ими как необходимость».

В гамбургской речи Гитлер, как и в своих более поздних выступлениях перед представителями крупной буржуазии, воздержался от антисемитских выпадов, к которым постоянно прибегал на массовых сборищах. Буржуазные историки, озабоченные тем, как бы обелить покровителей и кредиторов фашизма, делают на данном основании вывод, будто нацистский главарь вводил аудиторию миллионеров в заблуждение насчет своих истинных целей и намерений. Это, мягко говоря, нелепо. Не только потому, что повсюду громогласно прокламируемый фашистами антисемитизм не мог укрыться и от взоров монополистов, которые к тому же рассматривали под лупой каждого гостя своего клуба. Нет, прежде всего потому, что вся националистическая элита Германии, включая преобладающую часть владельцев концернов, уже давно сама сделала ставку на антисемитизм как средство оглушения масс.

И если даже большинство тех, кто аплодировал Гитлеру в Гамбурге, а весьма скоро и в других клубах для избранного общества, в 20-х годах еще не представляли себе в деталях, к каким чудовищным преступлениям приведет фашистское расовое безумие, то само их поведение после

так называемой Хрустальной ночи * 1938 г. и после создания лагерей смерти в 1942 г. доказывает: ради безудержного стремления к прибылям и к экспансии они без малейших угрызений совести были готовы дойти вместе с нацистами до самого омерзительного предела антисемитизма, когда он, будучи в конечном счете провозглашен в качестве государственной доктрины, превратился в уничтожение миллионов людей под флагом «окончательного решения» еврейского вопроса.

То, что, выступая перед крупными промышленниками, банкирами, владельцами верфей и пароходств, Гитлер избегал употреблять антисемитские выражения, объяснялось просто тем, что применявшийся для натравливания масс антисемитизм терял свое функциональное значение, когда перед лицом всемогущих слушателей ему было надо доказать способность фашистского движения служить эффективным поборником монополистических интересов.

Само собой разумеется, многие (но отнюдь не все!) крупные предприниматели еврейского происхождения испытывали личное отвращение к нацистскому главарю и более подчеркнуто, чем другие капитаны хозяйства, обращались с ним как с рыночным зазывалой и выскочкой. Поэтому он не особенно рвался выступать перед теми представителями финансового капитала, среди которых (например, в руководящих органах крупных банков или издательств) имелось много людей, носивших еврейские фамилии. Конечно, в большинстве своем «арийская» верхушка крупных рурских концернов (часть их еще находилась в семейном владении) была ему по той же причине куда приятнее.

Однако не это обстоятельство побуждало нацистского «фюрера» целеустремленно расширять связи НСДАП с рурским капиталом и искать личного контакта с владельцами рейнско-вестфальских концернов. Решающим было то, что у северо- и западногерманских магнатов угля и стали он рассчитывал найти большее понимание, чем у других промышленников. Эти господа в силу экономических условий (структура занятых на их предприятиях, производственная техника, подверженность кризисам, экспортные возможности и т. п.) уже давно были защит-

* Под этим названием (die Kristallnacht) известен погром, учиненный нацистами во многих городах Германии в ночь на 9 ноября 1938 г. и положивший начало массовому преследованию и уничтожению еврейского населения.

никами требования «хозяин в собственном доме» и противниками профсоюзов. А поскольку им приходилось терпеть наибольшие убытки из-за Версальского договора, они особенно упорно грезили о реванше и «рывке к мировому господству».

К тому же они по праву считали себя кузнецами германского оружия и сильнее всех прочих были заинтересованы в военном бизнесе и подготовке войны. Гитлер быстро уразумел, что кучка известных рурских концернов («Крупп», «Ганиель», «Хёш», «Клёкнер» и вошедшая с 1926 г. в «Ферайнигте штальверке» фирма Тиссена, гельзенкирхенский и германо-люксембургский концерн «Бергверкс АГ», «Фёникс АГ», «Райнише штальверке» и «Бохумер ферайн») хотя не являлась политически самой стабильной и не производила основную массу германской промышленной продукции, тем не менее играла влиятельную роль в определении политики монополистического капитала. Ведь интересы их отрасли совпадали с долговременными агрессивными целями всего германского империализма. К тому же эти концерны монопольно господствовали на энергетическом и сырьевом рынках, и в них царила более строгая дисциплина, чем в других отраслях экономики.

Свой дебют перед рурскими промышленниками нацистский главарь тщательно подготовил. Он использовал и разногласия внутри НСДАП в связи с развернувшимся по инициативе коммунистов народным движением за конфискацию собственности бывших князей, которое вызывало симпатию даже у республиканских кругов буржуазии, а у хозяев концернов и крупных землевладельцев порождало страх перед идущим снизу демократическим обновлением государства.

Когда Гитлер в конце ноября 1925 г. узнал, что руководители НСДАП Северной Германии (за исключением Федера и кёльнского гауляйтера Роберта Лея) во главе с Грегором Штрассером, дабы подкрепить свою псевдосоциалистическую демагогию, в принципе высказались за участие в кампании, имевшей целью отчуждение собственности князей, это вызвало у него крайнее раздражение: такая позиция дискредитировала фашистское движение в глазах имущих. Но вместе с тем Гитлер понял: вот удобный случай преподнести себя могущественным монополистам в качестве надежного гаранта частной собственности, подорвать власть соперничающего северогерман-

ского центра НСДАП, снова продемонстрировать свою способность держать собственных приверженцев в узде. Представлялся случай оправдать доверие, оказанное ему некоторыми представителями высшей аристократии (как-никак он получал пожалованную ему герцогиней Саксен-Альтенбургской субсидию — 1500 марок в месяц!).

На заседании руководства НСДАП в феврале 1926 г., где дело дошло до словесной перепалки между ним и Штрассером, Гитлеру удалось добиться решения против конфискации собственности князей, что отвечало желаниям большинства обманутых и антикоммунистически настроенных сторонников нацизма. Разумеется, Штрассер и Геббельс через несколько недель от своей показной «оппозиции» Гитлеру отказались, а тот поспешил использовать этот успех. На общем собрании НСДАП в мае он постарался сделать все для того, чтобы Мюнхен неизменно оставался «столицей движения» (т. е. его единственным центром) и закрепить свое право «фюрера» по собственному усмотрению назначать и смещать гауляйтеров, а также подчиненных им функционеров. Нацистский главарь и его мюнхенские приспешники закрепили этот успех на 2-м съезде НСДАП — пышном спектакле во славу «фюрера». Он состоялся в июле в Веймаре, поскольку там не было запрета на выступления Гитлера.

Для установления контактов с рурскими промышленниками нацистский главарь использовал также салоны мюнхенских светских дам, где бывали и владельцы западногерманских концернов. Снова появившись здесь после отбытия срока в Ландсберге, он пожинал лавры мученика. Эльза Брукман, в доме которой Гитлер познакомился с Кирдорфом, писала, что, «будучи восторженной поклонницей фюрера, она поставила целью своей жизни связать его с руководящими лицами тяжелой индустрии»¹⁷.

Первое выступление Гитлера перед рурскими промышленниками состоялось 11 июня 1926 г., когда нацистский главарь предпринял поездку по Руру — оплоту германской тяжелой индустрии. Для маскировки своих истинных намерений он выступил на нескольких «закрытых» (поскольку официально произносить публичные речи ему еще запрещалось) собраниях трех наиболее крупных местных групп НСДАП. «Некий круг немецких хозяйственных деятелей, — писала одна из ведущих газет Рурской области, — обратился к Адольфу Гитлеру с просьбой сделать для приглашенных руководящих де-

ятелей хозяйства доклад на тему «Германская экономическая и социальная политика».

Тот факт, что многие представители хозяйственных кругов последовали этому приглашению, как нельзя лучше доказывает, какое значение уже приобрело национал-социалистское движение во главе с ним. Это движение тем более должно приниматься в расчет хозяйственными кругами, ибо оно в первую очередь стремится привлечь рабочего и борется за его душу... О впечатлении, произведенном полуторачасовым докладом Гитлера, можно судить по тому большому вниманию, с каким его слушали, и по тем аплодисментам, которыми его в заключение наградили.

Через полгода, в начале декабря 1926 г., Гитлер выступал перед рурскими промышленниками дважды: первый раз в Кёнигсвинтере, второй — в Эссене. Следующее выступление перед «виртшафтсфюрерами» состоялось в апреле 1927 г., тоже в рурской метрополии. Даже по сообщениям прессы концернов (которая воспроизвела агрессивные высказывания оратора, по всей вероятности, в несколько смягченной форме), Гитлер откровенно заявил: для обеспечения своего будущего Германия должна приобрести новые территории и новые рынки сбыта, а для этого ей надобно иметь «сильные позиции», которые могут быть созданы только фашистским государством.

Вне всякого сомнения, эта программа, которую можно свести к краткой формуле: диктатура — вооружение — война, весьма импонировала оружейным магнатам. Но одного ее провозглашения, разумеется, было еще недостаточно, чтобы убедить привыкших к трезвому расчету королей угля и стали в способности фашистского «фюрера» сделать эти радужные видения былью.

Тем не менее значение выступлений Гитлера перед рурскими магнатами в 1926—1927 гг. недооценивать нельзя. «Здесь, — подчеркивает К. Госсвайлер, — было положено начало тем отношениям, которые год за годом втягивали в себя все более широкие круги и становились все крепче — разумеется, не прямолинейно и не без кризисных моментов — до тех пор, пока самые влиятельные германские монополисты в конце концов не сошлись на том, что именно Гитлеру следует отдать предпочтение перед всеми другими претендентами на ведение дел фирмы, именуемой «германский империализм»».

Можно считать несомненным, что принадлежавшая к избранному кругу аудитория нацистского главаря пона-

чалу проявляла величайшую сдержанность, лишь только речь заходила о денежных пожертвованиях на такое дело, которое (при всей его заманчивости) еще требовало проверки на предмет его осуществимости. И тем не менее именно с 1926—1927 гг. НСДАП оказалась в состоянии усилить вербовку в свои ряды и одновременно создать, а затем расширить несколько примыкающих к ней организаций — «Гитлерюгенд» с «Юнгфольком» (для детей) и «Союзом германских девушек», «Национал-социалистский студенческий союз», «Национал-социалистский женский союз», а также «Союз борьбы за германскую культуру» (или иначе «Национал-социалистский культурбунд»).

Лично для Гитлера важнейшим результатом его «прорыва» в клуб рурских промышленников (после которого его вскоре допустили в частные дворцы и на роскошные виллы членов этого клуба) явилось то, что теперь в этих кругах он выступал в качестве признанного выразителя фашистского движения. И хотя некоторые монополисты все еще считали его главного соперника Грегора Штрассера тем представителем руководящей нацистской клики, который наиболее пригоден для проведения практической политики, Гитлер приобрел и у этих людей репутацию интегрирующей фигуры германского фашизма, которая будто бы стоит выше всех частных тактических решений и компромиссов.

Отныне связи между тяжелой промышленностью и руководством НСДАП стали осуществляться непосредственно через Гитлера, сумевшего «переиграть» своих северогерманских конкурентов. Это «повышение курса акций» укрепило позиции нацистского главаря по сравнению с его гауляйтерами и тем самым стабилизировало его положение как руководителя НСДАП, после чего культ «фюрера», определявший внешний облик фашизма, окончательно принял свою форму.

Это проявилось на 3-м общегерманском съезде НСДАП в августе 1927 г. Он впервые состоялся в Нюрнберге, городе-памятнике средневековой немецкой культуры (и вместе с тем вотчине Шлейхера!), и послужил прототипом будущих грандиозных нацистских сборищ и военизированных шествий штурмовиков. Вместо прежних небольших отрядов громил теперь строевым шагом проходили целые полки СА (15—20 тыс. человек), доставленные колоннами грузовиков. И центром этого парада-алле был

теперь один-единственный человек — Гитлер, имя которого звучало все чаще и чаще вместе со словом «Хайль!», а потом было включено в обязательное нацистское приветствие.

Эти изменения быстро сказались на неуравновешенном и психически неустойчивом характере нацистского главаря, дорвавшегося до славы. Он стал куда самовластнее, необузданнее, несговорчивее, нетерпимее и теперь все больше стремился к восхвалению собственной персоны и к укреплению своей единоличной власти в НСДАП. А его ближайшие приспешники Штрассер, Гесс, Штрейхер, Геббельс, Амани, Фрик и прочие считали, что их шансы оказывать влияние на «фюрера» зависят от степени раболепства перед ним, что позволяло Гитлеру преодолевать свою зависимость от этих подручных, ловко лавируя между ними.

Решающее значение для укрепления контактов нацистского главаря с монополистическим капиталом имела его первая встреча с Кирдорфом в салоне Эльзы Брукман в июле 1927 г. Буржуазные историки, желающие снять с крупной буржуазии вину за приход фашизма к власти, изображают 80-летнего в ту пору Кирдорфа чудаковатым аутсайдером, выжившим из ума упрямым, симпатия которого к бойкому говоруну Гитлеру была его личной причудой.

Однако это абсолютно не соответствует фактам. Кирдорф, в течение ряда десятилетий стоявший во главе гезленкирхенского концерна «Бергверкс АГ» (с 1906 г. — крупнейшее в Германии угольно-металлургическое предприятие, а с 1913 г. — самый большой концерн в этой отрасли промышленности во всей Европе), 33 года (с 1893 до 1926) был председателем Рейнско-вестфальского угольного синдиката (Каменноугольный картель), охватывавшего все западногерманские предприятия горной промышленности. Кирдорф мог похвастаться своими деловыми, а частично и личными связями со всей рурской элитой. Он играл политическую роль еще со времен первой мировой войны, когда входил в состав директората Центрального союза германских промышленников как признанный выразитель взглядов самых реакционных и в большинстве своем шовинистических воротил рурского капитала. Он был еще достаточно хитер, чтобы в возрасте 79 лет (в 1926 г.) принять участие в планировании (как уже указывалось, провалившемся) «легального» государственного

переворота, а в 1932 г., когда ему было уже 85 лет, от имени магнатов тяжелой промышленности изложить нацистскому главарю детальную и обоснованную программу немедленных действий.

Апологеты монополистического капитала приводят, далее, такой «аргумент»: мол, Кирддорф хотя и вступил в 1927 г. в НСДАП, в последующие годы (правда, временно) из нее выходил. Но даже американский историк Тэрнер, который весьма преуспел в фальсификации отношений между Кирддорфом и Гитлером, вынужден согласиться со следующим. Этот крупный промышленник «несколько отошел в сторону не потому, что ему пришлось не по вкусу антидемократические, националистские или антисемитские черты [нацистской] партии»¹⁸, а потому, что его раздражали антикапиталистические выпады нацистских функционеров низшего ранга (особенно против близкого сердцу Кирддорфа угольного синдиката, почетным председателем которого он оставался и далее). На самом же деле Кирддорф своим выходом из НСДАП хотел содействовать оттеснению в ней на задний план подозрительных ему своей «революционностью» элементов. Выход этот никоим образом не являлся признаком пассивности, а тем более враждебности Кирддорфа к фашизму. Он был нацелен на отказ нацистской партии от враждебных концернам высказываний, дабы сделать ее более привлекательной для коллег Кирддорфа из кругов крупных промышленников.

Магнат угля и стали призвал к себе Гитлера и задал ему наводящий вопрос, не желает ли он одержать верх над братьями Штрассерами, которые считались ведущими представителями псевдосоциалистического нацизма? Гитлер, естественно, ответил утвердительно и добавил: для этого ему потребуется, во-первых, немного времени, во-вторых — много денег, а в-третьих — отмена запрета его публичных выступлений в Пруссии. Он в категорической форме заверил Кирддорфа: «Вы и другие промышленники можете диктовать курс партии, поскольку он касается вас и вашей собственности»¹⁹.

Как и следовало ожидать, такое заявление вполне удовлетворило старого монополистического тигра. Не приходится удивляться, что он и после своего выхода из НСДАП (это вынужден признать даже Тэрнер), «и в дальнейшем дружески относился к Гитлеру и высоко ценил его. Сердечные личные отношения между ними» не прерывались; потому в 1929 г. Кирддорф «был почетным

гостем на Нюрнбергском съезде партии», а «Гитлер и далее посещал дом Кирдорфа, где ему был обеспечен контакт с видными промышленниками»²⁰.

Тэрнер пытается придать отношениям между Кирдорфом и Гитлером невинный характер. Он утверждает, будто этот крупный промышленник имел весьма скромное личное состояние, к тому же был жаден, и, таким образом, как можно предполагать, его финансовые субсидии нацистской партии не были «особенно щедрыми»²¹. Но даже сам Тэрнер вынужден упомянуть о финансовой инъекции, произведенной Кирдорфом Гитлеру, — 100 тысяч марок. Нисколько не удивляясь «потере памяти», внезапно овладевшей всеми нацистскими преступниками после 1945 г., он, желая ослабить впечатление, добавляет: главный свидетель этого события при допросе американским следователем в Нюрнберге больше ничего вспомнить не смог, а потому, мол, данный факт остался недоказанным²².

Между тем дело идет вовсе не о том, сколько денег лично Кирдорф дал фашистской партии, и даже не столько о том, какие жертвования при его посредничестве делали другие крупные промышленники (например, при покупке мюнхенского «Коричневого дома» в 1929—1930 гг.). Главное в том, что старейшина рурского капитала играл роль вербовщика своих коллег на сторону гитлеровского фашизма.

Наглядным примером служит такая деятельность Кирдорфа в отношении верхушки созданного им в Гельзенберге Гельзенкирхенского концерна, председатель правления которого Эрнст Тенгельман вместе со своими сыновьями Вальтером и Вильгельмом не позднее 1930 г. начал открыто выступать за НСДАП. Так же действовали зять Кирдорфа Ганс Крюгер и другой его зять — Герберт Кауэрт — член правления концерна «Ферайнигте штальверке» («Фешта»), в который вошла и акционерная компания «Гельзенберг АГ». Впрочем, руководящие лица «Фешта» (наряду с владельцами «ИГ Фарбениндустри» — крупнейшего концерна в Германии и во всей Европе) и без того были настроены нацистски или пронацистски; они даже сами помогали Кирдорфу в вербовке промышленников на сторону фашизма.

Среди них, в частности, уже неоднократно упоминавшийся председатель наблюдательного совета «Фешта» Фриц Тиссен: в 1927 г. он прекратил финансовую помощь слишком «дряблым», на его взгляд, немецким национа-

листам и в 1931 г. стал официально членом НСДАП. Это был, далее, генеральный директор концерна «Фешта» Альберт Фёглер, известный своими агрессивными взглядами. К их числу принадлежал и близкий сотрудник Фёглера Р. К. Арнольд, организатор пресловутого «Немецкого института технической подготовки рабочих», который являлся ярко выраженным антипрофсоюзным «исследовательским центром», имевшим целью усиление эксплуатации и идеологическое разоружение рабочего класса: он оказывал нацистской партии свою финансовую поддержку уже с 1926 г. К давним покровителям НСДАП принадлежал и управляющий делами «Бергбаулихер фе-райн» Ганс фон унд цу Лёвенштайн, на протяжении многих лет тесно сотрудничавший с Кирдорфом. Для более молодых менеджеров крупной промышленности зачастую было достаточно одного лишь указания Кирдорфа вступить в НСДАП. Нередко эти люди (например, будущий нацистский гауляйтер Эссена Йозеф Тербовен) получали прямое задание информировать своих боссов о внутреннем развитии НСДАП и влиять на ее решения (по крайней мере в местном масштабе).

Фашизация верхушки Гельзенкирхенского концерна была, однако, лишь симптомом того процесса, который захватывал теперь гораздо более широкие круги финансового капитала. О том, как он открывал Гитлеру путь к другим группам рурских промышленников, вспоминал позже сам Кирдорф. Отметив то «грандиозное впечатление», которое произвел на него при первой встрече, длившейся четыре с половиной часа, монолог Гитлера, он поведал:

«Я попросил фюрера изложить сделанный мне доклад в виде брошюры. Эту брошюру я затем от своего имени распространил в кругах индустрии и хозяйства. Осознав, что только политика Адольфа Гитлера приведет к цели, я в дальнейшем полностью предоставил себя в распоряжение [нацистского] движения. Вскоре после мюнхенской беседы в результате воздействия написанной фюрером и распространенной мною брошюры состоялся ряд его встреч с руководящими лицами промышленного бассейна, в ходе которых Адольф Гитлер коротко и ясно изложил свои взгляды»²³.

В этой брошюре, текст которой стал известен только через 41 год (в 1968 г., и это весьма характерно для утаивания всех документов, доказывающих сообщничество,

имевшее место между крупной промышленностью и главарями «рабочей» партии!), Гитлер повторил то, что он обычно говорил, выступая перед представительными органами предпринимателей²⁴.

Во-первых, высказав понимание финансовых забот и трудностей сбыта для промышленности, он заверил их, что «сильное националистическое государство» сможет дать монополистическому капиталу «защиту», а также «свободу для его существования и развития». Во-вторых, Гитлер всячески старался развеять опасения крупных капиталистов насчет его псевдосоциалистической массовой пропаганды. И в-третьих, нацистский главарь недвусмысленно высказал свою приверженность к экспансионистской войне во имя интересов монополий.

Главной идеей его брошюры было: «Решающий исход экономических схваток никогда еще не зависел от большей или меньшей сноровистости отдельных конкурентов; нет, он определялся силой того меча, который они бросали на чашу весов в борьбе за свое коммерческое дело, а значит, и за свою жизнь»; посему «политика должна считать своей высшей задачей дать этому естественному империализму столь же естественное удовлетворение».

В первой устроенной Кирддорфом встрече «руководящих лиц [Рурского] промышленного района» в октябре 1927 г. (уже после распространения брошюры) приняли участие 14 крупных предпринимателей. «Неоспоримо, — писал впоследствии Кирддорф, — что все участники были глубоко взволнованы его (Гитлера. — В. Р.) захватывающим изложением своих идей»²⁵. Но боссы Рура отнюдь не принадлежали к тем, кто будет сложа руки предаваться элегическим эмоциям. Они привыкли жестоко и энергично браться за осуществление осознанной ими целесообразности и при этом как можно меньше привлекать к своим темным махинациям внимание широкой общественности. Этим, кстати, и объясняется, что мы по сей день не знаем имен 14 сообщников Кирддорфа и историки почти ничего не могут сказать насчет того, о чем же конкретно договорились могущественные слушатели Гитлера в тот осенний день 1927 г., дабы помочь победе «захватывающих» идей нацистского главаря.

Однако никоим образом не является ошибочным предположение, что тогда в доме Кирддорфа образовался (пусть организационно и не имевший никакого статута) орган крупных промышленников, имевший своей целью всесто-

роннее содействие гитлеровскому фашизму. Это предположение тем более обоснованно, что владелец Гельзенкирхенского концерна однажды уже принимал решающее участие в создании такого действовавшего исподтишка и состоявшего из 12 поименно известных лиц²⁶ ультрареакционного, крайне антиреспубликанского пропагандистского центра империализма, деятельность которого оставила зловещие следы в истории Германии.

Тогда, в 1919 г., это было внешне неприметное «Хозяйственное объединение» — так именовался созданный тяжелой промышленностью центр по финансированию и руководству гугенберговским газетным (а впоследствии и кино-) концерном. Он подчинил своей власти более половины всей провинциальной прессы и в значительной мере содействовал подрыву устоев Веймарской республики, усилению (позже пошедшему на пользу НСДАП) массового влияния партии немецких националистов, а также поправению других буржуазных партий. Вероятно, в созданный в 1927 г. новый центр кроме Кирдорфа вошли и другие члены в то время еще полностью функционировавшего «Хозяйственного объединения». Этим объясняется и та почти безоговорочная (хотя в силу конкурентной борьбы и не всегда последовательная) поддержка, которую оказывала нацистскому движению с 1929 г. гугенберговская пресса.

Поэтому было бы упрощением представлять себе дело так, будто Кирдорф и его сообщники уже в 1927—1928 гг. столь же целеустремленно вели дело к назначению Гитлера рейхсканцлером и к установлению фашистской диктатуры, как в 1933 г. Эти господа, постоянно делавшие ставку на самые различные варианты и имевшие в своих рядах также других видных буржуазных политиков и деятелей, политическая программа которых отвечала их интересам, отнюдь не были склонны вручить собственную судьбу (которую они отождествляли с судьбой Германии) выскочке Гитлеру с его внушавшими подозрение фразами о «социализме».

Но они твердо знали: желаемые ими социальные и политические перемены (которые в общем и целом сводились ими к лозунгу «Покончить с республиканским маразмом»), а также запланированное ими в перспективе развязывание захватнической войны осуществимы только в том случае, если на реализацию этих реакционных целей удастся мобилизовать значительную часть народа. А здесь

многое говорило за то, что Гитлер вполне может оказаться самым подходящим человеком для подстрекательства масс против республики. Дать ему и возглавляемой им партии шанс на создание многомиллионного движения — в этом и заключалось тогдашнее содействие монополистического капитала фашизму. Предоставить ли самому Гитлеру ключевую позицию в послереспубликанском государстве — этот вопрос тогда еще вообще не ставился.

Другие промышленные боссы, вокруг которых также образовывались опорные пункты НСДАП внутри буржуазии, пока контактов с Гитлером не имели; еще менее их заботили его личные перспективы. Эти промышленники и менеджеры (поначалу можно было говорить лишь об отдельных лицах) старались сохранить свои связи с нацистской партией в тайне, дабы не повредить ее облику «рабочей» партии. Сами же они все еще поддерживали отношения с традиционными буржуазными партиями. К тому же они зависели от заказов и субсидий республиканского правительства, а некоторые боялись возмущения рабочих своих предприятий за открыто выраженные симпатии к фашизму.

Хотя эти люди действовали в тени, марксистские и другие антифашистские историки²⁷ выявили значительное число предпринимателей, которые выступали за фашистскую партию уже в 1927—1928 гг. Некий Фриц фон Брук из концерна Хёша еще в 1926 г. намеревался, как явствует из дневника Геббельса, предоставить нацистской гау Рейнланд-Норд «займы» (по всей вероятности, так никогда и не возвращенные). Из кругов химической промышленности нацистам содействовали заводчики Пауль Гофман, а также Вильгельм Кепплер (в будущем — советник Гитлера по экономическим вопросам), известный тем, что с целью финансовой поддержки нацистских бонз и консультирования их по программным вопросам объединил верхушку монополистов в так называемый кружок друзей Гиммлера. Кепплер весьма рано установил (в частности, через крупного банкира барона Курта фон Шрёдера) связи с концерном «ИГ Фарбениндустри», который, кстати, до конца 1927 г. предоставлял кёльнскому гауляйтеру Роберту Лейу высокооплачиваемую должность. Когда же 1 января 1928 г. Лей уволился из концерна, тот, фактически финансируя новую фашистскую газету «Вестдойчер беобахтер», еще целых три года выплачивал ему жалованье и пособия на сумму почти 15 тыс. марок в год.

Большую пользу нацистской партии приносили те идеологические менеджеры, которые занимали важные посты в координационных центрах, осуществлявших политическое взаимодействие монополистической буржуазии. Таким был, например, управляющий берлинским «Национальным клубом» принц Карл фон унд цу Лёвенштайн (брат вышеупомянувшегося Ганса фон унд цу Лёвенштайна, который установил контакт между Кирддорфом и Эльзой Брукман). К этой же категории принадлежал и пользовавшийся доверием рурских магнатов редактор экономических отделов печатных органов крупной буржуазии Отто Дитрих, зять издателя газеты «Рейниш-Вестфелише цайтунг», шеф гитлеровской прессы с 1931 г.

Растущий интерес рурских промышленников к Гитлеру был виден не в последнюю очередь и по увеличению числа слушателей его докладов, которые он произносил перед «виртшафтсфюрерами» и их уполномоченными. Если на его первом докладе в июне 1926 г. присутствовало всего 40 человек, то в декабре 1927 г., когда он снова выступал в Эссене, уже 600. При этом еще раз подчеркнем, что тогда они отнюдь не являлись безоговорочными сторонниками фашизма. Внимая речам нацистского главаря, промышленники вовсе не давали оглушить себя, как мелкие буржуа, обрушивавшимся на них водопадом слов. Нет, они оставались трезвыми коммерсантами, которые предварительно все взвешивают и калькулируют, и свое дальнейшее отношение к нацистской партии они ставили в зависимость от того, докажет ли она свою пригодность для осуществления их целей. По данной причине большинство из них еще не делали окончательной ставки на Гитлера и его сообщников.

На это и упирает буржуазная историография, желая затушевать факт поощрения фашизма крупными капиталистами ссылкой на то, что некоторые из них тогда поддерживали политических конкурентов НСДАП из реакционно-консервативного лагеря или же наряду с нацистами оказывали содействие и другим правым политическим силам. Это лишь подтверждает способность преобладающей части германской крупной буржуазии политически маневрировать. Однако неопровержимым остается факт, что гитлеровский фашизм еще до своих крупных избирательных и массово-политических успехов нашел в конце 20-х годов благожелательный отклик у наиболее активных хозяев монополий. Оказанная ими поддержка и позволила

нацизму (разумеется, при определенных обусловленных конъюнктурой общеполитических предпосылках) превратиться в массовое движение.

Именно эту взаимосвязь особенно упорно оспаривают буржуазные историки. Меняя местами причину и следствие, они изображают дело так, будто только приток голосов миллионов «маленьких людей», поданных за нацистскую партию на выборах, и побудил всемогущих промышленных боссов жертвовать свои миллионы в пользу Гитлера. Поэтому буржуазные историки утверждают, будто крупные капиталисты начали финансировать НСДАП лишь после 1930 г., т. е. после первого внушительного успеха нацистов на выборах. Но даже в этом случае некоторые из них заявляют, что, мол, «нельзя правильно оценить, какую именно роль сыграли деньги в политических решениях 1932 г.», и делают вывод: «Денежные пожертвования промышленности никоим образом не заслуживают того интереса, который им уделяется (марксистскими.— В. Р.) историками»²⁸. Однако приводить доказательства своего утверждения они избегают²⁹.

Само собой разумеется, кредиторы фашистской партии из числа крупных капиталистов, а также сами нацистские главари были заинтересованы в том, чтобы максимально сохранить в тайне свои связи, и весьма ловко умели (кстати, это и до сих пор хорошо умеют делать в ФРГ в производственных архивах крупных концернов) уничтожать следы денежных субсидий.

Идентичность фашистской программы с целями наиболее агрессивных кругов монополистического капитала; персональные и организационные контакты между нацистским руководством и крупной индустрией; связь между усиленным поощрением фашизма крупным капиталом и массово-политическими успехами нацистов; огромные, лишь частично известные и приблизительно определяемые с 1930 г. расходы НСДАП (70—90 млн. марок³⁰ в год), ни в коей мере не соответствующие финансовым возможностям рядовых «партайгеноссен»,— все это указывает на взаимосвязь между монополистическим капиталом и фашизмом. Замалчивание финансирования нацистской партии крупным капиталом, к которому прибегает, например, один из видных исследователей фашизма, историк ФРГ Карл Дитрих Брахер, в своей книге «Германская диктатура», равнозначно сокрытию истинного положения дел.

Хотя твердо установлено, что денежные ассигнования крупных капиталистов на НСДАП (именно потому, что нацистское руководство давало все новые и новые доказательства своей пригодности) с 1930 г. резко возросли, фашисты еще с 1929 г. располагали средствами, достаточными для того, чтобы заложить в виде многочисленных газетных и книжных издательств, новых казарм штурмовиков, своих вновь созданных организаций врачей, юристов, учителей и т. п. тот фундамент, на котором потом, когда разразился мировой экономический кризис, выросло многомиллионное нацистское движение.

Попутно заметим, что с этого времени заметно улучшилось и личное финансовое положение Гитлера. В 1928 г. он купил себе комфортабельную виллу в Берхтесгадене, которую прежде снимал на летние месяцы. Ведение хозяйства в ней он предоставил своей сводной сестре Ангеле Раубаль, которая вместе с двумя взрослыми дочерьми переехала на этот альпийский курорт в Баварии. На службе у него состоял личный шофер — единственный человек, посвященный в амурные дела нацистского главаря, обычно носившие характер кратковременных связей. Гитлер нанял и посыльных для своей городской квартиры — роскошных апартаментов из девяти комнат на мюнхенской площади Принцрегентплац. В одной из комнат он поселил дочь сестры — 20-летнюю племянницу Гели, сделав ее своей любовницей. В 1931 г. она покончила самоубийством: «дядя Альф» не давал ей житья своей ревностью да к тому же требовал от нее невыполнимого (поскольку она не обладала никаким талантом) — стать оперной примой в духе древнегерманских образов вагнеровских опер. Некоторое представление о моральном облике Гитлера дает и тот факт, что его очередная любовница, Ева Браун, была на 22 года моложе его и уже после кратковременного знакомства с ним в 1932 г. пыталась покончить самоубийством.

О финансировании НСДАП после 1927 г. говорит и продвижение фашизма в Берлине, чему способствовала равнозначная прямому благоприятствованию позиция республиканских властей по отношению к этой воинствующей партии правого экстремизма. Гитлеру и его сообщникам было ясно: раздуваемое ими движение они смогут впечатляющим образом представить как своим покровителям и кредиторам, так и своим сторонникам в качестве силы, определяющей будущее Германии, только в том

случае, если им удастся избавиться от локально-баварского налета и создать сильную организацию в столице страны — Красном Берлине, где левые силы (социал-демократы и коммунисты) имели за собой устойчивое большинство избирателей.

Эта задача была возложена на отмежевавшегося от Штрассера и с тех пор отличавшегося особым раболепием перед Гитлером и ревностным раздуванием его культа 28-летнего Йозефа Геббельса. В октябре 1926 г. он стал гауляйтером Берлин-Бранденбурга, а через два года был назначен и имперским руководителем пропаганды НСДАП. Геббельс, который еще менее, чем Гитлер, мог похвастаться своей «нордической» внешностью (за малый рост, черные волосы и колченогость он получил презрительное прозвище «скукожившийся германец»), не уступал своему «фюреру» ни в ловкости рук, ни в искусстве пустословия и риторики. Что же касается бессовестности и цинизма, то тут он, пожалуй, даже превосходил (если это вообще возможно!) своего шефа. Известны десятки его циничных высказываний насчет того, что пропаганда не имеет ничего общего с правдой, что для достижения успеха все средства хороши, а наглая ложь — незаменимое оружие в политической борьбе. Еще в 1924 г. Геббельс писал о буржуазных выборах: «Большинство избирателей всегда глупо, неотесано и не имеет никакой цели. Оно охотно позволяет сбивать себя с толку очковтирателям и политическим жонглерам»³¹.

Через три года Геббельс попробовал сам выступить в роли такого суперочковтирателя и ловкого жонглера словами. Главное, он обладал теми средствами, которые были необходимы, чтобы эффектно развернуть оба метода фашистского воздействия на массы — демагогию и террор. Наряду с кампаниями по проведению сборищ, распространением листовок и тому подобным берлинское нацистское руководство сосредоточило свои усилия прежде всего на привлечении в погромные отряды СА авантюристических элементов из военных союзов и юношеских организаций правого направления, сынков мелких буржуа, а также деклассированной безработной молодежи.

Сначала в мелкобуржуазных и буржуазных районах юго-запада и запада германской столицы, а через два-три года — и в рабочих кварталах восточной и северной части Берлина были созданы приобретшие зловещую известность «казармы СА». Их базой служили пивные («лока-

ли») националистически настроенных или продажных трактирщиков; в задних комнатах размещались канцелярии штурмовиков, их сборные пункты и спальные помещения. Эти значные места привлекали всякий сброд игрой в солдаты, бесплатным пивом за «геройские дела» и истинно «мужским» времяпрепровождением. Под этим подразумевались крайне жестокие провокационные нападения на коммунистов и социал-демократов, на профсоюзных функционеров, на возвращавшихся домой участников пролетарских собраний и митингов, на членов Коммунистического союза молодежи Германии и социал-демократической организации «Социалистическая рабочая молодежь», срыв мероприятий КППГ, Союза красных фронтовиков и отрядов республиканской самообороны «Рейхсбаннера» (Союза имперского флага).

Террор, осуществлявшийся ничтожным меньшинством и неоднократно вызывавший возмущение даже в буржуазных кругах, стал возрастать в Берлине с весны 1927 г. столь круто, что прусское министерство внутренних дел было вынуждено на короткий срок запретить НСДАП в германской столице, а следовательно, и публичные выступления нацистских ораторов.

В ответ на запрещение публичных выступлений Геббельс основал местную фашистскую газету «Дер ангриф» («Нападение»). Сначала она выходила еженедельно, но уже очень скоро превратилась в ежевечерний листок. Эта газета, достигшая к 1933 г. тиража 60 тыс. экземпляров, принадлежала к числу самых гнусных во всей истории германской печати. Бьющая на внешний эффект, напигованная ложью еще больше, чем «Фелькишер беобахтер», постоянно подбрасывавшая «взрывчатку» для всевозможных провокаций, газета эта захлебывалась в антикоммунистической и антисоциалдемократической травле. Не останавливалась она и перед всяческой клеветой на буржуазную республику и ее представителей.

«Ангриф» в самой беспардонной форме демонстрировала бездонный цинизм фашизма и сочетаемое с ненавистью презрение к Веймарской республике. Так, в статье Геббельса от 30 апреля 1928 г. (незадолго до выборов в рейхстаг) говорилось: «Мы идем в рейхстаг, чтобы парализовать веймарское мировоззрение при его же собственной поддержке. Если демократия настолько глупа, чтобы за эту медвежью услугу давать нам бесплатный проезд на транспорте и платить депутатские деньги, что

ж, это ее собственное дело!» А через восемь дней после выборов (28 мая) берлинский гауляйтер НСДАП, получивший место в парламенте, снова вернулся к той же мысли. «Я,— писал он в «Ангриф»,— вовсе не член рейхстага... Я — просто обладатель парламентской неприкосновенности, я — владелица бесплатного билета. Обладатель парламентской неприкосновенности имеет свободный вход в рейхстаг и не платит за это налог на развлечения. Он может, когда господин Штреземан рассказывает о Женеве, задавать ему не имеющие отношения к делу вопросы и бросать реплики, например: правда ли, что вышеуказанный Штреземан — масон и женат на еврейке?»³²

Несмотря на эту афишируемую нацистами враждебность к республике, возглавлявшееся социал-демократами правительство отменило свой запрет НСДАП и СА почти в тот же день, когда была опубликована данная статья. А еще через четыре месяца (причем именно по инициативе председателя рейхстага социал-демократа Пауля Лёбе) был снят запрет и на выступления Гитлера в Пруссии. Фашистская активность в столице резко усилилась, а уличный террор нацистов стал свирепствовать еще пуще.

Поскольку при большинстве столкновений с нацистами полиция вела себя пассивно, основная тяжесть отражения фашистских налетов легла на плечи Союза красных фронтовиков (СКФ) и социал-демократического «Рейхсбаннера». Но правые лидеры «Рейхсбаннера», видевшие свою главную задачу в борьбе против коммунизма, старались сорвать совместные действия обоих антифашистских оборонительных союзов и не допустить никаких местных соглашений со СКФ. После кровавой провокации, устроенной 1 мая 1929 г. социал-демократическим полицей-президентом Берлина Цергибелем, Союз красных фронтовиков даже был запрещен прусским правительством, которое возглавляли социал-демократы.

Однако, несмотря на фашистский террор и геббельсовскую пропаганду, коричневорубашечникам со свастикой на рукаве целых полтора года не удавалось утвердиться в Красном Берлине. На выборах в рейхстаг 20 мая 1928 г. НСДАП получила в германской столице всего 1,4% голосов (а СДПГ и КПП в общей сложности 63,6%). Это было ниже ее среднего общегерманского уровня, составлявшего 2,6% (810 тыс. голосов по сравнению с 907 тыс. голосов фёлькишско-фашистских партий в декабре 1924 г. и 1,9 млн. в мае того же года).

Тем не менее нацистская партия все же сумела провести в парламент 12 своих депутатов, в том числе Грегора Штрассера, Геббельса, Фрика и только что вернувшегося из-за границы Геринга (ему пришлось пройти в Швеции курс лечения от морфинизма). Гитлер, который три года назад отказался от австрийского гражданства и теперь не имел вообще никакого, избираться в рейхстаг не мог. Однако он и это ухитрился обратить себе на пользу: стал изображать из себя «фюрера», стоящего высоко над политиками из «балагана для болтовни», как он презрительно называл рейхстаг; ему, мол, предопределено судьбой нечто гораздо более важное, чем участие в парламентской «кухонной возне».

Выборы в рейхстаг в мае 1928 г. явились первым этапом на пути возвышения нацистской партии. Вскоре стали видны и первые тени, которые уже начал бросать на Германию мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г. Если производство промышленной продукции в целом еще продолжало расти, то сбыт ее уже застыл³³. Капиталовложения сократились, число банкротств и судебных дел в связи с торговой несостоятельностью, которые служили как бы ускорителем радикализации средних слоев, подскочило вверх. В отдельных отраслях промышленности наметился спад промышленного производства, в результате чего стала расти безработица. При среднем числе безработных примерно 1,4 млн. в декабре 1928 г. работы не имели уже 2,3 млн. человек. Материальное положение трудящихся некоторых отраслей и профессиональных категорий начало ощутимо ухудшаться.

Такой ход развития готовил то поле, на котором предстояло взойти посею безудержной социальной и национальной демагогии фашизма. Постепенно стало заметно, что поддержка, оказывавшаяся нацистской партии наиболее подстрекательскими кругами монополистов и их уполномоченными, дает гитлеровскому фашизму гораздо большие шансы в борьбе за привлечение на свою сторону все сильнее поддающихся отчаянию людей, нежели другим буржуазным партиям.

Но и это не все. Надвигавшийся экономический кризис и его политические последствия, с одной стороны, усиливали (и поэтому курс на фашизацию следует рассматривать как признак слабости империалистической буржуазии) тревогу капиталистических магнатов за судьбу экс-

плуататорского строя вообще, а с другой (и это надо считать ее относительной силой) — давали толчок намерению использовать кризисную ситуацию в экономике для массированного наступления социальной реакции на трудящихся.

Характерным в этом отношении было (ограничимся только одним фактом) образование в 1928 г. состоявшего из 12 ведущих западногерманских предпринимателей тяжелой индустрии органа по руководству деятельностью рурского капитала в области политики, экономической политики и печати. Инициатором его был генеральный директор концерна «Ганиель» Пауль Ройш, который являлся председателем так называемого «Лангнам-ферайна» (объединения по охране совместных хозяйственных интересов в Рейнланде и Вестфалии) и членом президиума Имперского объединения германской индустрии. О том, чего он стремился достигнуть объединением самых могущественных магнатов угля и стали, этот известный монополист без обиняков сказал на заседании указанного органа. «Предприниматели, — заявил он, фальсифицируя основное направление монополистической политики последних лет, — со времени окончания [первой мировой] войны, защищая свои интересы, постоянно находятся почти что в состоянии обороны. Следует изучить вопрос, не стало ли в результате развития событий необходимым изменить прежнюю позицию»³⁴. Аналогичные высказывания Ройша (и других крупных промышленников) можно было бы приводить дюжинами.

И это были отнюдь не пустые слова. Уже осенью 1928 г. данный орган рурских промышленников, который, по определению Тэрнера, играл роль генерального штаба сталепроизводящей индустрии, вместе с Союзом производителей чугуна и стали (председателем его являлся тот же Ройш) перешел в наступление и нанес такой удар по профсоюзам и их тарифной системе, равного которому не было во всей предшествующей истории Веймарской республики. Концерны объявили локаут, выбросив на улицу 213 тыс. рабочих, и в нарушение даже норм буржуазного права добились через правительственные органы такого урегулирования конфликта, которое пошло на пользу предпринимателям.

Немного позже (в мае 1929 г.) Кирдорф, Крупп, Тиссен, Фёглер, Шахт и другие — словом, те, кто впоследствии извлек для себя наибольшую выгоду из создания

«третьего рейха», собрались на совещание, чтобы в связи с новыми переговорами о репарациях договориться между собой насчет средств и путей осуществления еще более жесткого внутривнутриполитического курса³⁵. Выражая мнение всей буржуазии, вице-канцлер Герман Дитрих еще месяцем раньше (в апреле 1929 г.) призывал создать такое положение, при котором «буржуазия идет к руководству и твердо держит это руководство в своих руках. Настала пора действовать радикально и создать радикальные условия... Надо как следует взять народ в оборот, причем довольно грубо»³⁶.

Эти слова тем более примечательны, что Дитрих был членом Демократической партии. Они показывают, что даже прежде верные республике круги буржуазии все больше склонялись к антипарламентаризму, к политике насилия, т. е. объективно (а порой уже и субъективно) благоприятствовали фашизму. Таким образом, уже в преддверии крупного экономического кризиса начинался ощутимый крен всей крупной буржуазии вправо и намечалась та политическая тенденция, при которой за фашизм стало выступать все большее число монополистов и других предпринимателей, а все буржуазные партии явно брали вправо. Они или начали переходить к сотрудничеству с НСДАП, или же по меньшей мере сами по себе отказывались от всякой мысли об энергичной борьбе с фашистскими конкурентами.

В октябре 1928 г. доверенный человек крайне реакционных предпринимателей тяжелой индустрии и юнкерства Гугенберг был избран председателем Немецкой национальной народной партии. Он резко порвал с ее курсом на поддержку существующего государства и придал ей ярко выраженную антиреспубликанскую ориентацию. Через два месяца последовало изменение и в руководстве партии Центра. Председателем ее стал реакционный прелат Людвиг Каас. Под его воздействием эта массовая католическая партия, которая с 1919 г. в качестве «опоры государства» участвовала во всех правительствах республики, стала постепенно превращаться в главный оплот авторитарно-антипарламентской линии.

Через какой-нибудь год после избрания Кааса курс на сотрудничество с нацистами взяла (правда, к тому времени сильно поредев) и Немецкая народная партия. Председатель ее Штреземан умер, и его место, после некоторого перерыва, занял профашист Эдуард Дингельдей. И нако-

нец, выдававшая себя прежде за один из устоев республики (а теперь постепенно деградировавшая до уровня осколочной) Демократическая партия накануне новых выборов в рейхстаг (1930 г.) объединилась с «Младогерманским орденом», который представлял собой рядившийся в средневековые одежды фашизм милитаристского толка и призывал к крестовому походу против СССР.

Усиливавшемуся крену вправо поддалась (хотя и в иных формах) и Социал-демократическая партия Германии, которая, однако, не желала сдавать свои позиции в государственном аппарате, все более попадавшем в прямую зависимость от монополистического капитала. Во главе коалиционного правительства после выборов в рейхстаг 1928 г. встал социал-демократ Герман Мюллер.

При нем произошел уже упоминавшийся кровавый разгон первомайской демонстрации 1929 г. в Берлине, а также начались новые переговоры по репарационному вопросу («план Юнга»), продолжался подрыв тарифной системы, которую поддерживали профсоюзы, было предпринято новое наступление в области экспорта германской продукции и предоставлены значительные налоговые льготы крупной буржуазии, положено начало программе строительства военно-морского флота (постройка броненосцев). Все это говорило о том, что в области внутренней, внешней, социальной политики и политики вооружения он шел в направлении, предписанном самими могущественными предпринимательскими организациями.

Однако эта проимпериалистическая позиция возглавляемого социал-демократами общегерманского правительства никоим образом не меняла враждебного отношения крупной буржуазии к социал-демократии. Напротив. С одной стороны, магнаты монополий видели, что правые социал-демократические лидеры, вынужденные считаться со своими сторонниками, могут лишь с осторожностью продвигаться по пути демонтажа парламентаризма, ликвидации социальных завоеваний трудящихся, усиления агрессивности во внешней политике. С другой же, они опасались, что еще более явное сползание правых лидеров СДПГ на линию крупного капитала может привести к массовому повороту рабочих, организованных в рядах Социал-демократической партии и профсоюзов, к КППГ, изменить всю ситуацию классовой борьбы в Германии и создать ощутимую угрозу империалистическому господству.

В этой ситуации фашисты добились успехов на следующих выборах в парламентские органы различных уровней. Хотя поначалу успехи эти были ограниченными, они уже сами по себе сигнализировали о надвигающейся опасности. Так, на выборах в ландтаги Саксонии и Мекленбург-Шверина в мае и соответственно июне 1929 г. нацисты получили около 5 % голосов. Выборы в октябре того же года в Бадене принесли им 7 %, а общинные выборы в Пруссии (в ноябре) — немного больше. В декабре во время выборов в ландтаг Тюрингии НСДАП добилась даже 11 %. В 1930 г. эта тенденция, как мы увидим, усилилась.

Руководство традиционно крайне правых партий и объединений (ННП, «Стальной шлем», «Пангерманский союз») летом 1929 г. (после кровавого берлинского Первой, запрещения Союза красных фронтовиков, усилившегося преследования коммунистической печати и т. п.) сочло, что общая ситуация уже созрела для генерального наступления на республику. Поводом для такого удара они использовали новое урегулирование репарационного вопроса на основе в тот момент еще не подписанного «плана Юнга». Он отражал изменение соотношения сил на международной арене в пользу империалистической Германии (что особенно ясно проявилось в прекращении через несколько лет уплаты ею репараций). Однако формально «план Юнга» все же обязывал Германию выплачивать до 1988 г. ежегодно около 2 млрд. марок.

Хотя выторгованные по «плану Юнга» условия были для Германии гораздо более благоприятными, чем по предыдущему «плану Дауэса», все правые экстремисты, которые теперь демагогически орали уже не просто о «репарациях», а о кабальной «дани», наперебой принялись обвинять республиканское правительство в предательстве «национальных интересов». «В конечном счете, — без оценок заявил лидер «пангерманцев» Класс, — борьба против «плана взимания дани» должна быть обращена против самой [веймарской] системы. Борьба эта должна не прекращаться до тех пор, пока не будет поражена сама эта система и не исчезнут бесследно люди, ее представляющие»³⁷.

Эта разжигавшаяся при помощи антирепарационных и антиверсальских лозунгов борьба против «системы», т. е. против Веймарской республики, была теснейшим образом увязана с идеологической подготовкой войны во имя реванша. Еще в «Майн кампф» Гитлер призывал использо-

вать Версальский мирный договор как «средство подогреть национальные чувства до точки кипения», требовал «вдалбливать каждый в отдельности пункт его в мозги и чувства народа до тех пор, пока... не родится клич: мы снова хотим оружия!».

Игнорировать эффект этого подстрекательства масс к реваншу Гугенберг, Класс и руководитель «Стального шлема» Франц Зельдте не могли, да и не хотели! Прежде всего потому, что часть могущественных промышленных боссов, стоявшая за Гугенбергом, уже сильно связала себя с фашизмом и даже те, кто еще относился к Гитлеру весьма сдержанно (например, бывший рейхсканцлер и генеральный директор крупнейшего германского пароходства Вильгельм Куно³⁸), ставили свое согласие на крупное наступление против республики в зависимость от участия в нем НСДАП.

Вот почему вся эта реакционная фронда впервые выступила вместе с фашистской партией. 9 июля 1929 г. Гугенберг, Класс, Зельдте и Гитлер образовали «Имперский комитет за народный опрос» с целью добиться принятия закона против «плана Юнга». Этот закон они демагогически назвали «законом свободы».

Тем самым выдрессированная на шумной скандальной пропаганде нацистская партия, в распоряжение которой вдруг были предоставлены все средства массовой информации, принадлежавшие ее более утвердившимся в политической жизни союзникам, получила неповторимый шанс доказать, что в области мобилизации масс она превосходит все остальные силы праворадикального лагеря.

К тому же нацизм мог таким образом избавиться от отталкивающего реакционеров запаха «революционаризма». Ведь привыкшие подчиняться старым властям благонамеренные бюргеры (столь же мало знавшие о связях Гитлера с крупным капиталом, как и «маленькие нацисты») до сих пор считали НСДАП сбродом хулиганов, стоящих по ту сторону законности, государственной и партийной политики. Теперь же верные кайзеру «патриотические» политики публично свидетельствовали: нацизм вполне пригоден для коалиции с ним. В перспективе это значило: он пригоден и для создания правительства.

Руководство фашистской партии знало, как воспользоваться этим повышением курса своих акций, и предоставившегося шанса не упустило.

Глава четвертая

ОТРАВЛЕННЫЕ СЕМЕНА ДАЮТ ЯДОВИТЫЕ ВСХОДЫ

Плебисцит против «плана Юнга» оказался «ударом хлыста по воде». Вопреки надеждам Гугенберга, Зельдте, Класса и Гитлера призыву к низвержению республики последовало не так уж много людей. В ходе предусмотренного конституцией предварительного народного опроса в ноябре 1929 г. число избирателей, высказавшихся за «закон свободы», всего на 0,02 % превысило их количество, необходимое для проведения плебисцита. Само народное голосование, состоявшееся месяц спустя, принесло лишь 5,8 млн. голосов «за» — на целый миллион меньше, чем получили на выборах в рейхстаг в 1928 г. выступавшие за законопроект правые партии.

Несмотря на это, нацисты считали референдум своим полным успехом. Ведь во время истерической кампании против нового урегулирования репарационного вопроса они, выступая самыми последовательными поборниками антиреспубликанского курса, смогли благодаря этому подготовить свое внедрение в традиционно идущие за правыми массы избирателей, а оно в ближайшем будущем сулило принести желанные плоды. Поскольку их партнеры по антиюнговскому движению были тысячами нитей связаны с существующим государством, нацистам не стоило никакого труда изображать немецких националистов и членов «Стального шлема» «реакционерами», которые держат нос по ветру и только тогда затрубили в антиреспубликанский рог, когда нацистское движение уже начало валить парламентаризм с ног.

К примеру, нацисты широко использовали то, что реакционный союз солдат-фронтовиков «Стальной шлем», почетным председателем которого был рейхспрезидент Гинденбург, нападая на «веймарскую систему», щадил этого высшего представителя республики и добился смягчения первоначального текста «закона свободы», где наряду с министрами в «национальном предательстве» обвинялся и сам глава государства — ему тоже грозили ка-

торжной тюрьмой. Демонстративно отмежевываясь от такой «непоследовательности», нацисты на своих сборищах заявляли: «Народ... ныне вынужден оплачивать своих собственных рабовладельцев, именующих себя «герр рейхс-президент» и «герр рейхсканцлер»»¹.

Равным образом нацисты постоянно напоминали в завуалированной форме, что немецкие националисты, которые теперь двинулись в поход против республики, сами нередко заседают в республиканском правительстве и участвуют в определении его политики, а потому должны быть отстранены от власти. Когда вскоре после референдума один из немецких националистов, крупный аграрий Мартин Шиле, стал министром во вновь образованном имперском правительстве, нацисты стали орать: «Вот видите, эти тайные советники и помещики-аристократы из рядов традиционных правых партий только и делают, что гонятся за высокими постами!» У них же самих, без устали трубили нацисты, ничего общего с «системой» и ее носителями нет и быть не может. Они, как выразился один нацистский оратор, после своей победы «не станут дружелюбно и вежливенько похлопывать министров по плечу и просить их освободить кресло. Нет, они просто дадут им коленкой под зад, вышвырнут вон и посадят за решетку; законом тогда станет око за око, зуб за зуб»².

Даже эти немногие примеры говорят о том, что не отличавшаяся щепетильностью нацистская пропаганда стремилась любой ценой привлечь к себе всеобщее внимание и создать впечатление, будто на политическую арену выступило движение, которое безоговорочно направлено против любой половинчатости и в противоположность склонным к соглашательству парламентарным партиям полно решимости осуществить все провозглашенные этим движением цели. Для грубиянской и в то же время рассчитанной на внешний эффект фашистской пропаганды была характерна та имитация своего морального превосходства, с какой она обращалась к «человеку с улицы». Скажем, на плакатах, напечатанных жирным шрифтом, она называла его «жалким, позабывшим свой долг простофилей», который вполне заслужил это прозвище, ибо думает только об убогих рождественских подарках своим детям, закрывая глаза на то, что «план Юнга» готовит им участь «рабов-данников» держав-победительниц на целые десятилетия³.

Своей крикливостью фашисты, агитируя против «плана Юнга», оставляли далеко позади все остальные правые силы, а потому зачастую даже давние приверженцы старых реакционных партий начинали считать, что НСДАП и впрямь единственно активная и дееспособная сила в праворадикальном лагере и ее стоит поддерживать.

Это мнение разделялось и теми владельцами концернов, которые знали, как финансировался референдум; благодаря их пожертвованиям в антиюнговский фонд нацистская партия (получившая всего одну пятую этих сумм) привела в движение гораздо больше своих сторонников, чем немецкие националисты, «Стальной шлем» и «пангерманцы», вместе взятые, — на остальные четыре пятых. При этом положительные суждения о массово-политической действенности НСДАП усиливались начавшимся (заранее рассчитанным нацистами как побочный результат их пропаганды насильственных действий) разбродом внутри Немецкой национальной народной партии — из нее целыми группами стали выходить менее воинственно настроенные руководящие функционеры.

В сознании же общественности «закон свободы» связывался исключительно с гитлеровским фашизмом. В результате у широких кругов складывалось впечатление, будто более пяти миллионов голосов «за», поданных за него на плебисците, — это по существу признание совсем недавно еще осмеивавшейся как осколочная группа нацистской партии, которая теперь гигантскими шагами устремилась вперед.

Этот массово-психологический успех фашистов имел тем большее значение, поскольку общая экономическая ситуация в конце 20-х годов резко ухудшилась. За несколько недель до народного опроса, в «черную пятницу» (25 октября 1929 г.), крах на Нью-Йоркской бирже, подобно удару литавр, возвестил начало уже предвещавшегося многими симптомами мирового экономического кризиса. Он с необычной и возрастающей остротой охватывал весь капиталистический мир, особенно жестоко сказавшись на Германии, ибо она была экономически тесно связана с его эпицентром — Соединенными Штатами Америки.

Объем германского промышленного производства уже в 1930 г. сократился по сравнению с предыдущим годом на 13 % и составлял в 1931 г. всего 70 % от уровня 1929 г., а в 1932 г. даже и того менее — лишь 58 %. Число официально зарегистрированных безработных подскочило с

1,9 млн. человек в 1929 г. до 3 млн. в 1930 г. и в начале 1932 г. достигло высшей точки — более 6 млн. человек; к ним следовало прибавить еще минимум 2 млн. не зарегистрированных на биржах труда. Частично безработных, т. е. занятых неполный рабочий день, насчитывалось около 3 млн. Однако и заработка полностью занятых не хватало даже для удовлетворения самых элементарных жизненных потребностей.

Опиравшийся на многолетние традиции пролетарского движения, промышленный рабочий класс, несмотря на оппортунистическое поведение социал-демократических лидеров, в основной своей массе оставался классово сознательным. Его передовые силы все теснее сплачивались вокруг Коммунистической партии Германии (КПГ), закономерно считая кризис уродливым порождением капиталистической системы. Опустошительный ход развития все более укреплял в нем убеждение в необходимости ликвидации этой системы. Основная масса рабочего класса сохраняла, таким образом, иммунитет против примитивной нацистской пропаганды, объяснявшей кризис антигерманским заговором за границы и «негерманским» курсом республиканских политиков. Это недвусмысленно показали результаты состоявшихся в 1930 и 1932 гг. трех выборов в рейхстаг: доля голосов, полученных на них обеими рабочими партиями (СДПГ и КПГ), составляла 13,2 млн. Тщетны были усилия фашистов привлечь на свою сторону рабочие массы, о чем еще будет сказано дальше.

Поскольку НСДАП, маскировавшаяся под «рабочую» партию, рекламировала себя предпринимателям как единственную политическую силу, способную отвлечь «работающих по найму» от классовой борьбы, она именно в момент обострения кризиса делала все, дабы внедриться в рабочий класс. И все же созданная в 1929 г. для борьбы против «марксизма на предприятиях», т. е. прежде всего против профсоюзов, «Национал-социалистская организация производственных ячеек» (НСОПЯ) после двух кризисных лет (до весны 1931 г., когда за нацистскую партию уже голосовало более 6 млн. избирателей) насчитывала всего-навсего 4131 члена⁴.

Чтобы сгладить впечатление от этого провала, нацистское руководство в сентябре 1931 г. предприняло энергичную акцию «Проникнуть на предприятия». И она тоже позорно провалилась. Несмотря на пустые фразы

о «чести» и «праве» германского рабочего, НСОПЯ не удалось скрыть от сколько-нибудь значительной части тружеников предприятий свой подлинный характер — вспомогательного отряда предпринимателей. Так, на последних в Веймарской республике выборах производственных советов (фабзавкомов) в 1931 г. нацисты получили всего 0,5 % голосов, между тем как свободные профсоюзы обеспечили за собой 83,6 % производственных представительств. Кандидаты «Единого красного списка», в который входили в первую очередь исключенные реформистскими профбоссами революционные рабочие, несмотря на крайне тяжелые условия (увольнение коммунистов с предприятий, дискриминация активистов Революционной профсоюзной оппозиции и т. п.), составили 3,4 % членов производственных советов.

По собственным данным фашистов, число членов НСОПЯ будто бы к концу 1932 г. достигло 300 тыс., но при этом основную часть их составляли не рабочие, а служащие.

Вплоть до своего прихода к власти нацисты так и не сумели добиться серьезного влияния на рабочий класс. Об этом говорят и такие цифры. В 1932 г. на 100 избирателей, голосовавших на выборах в рейхстаг за рабочие партии, приходился 31 член свободных профсоюзов (31,2 млн. : 4,1 млн.), на 100 избирателей Немецкой национальной народной партии и католических партий — 8 членов христианских профсоюзов (9,0 млн. : 0,7 млн.), а на 100 избирателей НСДАП — всего немногим более 2 членов ее профсоюзной организации (13,7 млн. : 0,3 млн.).

Устойчивый блок избирателей обеих рабочих партий насчитывал тогда 13,2 млн. человек, причем соотношение между числом голосов, поданных за СДПГ и КПП в годы борьбы против фашистской опасности, изменилось с 65:35 (1930 г.) до 55:45 (1932 г.), что говорило о росте сознательности рабочего класса. Выразившееся в этих цифрах усиление авторитета КПП в большой степени объяснялось тем, что коммунисты сразу же после осознания роста фашистской опасности со всей энергией повели борьбу с нацизмом во имя коренных интересов пролетариата как «составную часть борьбы против капитализма»⁵. Они делали это в противоположность верхушке социал-демократии, которая недооценивала усиление фашистского движения, считая его обусловленным конъюнктурой временным поворотом мелкой буржуазии к «бессмыслен-

ным идеям»; она даже легкомысленно говорила о качнувшемся вправо маятнике, который, мол, сам собой потом качнется влево.

КПГ, считавшая нацистскую партию «особенно опасным инструментом наиболее агрессивных и реакционных сил финансового капитала»⁶, внесла ясность в вопрос о функции фашизма в классовой борьбе. Тем самым она дала единственно возможную путеводную нить, служившую ориентиром все большему числу рабочих, для которых борьба против фашизма все сильнее превращалась в борьбу за элементарнейшие основы партии, за дальнейшее существование пролетарских организаций.

Именно тогда, когда только начали вздыматься волны фашистской пропаганды и фашистского террора в связи с народным опросом против «плана Юнга», руководство КПГ выступило с боевой антифашистской программой, содержащей ответ на основные вопросы. В октябре 1929 г. пленум ЦК КПГ обратил внимание на зарождение новой опасности, заявив, что отпор гитлеровскому фашизму и его разгром являются первоочередной задачей рабочего движения. «Наглые атаки фашизма, — указывал Эрнст Тельман, — слабости и потеря темпа, которые допустила наша организация отчасти в борьбе против национал-социалистов и других террористических организаций, обязывают нас выдвинуть на первый план в гораздо большей мере, чем до сих пор, революционную борьбу против фашизма»⁷.

В недавно опубликованной и переведенной на русский язык научной биографии Председателя КПГ об этом времени говорится, что глубокая тревога наполняла Эрнста Тельмана в связи с продвижением реакции. Потому и говорил он с таким нажимом о «потере темпа», поэтому в данной связи речь его обретала все большую остроту: «Мы атакуем, мы наступаем против фашизма. Мы должны победить и искоренить его, применяя все, в том числе и крайние методы борьбы». При этом он энергично предостерегал: не давать спровоцировать себя на террористические акции. «Борьба против фашизма является проблемой масс, — подчеркивал Эрнст Тельман, — и террор национал-социалистов мы должны подавить, применив революционное насилие со стороны самих масс»⁸. Своевременное предупреждение Эрнста Тельмана относительно продвигающегося вперед фашизма помогло партии более эффективно бороться против атак самых реакционных групп германского монополистического капитала.

В анализе фашистского продвижения Эрнст Тельман опирался на оценку, данную им семью месяцами ранее, на мартовском (1929 г.) пленуме ЦК КПП, в связи с обозначившимся поворотом всех буржуазных партий вправо. Он говорил тогда, что переход к фашистской диктатуре происходит отнюдь не «внезапно» и потому недостаточно ориентироваться только на срыв самого фашистского переворота — надо противодействовать уже самим зачаткам фашизма⁹. Поэтому следовало не допустить хотя бы даже частичного проникновения фашизма в рабочий класс, что Клара Цеткин в 1932 г. на основе тогдашних симптомов считала возможным. С другой стороны, КПП выступала против политики социал-демократического руководства, объективно оказывавшей пособничество фашизму. Она стремилась убедить в необходимости единства действий с коммунистами находившиеся под социал-демократическим влиянием массы, без вовлечения которых в боевой антифашистский фронт о решающем успехе не могло быть и речи.

В соответствии с этим КПП в своих лозунгах и прокламациях подчеркивала враждебность гитлеровско-фашистской «рабочей» партии рабочему классу и призывала вести антифашистскую борьбу как борьбу пролетарских масс во всех сферах классовых столкновений. «Борьба против фашизма... — говорилось в резолюции Политбюро ЦК КПП, — должна быть тесно связана со всеми повседневными боями рабочего класса против предпринимательства, с экономическими боями рабочих на предприятиях за более высокую заработную плату, за 7-часовой рабочий день, против капиталистической рационализации и с самой решительной борьбой трех миллионов безработных за хлеб и работу. В своем стремлении внедриться в ряды рабочего класса и создать контрреволюционные ячейки в цитаделях революционного движения фашизм пытается по прямому заданию предпринимателей расколоть ряды рабочего класса и разложить его... Поэтому наша партия считает создание пролетарского единого фронта снизу, объединение всего рабочего класса в борьбе против буржуазии и ее агентов основой своей борьбы против фашизма»¹⁰.

Понятие «единый фронт снизу» дает представление о крайней сложности тогдашней борьбы за единство действий рабочего класса. Как пишет Эрих Хонеккер в своей книге «Из моей жизни», усилия коммунистов «наталки-

вались на противодействие ослепленных антикоммунизмом влиятельных лидеров социал-демократии и профсоюзов»¹¹. Ведь эти лидеры не отделяли себя от борьбы буржуазного государства против революционного движения. Они не только непримиримо выступали против всех коммунистических акций с целью защиты буржуазно-демократических прав и свобод и отпора реакционным социальным мерам, но и категорически отказывались рука об руку с КПГ бороться против фашизма.

Такая позиция стимулировала настроения, что, мол, единый фронт может и должен быть создан только «снизу», т. е. против воли и вопреки сопротивлению антикоммунистических лидеров СДПГ и профсоюзов. Поэтому понятие «единый фронт снизу» может противопоставляться понятию «единый фронт сверху» лишь как ложная альтернатива и только с неисторичной и далекой от реальности точки зрения¹². Именно выраженное в стремлении к единству действий осознание того, что отпор становящемуся главной опасностью фашизму требует сплочения всех противников нацизма, побуждало коммунистов все сильнее выступать за совместные действия с социал-демократическими организациями, включая и их оппортунистических руководителей, которых надо было заставить признать концепцию единства.

КПГ отчетливо сознавала эту чрезвычайно трудную, но становившуюся все более неотложной в тех условиях классовой борьбы задачу — разъяснительной работой побудить все еще тесно связанных со своей партией (и, следовательно, с недоверием относившихся к коммунистам и их аргументам) социал-демократов оказать давление на собственных руководителей. Вехой на пути решения этой задачи стало опубликование Коммунистической партией Германии 24 августа 1930 г. ее Программного заявления о национальном и социальном освобождении немецкого народа¹³.

«Фашисты (национал-социалисты), — говорилось в этом основополагающем документе, — утверждают, что они — «национальная», «социалистическая» и «рабочая» партия. На это мы отвечаем, что они — враждебная народу и рабочим, антисоциалистическая партия крайней реакции, эксплуатации и порабощения трудящихся. Это партия, стремящаяся отнять у трудящихся все, что у них еще не смогли отнять даже буржуазные и социал-демократические правительства. Это партия разбойничьей, фашист-

ской диктатуры, партия возрождения режима юнкеров и офицерства, партия возвращения многочисленным германским князьям их «сословных» прав, а офицерам и савновникам — их чинов и прежних должностей».

Этим Программным заявлением, отражавшим тогдашний уровень понимания немецкими коммунистами процесса фашизации и самой сущности фашизма, КПГ одновременно, впервые со времени нового рывка фашизма на политическую арену, обращалась ко все более попадавшим в фашистскую ловушку трудовым средним слоям. Она исходила из того, что большинство представителей этих слоев не понимают идей классовой борьбы и подвержены националистическим в основе своей настроениям, а потому им следует на конкретных примерах показывать, как гитлеровский фашизм попирает национальные интересы немецкого народа. Но преодолеть привитые этим слоям антикоммунистические предрассудки и соответствующие методы рассмотрения фактов, которые были присущи их складу мышления, оказалось делом чрезвычайно трудным.

Процесс политического развития масс показал: непролетарские массы слабо реагировали на обличение нацистов как политических шулеров, которые, как говорилось в Программном заявлении, лишь создают видимость, будто борются против «плана Юнга», только утверждают, что они против Версальского договора, а фактически «продают трудящиеся массы Германии... версальским державам-победительницам».

Только в ходе последующих классовых схваток, в которых нацисты все более разоблачали себя как откровенные поджигатели войны, коммунисты научились эффективно применять такие аргументы, которые скорее могли подействовать на обрабатываемые в националистическом духе слои населения. Прежде всего это было предупреждение: гитлеровский фашизм не приведет, как он обещает, Германию к славе и величию; наоборот, он ввергнет весь немецкий народ в ад мировой войны, а отечество — в море крови и слез, превратит его в руины и пепел.

Хотя мысль эта и прозвучала в Программе национального и социального освобождения, но лишь позднее коммунисты отчетливо показали, какие последствия принесет самому немецкому народу фашистская война. Так, Эдвин Гёрнле, опираясь на этот программный документ КПГ, в начале 1932 г. настойчиво предостерегал немецких крестьян: «Поскольку ни один народ во всем мире, а тем

более свободные рабочие и крестьяне Советского Союза, не позволит силой отнять у себя свою землю, аграрная программа нацистов, которая внутри страны направлена на кабалу, принесет с собой *все ужасы новой мировой войны*»¹⁴.

Коммунисты сознавали: для пресечения нацистского влияния на массы недостаточно мобилизовать на борьбу против капиталистов и их политических представителей лишь рабочий класс — необходимо давать отпор проникновению нацистской идеологии и в средние слои. Последующие годы экономического кризиса со всей суровостью подтвердили это.

В период относительно спокойного экономического развития представители средних слоев в основной своей массе оставались политически индифферентными, в лучшем случае иногда отдавали свои голоса предававшимся ностальгии по «добрым старым временам» консервативным партиям. Но как только их материальное положение резко ухудшилось, они стали уповать на какую-то иррациональную панацею от всех бед. В противоположность классово сознательным рабочим большинство их не осознавало взаимосвязи между капитализмом и кризисом, а поскольку они подвергались манипуляциям реакционного аппарата, то внезапно наступившую нужду и бесперспективность объясняли себе отсутствием «строгой и справедливой» власти, банкротством республики, неспособностью парламентских партий (в первую очередь Социал-демократической, проклинаемой как «марксистская»). Либо они искали причины упадка в «стремлении к уничтожению» Германии «заклятым ее врагом» Францией, в кознях «коварного Альбиона», в зловещих замыслах «мирового большевизма», в «происках еврейства» и тому подобных химерах. Отсюда проистекали смешанная со смутными чаяниями ярость против всего окружающего мира, надежды на умозрительный и все же сохраняющий традиционные ценности переворот. Все это с успехом использовала нацистская демагогия.

В том-то и состояла исключительная опасность: экономический кризис совпадал со ставшим явно заметным во время антиюнговской кампании повышением акций НСДАП. Именно в тот момент, когда капиталистический порядок в силу внутренне присущих ему противоречий заколебался и у политически сознательной части эксплуатируемых и бесправных стала расти воля к беспощадной

борьбе с этим обанкротившимся порядком, другая часть широких масс — а она насчитывала в Германии около 15 млн. человек! — оказалась весьма подверженной для использования в целях монополистического капитала.

К началу экономического кризиса программа монополистической буржуазии по его преодолению, несмотря на множество противоречивых интересов различных ее групп, в своих основных чертах была уже определена. Да, капиталисты заблаговременно подготовились к экономическим и политическим потрясениям, поскольку видели в них благоприятный повод начать давно задуманное широко-масштабное наступление на социальные и демократические права трудящихся, а также приступить к подготовке ревизии итогов первой мировой войны. Например, Тиссен еще в мае 1929 г. на совещании рурских промышленников в крупновском дворце «Вилла Хюгель» откровенно заявил: «Кризис — вот что мне сейчас нужно! Только тогда можно сразу разделаться с вопросами заработной платы и репараций»¹⁵.

Не удивительно, что президиум Имперского союза германской промышленности всего через шесть недель после «черной пятницы» выступил с программным документом, имевшим демагогический заголовок «Подъем или упадок?», который вполне мог быть позаимствован из арсенала нацистской пропаганды. В нем осторожно формулировались все главные цели крупного капитала на следующие три-четыре года.

В этой памятной записке¹⁶ вершущий орган крупного капитала требовал обеспечить предпринимателям «соответствующую прибыль», т. е. максимальный доход, освободить хозяйство от «непродуктивных расходов» (на социальные нужды трудящихся) и «оградить» его от государственного вмешательства (т. е. от трудового законодательства, тарифных договоров и т. п.). Далее выдвигались требования снижения или отмены налога на капитал при дальнейшем расширении и повышении налогов, затрагивающих широкие массы; неограниченного права на создание монополистических объединений; устранения всех препятствий для диктата цен и заработной платы и тому подобные меры. В политической области промышленники требовали «самоограничения» (т. е. максимального устраниения) парламента и предоставления правительству бесконтрольных полномочий исполнительной власти.

За этими требованиями, которые уже через несколько дней были дополнены рекомендацией издавать чрезвычайные правительственные декреты (распоряжения), последовали дела. Всего через три недели после опубликования памятной записки тесно связанный с крупными банками президент рейхсбанка Яльмар Шахт заставил уйти в отставку министра финансов социал-демократа Рудольфа Гильфердинга, несмотря на то что тот сумел провести несколько выгодных монополиям налоговых законов. Однако владельцы концернов посчитали это недостаточным. Его преемник Пауль Мольденхауэр из партии крупных промышленников — Немецкой народной партии через три месяца, когда встал вопрос об определении доли предпринимателей в финансировании страхования по безработице, обеспечил падение коалиционного кабинета правого социал-демократа Германа Мюллера.

Занявший пост рейхсканцлера представитель партии Центра Генрих Брюнинг, назначение которого было при помощи различных интриг подготовлено и командованием рейхсвера, вступил в свою должность с явным намерением поставить себя над рейхстагом. Он положил начало периоду так называемых президиальных кабинетов: теперь правительство вопреки смыслу и букве республиканской конституции уже не нуждалось в доверии парламента, а опиралось на авторитет рейхспрезидента, а говоря конкретно, на толкование прерогатив власти бывшим кайзеровским генерал-фельдмаршалом Гинденбургом.

Полтора года спустя выражавшая взгляды крупного капитала «Дойче альгемайне цайтунг», ретроспективно оценивая деятельность Брюнинга, писала: она означала *«предвестие национальной диктатуры»* и *«приучила народ к диктатуре»*¹⁷. Еще откровеннее выразился тогда же один из представителей крупных банков в письме главному редактору той же газеты: «Мы уже два года были едины во мнении, что задача правительства Брюнинга — привлечь правых к ответственному участию в правительстве и что особенно необходимо будет использовать для осуществления государственной власти национал-социалистское движение»¹⁸.

Брюнинг втайне преследовал цель восстановить монархию Гогенцоллернов. Однако об этом стало известно лишь 40 лет спустя из мемуаров самого экс-канцлера, которые он предусмотрительно завещал опубликовать только после его смерти. Но уже и тогда он не делал секрета из

того, что стремится к ликвидации парламентских завоеваний и пересмотру итогов мировой войны. Действуя в интересах монополистического капитала, он считал, что сможет достигнуть этих целей на волне мирового экономического кризиса. «Эту болезнь, — писал он в воспоминаниях, — мы могли превратить в наше оружие»¹⁹. И далее: следует превентивно «вооружить Германию так, чтобы она смогла выдержать любое давление извне и к тому же оказалась в состоянии со своей стороны в любой момент использовать мировой кризис для оказания при его помощи своего давления на все остальные державы»²⁰.

За этими слегка завуалированными, однако недвусмысленными высказываниями скрывалась агрессивная цель, представлявшая этап на пролагаемом нацистами пути к мировому господству. Поэтому вполне логично, что Брюнинг (несмотря на свой иезуитский образ мыслей, не совпадавший по форме с разбойничьими методами нацистов, и на все свое презрение к базарному выскочке Гитлеру) вскоре предложил нацистскому главарю начать игру краплеными картами как в области внутренней, так и внешней политики.

Поскольку нацисты постоянно метали громы и молнии против Центра как «партии [веймарской] системы» и потому не могли безоговорочно поддержать рейхсканцлера, Брюнинг во время одной беседы предложил Гитлеру для начала путем «более резкой внешнеполитической оппозиции со стороны НСДАП» содействовать давлению на державы-победительницы. Во второй фазе своей политики, которая должна была включать «реформу конституции» (а говоря яснее, уничтожение республики), он, по его уверению, хотел «идти вместе» с правыми, т. е. в первую очередь с нацистами²¹. Позже, уже к концу своего канцлерства, Брюнинг уточнил эту мысль: добившись ощутимых внешнеполитических успехов (т. е. отмены ограничений вооружения Германии), он будет готов уйти в отставку и передать власть Гугенбергу или Гитлеру²².

Однако Гитлер не посчитал нужным пойти на предложение клерикального канцлера: это ослабило бы притягательность нацистской пропаганды, провозглашавшей «всё или ничего». Поскольку курс Брюнинга на «приучение к диктатуре» так или иначе благоприятствовал фашизму, НСДАП могла без всякого риска для себя демонстрировать бескомпромиссную враждебность к «канцлеру системы» и изображать себя смертельным политическим врагом

Брюнинга. Разыгрывая эту роль, она вместе с большинством партий рейхстага проголосовала против правительства, когда СДПГ, желавшая сохранить свой авторитет в глазах избирателей, 18 июля 1930 г. внесла предложение об отмене первого чрезвычайного распоряжения канцлера Брюнинга о повышении налогов, затрагивавшего широкие массы населения, и о сокращении пособий безработным.

Однако канцлер Центра своим чрезвычайным распоряжением преследовал и цель поставить рейхстаг на место. Потому он, не долго думая, сразу же после голосования, означавшего его поражение, распустил непослушный парламент, хотя приходилось считаться с тем, что в следующем составе рейхстага нацисты значительно усилят свои позиции.

Новые выборы, назначенные на 14 сентября, были нацистам на руку. Акции их в результате антиюнговской кампании поднялись, и это было еще свежо в памяти тех слоев населения, к которым они апеллировали. Экономический кризис свирепствовал уже достаточно долго, и средние слои дрожали за свое существование, а потому были особенно восприимчивы к нацистской социальной демагогии.

Нацисты ринулись в предвыборную борьбу с оголтелым оптимизмом и с невиданным на парламентских выборах финансовым размахом: щедрость их кредиторов явно возросла. Они провели 34 тыс. предвыборных митингов, на которых выступило от 2 до 3 тыс. демагогов, хорошо натасканных в нацистских пропагандистских заведениях. Тысяча из них была специально подготовлена для выборов.

По инициативе ставшего имперским руководителем пропаганды НСДАП Геббельса, который дебютировал теперь в качестве специалиста по оболваниванию масс, в ходе избирательной кампании впервые была использована самая новая по тем временам техника — только что появившиеся микрофоны и громкоговорители, а также вербовочные кинофильмы и граммофонные пластинки с речами Гитлера и Геббельса. Была пущена в ход и новая агитационная стратегия — объектом предвыборной агитации становились целые города и округа. Одновременно с приездом нацистской верхушки туда прибывали из других мест колонны штурмовиков, которые срывали акции протеста пролетарских организаций и запугивали инакомыслящих. Непрерывно устраивались шумные сборища,

всевозможные освящения знамен, факельные шествия, парады, спортивные праздники, торжественные церемонии, концерты на площадях и тому подобные зрелища. Такие вербовочные мероприятия продолжались, как правило, 7—10 дней. Гитлер метался на своем «хорьхе» из города в город, выступая по нескольку раз в день. Города и села напоминали в это время море знамен со свастикой и нацистских плакатов, в потоке которых тонули пропагандистские потуги других буржуазных партий.

Новая вербовочная стратегия применялась прежде всего в деревне, где фашисты с конца 1929 — начала 1930 г. исключительно интенсивно добивались привлечения крестьян на свою сторону. Еще всего два-три года назад индифферентное или консервативно настроенное крестьянство и слыхом не слыхало о фашизме. Там, где появлялись его эмиссары, их воспринимали как назойливых горожан и проповедников отвергаемого, если не сказать ненавидимого, крестьянами «социализма».

Однако примерно с 1928 г., когда стал свирепствовать аграрный кризис, предшествовавший общему экономическому кризису, положение изменилось. Поскольку стихийные действия крестьян и сельскохозяйственных рабочих в районах бедствия наталкивались на резкое противодействие со стороны помещичьей партии немецких националистов и возглавлявшихся юнкерством аграрных организаций, значительная часть сельского населения стала прислушиваться к фашистам, ведь те вовсю горланили о терпящих нужду «народных кормильцах», которых, мол, разорили «городские евреи». Как и повсюду, нацисты и в деревне не знали удержу в своих демагогических обещаниях и зазываниях. Когда 1 июня 1930 г., еще до начала предвыборной кампании, Гитлер назначил своего уполномоченного по «руководству» крестьянством, он предоставил ему полную «свободу рук»²³.

Руководитель созданного таким образом «аграрно-политического аппарата» НСДАП Вальтер Дарре в книге «Крестьянство как жизненный источник нордической расы» показал себя умелым демагогом. Буржуазный инстинкт собственника, обскурантистский расовый фанатизм и жажда захватов сочетались у него с приспособленным к крестьянскому восприятию культом «новой аристократии крови и земли» (такой заголовок имела его следующая книга).

Провозглашенная им программа включала усиление кулачества при помощи создания так называемых образцовых крестьянских дворов, а также планомерное заселение подлежащих завоеванию земель на Востоке. Программа была призвана внушить сельскому населению чувство «расового превосходства», она рисовала каждому крестьянину перспективу неограниченной возможности эксплуатации дешевых «восточных рабочих». Обещая крестьянам всевозможные блага и натравливая их на «урбанизовавшееся» республиканское правительство, нацисты одновременно давали городскому населению, крупным помещикам или предпринимателям совершенно противоположные, взаимоисключающие обещания.

Чтобы выдержать избирательную кампанию 1930 г., которую они вели с крайним напряжением сил, нацисты нуждались во все больших денежных средствах. Однако приток их постоянно оказывался под угрозой, поскольку у финансировавших фашизм кругов вновь усилились сомнения, как бы столь активная демагогическая псевдосоциалистическая пропаганда не привела к антикапиталистическим выступлениям масс. Ведь в конце концов «властелины угля и железа», как их саркастически называл антимилитаристский публицист Карл фон Осецкий, вовсе не собирались «давать свои милые денежки партии, цель которой — отнять у них собственность и во славу тевтонских богов повесить их на ближайшем фонаре». Надо, однако, заметить, что Осецкий — и это было типично в те годы для большинства активных антифашистов — тоже недооценивал фашизм. И хотя он метко охарактеризовал Гитлера как «креатуру индустрии», но поддался той же роковой ошибке, называя нацизм преходящей «шумихой» и отказывая ему в каком-либо будущем: мол, от него не останется ничего, кроме «несколько комичной догмы о миссии Адольфа Гитлера»²⁴.

Между тем эта не только комичная, но и лишенная всякого здравого смысла догма привела в Германии в движение миллионы людей и тем самым обрела большую историческую действенность. Не в последнюю очередь именно она помогла фашистской руководящей верхушке давать крупному капиталу все новые доказательства своей способности держать в узде переклестывавших в псевдосоциалистических фантазиях рядовых функционеров и членов НСДАП, не подрывая при этом массовой базы нацистского движения.

Благоприятный случай доказать это представился незадолго до начала кампании по выборам в рейхстаг, когда давно назревавшее соперничество внутри фашистской руководящей клики выплеснулось наружу. В апреле 1930 г. партийная верхушка НСДАП грубо вмешалась в изобиловавшую интригами конкурентную борьбу между издательством братьев Штрассер и геббельсовским «Ангрифом». Дело в том, что штрассеровское издательство, специфической чертой которого являлась спекуляция на псевдосоциалистической фразеологии, не столь безудержно раболепствовало перед Гитлером, как газета «Ангриф», да к тому же соперничало с официозным мюнхенским издательством НСДАП.

Отто Штрассер (и не только он) в дальнейшем пытался изобразить эту борьбу за власть внутри НСДАП как борьбу якобы «революционной», т. е. придерживавшейся на словах «социалистических» лозунгов, части нацистов против «превратившейся в министерскую бюрократию» партийной верхушки, группировавшейся вокруг Гитлера. Штрассер-младший сообщает в мемуарах, что он и его брат Грегор 21 и 22 мая были вызваны Гитлером в берлинский отель «Сан-Суси» и там в присутствии Аманна и Гесса получили от «фюрера» нагоняй за их, пусть и чисто показательные, нападки на монополистов и требования осуществления в будущем мер по существу государственно-монополистического характера. К их высказываниям Гитлер отнесся с презрением и насмешкой. На прямой вопрос, останутся ли, к примеру, предприятия Круппа после взятия власти фашистами в частной собственности, Гитлер в ярости выкрикнул: «Ясное дело, да! Я не настолько спятил с ума, чтобы погубить германскую крупную промышленность!»²⁵

Так это было или иначе, несомненным и решающим является одно: разногласия между братьями Штрассер и Гитлером рассматривались тогда как политическая борьба двух направлений в германском фашизме. На стороне Гитлера было преимущество его раздутого культа, которого не имелось у его соперников и который они не могли себе быстро создать. Привлечь же на свою сторону классово сознательных рабочих, на что рассчитывал фашистский лагерь Отто Штрассера, не удалось, поскольку они не видели существенной разницы между обеими разновидностями нацизма. Оказавшись без последователей, Отто Штрассер сразу потерял свое значение для тех

крупных промышленников, которые ранее оказывали ему финансовую поддержку, поскольку они вовсе не желали поощрять какие-либо «социалистические» тенденции в НСДАП, а преследовали собственные конкурентные цели.

После словесной перепалки в отеле «Сан-Суси» Гитлер и Отто Штрассер расстались врагами, и последний стал лихорадочно создавать внутривнутрипартийную оппозицию, чтобы противостоять «фюреру». Он рассчитывал на недовольных «партайгеноссен» с их путанными «социалистическими» взглядами, на не имеющих постоянных занятий членов «боевых групп», недовольных помпезной личной жизнью Гитлера (как раз стало известно, что он купил себе новый «мерседес» за 20 тыс. марок), на среднее звено командиров СА, которые тоже хотели оказаться в списках для выборов в рейхстаг (а значит, получать деньги на представительство и бесплатный проезд в вагонах 1-го класса) и которых обходили более высокопоставленные «штатские» функционеры, а также на прочие разнородные группы.

Гитлер же бросил на весы весь свой авторитет главы партийного аппарата. Он провозгласил «беспощадную чистку» НСДАП от всех, как он выразился в директиве Геббельсу, безродных литераторов, хаотически мыслящих «леваков», глупцов-доктринеров, политических бродяг и профессиональных пораженцев, не желающих подчиняться дисциплине. Отто Штрассер потерпел сокрушительное поражение. Ему пришлось выйти из партии. Как и следовало ожидать, созданное им в начале июля 1930 г. «Боевое содружество революционных национал-социалистов» (позже оно стало импозантно называться «Черным фронтом») так и осталось незначительным явлением на периферии политической сцены.

Подавляющая победа нацистского главаря над своим дотоле считавшимся наиболее влиятельным, располагавшим печатными органами, но чересчур много болтавшим о «социализме» сообщником, который теперь выбыл из игры, была щедро вознаграждена закулисными покровителями фашизма. Красноречивый факт: почти в тот же день, когда Отто Штрассер расстался с НСДАП, ее руководство на деньги, частично полученные от Тиссена или благодаря его содействию, купило дворец в центре Мюнхена и начало перестраивать его для своей штаб-квартиры, ставшей известной как «Коричневый дом». Через

несколько недель, когда избирательная кампания была уже в разгаре, кредиторы нацистской партии раскошеливались еще щедрее. На их деньги все германские города и десятки тысяч деревень были заполнены листовками, плакатами, нацистской символикой, повсюду проводились многолюдные сборища, а вся армия фашистских головорезов инсценировала народное «ликование» или шантажировала избирателей.

После своих шумных вербовочно-агитационных кампаний фашисты рассчитывали на значительное увеличение числа голосов, поданных за них. Но достигнутое ими в день выборов превзошло все ожидания. 14 сентября 1930 г. за НСДАП проголосовало более 6,4 млн. всех имевших право голоса, и таким образом она получила по сравнению с последними выборами в рейхстаг (1928 г.) беспрецедентный прирост: более 690%! Вместо выдвинутых ею 100 кандидатов она смогла провести в рейхстаг 107 своих депутатов.

Результаты выборов, давших нацистам такой внушительный успех, изменили весь политический климат в Германии. Их последствия затронули как базис, руководство и покровителей нацистского движения, так и правительственную политику и тактические концепции всех остальных буржуазных партий, а также коренные вопросы социал-демократической ориентации. Эти результаты заставили КПГ с еще большей целеустремленностью повести антифашистскую борьбу.

К прежним компонентам фашистского ослепления народа — демагогии и террору — теперь прибавился новый — подкуп успехом. Отныне он стал третьим краеугольным камнем воздействия нацистов на психологию масс. Люди, голосовавшие за них, почувствовали себя причастными к какому-то еще небывало удачному делу, которому благоприятствует провидение, а оно само благоприятствует своим приверженцам. Стремление принадлежать к числу баловней судьбы, питаемое легко усваиваемыми массами фразами о «сверхчеловеках» и «ублюдках», толкало в объятия фашизма теснимых кризисом (а после 1933 г. и опьяненных властью) сторонников. Их мало заботили конкретные пункты программы и лозунги НСДАП — куда больше они уповали на то, что ни с кем и ни с чем не сравнимый «фюрер» и его движение избавят их от всех бед и трудностей.

Восприимчивость к фашизму проявляли теперь все, кто до сих пор представлял собой избирательный резервуар старых правых партий: скорбящие по вильгельмовскому сословному государству городские мелкие буржуа, увлекаемые мистикой «крови и земли» крестьяне, буржуазные интеллигенты, идеалы которых были во многом навеяны смутными видениями Стефана Георге, грезившего о «новом рейхе», или же носили на себе отпечаток туманных предсказаний Эдгара Юнга насчет предопределенного самой судьбой распада «господства неполноценных». А один высокочтимый в этих кругах поэт даже писал о «динамичности» и «жестокой привлекательности» фашизма²⁶.

В еще большей мере были увлечены заманчивыми и неразличимыми в деталях миражами «коренного обновления» множество молодых избирателей, испытывавших страх за свое неопределенное будущее. Им, по словам Карла Осецкого, дали в руки символ «революции», чтобы привести их в стан реакции. Этой молодежи импонировали якобы чужающаяся жалкой политической повседневности нацистская романтика, жертвенность («всё или ничего») и подстегиваемая бравурной маршевой музыкой ходульная героизация. Все это годами восхвалялось жаждущими успеха националистическими писателями типа Эрнста Юнгера или Ганса Гримма (авторы «бестселлеров» «Стальная гроза» и «Народ без пространства»). В атмосфере таких благоприятных для нацистов настроений даже Стефан Цвейг, отнюдь не питавший никаких симпатий к фашизму, охарактеризовал результаты выборов 14 сентября 1930 г. как, «пожалуй, неумный, но в глубине своей естественный... бунт молодежи против так называемой высокой политики буржуазного государства»²⁷.

Патетически изображавшиеся в духе мессианства фашистские успехи не в последнюю очередь произвели впечатление на многих женщин. В силу традиционно культивировавшегося семьей, церковью и школой комплекса послушания они оказались особенно восприимчивыми к завуалированному в религиозные формы обожествлению всепобеждающей силы. Как ни абсурдно это покажется, но, по данным выборочных опросов, среди 6,4 млн. нацистских избирателей 1930 г. было более 3,4 млн. женщин, т. е. в первую очередь тех, кому фашизм отказывал в праве на какое-либо место в общественной и полити-

ческой жизни и чьих детей он готовился безжалостно сжечь в огне захватнических войн.

Эти и подобные массово-психологические явления нацистского толка привели к тому, что в головах многих людей возникло совершенно извращенное деление общества на противоборствующие группы. Место прежних антиподов: бедный — богатый, молодой — старый, верующий — неверующий, образованный — необразованный, горожанин — сельский житель и тому подобных, которые раньше определяли отношение не обладавших классовой сознательностью трудящихся к окружающему миру, теперь заняло подразделение на приверженцев Гитлера и противников Гитлера. Те, кто причислял себя к первым, стали считать, что поставили на верную карту.

Вполне понятно, результаты выборов 14 сентября сильно сказались на отношениях между нацистскими главарями и их покровителями, а также и на их взаимоотношениях между собой. Гитлер (хвастливые уверения которого, что он в состоянии привести в движение массы, теперь, казалось, сбывались) мог козырять своим успехом, давая понять всемогущим капитанам индустрии, что его уже не заменишь просто так любым другим правоэкстремистским политиком. Приток миллионов сторонников придал ему собственный вес, в еще большей мере обеспечил известную свободу действий, а затем позволил еще сильнее приписывать все своей собственной личности. Само собой разумеется, поле его деятельности не выходило за рамки общих империалистических интересов. «Фюрер» и не собирался выходить за эти рамки, а стремился мобилизовать массы во имя целей реакционнейших сил монополистического капитала и всегда играл роль исполнителя его желаний.

Все это, разумеется, влияло и на личное поведение Гитлера, укрепляло его главенствующее положение в верхушке НСДАП. В борьбе за благосклонность «фюрера» усиливалось соперничество между нацистскими бонзами второго гарнитура, и это тоже шло на пользу нацистскому главарю. Одержимые слишком безудержной фантазией ведущие фашистские идеологи (Федер и некоторые другие, не говоря уж об отодвинутом на задний план Дрекслере) в процессе конкурентной гонки за близость к «фюреру» (хотя некоторые из них позже и получили доходные местечки) со временем поотстали в ней, между тем как абсолютно бессовестные демагоги типа Геринга

и Геббельса все больше выдвигались на первый план и сумели приобрести фактическое влияние на политику.

Те предприниматели, которые 14 сентября выступили за нацистов, увидели в результатах выборов подтверждение правильности своей ставки. Теперь еще больше заправили концернов, которые пока с опаской относились к нацистскому псевдосоциализму, повернулось лицом к НСДАП. Самого Гитлера все чаще стали приглашать в клубы и салоны промышленников, и уже вскоре после выборов он выступил перед изысканной публикой в Эссене, Гамбурге и Бремене.

Особенно ярким примером установленных нацистским руководством после сентябрьских выборов связей с монополистической верхушкой может служить поворот к фашистам крупного банкира, бывшего (с декабря 1923 до марта 1930 г.) президентом Рейхсбанка Яльмара Шахта — одного из основателей Демократической партии! (Напомним, что при фашистском режиме он снова стал президентом Рейхсбанка, а также министром хозяйства и генеральным уполномоченным по военной экономике, т. е. по форсированному вооружению.) Шахт принадлежал к самым прожженным представителям германского крупного капитала. Именно он открыл нацистам доступ в промышленные и банковские круги, которые до тех пор еще относились к ним выжидательно.

Первая встреча Шахта с Гитлером состоялась 5 января 1931 г. в доме Геринга, который в качестве важнейшего посредника между нацистской партией, с одной стороны, и монополистическим капиталом, полугосударственными институциями и аристократией — с другой, сумел пробиться на вершину коричневой иерархии. Живший на широкую ногу, бонвиван и жуир Геринг был близко знаком с директором «Дойче банка» Эмилем Георгом фон Штаусом (который и свел его с Шахтом) и Фрицем Тиссенем (присутствовавшим при первой встрече Шахта с Гитлером). Впоследствии совершенно случайно (и это еще раз показывает, насколько трудно получить документальные подтверждения источников финансирования нацистской партии) стали известны подробности двух крупных денежных пожертвований Тиссена Герингу. Первый раз Тиссен велел доставить деньги наличными в ресторан своего металлургического завода, где он ожидал вместе с Герингом. В другой раз Тиссен оставил

купюры в сейфе одного банка, затем Геринг при помощи второго ключа изъясил их и сложил в чемодан (*I — В.Р.*)²⁸.

Когда дело шло о деньгах, Геринг не слишком-то церемонился: из выданных для НСДАП сумм значительную часть он транжирил на свою роскошную жизнь. От главы тесно слитой с министерством рейхсвера авиатранспортной фирмы «Люфтганза» Эрхарда Мильха (будущего нацистского генерал-фельдмаршала, по поводу которого, поскольку отец его был еврейского происхождения, Геринг впоследствии бросил ставшую крылатой фразу: «Кто еврей, а кто нет, решаю я сам!») он каждый месяц получал 1000 марок якобы за защиту интересов воздушного транспорта в рейхстаге. Подкармливали его и другие авиационные фирмы, тесно связанные с государственными органами. Они оплачивали ему «услуги по консультации», а одна шведская фирма по производству парашютов платила ему как руководителю ее берлинского представительства. Геринг общался с бывшим германским кронпринцем, с его младшим братом по кличке Ауви (принц Август Вильгельм Прусский), который еще в 1928 г. вступил в СА, с архиреакционным принцем Шаумбург-Липпе, с принцем Филиппом Гессенским — зятем итальянского короля и с другими аристократами.

Устроенной им первой встречей Шахта с Гитлером Геринг был доволен, а Шахт на Нюрнбергском процессе сказал, выражая мнение тузов финансового капитала: «Гитлер — это человек, с которым можно сотрудничать»²⁹. В своих мемуарах Шахт писал: «Под впечатлением этого вечера я решил в ближайшие недели нажимать на канцлера и других политиков, с которыми у меня имелись связи, чтобы как можно быстрее включить национал-социалистов в правительственную коалицию»³⁰.

В этой ретроспективной записи, сделанной спустя 8 лет после разгрома фашизма, Шахт попытался оправдать свои тогдашние усилия утверждением, что только передачей нацизму «части правительственной ответственности» можно было направить последний в «упорядоченные рамки». Однако Шахт забыл упомянуть: под «упорядоченными рамками» он понимал не что иное, как безоговорочное выполнение требований монополий, т. е. прежде всего отказ нацистских претендентов на неограниченную власть от каких-либо остатков антикапиталистических тенденций.

Именно на это и направил Шахт свои усилия после знакомства с фашистским главарем. Именно он переставил

стрелки на экономическую политику фашистов и организовал выработку экономической программы будущего гитлеровского правительства, которая привела в восторг монополистические круги. До 1930 г., когда вопрос о передаче правительственной власти нацистам в повестке дня еще не стоял, единственная функция содержавшей кое-какие демагогические пункты обширной экономической программы НСДАП состояла в том, чтобы сбивать с толку обнищавшие массы. Только с точки зрения ее тогдашней пригодности, включавшей в себя и некоторый риск псевдосоциалистических обещаний, и рассматривала до тех пор эту программу крупная буржуазия. После же сентябрьских выборов положение принципиально изменилось. Теперь участие фашистов в правительстве, а в перспективе и их полное господство стали считать делом возможным. Уже вставали вопросы: какие конкретные меры примет нацистское правительство в области инвестиций и субсидий, во внешней политике, как будет оно решать вопросы о профсоюзах, тарифных договорах и третейских судах, какие пошлины, налоги и фонды оно изменит, отменит или введет, какое трудовое законодательство, урегулирование заработной платы оно осуществит и на какие социальные расходы пойдет? Различные монополистические группы и концерны старались заранее оказать влияние на решение всех этих вопросов, непосредственно затрагивавших интересы и прибыли капитала.

В принципе они считали теперь необходимым создать надежную гарантию, что нацистское руководство в решающий момент не уступит давлению тех своих приверженцев, которые еще верили в псевдосоциалистические фразы, и не допустит никаких экспериментов в духе демагогических обещаний в области экономики. Опасения крупного капитала на сей счет не были лишены оснований: некоторые руководящие функционеры НСДАП, дабы расширить влияние фашизма на массы, продолжали бить в антикапиталистический вербовочный барабан, заведомо лживо обещая им чуть ли не немедленное осуществление «социалистических» преобразований.

В то время как Гитлер, по показаниям в Нюрнберге одного его близкого сообщника, в беседах с «руководителями промышленности» постоянно подчеркивал, «что он — враг государственной экономики и так называемого планового хозяйства и считает свободное предпринимательство и конкуренцию абсолютно необходимыми для

наивысшей производительности»³¹, фракция НСДАП в рейхстаге во главе с Фриком, Грегором Штрассером и Федером через месяц после сентябрьских выборов 1930 г. внесла законопроект о конфискации собственности «банковских и биржевых князей», а также «восточных евреев». Правда, по приказу Гитлера законопроект был тотчас же отозван, и вскоре нацистская фракция единогласно проголосовала против предложения коммунистов конфисковать собственность крупных банков.

Псевдосоциалистические планы оппозиции, разумеется, мешали рассеять недоверие широких предпринимательских кругов если не лично к Гитлеру, то к аппарату нацистской партии. Характерно, что руководимая представителями тяжелой промышленности Немецкая народная партия всего через несколько месяцев, в мае 1931 г., направила к Гитлеру своего доверенного человека — главного редактора газеты «Лейпцигер нойесте нахрихтен» Рихарда Брайтинга. Он должен был спросить нацистского главаря с глазу на глаз, как тот относится к частной собственности на средства производства и как расценивает «социалистическую (т. е. псевдосоциалистическую. — В. Р.) трактовку» своей программы. Брайтинг спросил его, не сбежит ли от него большинство сторонников, когда они убедятся, что данные им псевдосоциалистические обещания останутся невыполненными. На это Гитлер отреагировал, как записал его собеседник, «саркастическим смехом»³², назвав такие предположения «игрой воображения». Чтобы этого не случилось, он создаст пропагандистский центр, который займет «такое же важное место, как министерство иностранных дел и генеральный штаб»³³, и тогда власть будет осуществляться согласно «авторитарному принципу». «Я хочу авторитарности, — заявил Гитлер, — я хочу власти личности, я хочу, чтобы каждый сохранил ту собственность, которую он захватил»³⁴.

В процессе выработки конкретной экономической программы нацистов отдельные монополистические группы и концерны стремились привести свои требования в соответствие с предполагаемыми возможностями фашистского правительства, заботились об осуществлении своих специфических интересов. В ходе этого внутримнополистического соперничества определенные группы и крупные промышленники старались заручиться поддержкой считавшихся особенно «надежными» или осо-

бенно склонных к подкупу высших нацистских функционеров, чтобы таким образом создать в окружении Гитлера собственную «домашнюю власть».

В процессе многочисленных в 1931—1932 гг. внутренних дискуссий и споров вокруг фашистской экономической программы (в них участвовали все, кто обладал в Германии властью и богатством) Шахт сумел обеспечить себе ключевую позицию. Это именно он рекомендовал Гитлеру не выработать «детальной экономической программы»³⁵, предоставив это дело могущественным владельцам монополий, а не своим партийным функционерам. Шахт рекомендовал ему установить свое влияние на почти все «консультативные» органы крупного капитала, целью которых было «приведение взглядов национал-социализма... в согласие с процветанием частного хозяйства».

В конечном счете Шахту удалось объединить элиту монополистических боссов (Тиссен, Ройш, Фёглер, Фриц Шпрингорум из концерна «Хёш», Август Ростерг из калийного концерна «Винтерсхаль», крупные банкиры фон Штаус и фон Шрёдер и др.) под вывеской «Рабочего бюро доктора Шахта» для определения будущей экономической политики фашистов. Созданию этого органа (в марте 1932 г.) предшествовала длительная беседа Ройша с Гитлером. Ройш сообщал о ней Шахту: «Во время этой беседы я высказал мнение, что не только для экономической, но и для финансовой, внешней и внутренней политики ему [Гитлеру] нужны самые лучшие силы, задачей которых должна явиться исключительно выработка твердо очерченной программы. При выборе таких людей не столь важно, состоят ли они членами национал-социалистской партии или нет; гораздо важнее их деловая и специальная пригодность»³⁶.

Гитлер не заставил повторять сказанное дважды и, как отмечает Ройш, с мыслью этой согласился. Выполняя указание, он стал все больше привлекать к штатному участию в работе созданного после сентябрьских выборов (в рамках так называемого II орготдела) отдела экономической политики НСДАП (который постепенно присваивал себе компетенции возглавлявшегося Федером экономического совета имперского руководства партии) менеджеров концернов, не являвшихся членами НСДАП. «Советниками» стали, в частности, фон Штаус, Эрнст Рудольф Фишер из «ИГ Фарбениндустри», Ганс фон Люкке,

председатель наблюдательного совета принадлежавших концерну Флика металлургических заводов «Ферайнигте хюттенверке» в Глейвице (ныне Гливице), а также связанный семейным родством с концерном «Сименс — Шукерт» Герман Кордеман.

Такая кадровая политика не потребовала от нацистского главаря никакой принципиальной перестройки, поскольку он еще раньше полностью подчинил работу этого отдела фактическому контролю представителей предпринимателей и не публиковал никаких материалов по данному вопросу без их санкции.

Например, первые наброски экономической программы, подготовленные руководителем отдела Отто Вагенером (они предусматривали в первую очередь привлечение ремесленников, кустарей и розничных торговцев, а потому рекомендовали урезать некоторые источники прибылей монополистического капитала), были забракованы из-за протеста доверенного человека промышленности угля и стали Августа Хайнрихсбауера (издателя журнала «Райниш-Вестфелишер виртшафтсдинст»).

Аналогичные предложения были перечеркнуты другим доверенным монополистических заправил, Вальтером Функом, и соперничавшим с Вагенером Федером. Симптоматично, что Вагенеру, некоторое время руководившему делами Имперского объединения германской промышленности, очень быстро пришлось расстаться с этой должностью, между тем как Функ в 1937 г. стал имперским министром экономики, а в 1939 г. — и президентом Рейхсбанка.

«Рабочее бюро доктора Шахта» действовало в рамках созданного в конце 1931 г. (вероятно, по прямому заданию Гитлера) уже упоминавшимся промышленником Кепплером и называвшегося по его фамилии «кружка друзей хозяйства». По сути дела это была коллегия по формулированию желаний крупной буржуазии в области экономической политики и весомому подкреплению этих желаний звонкой монетой, катившейся в кассу НСДАП. К «кружке Кепплера» принадлежали наряду с Шахтом и его ближайшими (частично уже упоминавшимися) друзьями Отто Штайнбринк из концерна Флика, Эмиль Хельферих из крупного пароходства ХАПАГ, Фридрих Райнхардт из правления «Коммерц-унд приватбанк», а также другие промышленники и банкиры.

Еще более крупный кружок монополистов был создан Вальтером Функом для выработки экономической программы гитлеровского правительства. Функ, протежировавший концерну «Бергбаулихер унион» и другим монополиям угля и стали и располагавший хорошими связями с рейхсвером журналист, до начала 1931 г. возглавлял экономический и торгово-политический отдел «Берлинер бёрзен цайтунг», откуда и был ангажирован нацистским руководством.

Под названием «Информационная служба НСДАП в области экономической политики» он выпускал внутренний бюллетень, который рассылался по подписке за чрезвычайно высокую плату (всего поступило свыше 2 млн. марок)³⁷ примерно 60 крупным промышленникам, банкирам, пароходовладельцам, главам фирм, ведущих заморскую торговлю, и тому подобным лицам.

Бюллетень Функа служил этим господам для обмена мнениями относительно предполагаемой хозяйственной политики будущего нацистского правительства. Подписчиками его были и те крупные капиталисты, которые еще не решились окончательно сделать свой выбор в пользу нацистской партии (например, Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, член наблюдательного совета «ИГ Фарбен-индустри» Карл Дуйсберг, владелец концерна Петер Клёкнер и др.), а также высшие представители многих известных во всем мире фирм, скажем электроконцерна «Сименс и Гальске» (Людвиг фон Винтерфельд), калийного синдиката «Дойчес калисиндикат» (Август Дин), металлургических предприятий «Гутехофнунгсхютте» (Герман Келлерман), эссенской угольной компании «Штайнколе АГ» (Эрнст Тенгельман), страховой компании «Аллианц-ферзихерунг», кредитного общества «Райхскредитгезельшафт» и др.

Пример Шахта, а также связанных с ним многих владельцев концернов доказывает абсурдность распространяемого многими буржуазными историками тезиса, будто промышленные капитаны, после сентябрьских выборов 1930 г. обратившие внимание на нацистов, хотя и считали вполне приемлемыми некоторые гитлеровские представления о будущем, якобы остерегались сами делать что-либо для содействия фашизму.

Так, наиболее популярный на Западе биограф Гитлера Иоахим Фест сначала в согласии с доказуемыми фактами признает, что «значительная часть промышленников...

проявляла... неприкрытую заинтересованность в канцлерстве Гитлера» и рассматривала «не без одобрения» его программу (которая «для многих из них была связана с автономией предпринимателей, привилегиями в налогообложении и прекращением деятельности профсоюзов»). Затем он вдруг, противореча самому себе, заявляет, будто крупные промышленники лишь «неохотно» активизировали свою заинтересованность в нацизме. Но ведь для истории безразлично, «охотно» или «неохотно» владельцы концернов вскармливали фашизм. Гораздо важнее, что Фест хочет привести читателя к выводу: о каком-либо «заговорщическом переплетении промышленности с национал-социализмом не может быть и речи»³⁸.

Деятельность Шахта и его сообщников неопровержимо доказывает: фашизм (даже не рассматривая проблему финансирования НСДАП) сделало способным прийти к власти тайное, а следовательно, носившее характер заговора взаимодействие влиятельных и направляющих сил монополистической буржуазии с нацистским руководством.

Отныне, после выборов 1930 г., вся империалистическая германская буржуазия без каких-либо значительных исключений (и потому при всей необходимости дифференциации можно говорить о монополистическом капитале в целом) стояла за образование блока всех правых партий, включая НСДАП, чтобы в условиях экономического кризиса иметь в своих руках орудие для реакционного наступления на социальные права трудящихся и для отпора усиливавшейся антиимпериалистической борьбе рабочего класса.

Из множества документов, подтверждающих это, цитируем принадлежащий перу крупного предпринимателя Карла Ганиеля (председателя наблюдательного совета «Гутехофнунгсхютте») отчет о заседании «Рурской цеховой кассы» 15 октября 1930 г. В нем говорится: «При обсуждении политического положения, последовавшем за докладом господина Шпрингорума об использовании средств на избирательную кампанию, все присутствующие единогласно высказали точку зрения, что объединение раздробленных правых партий... вполне может быть достигнуто. Затем, опираясь на этот блок из примерно 110 депутатов рейхстага, можно будет повести переговоры с Центром и Баварской народной партией, чтобы в конечном счете установить контакт с национал-социалистической

партией. Такая линия дает много возможностей для сколачивания блока, включающего примерно 300 депутатов»³⁹.

Само собой разумеется, в стремлении к осуществлению грубо очерченной здесь линии возникали многие — отчасти весьма серьезные — противоречия. Но по крайней мере в течение двух лет (пока наиболее влиятельные круги монополистического капитала не решились на установление фактически единоличного господства фашистов) она служила основной тактической концепцией крупной буржуазии. Об этом свидетельствуют многочисленные, естественно, всегда приспособленные к конкретной ситуации инициативы: от гарцбургской встречи 1931 г. (о которой речь впереди) до попытки использовать нацистов в начале 1932 г. для переизбрания рейхспрезидента Гинденбурга.

Об этом говорит также готовность отдельных буржуазных партий добровольно уступить фашистам возможность воздействовать на определенную часть населения. Она выразилась, в частности, в одной примечательной (поскольку в ней совершенно ложно оценивались фашистская массовая база и собственные возможности) статье во внутренних «Сообщениях» Немецкой национальной народной партии. В ней говорилось: задача нацистов состоит в том, чтобы «социалистов интернационального образа мыслей» (т. е. классово сознательных рабочих.— В. Р.) перевоспитать в «социалистов национального образа мыслей», между тем как задача немецких националистов — объединить «национальные, но в то же время настроенные в пользу частного хозяйства» группы населения⁴⁰.

Из приведенного высказывания Ганиеля видно, что противоречия при реализации концепции блока касались, в частности, вопроса о вовлечении бывших демократов (членов Государственной партии) в правый фронт и о приоритете при установлении контакта с отдельными партиями. Так как со временем выяснилось, что, кроме нацистов, обеспечить себе стабильную массовую базу смогли только католическая партия Центра и ее баварский филиал — Баварская народная партия, то в дальнейшем стали громко раздаваться голоса о необходимости ограничить правый блок клерикально-коричневым союзом, предоставив остальные консервативно-правые партии, деградировавшие до уровня осколочных групп, их собственной судьбе.

Одновременно все сильнее становилось стремление посредством вовлечения нацистской партии в правый блок «очистить» ее от нежелательных, т. е. выступающих в духе традиционной демагогии, слишком антикапиталистических, функционеров. Было решено продвигать отдельных нацистских главарей, имеющих тесные связи с тем или иным концерном, на особенно влиятельные посты, а самого Гитлера связать обещаниями насчет длительного сотрудничества с той или иной реакционной группой.

Однако решающим в концепции объединенного правого блока было следующее: несмотря на все разногласия и изменения точек зрения, ее сторонники объективно, а во многих случаях и субъективно стремились создать такой определяющий германскую политику конгломерат партий, в котором фашисты представляли бы главную силу. Ведь совершенно ясно было не только то, что НСДАП в условиях усиливающегося кризиса значительно расширит свою массовую базу и увеличит свой вес в желаемом блоке, но и то, что она далеко превзойдет всех партнеров по блоку своей пробивной способностью и активностью.

Цель создания блока всех правых партий с самого начала включала в себя готовность признать нацистов как сильного партнера по коалиционному правительству. Через три месяца после сентябрьских выборов непосредственно направлявшаяся рурской промышленностью «Дойче альгемайне цайтунг» сетовала на то, что канцлер Брюнинг не располагает достаточными «контактами с массами, которые необходимы современному государственному деятелю именно в период диктаторского господства», а затем многозначительно добавляла: «Гитлер — единственный политик среди правых, который сумел повести за собой массы»⁴¹. Далее газета писала:

«Решительный час для него пробьет, как только будет выяснено, сумеет ли он держать в узде разнородные элементы своей партии и использовать их в духе государственной политики». При этом газета с удовлетворением признавала, что национал-социализм уже движется в желательном всем правым партиям направлении. Его корнями, писала она, служат антипацифистский национализм, необузданный антисемитизм и «проблематичный социализм, который отвергает классовую борьбу, но, естественно, еще вынужден делать уступки антикапиталистической вульгарной пропаганде». Отсюда, мол, и проистекает федеровская экономическая программа, яв-

ляющаяся «туманной и утопической». Вопреки этому, подчеркивала газета, «высшее руководство движения прилагает усилия для внесения ясности насчет своих экономических целей и заявляет о готовности использовать сотрудничество опытных знатоков хозяйства»⁴².

А еще через несколько месяцев в той же газете недвусмысленно отмечалось: «Вопрос об участии национал-социализма в правительстве поставлен уже с 14 сентября 1930 г., и от ответа на него долго уклоняться не удастся»⁴³.

К тому времени крупная буржуазия уже могла опереться на предпринятые ею «эксперименты» включения нацистов в коалиционные правительства отдельных земель (Тюрингия, Брауншвейг). Та же газета хвалила их за практические действия в интересах крупного капитала. Например, в ландтаге Тюрингии «они проголосовали за подушный налог без подразделения налогоплательщиков на различные категории, за повышение платы за школьное обучение, за значительное сокращение средств на благотворительные цели и школьные нужды. По вопросу о помощи безработным, мелким и социальным пенсионерам они вместе с остальными правыми партиями провалили... свои собственные прежние оппозиционные предложения. В Брауншвейге они выступили за 10-процентное сокращение окладов государственных служащих»⁴⁴.

Заметим попутно, что республиканский рейхсканцлер Брюнинг, и в этом отношении расчищая путь фашистам, осенью 1931 г. выступил «за попытку нормального сотрудничества партии Центра с НСДАП»⁴⁵ в вопросе об образовании правительства в Гессене, т. е. за испытание клерикально-коричневого союза. Он считал Гессен «особенно пригодным» для такого союза, хотя именно там в это время стал известен секретный фашистский документ, избличавший нацистов как противников любого строя, зиждущегося на государственно-правовой основе, и как закоренелых врагов республики.

В этом так называемом Боксхаймском документе⁴⁶ сохранились указания штурмовикам насчет их действий после прихода к власти фашистского правительства. Он изобиловал такими выражениями, как «будет наказан смертью» или «без суда расстрелян на месте». Подобно нацистскому проекту о чрезвычайной конституции, составленному в 1923 г. находившимся на баварской службе Пффорденом, этот документ, вышедший из-под пера нанятого гессенским земельным правительством судебного

ассессора Вернера Беста, грозил «после устранения ныне действующих высших государственных властей» смертной казнью за забастовку, саботаж, неразрешенное владение оружием, сопротивление отданным чрезвычайным распоряжениям и любым приказаниям СА («независимо от чина лица, отдавшего эти приказания»).

Однако все это ничуть не взволновало рейхсканцлера Брюнинга, стоявшего во главе этих самых «высших государственных властей»! В своих мемуарах он сообщает, что принял лишь кое-какие меры, дабы «осторожно» обойтись с этим делом, и «прежде всего избежать впечатления, будто имперское правительство переоценивает значение этих документов»⁴⁷. Беста даже не привлекли к ответу. В 1942 г. он стал имперским уполномоченным в оккупированной вермахтом Дании, а после 1951 г. сумел обеспечить себе доходное место юриста по экономическим вопросам в концерне Стиннеса.

Итак, нацистов стали считать пригодными для участия в правительстве. Недаром в октябре 1931 г. президент Германии Гинденбург в первый раз принял Гитлера, чтобы обсудить с ним шансы недавно переформированного кабинета.

Однако беседа эта пока не привела к осязаемым результатам; она лишь еще больше усилила недоверие не привыкшего к многословию ворчливого старика фельдмаршала к болтливому и вертлявому Гитлеру, который (с пренебрежением заметил Гинденбург) за четыре года пребывания на фронте не дослужился даже до унтер-офицера или фельдфебеля! Архиконсервативный Гинденбург никак не мог проникнуться симпатией к выскочке, прибегающему в политике к сверхновомодным и отнюдь не «положенным ему по рангу» средствам. Закоренелый пруссак все еще видел в Гитлере жалкого «богемского ефрейтора». Происхождение этой клички объяснялось изрядным невежеством генерал-фельдмаршала. Ему было известно, что нацистский главарь родился в Браунау (это был город, лежащий на австрийском берегу пограничной реки Инн), но старый служака знал (по своему участию в войне Пруссии против Австрии в 1866 г.) только другое Браунау — одноименное местечко в Богемии (Центральной Чехии); однако окружение рейхспрезидента так и не решилось разъяснить ему его ошибку.

Весьма недалекий и, как язвили по его адресу, «не предусмотренный конституцией» в качестве его советника

сын Гинденбурга Оскар, который вмешивался за кулисами во все интриги главы государства, не понимая толком происходящего на политической сцене, укреплял в отце это пренебрежительное отношение к нацистскому главарю. Насчет первой аудиенции Гитлера у президента он не нашел ничего умнее, как сказать: «Видно, захотел рюмку шнапса». Сам же фельдмаршал, не желавший ссориться с теми, кто привел к нему Гитлера, после разговора с ним соизволил выразиться так: у этого «молодого человека» из НСДАП наверняка намерения хорошие, только сначала ему следует «выслужиться»⁴⁸.

Выставляя на первый план подобные эпизоды, буржуазная историография раздувает мнимую личную противоположность между Гинденбургом и Гитлером в фактор, от которого в конечном счете зависело, быть или не быть Веймарской республике. Так, один буржуазный историк недавно заявил: отнюдь «не неправильно... искать разгадку (читай: объяснение. — *В. Р.*) двенадцати лет разбойничьего нацистского господства в чередовании взаимодействия и враждебности двух... людей (Гитлера и политического главы рейхсвера генерала Курта фон Шлейхера. — *В. Р.*) и в способной поддаваться влиянию... и твердолюбо применявшейся власти старика Гинденбурга принимать решения»⁴⁹.

С такой же легковесностью можно сбросить со счетов все мотивы и проявления активности реакционных классовых сил и проистекавший отсюда непрерывный дрейф Веймарской республики вправо. Точно так же можно предать забвению и те факты, которые характеризуют Гинденбурга — при всей его обусловленной личными качествами безынициативной косности — как человека, который постоянно (что лично ему представлялось преодолением своей верноподданнической натуры и выполнением долга) подчинялся общим интересам его касты, а тем самым господствующего класса.

Ведь совершенно неоспоримо, что всю свою жизнь он был приверженцем монархии Гогенцоллернов и «законного» кайзера, хотя сам Вильгельм II был ему крайне несимпатичен. Когда от него потребовали, он бросил Людендорфа на произвол судьбы, хотя во время войны боготворил его. Когда Гинденбурга призвали на пост главы республики, он стал им, хотя относился к ней с презрением. Когда ему дали понять необходимость этого, назначил рейхсканцлером сначала председателя СДПГ Германа

Мюллера, а потом человека Центра — Брюнинга, хотя социал-демократы для него по-прежнему оставались предателями фатерланда, а католики — врагами рейха.

Достаточно оживить в памяти только эти эпизоды гинденбурговского «самоопределения», чтобы осознать, что даже ориентирующаяся лишь на личности буржуазная историография сама высекает себя, объявляя гинденбурговскую личную антипатию к Гитлеру возможным (на самом деле снесенным при первом же натиске) барьером, защищавшим республику от фашистской диктатуры.

В полном соответствии с планами покровителей фашизма первый прием Гитлера Гинденбургом привел к дальнейшему повышению акций нацистской партии. Германский капитал увидел в этом возможность создания со временем нового правительства с участием НСДАП. Действуя в этом духе, некоторые владельцы концернов (например, Карл Фридрих фон Сименс — он в октябре 1931 г. совершил поездку в США и там, выступая перед финансовыми тузами, говорил о нацизме как об «оплоте против германского коммунизма») старались устранить в западных странах недоверие к гитлеровскому фашизму. В этом они могли опереться на антикоммунизм и антисоветизм наиболее реакционных кругов США и Англии. Выразитель их взглядов английский газетный король виконт Ротермир отреагировал на сентябрьские выборы 1930 г. статьей в лондонской «Дейли мейл», в которой говорилось: «Для процветания западной цивилизации самым лучшим было бы, если бы в Германии к кормилу власти пришло правительство, проникнутое такими же здоровыми принципами, при помощи которых Муссолини за последние восемь лет осуществил обновление Италии».

Гитлер, приказавший перепечатать эту статью в «Фёлькишер беобахтер»⁵⁰, тем самым вновь смягчил опасения германских консерваторов насчет возможной нежелательной реакции капиталистической заграницы на дальнейший рост фашизма. Со своей же стороны он с еще большей настойчивостью стал добиваться благорасположения американских и английских монополистов. Он назначил знатока англосаксонских стран Эрнста Ханфштенгля «шефом по зарубежной печати» и в интервью иностранным корреспондентам подчеркивал свой безоговорочный антикоммунизм и свою надежность в качестве экономического партнера. «Американские капиталовложения в Германии,— заявил он одному американскому

журналисту, — будут при национал-социалистском правительстве в гораздо более надежном состоянии, чем при любом другом». Эти заверения не остались неуслышанными, о чем свидетельствовало вновь усилившееся после сентябрьских выборов 1930 г. финансирование НСДАП из-за рубежа, в котором, как стало известно уже тогда, решающее участие принимал англо-нидерландский нефтяной магнат Генри Детердинг.

Дабы эффективнее действовать на международном уровне и вместе с тем произвести впечатление на обладавшее значительным влиянием в Германии католическое духовенство, Гитлер старался установить контакты с папой римским. Однако Геринг, посланный им в Рим эмиссаром, был принят всего лишь статс-секретарем кардиналом Эудженио Пачелли, бывшим папским нунцием в Германии, известным проповедником антисоветизма. Хотя Герингу и не удалось одним махом устранить недоверие Ватикана к нацистам из-за громогласно пропагандировавшегося некоторыми сообщниками Гитлера антикатолицизма, он все же добился того, что Пачелли, ставший впоследствии папой Пием XII, стал относиться к «третьему рейху» более благожелательно и не проронил ни единого слова осуждения по поводу чудовищных фашистских преступлений во время второй мировой войны.

Результаты выборов 14 сентября 1930 г., разумеется, привлекли внимание генералитета и офицерского корпуса рейхсвера. Влиятельные в военном мире лица начали переметываться из консервативного лагеря в фашистский. Такая переориентация была для них не слишком тяжелой: нацистское руководство перед выборами демонстративно дало понять, что не допустит в своих рядах никаких стремлений к превращению СА в коричневую армию, конкурирующую с рейхсвером. Главарь штурмовиков Пфеффер фон Заломон, в последнее время носившийся с такими планами, был смещен. Гитлер назначил самого себя «верховным фюрером» (ОСАФ*), а своим заместителем в качестве начальника штаба СА «старого борца» Эрнста Рема, который поддерживал хорошие отношения с генералом Шлейхером и влиятельным подполковником Францем Гальдером (будущим начальником генерального штаба фашистской армии).

Еще более явно и впечатляюще свое стремление ува-

* Аббревиатура от нем. der Oberste SA-Führer (OSAF).

жать генералитет Гитлер продемонстрировал через 10 дней после выборов, когда, будучи приглашен фашистским защитником в качестве свидетеля в имперский суд в Лейпциге, принес там свою «клятву в легальности». Он не только заверил, что хочет прийти к власти при помощи строго конституционных средств, но и с возмущением отверг любое подозрение, будто стремится к разложению рейхсвера. Хорошо зная сокровенное желание всех милитаристов, он провозгласил: нацисты «позаботятся о том, чтобы нынешний германский рейхсвер превратился в большую народную армию»⁵¹.

Рекламируя в Лейпциге свои намерения «легально» прийти к власти, Гитлер вместе с тем предрекал, что после победы фашизма «ноябрь 1918 г. ... получит свою кару... и покатаются головы». Затем, возвестил он, при помощи «всех легальных с точки зрения внешнего мира средств» (т. е. в соответствии с нормами международного права. — *В. Р.*) будет начат поход против Версальского мирного договора 1919 г. Неисправимым милитаристам, и без того считавшим международное право клочком бумаги, который можно изорвать, лишь только обретишь достаточную силу, эти слова служили сигналом, что глава нацистского движения им эту силу даст. Недаром генерал Сект (в то время депутат рейхстага от Немецкой народной партии), который и после своей вызвавшей споры отставки в 1926 г. оставался идолом многих офицеров, на вопрос о целесообразности участия нацистов в правительстве ответил безусловным «да».

И все-таки генералитет, как и монополистическая буржуазия, по-прежнему питал некоторые опасения насчет фашистского псевдосоциализма. Вскоре после сентябрьских выборов генерал Шлейхер заявил: под «национальной частью» нацистской программы можно было бы подписаться, но «какой-либо оптимизм в отношении социальной части совершенно неуместен»⁵². Однако и командование рейхсвера шаг за шагом давало убедить себя (если применять терминологию печати крупного капитала) в «государственно-политическом благоразумии» нацистского главаря, т. е. в том, что он будет безоговорочно выступать за интересы империализма.

Не прошло и года после этого высказывания Шлейхера, как генерал с удовлетворением констатировал, что Гитлер сумел справиться с «революционной группой» в своей партии. А министр рейхсвера Грёнер, который до того

времени расходился с нацистским главарем по некоторым незначительным тактическим вопросам, добавил: он «полон решимости поддержать все усилия Г[итлера] включиться в пол[итическую] жизнь»⁵³. То, что командование рейхсвера (и после ухода Грёнера) со всей последовательностью проявляло решимость, мы еще увидим дальше.

Отмеченная готовность руководства консервативных партий делить с НСДАП влияние на массы и исполнительную правительственную власть, усилившийся поворот к нацизму высших офицеров (которые и при республике большей частью принадлежали к дворянству), а также другие факторы в конечном счете побудили значительную часть слившегося с крупной буржуазией политически относительно инертного и преимущественно монархически настроенного юнкерства тоже поближе приглядеться к фашизму. Поначалу оно относилось к нему подозрительно, как к явлению плебейскому, а затем, хотя зачастую и с колебаниями, стало склоняться на его сторону.

Этому способствовали сами члены партии немецких националистов. Так, второй человек в этой партии, Пауль Банг, еще до сентябрьских выборов писал одному политиканствующему крупному помещику, с неудовольствием воспринимавшему фашистский «социализм»: «Движение, во главе которого шествует принц Август Вильгельм Прусский, никак нельзя считать ненадежным в национальном отношении. Нельзя отмахиваться... от движения, в котором авторитетную роль играет Кирдорф и в котором, как мне известно, участвует значительная часть сыновей ведущих промышленных магнатов запада Германии, например Фёглера. Негоже отвергать... ту партию, которая (пока единственная во всей Германии) каждодневно рискует своими костями в борьбе против коммунизма»⁵⁴.

После выборов в рейхстаг 1930 г. юнкерство полностью примкнуло к концепции «национального блока», поневоле все больше признавая, что руководство в этом блоке следует предоставить нацистам. Как писал в феврале 1931 г. князь Фридрих Венд цу Ойленбург-Хертефельд графу Дитлоффу фон Арним-Бойтценбургу, «никак нельзя поверить, что в оставшееся время партии Гугенберга (т. е. немецким националистам.— *В. Р.*) удастся повести за собой массы»⁵⁵. «Но если мы,— говорилось далее в письме, разосланном князем ряду представителей своего сословия,— не желаем большевизма, нам не остается иного вы-

бора, кроме как вступить в эту партию, которая, несмотря на кое-какие социалистические идеи, является антиподом марксизму и большевизму... Отдельные опасения по программным вопросам не могут больше играть никакой роли в принятии этого решения»⁵⁶.

Такого рода «отдельные опасения по программным вопросам» отошли у Ойленбурга-Хертефельда на задний план, а по сути дела и совсем исчезли, когда сей юнкер в начале 1931 г. встретился с Гитлером и получил от него заверения, что он не тронет стоящее «на службе обществу» юнкерство, придает большое значение «сотрудничеству» средних и крупных землевладельцев и стремится к «сплочению всего немецкого народа — от кайзеровского сына до последнего пролетария»⁵⁷. В конфиденциальных беседах с другими представителями господствующего класса Гитлер тоже отмежевывался от тех пунктов своей программы, громогласное провозглашение которых по ту сторону закрытых дверей обеспечивало ему приток обманутых масс.

Большинство юнкерства не только рассчитывало на то, что Гитлер (в окружении которого, по их мнению, не было настоящих «умов») пойдет на прочный правительственный союз с Гугенбергом, но и лелеяло надежду, что посредством триумфа свастики оно сможет восстановить монархию. Подобного рода надежды питал и сам нацистский главарь, который, однако, остерегался давать на сей счет какие-либо определенные заверения, дабы не ослабить влияние НСДАП на массы. Полагаясь на свою испытанную тактику, он пустыми словами старался избегать ответов на неудобоваримые конкретные вопросы. Впрочем, в данном случае Гитлер мог сослаться на свое заключительное слово на мюнхенском процессе 1924 г.: «Судьба Германии — не в республике или в монархии, а в содержании этой республики или монархии. То, против чего я борюсь, это не государственная форма как таковая, а ее позорное содержание»⁵⁸.

Подобного рода уклончивые высказывания отнюдь не помешали Гитлеру послать Геринга, кичившегося своими «аристократическими» манерами, в Голландию, где пребывал бежавший из Германии экс-кайзер. Гитлеровский эмиссар многозначительно намекнул Вильгельму и его весьма тщеславной супруге (которая, кстати, даже приехала в 1929 г. на съезд НСДАП) о возможности возвращения трона. Сам Гитлер старался всячески укрепить свои

связи с экс-кронпринцем, которого он еще в 1925—1926 гг. уверил, что видит «в восстановлении монархии венец своих стремлений». Однако в то время это заявление не произвело никакого впечатления, ибо Гитлер, по выражению супруги кронпринца, выглядел еще слишком «жалким»⁵⁹. Но он перестал казаться таким, когда нацисты в 1930 г. и в последующие годы добились впечатляющих избирательных успехов. В 1932 г. экс-кронпринц уже часто выступал за «чудесное» движение Гитлера⁶⁰ и, кроме того, старался, довольно небезуспешно, побудить своего венценосного отца, слово которого еще что-то значило для закоренелых монархистов, открыто заявить о своей симпатии к нацизму.

Исключительное, более того — решающее, значение для дальнейшего развития событий в Германии имели те выводы, которые сделали из нацистской победы на выборах 1930 г. правые социал-демократические лидеры. Поскольку эти лидеры руководствовались не классовыми интересами пролетариата, а буржуазно-либеральным пониманием «демократии», их действия выродились в карикатуру на антифашизм. Отрицая присущее империализму стремление к реакции, руководство СДПГ считало, что фашизм исчезнет сам по себе. «Движению под знаком свастики, — писал социал-демократический «Форвертс» 3 декабря 1931 г., — предназначена такая же судьба, какая постигала до сих пор все движения радикализованного экономическими кризисами среднего сословия, — разочарование и распад. Если удастся удержать плотину до тех пор, пока не схлынет волна, этим будет выиграно все».

Но прежде всего руководство СДПГ, тесно связанное с буржуазным государством парламентского типа, боялось пролетарской революции больше, чем господства фашизма. Поэтому оно решительно боролось против единства действий рабочего класса, которое одно только и было в состоянии преградить путь наступлению фашизма и стать центром консолидации антифашистского движения, объединяющего все слои трудящихся. Лидеры социал-демократии видели главную задачу в том, чтобы не допустить сплочения пролетариата независимо от партийной принадлежности, ибо опасались, что развертывание единой антиимпериалистической борьбы приведет к росту коммунистического влияния среди жаждущих активных действий рабочих и в конечном счете создаст угрозу буржуазному строю, выдаваемому за «демократию».

Верному своей традиционно антикоммунистической установке руководству СДПГ не оставалось потому ничего иного, как искать себе партнеров по борьбе против гитлеровцев среди буржуазных партий. Иначе говоря, таких союзников, которые со своих классовых позиций были недовольны лишь «социалистической» оболочкой нацизма и в той мере, в какой оболочка эта с него спадала, как совершенно неопасная маскировка, были готовы мириться с ним. Поскольку откровенно империалистические цели фашизма становились все более явными, нефашистские фракции буржуазии начинали относиться к НСДАП все более примирительно. В этих условиях руководство СДПГ все сильнее оказывалось в изоляции. На исходившие от этих фракций угрозы разрыва руководство СДПГ отвечало лишь бессильными протестами против усиливавшегося реакционного курса буржуазно-парламентских партий.

Хотя руководители СДПГ браво заявляли, что их старая рабочая партия проявляет «железную решимость перенести центр тяжести и бросить всю свою политическую и профсоюзную мощь на решительную борьбу против германского фашизма»⁶¹, они своей буржуазной концепцией сами лишили себя возможности применить против угрожающего фашистского врага пролетарские средства борьбы. Эта концепция привела СДПГ к политике «умиротворения», а затем и на позицию соглашательства, венцом которой явилось политическое самоубийство социал-демократии.

Если до выборов 1930 г. в рейхстаг социал-демократические лидеры еще выступали с парламентскими речами и вотумами недоверия президиальному курсу Брюнинга, то после 14 сентября они стали поддерживать канцлера Центра, видя в нем якобы последний (хотя, к сожалению, как они признавали, зиждущийся лишь на остатках «демократических правил игры») столп республики. Они изобрели выражение «меньшее зло». Оно означало, что для предотвращения «большого зла» — гитлеровской диктатуры — следует примириться с авторитарным стилем правления Брюнинга. Но поскольку клерикальный канцлер, как показано выше, совершенно сознательно вел дело к постепенной передаче государственной власти в руки правительства Гитлера — Гугенберга, в котором господствующую роль должны были играть нацисты, так называемая терпимость СДПГ (т. е. парламентская поддержка без претензии на право голоса) по отношению к кабинету

Брюнинга означала не что иное, как поддержку тем, кто пролагал путь фашизму, а тем самым косвенно — поддержку самому фашизму.

Свою политику «меньшего зла» СДПГ увенчала тем, что (как заметим мы здесь, несколько опережая события) на президентских выборах весной 1932 г. выступила за переизбрание архимилитариста Гинденбурга, против которого она в 1925 г. мобилизовывала массы и которого теперь превозносила как «человека чистых желаний и ясного суждения, преисполненного кантианского чувства долга»⁶². Мол, он-то и гарантирует сохранение конституции, он-то и преградит путь бандиту Гитлеру.

Этим выборам предшествовали неудавшиеся переговоры Брюнинга о продлении парламентом срока пребывания Гинденбурга на президентском посту. В своих мемуарах Брюнинг цинично пишет: в один и тот же день утром он предложил Гитлеру за его согласие на продление срока президентства Гинденбурга скорое участие в «руководстве политикой», а вечером принял «господ из СДПГ». Им он заявил, что «не может взять на себя никакой гарантии насчет того, как будет развиваться тогда (после начала второго срока президентства Гинденбурга) внутренняя политика». Однако по их реакции на свое заявление канцлер понял, что, «несмотря на сильные опасения», они «в случае необходимости пошли бы на риск использования своей партии»⁶³. Надо помнить, что эта проистекавшая из антикоммунистического ослепления готовность правых социал-демократических лидеров пойти на риск означала решение *ради* политики под «руководством Гитлера» пойти *против* германского рабочего класса, поставить на карту жизнь тысяч и тысяч антифашистов, в том числе и многих социал-демократов. Поэтому трудно представить себе более точную и вместе с тем более уничтожающую характеристику политики «меньшего зла».

Полнейшая абсурдность этой политики СДПГ, якобы направленной на отражение фашистской опасности (т. е. на то, чтобы сделать ее поменьше), видна из того, что на практике она мирилась со все большим «меньшим злом». Сначала это был «только» содействовавший фашизму Брюнинг, с которым примирились; затем Гинденбург, который вскоре, как это можно было заранее предвидеть, оказался человеком, назначившим Гитлера на пост рейхсканцлера, и, наконец, 30 января 1933 г. даже... сам Гитлер! Ибо в этот роковой день альтернатива, выдвинутая

руководством социал-демократии, гласила: пришедший к власти «конституционным путем» Гитлер — это «меньшее зло» по сравнению с тем Гитлером, который, будучи рассержен всеобщей забастовкой и сопротивлением, применил бы неприкрытое насилие.

В своем противодействии созданию единого рабочего фронта правые социал-демократические лидеры дошли до прямо-таки преступного утверждения, будто отпор фашизму должен осуществляться путем борьбы против коммунизма. Признанный теоретик II Интернационала Карл Каутский, докатившийся до позорной роли герольда оппортунизма, не остановился в 1931 г. перед заявлением, будто разгром Советской власти в России послужит «предпосылкой разгрома фашизма в Европе»⁶⁴.

Оголтелый антикоммунизм, выразителем которого стал смещенный Шахтом бывший министр финансов Гильфердинг (член Правления СДПГ), решительное отмежевание социал-демократического руководства от коммунизма, его парламентская тактика фактического сотрудничества с законами президиального режима (которая к тому же давала нацистам, имевшим большинство в парламенте, возможность выдавать себя за последовательных противников выступавшего со все новыми и новыми чрезвычайными распоряжениями президиального канцлера), а также категорическое отклонение СДПГ внепарламентской борьбы против фашизма — все это делало явным тот факт, что тогдашние антисоциалдемократические тенденции среди коммунистов были (вопреки утверждениям буржуазной историографии) не причиной последующей ошибочной линии социал-демократии, а, совсем наоборот, реакцией на ее предательскую политику.

Социал-демократическая политика «меньшего зла» оказалась столь роковой и потому, что она мешала явно усиливавшимся в КПГ стремлениям преодолеть имевшиеся среди коммунистов неправильные оценки социал-демократии в целом. Тем самым она углубляла ров между коммунистами и социал-демократами, который перед лицом грозной фашистской опасности надо было как можно скорее сообща засыпать.

К числу таких неправильных оценок в первую очередь относился тезис о «социал-фашизме», выразивший ожесточение революционных рабочих против политики правых социал-демократических лидеров, которая объективно служила империалистическим интересам. В воз-

никновении этого тезиса сыграло свою роль все еще жившее в памяти немецких коммунистов возмущение открытой изменой социал-демократических лидеров принципам международного рабочего движения, когда фракция СДПГ 4 августа 1914 г. проголосовала за военные кредиты кайзеровскому правительству, сотрудничеством «социал-демократов большинства» с контрреволюционной военщиной в период Ноябрьской революции 1918—1919 гг. и другими действиями правых социал-демократических лидеров на пользу классовых врагов пролетариата. Это возмущение получило новый импульс, когда в 20-х годах социал-демократические политики, занимавшие почти все высшие посты в Германии и Пруссии, использовали свою власть лишь для действий, направленных против революционного движения. Достаточно напомнить убийство 31 берлинского рабочего во время первомайской демонстрации 1929 г. руководимой социал-демократами полицией, запрещение Союза красных фронтовиков.

С гневом и отвращением воспринимали коммунисты становившееся с каждым днем все более очевидным благоволение многих социал-демократических чиновников злейшим врагам республики — гитлеровским фашистам, защиту государственными функционерами — социал-демократами банд нацистских погромщиков, введенные социал-демократическими полицей-президентами и направленные против революционных организаций запреты демонстраций, а также приказы стрелять в рабочих.

В этой ситуации, когда социал-демократическая пресса и пропаганда в своем антикоммунистическом рвении стремились даже превзойти старые буржуазные партии, и возник тезис о «социал-фашизме». Он был призван не в последнюю очередь эмоционально воздействовать на рабочих социал-демократов, чтобы помочь им осознать коренные вопросы классовой борьбы. Однако на деле он усилил недоверие этих рабочих к коммунистам и затруднил установление контактов между членами и функционерами обеих рабочих партий.

Но при всей необходимой и не допускающей никакого преуменьшения критике этого тезиса следует подчеркнуть: он был порожден стремлением высвободить трудящихся социал-демократов из тисков объективно содействовавшей фашизму политики, т. е. возник как *оружие в борьбе против фашизма*. Хотя пропаганда КПГ с самого начала и в последующем была направлена в основном

против правых социал-демократических лидеров, срывающих установление единства действий рабочего класса, содержание этой пропаганды, а тем самым и ее конкретные функции явно изменились.

До сих пор коммунисты обличали социал-демократическое руководство прежде всего за отказ от провозглашенных ранее им самим целей — свержения классового господства буржуазии, установления социализма, т. е. за отказ от наступательной борьбы рабочего класса. Теперь коммунисты были вынуждены в гораздо большей степени обличать реформистскую и оппортунистическую политику, которая объективно помогала крайней реакции и препятствовала развертыванию пролетарской оборонительной борьбы против главного врага трудящихся — фашизма, который КПП разоблачала и атаковала в качестве такового.

Эта новая ориентация Коммунистической партии была ускорена выборами 14 сентября 1930 г., в которых КПП увидела признак сильно возросшей фашистской опасности, создавшей новую расстановку политических сил и потребовавшей ведения борьбы с еще большей силой. Первоначально многие коммунисты считали главным итогом выборов прирост голосов, поданных за КПП (с 3,3 до 4,6 млн.), а успех нацистов недооценивали, считая, что сторонники нацизма очень скоро убедятся в обмане со стороны своего руководства и это приведет к их отходу от фашизма⁶⁵.

Однако такие ошибочные настроения были быстро преодолены. В своей первой речи в рейхстаге, 17 октября, Вильгельм Пик верно констатировал, что «фашизму не удалось вторгнуться в марксистский лагерь», но «прирост голосов за национал-социалистов — дело весьма серьезное»⁶⁶. «Экономический кризис, — сказал он, — превратился в политический кризис буржуазной демократии, он заставляет буржуазию переходить к открытой фашистской диктатуре»⁶⁷. Вильгельм Пик считал результаты выборов тревожным сигналом, ибо они показали, «что массы под предлогом свержения или устранения капиталистической системы могут быть введены в заблуждение демагогической пропагандой, в то время как нацистская партия по всему своему составу и по всему своему руководству стремится к прямо противоположной цели»⁶⁸.

Анализ успеха фашистов на выборах 1930 г. Вильгельм Пик связал с «крупной задачей высвобождения из этого фронта тех масс, которые 14 сентября пошли за нациста-

ми»⁶⁹. Такую задачу коммунисты стали осуществлять в дальнейшем с неустанной энергией, выдвигая все новые и новые инициативы. Они не ограничивались опровержением лживой фашистской пропаганды, разоблачением несостоятельной нацистской программы, бичеванием реакционной политики нацистских министров в земельных правительствах. Они не только показывали массам, что такая партия (которая, как отмечал Вильгельм Пик, имеет своими членами фабрикантов и руководители которой завтракают с директором банка Штауссом) не может бороться с капитализмом, но и в своей массово-политической работе учитывали уровень сознательности тех слоев населения, которые заражены нацистской идеологией.

Не теряя из виду цель коммунистического движения — установление диктатуры пролетариата в объективных интересах всех трудящихся, включая и средние слои, — и не поступаясь пропагандой этой цели, КППГ училась в своей агитации среди мелких собственников (крестьян, ремесленников, кустарей и т. д.) более реалистически исходить из того факта, что эти люди еще далеки от понимания исторической необходимости ликвидации классового господства буржуазии, более того, считают его свержение делом невозможным. Но надо было показывать, что КППГ — единственная партия, которая отстаивает их экономические, демократические и культурные чаяния, что она не намерена использовать их бедственное материальное положение вопреки их собственным интересам.

Образцом этого служил ряд детально разработанных КППГ программ помощи различным слоям населения — крестьянам, служащим, государственным чиновникам, мелким ремесленникам, мелким торговцам, квартиросъемщикам, молодежи, трудящимся женщинам. Эти программы КППГ обнародовала в 1931-м и начале 1932 г., положив их в основу своей антифашистской работы в массах.

Вместе с тем коммунисты исходили из того, что политика отпора фашистской опасности будет иметь шансы на успех только в том случае, если удастся добиться коренного изменения рокового курса правых социал-демократических лидеров против единого рабочего фронта.

Поэтому КППГ была вынуждена одновременно мобилизовывать пролетарские массы и на отпор гитлеровскому фашизму, и на мощное давление на оппортунистическое руководство Всеобщего объединения профсоюзов

(АДГБ *). Это было чрезвычайно трудной задачей, требовавшей одновременно принципиального, но совершенно иного по своему характеру разоблачения гитлеровской клики, с одной стороны, и оппортунистов — с другой. Решить эту задачу одним махом было невозможно. Много лет спустя Вильгельм Пик критически говорил о политике КПГ в 1930 г.: «...огонь наступления одновременно направлялся и против нацистов, и против социал-демократии, хотя фашистская опасность уже стала актуальной, а подготовка войны с помощью нацистской партии — явной»⁷⁰.

При этом коммунистическое руководство неуклонно стремилось к более точному определению задач борьбы как против правой социал-демократии, так и против фашизма. На январском (1931 г.) пленуме ЦК КПГ Эрнст Тельман отмечал, что «сегодня центральным лозунгом наших действий является массовая борьба против установления фашистской диктатуры»⁷¹. Вместе с тем Эрнст Тельман вновь и вновь подчеркивал: ставить знак равенства между правым руководством СДПГ, с одной стороны, и низовыми социал-демократическими функционерами и рабочими — с другой, ни в коем случае нельзя.

На массовом митинге в июне 1931 г. он говорил: «Мы спрашиваем вас, социал-демократические товарищи по классу: вы намерены бороться за Брюнинга или за социализм? Это ключевой вопрос, который ныне стоит перед каждым социал-демократическим рабочим, перед каждым социал-демократическим функционером. Следуя своему собственному классовому инстинкту, руководствуясь своим классовым сознанием, каждый социал-демократический рабочий должен сделать выбор, и этот выбор может быть только один: вместе с коммунистами против капиталистов, против фашизма, против правительства — пособника фашистской диктатуры, против Брюнинга и всех, кто входит в его фронт»⁷². Несколько позже Эрнст Тельман категорически заявил: коммунисты не требуют от рабочих социал-демократов, «чтобы они сразу же превратились в коммунистов, признали нашу Программу, нашу конечную цель и сменили членские билеты СДПГ на наши. Мы требуем от них только одного: чтобы они боролись с нами против классового врага»⁷³.

* Аббревиатура от нем. Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund (ADGB).

Однако на постоянное выдвижение коммунистами на первый план общих классовых интересов сторонников обеих рабочих партий социал-демократическое руководство реагировало усилением антикоммунизма, клеветой на КПГ и ее представителей, а также репрессиями против тех функционеров и членов СДПГ, которые участвовали в совместных с коммунистами акциях. Тем не менее на некоторых участках политических споров стало видно, что, несмотря на все трудности, представляется возможным создать зародыши и опорные пункты антифашистского единства действий, из которых может вырасти широкий пролетарский единый фронт.

Это касалось прежде всего тех областей политической борьбы, где коммунисты и социал-демократы, силой обстоятельств побуждаемые к выступлению единым фронтом, самым непосредственным образом конфронтировали с фашизмом: отражение нацистского террора, отпор провоцируемым штурмовиками побищам в залах собраний и на улицах, нападениям СА на локалы (пивные, где по традиции собирались рабочие. — *Перев.*) рабочих организаций, на рабочие кварталы, «красные» поселки и садовые товарищества.

Высказанное Эрнстом Тельманом сразу же после сентябрьских выборов предостережение: «...после своей победы на выборах фашисты развернут против миллионов немецких трудящихся еще более жестокую внепарламентскую борьбу»⁷⁴ — оправдалось самым горьким образом. В 1931 г. по всей Германии не было почти ни одного города, ни одной деревни, где бы натравленные Гитлером и его сатрапами команды фашистских погромщиков и убийц не творили свое черное дело. Контрреволюционное насилие, применявшееся прежде в кульминационные моменты политических схваток, теперь стало повседневным и обычным оружием классовой борьбы буржуазии. «Только с появлением вашей партии в политической борьбе, — бросил Вильгельм Пик фашистам в 1932 г., выступая в прусском ландтаге, — начались массовые убийства революционных рабочих»⁷⁵.

Мужественно и самоотверженно давали отпор фашистским нападениям коммунисты, члены запрещенного Союза красных фронтовиков, вновь созданного Боевого союза против фашизма, Коммунистического союза молодежи Германии и других революционных организаций, а также члены возглавлявшегося социал-демократами

«Рейхсбаннера» *, Союза социалистической рабочей молодежи, реформистских рабочих спортивных союзов, профсоюзов и т. п. Все чаще коммунисты и социал-демократы, красные фронтовики и рейхсбаннеровцы объединялись для совместных оборонительных действий против фашистских нападений. Во многих случаях они приходили друг другу на помощь. Зачастую это приводило к договоренностям на местном уровне. Так возникали отряды пролетарской самообороны и комитеты борьбы, члены которых принадлежали к обеим рабочим партиям.

Но эти начальные успехи пролетарского единства действий в совместной антифашистской борьбе были поставлены под угрозу антикоммунистической и по сути своей буржуазной политикой руководства СДПГ. Оно исключало из партии тех социал-демократов, которые приходили на помощь коммунистам или договаривались с ними о совместных действиях. Социал-демократическая пресса еще более злобно травила коммунистов, ставила их на одну доску с фашистскими громилками и даже выдвинула абсурдный тезис об угрозе республике «слева и справа».

На взаимоотношениях между борющимися против фашизма плечом к плечу социал-демократами и коммунистами отрицательно сказывалось и то, что подчиненная социал-демократам и возглавлявшаяся социал-демократическими чинами полиция многих земель (в том числе и Пруссии) жестоко подавляла все коммунистические инициативы по собиранию антифашистских сил, разгоняла дубинками революционные демонстрации протеста против нацистского террора. В то же время она щадила фашистских бандитов, потворствовала им и, более того, не раз принимала в уличных побоищах их сторону против революционных сил. В 1930 г. нацистами были убиты 41 и полицией — 36 рабочих. Примерно такое же количественное соотношение между нацистскими и полицейскими жертвами сохранялось и в 1931 и 1932 гг., когда в оборонительной борьбе против фашизма погибли в общей сложности 114 и 219 рабочих. Естественным следствием этого явилось озлобление коммунистов против правого социал-демократического руководства, а также рост неуверенности среди рейхсбаннеровцев.

* «Союз имперского флага» (или «Железный фронт») — военизированная организация социал-демократических рабочих.

Глава пятая

С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ МОНОПОЛИЙ — В РЕШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Итак, события принимают все более опасный оборот. После того как уже на выборах в Бременский городской парламент (бюргершафт) 30 ноября 1930 г. число голосов, поданных за нацистскую партию, увеличилось вдвое по сравнению с сентябрьскими выборами 1930 г. в рейхстаг, ей удалось добиться в 1931 г. новых значительных успехов в ряде крупных городов и земель. Например, в Ольденбурге и Гессене НСДАП получила 37 % всех голосов и стала сильнейшей партией в их ландтагах. Стремительно возрастала и численность нацистской партии: в 1928 г. она насчитывала около 100 тыс., к концу 1931 г. — почти 390 тыс., а в начале 1932 г. — уже 800 тыс. членов.

Благодаря этому Гитлер мог еще быстрее и беспощаднее разделываться с возникавшими то здесь, то там конкурентными или оппозиционными настроениями в самой нацистской партии. Однако поскольку фашистское движение находилось на подъеме, питательная почва для таких настроений была весьма ограниченной. Все фашистские вожаки второго «гарнитура», являвшиеся в той или иной мере потенциальными соперниками нацистского главаря (порой их поощряли отдельные крупные капиталисты, дабы через них оказывать влияние на руководство НСДАП), теперь стали убеждаться, что реальных шансов вытеснить Гитлера у них в общем-то нет. Напротив, используя личность Гитлера и раздуваемый культ этой личности, они старались теперь укрепить собственные позиции власти, а также обеспечить интересы стоящих за их спиной могущественных покровителей-капиталистов. Возникавшие на этой почве конфликты и внутрипартийные распри, как правило, не могли поколебать притязаний Гитлера на фюрерство и его единовластия в НСДАП. Среди ближайшей свиты нацистского главаря они возникали главным образом по тактическим вопросам, а также в борьбе за влияние на «фюрера».

В условиях фашистского бума едва ли могли возникнуть сколько-нибудь серьезные оппозиционные настроения и среди той массы, которая составляла основной контингент НСДАП. Правда, некоторое недовольство выразили «старые борцы» из рядов самого активного нацистского воинства — СА. Однако ни по низкому уровню своего политического сознания, ни по своим мелкобуржуазным традициям они ни в коей мере не были способны выступить против противоречившей формальной программе партии общей ориентации НСДАП на империалистические круги или возмутиться социальной демагогией фашизма.

В сущности у них вообще не было никакой концепции. Более всего они были недовольны согласием руководства НСДАП признать претензии рейхсвера на главенствующее положение, ведь им было обещано, что первую роль в фашистском государстве будут играть именно формирования громил-штурмовиков. К тому же после провозглашения Гитлером «принципа легальности» его прежние демагогические лозунги «национальной революции» стали звучать для них еще более расплывчато. Штурмовики были также недовольны возросшим влиянием «сентябристов» (т. е. политиков, примкнувших к НСДАП только после сентябрьских выборов 1930 г.) на партийный аппарат.

Эти оппозиционные элементы из среды штурмовиков, обвинявшие теперь Гитлера в «либерализме» и «нарушении клятвы» (т. е. программных принципов НСДАП), лишь один-единственный раз решились на фронду против «фюрера» — так называемый бунт Стеннеса, происшедший в начале апреля 1931 г. в Берлине.

Вальтер Стеннес, в прошлом капитан рейхсвера, был тесно связан с главой АЭГ Бюхером и другими крупными промышленниками, являлся заместителем верховного фюрера СА по району «Ост», т. е. вторым после Геббельса человеком в столичной иерархии нацистов. Поскольку под его командованием находились коричневые отряды Берлина, Бранденбурга, Померании, Мекленбурга и Силезии, он возомнил себя достаточно сильным, чтобы отеснить Геббельса, обладавшего не вооруженной силой, а, как ему казалось, лишь луженой глоткой.

Однако в возникший между обоими соперниками конфликт грубо вмешался, причем на стороне своего руководителя пропаганды, Гитлер. Стеннесу не оставалось ничего иного, как «упредить» противника. Когда Гитлер в связи

с новым чрезвычайным распоряжением Брюнинга «о борьбе с политическими эксцессами» был вынужден еще раз публично подтвердить непопулярный среди штурмовиков «курс на легальность» и на приход нацистов к власти только при помощи выборов, Стеннес отказался явиться на мюнхенский съезд НСДАП и провозгласил независимость подчиненных ему штурмовых отрядов от центрального командования СА, возглавлявшегося Ремом. Ему удалось добиться временного успеха лишь в Берлине, где несколько отрядов (штурмов) СА заняли помещение гауляйтера и захватили типографию геббельсовской газеты «Ангриф». Действия брошенных против штурмовиков частей СС и поспешный приезд Гитлера в Берлин в течение суток привели к полному провалу бунта. 1400 штурмовиков были изгнаны из коричневого войска.

Попытка Стеннеса создать в противовес НСДАП конкурирующее нацистское «боевое движение» провалилась с таким же треском, как и предпринятая годом ранее его другом Отто Штрассером попытка сколотить оппозиционную группу. Одновременно Стеннеса предали и его покровители из кругов крупного капитала.

Так исход «бунта Стеннеса» вновь способствовал укреплению авторитета «фюрера» и его репутации человека, способного подавить любую оппозицию в своей партии.

Но было нечто и менее заметное для общественности: поражение Стеннеса усилило влияние Геббельса, а особенно Гимmlера как на самого «фюрера», так и на все фашистское движение. Бунт дал последний толчок процессу преобразования СС во всемогущую организацию германского фашизма. Гимmlер (он был всего только год назад назначен рейхсфюрером СС) осуществил дальнейшее организационное отделение своего элитного войска от СА. Хотя формально подчинение СС начальнику штаба СА было отменено только после 30 июня 1934 г., Гимmlер уже теперь смог приступить к созданию независимых от СА соединений СС в качестве самостоятельных формирований — гибрида элитарной террористической гвардии и Тевтонского ордена. Со временем СС стали отличаться от штурмовых отрядов даже внешними атрибутами (формой, знаками различия и т. п.). Одновременно внутри СС была создана так называемая Служба безопасности (СД*) — центр тотального политического шпионажа, а также орга-

* Аббревиатура от нем. Sicherheitsdienst (SD).

низованной слезки и доноительства внутри самой фашистской партии.

Быстрое подавление «бунта Стеннеса» стабилизировало отношения между нацистским руководством и генералитетом рейхсвера. В январе 1932 г. генерал Шлейхер с удовлетворением отметил «дереволюционизацию» НСДАП, т. е. ее дальнейший разрыв с псевдосоциалистическими лозунгами, признаком которой он считал быструю расправу Гитлера со Стеннесом. В конце лета и осенью 1931 г. Гитлер подробно беседовал и с ним, и с начальником войскового управления министерства рейхсвера бароном Куртом фон Гаммерштейном. Он заверил последнего, что хочет оставить рейхсвер таким, каков он есть¹, т. е. не покушается на главенствующую роль милитаристской касты.

Хотя быстрое подавление вышедших из повиновения берлинских штурмовиков произвело успокаивающее действие на крупный капитал, Гитлер и его ближайшие сообщники продолжали и дальше добиваться поворота лицом к нацизму все новых и новых капитанов промышленности. К тому же это укрепляло и личное положение «фюрера» как самого важного связующего звена между магнатами монополий и фашизмом.

«Летом 1931 г., — сообщает в мемуарах гитлеровский шеф печати Отто Дитрих, — фюрер принял в Мюнхене решение приступить к систематической обработке влиятельных лиц хозяйства и поддерживаемых ими буржуазных партий центра (читай: правых партий. — В. Р.). Вслед за решением началось осуществление. В последующие месяцы фюрер на своем «мерседес-компрессор» исколесил всю Германию. Повсюду он имел доверительные беседы с руководящими лицами. Секретность была крайне необходима, чтобы не дать прессе пищу для враждебной кампании»².

Видный историк ГДР профессор Альберт Норден так прокомментировал это. «Называя вещи своими именами, следует сказать: то, что делалось там, предавать гласности было опасно, а потому все это держалось в тайне, ведь иначе даже самый глупый сторонник нацизма раскусил бы смысл антикапиталистических тирад геббельсовской пропаганды и догадался бы, куда на самом деле ездил Гитлер на своем «мерседесе». Там, где Гитлер получал приказ и деньги, царил «секретность», там не было свидетелей, об этом не должны были знать члены НСДАП и ее попут-

чики, иначе они сбежали бы из нее и от нее, а без своих приверженцев Гитлер не стоил бы в глазах богачей и одного пфеннига»³.

Хотя с тех пор прошло более полувека, об этих таинственно обставленных турне стало известно лишь весьма немногое. Зато установлены имена некоторых партнеров Гитлера по этим доверительным беседам, среди них — его старые знакомые Тиссен, Фёглер и Шпрингорум, а также члены правления «Ферайнигте штальверке» Эрнст Пёнсен и Эрнст Бранди (последний одновременно председатель «Бергбаулихер ферайн»).

Сын Стиннеса Эдмунд, тоже принадлежавший к числу этих лиц, в одном случайно сохранившемся письме изложил содержание беседы с нацистским главарем. Оно дает представление и о некоторых опасениях, высказанных Гитлеру в тиши роскошных салонов. Монополистические магнаты явно пугались нежелательных последствий его социальной демагогии. Собеседники Гитлера (по терминологии Стиннеса-младшего), стремившиеся к «расширению германского пространства на Востоке и Юго-Востоке», боялись, как бы декларирующие «всё или ничего» нацистские главари не переоценили свои возможности и не повели нереалистическую внешнюю политику и политику военных авантур; как бы этим они в конечном счете (подобно Вильгельму II и его экстремистским советникам) не вызвали расстройства экономики, потери германских территорий и революции. В заключение беседы Стиннес-младший, выражая мнение успокоенных заверениями Гитлера капитанов индустрии, записал: «Из нашей беседы я весьма хорошо понял, глубокоуважаемый господин Гитлер, что вы вполне сознаете границы возможного ныне и хотите подниматься вверх лишь шаг за шагом, ступень за ступенью. Я с уверенностью надеюсь, что вам удастся выполнить эту бесконечно трудную задачу»⁴.

О гитлеровском турне на «мерседесе» известно далее, что на вилле Кирдорфа «Штрайтхоф» он встретился с 30—40 «руководящими головами» рурской промышленности. Вероятно, это было связано с мероприятием, проводившимся неофициально созданным в октябре 1927 г. и с того времени расширенным комитетом предпринимателей тяжелой промышленности по содействию фашизму, о котором уже шла речь. К числу собеседников Гитлера принадлежал и упомянутый ранее главный редактор «Лейпцигер нойесте нахрихтен» Брайтинг. «Фюрер» со-

общил Брайтингу, что ему оказывают финансовую поддержку также Крупп и банкир барон фон Шредер: эти господа и другие крупные промышленники были бы рады «быть принятыми в нацистскую партию», но пока не нашли в себе мужества безоговорочно выступить за «национального фюрера»⁵.

О результатах этих тайных совещаний и иных акциях Гитлера можно судить по многим высказываниям, инициативам и событиям. В переписке промышленно-финансовых магнатов все более недвусмысленно появляются высказывания, подобные изречению директора Дрезденского банка Вальтера Бернхарда. В октябре 1931 г. он заявил: «Дело не пойдет на лад до тех пор, пока не явится наконец некий малый, который с железной энергией осуществит необходимое»⁶.

В союзе с юнкерами и другими реакционными аристократами крупные концерны теперь уже прямо обратились к рейхспрезиденту с требованием назначить Гитлера рейхсканцлером. Правда, под этим первым известным ходатайством, поданным Гинденбургу генералом в отставке Рюдигером фон дер Гольцем (председателем «Союза германских офицеров» и «Объединения отечественных союзов») 27 июля 1931 г., самые громкие имена германской монополистической элиты пока еще не стояли. Однако среди подписавших было уже немало видных менеджеров всемирно известных немецких фирм, например заводов Круппа и концерна «ИГ Фарбениндустри»⁷. Для перестраховки эти господа, желая создать себе своего рода алиби, облекли выдвинутое ими требование установления диктатуры в фарисейские фразы о демократии; согласно ей, «высший принцип» якобы заключается в том, что «правительственная власть передается сильнейшей национальной партией»⁸, иначе говоря рвущимся к диктатуре нацистам.

За неизвестными широкой общественности второразрядными представителями концернов, подписавшими это ходатайство, стояли монополисты, имевшие решающий голос. Так, влиятельные люди концерна «ИГ Фарбен», председатель его наблюдательного и исполнительного советов Карл Дуйсберг и председатель правления Карл Бош, при посредничестве близкого знакомого Гесса и Рема — некоего Генриха Гаттино летом 1932 г. устроили встречу директора концерна Генриха Бьютефиша с Гитлером. На ней нацистский главарь обещал после передачи ему пра-

вительственной власти оказать полное содействие весьма выгодному проекту «ИГ Фарбен», имевшему чрезвычайно важное значение для подготовки войны, а именно производству синтетического бензина. Тем самым было положено начало будущему совместному участию нацистского государства и «большой химии» в преступном деле агрессии.

Другим связным между «ИГ Фарбен» и нацистской верхушкой был инженер Вернер Дайтц, который еще перед первой мировой войной выступал с философскими трактатами в «национал-социалистском» духе, с 1925 г. являлся руководителем одного из предприятий этого концерна, а в 1931 г. (разумеется, не без его разрешения) стал членом имперского руководства НСДАП. Аналогичное положение наблюдалось и в других концернах. Для могущественнейшего человека концерна «Ганиель» Ройша берлинским связным служил Эрих фон Гильза, бывший социал-демократ, который прежде был адъютантом Носке, а затем некоторое время занимал директорский пост в «Гутехофнунгсхютте». В 1928 г. Ройш побудил его вступить в Немецкую народную партию и обеспечил ему мандат депутата рейхстага, затем внедрил его в Немецкую национальную народную партию и в конце концов сделал одним из главарей СА.

По показаниям Функа на Нюрнбергском процессе главных нацистских военных преступников, к числу покровителей фашистской партии уже в 1931 г. принадлежал и другой директор этого металлургического концерна — Герман Келлерман. То же самое относится к члену правления маннесмановского трубного концерна Эрнсту Бискюлю и директору Густаву Кнепперу из компании «Веста». Концерн Сименса был представлен в упоминавшемся выше «кружке Кепплера» директором Рудольфом Бингелем, «Дрезденер банк» — директором Эмилем Мейером. Через различных посредников, в том числе через некоторых остальбских юнкеров, контакты с нацистским руководством, особенно с Грегором Штрассером, поддерживали также крупный промышленник Пауль Зильверберг, председатель наблюдательного совета синдиката «Рейнише браунколе» и Банка германских промышленных ценных бумаг, он же член наблюдательных советов различных отраслей.

Для того чтобы дать хотя бы общее представление о всей сложности этих установленных за кулисами кон-

тактов крайне недоверчивых и заботящихся только о собственных прибылях магнатов концернов с руководящей нацистской сворой, упомянем лишь, что связи Зильверберга со Штрассером приобрели для этого монополиста роковой исход, когда конкурентная борьба между ним, с одной стороны, и Тиссенем и Фликом — с другой, в конце 1932 г. вылилась в соперничество нацистских главарей (Геринг против Штрассера). Клике Тиссена — Геринга было тем легче справиться с ним, что Зильверберг (впрочем, как и некоторые другие покровители фашизма из кругов крупных промышленников, например управляющий делами Имперского объединения промышленности Людвиг Каствль) происходил из еврейской семьи, перешедшей в протестантскую веру.

Другим примером противоречий между крупным капиталом и нацистским руководством была пресловутая, весьма запутанная «гельзенбергская афера». Хотя владелец крупного концерна Фридрих Флик (в то время он был главным акционером «Гельзенкирхенер бергверкс АГ», а через три десятилетия стал самым богатым человеком в ФРГ) в феврале 1932 г. лично заверил Гитлера в своих симпатиях, тем не менее все же выступил в поддержку правительства Брюнинга, так как оно было готово выкупить у него по многократно завышенной цене (100 млн. марок) акции этого концерна и тем самым спасти его от финансового краха.

В результате тайных поездок Гитлера на своем роскошном «мерседесе» в 1931 г. симпатии магнатов монополий к фашизму еще больше усилились. Видные промышленники просто рвали из рук приглашения в дюссельдорфский Промышленный клуб на его выступление там, состоявшееся 26, а по последним данным, 27 января 1932 г. Даже пушечный король Крупп (подчеркивая свое особое положение, он не являлся членом клуба) и тот обратился к его председателю с письменной просьбой пригласить его билет на доклад Гитлера и приглашение на последующий банкет.

Речь Гитлера в Дюссельдорфе, мало чем отличавшаяся от его прежних выступлений перед подобной публикой, неоднократно приводилась⁹, и потому подробно излагать ее нет нужды. Как известно, он всячески подчеркивал принцип авторитарности и «фюрерства» не только в хозяйстве (что постоянно делали его слушатели), но и в политике («в области руководства всей борьбой за жизнь»), т. е.

необходимость установления диктатуры. Присутствовавших Гитлер называл носителями присущего белой расе «духа господ», которые призваны заставить другие народы рабски трудиться на них и умирать ради них. Ради господства германского империализма надо подавлять другие народы силой оружия, создавать «новое жизненное пространство с крупным внутренним рынком», применять для «защиты германского хозяйства концентрированную вооруженную силу». Далее следовали антикоммунистические и антисоветские призывы и заверения в том, что уничтожить большевизм в состоянии только он, Гитлер, и возглавляемый им нацизм. «Мы приняли непоколебимое решение истребить марксизм в Германии со всеми его корнями» — вот лейтмотив речей нацистского главаря, находивший полнейший отклик у его монополистической аудитории.

Собравшаяся избранная публика встретила эти заверения аплодисментами, что само по себе в этих «солидных» кругах было необычным. Но одними эмоциями дело не ограничилось. Тиссен писал позже: «В результате этого обращения, произведшего глубокое впечатление, в казну нацистской партии потекли крупные суммы от тяжелой промышленности»¹⁰. Но и это не всё. На следующий день трое самых могущественных магнатов «Стального треста» — Тиссен, Фёглер и Пёнсен — встретились в тиссенском замке «Ландсберг» с Гитлером, Герингом и Ремом, чтобы определить конкретные шаги к созданию такого правительства, в котором решающую роль играли бы нацисты. В том же направлении активно действовали и другие заправилы монополий.

Не прошло и двух месяцев после выступления Гитлера в Дюссельдорфе, как один из руководящих деятелей рурской гильдии, генеральный директор концерна «Хёш» Шпрингорум написал близкому родственнику Круппа Вильмовски (с копиями Круппу, Ройшу, Зильвербергу и Фёглеру): «Необходимо сделать все для того, чтобы практически привлечь НСДАП к несению государственной ответственности»¹¹, т. е., иначе говоря, включить ее в правительство. Правда, следуя концепции правого блока, Шпрингорум еще надеялся, что экономическую политику будущего правительства будет определять «наилучшим образом подготовленная в организационном и идеологическом отношении» Немецкая национальная народная партия. Вместе с тем он подчеркивал: «То, что при созда-

нии правого правительства мы не сможем отказаться от сотрудничества с НСДАП и должны будем привлечь ее, вытекает уже из самого значения этой партии»¹².

Поэтому свою тайную поездку по Германии летом 1931 г. и свои конфиденциальные встречи со многими реакционными политиками и военными нацистский главарь использовал для того, чтобы заранее обеспечить фашистской партии особое, т. е. руководящее, положение в том правом блоке, к которому стремилась вся крупная буржуазия, и в том правительстве, создать которое этот блок старался. Поскольку такое правительство целиком и полностью зависело от массовой базы нацистской партии, клика фашистских главарей считала: ставить условия всем своим потенциальным партнерам по коалиции она может, сама же никаких обещаний давать не должна.

Хотя многих политиков правого толка из традиционных партий выступления нацистского главаря шокировали, им все же приходилось мириться с тем, что на встречах с ними Гитлер в отличие от обычных переговоров ни на какие соглашения не шел, а лишь выдвигал требования да произносил длинные монологи насчет, как отмечается в том же сообщении, «народной души, ее неуловимости, расовых вопросов и тому подобного»¹³. Целью фашизма было заполучить правительственную власть, но отнюдь не делить ее с какими-либо другими силами, в том числе и на длительное время с реакционно-консервативными партиями и группами.

Фашизм претендовал на всю полноту власти, потому что в тот самый момент, когда своей практической политикой он разоблачит себя как орудие империалистической буржуазии, он с целью сохранения и укрепления жизненно необходимого ему влияния на массы должен будет применить те методы, которые наилучшим образом функционируют только в условиях его нераздельного господства. Эти методы — неограниченный террор, монополия на демагогическую пропаганду, унификация правых партий, заигрывание с массами при помощи таких заведомо лживых понятий, как «народное сообщество» и т. п.

Политические партнеры нацистского руководства по переговорам, желавшие конкретными соглашениями обеспечить себе надежную долю будущей власти, частенько жаловались на «несговорчивость» Гитлера¹⁴. Гугенберг примерно в то же время обвинял нацистского главаря в том, что тот претендует на такую полноту

власти, «какой в германских землях не бывало ни при одном кайзере и короле»¹⁵. Одновременно участились жалобы на то, что Гитлер (послушно следовавший рекомендации Шахта) не идет ни на какие связывающие его обещания относительно будущих мер в области экономической политики.

«Беседы с господином Гитлером с глазу на глаз стали теперь модными», — писал связной Ройша Гильза в августе 1931 г. своему патрону, посылая ему сообщение «одного правого политика» о беседе с нацистским главредом. Согласно этому сообщению, разговор протекал в «весьма симпатичной форме», но Гитлера «невозможно было побудить к каким-либо более подробным высказываниям насчет тех мер, которые следует принять в ближайшем будущем». Это поведение Гильза прокомментировал так: «Гитлер сознательно уклонился от ответа на щекотливые вопросы насчет подлежащих принятию практических мер»¹⁶, чтобы не отпугнуть от себя правые партии своим требованием единоличной диктатуры.

Приемлемость Гитлера для монополистических магнатов зависела в первую очередь от того, желает и способен ли он, как писал далее Гильза, «со всей ответственностью», т. е. обладая всей правительственной властью, создать те политические рамки, в которых крупная буржуазия смогла бы «целесообразным образом» хозяйничать по своему произволу. Опасения же в отношении нацистского главаря, которые у одних магнатов концернов (например, у Ройша) были больше, у других (например, у Тиссена) меньше или даже совсем исчезли, коренились в том, что они не имели от него достаточных гарантий «такого поведения».

Именно поэтому все высказывания, намеки и обещания Гитлера в последние полтора года перед 30 января 1933 г. имели целью устранить эти опасения. Но такую нелегкую задачу уже нельзя было решить методами традиционной буржуазной политики. Во-первых, чтобы удержать за собой массы и сохранить свое влияние на них, Гитлеру постоянно приходилось для социально-политического обмана их повторять такие положения, которые частично давали пищу для недоверия скептически настроенным крупным промышленникам. Во-вторых, он нуждался в поддержке со стороны старых правых политиков, которые при «легальном» пути были нужны ему в качестве стремянных и помощников. Без их содействия все еще ориентировавшиеся

на традиционных реакционеров владельцы концернов не были готовы дать Гитлеру «зеленый свет». А это означало: ни к чему не обязывающей болтовней убедить руководителей старых правых партий в том, что они и при нацистском правительстве сохранят свои позиции и возможности политического действия.

Однако убедить их в этом было делом сложным, ибо опытные в интригах, с завистливым недоброжелательством относившиеся к коричневому выскочке вельможи из старых правых партий ни на йоту не доверяли Гитлеру. А потому все усилия по сколачиванию правого блока постоянно наталкивались на взаимные подозрения, приводили к возмущению и опровержениям обманутых или чужих обман обманщиков. Но поскольку при тогдашнем соотношении сил ни одна правая партия, не рискуя исчезнуть с политической сцены, не могла обойтись без соглашения с нацистами, все проявления недоверия, упреки и апеллирующие к «морали» обвинения в конце концов обволакивались заверениями в «верности национальному делу».

Несмотря на двойственную позицию в отношении других реакционных партий и союзов, Гитлер во время пресловутой поездки по Германии на «мерседесе» в конечном счете решил сделать первый шаг к созданию правого блока. 9 июля 1931 г. он встретился с руководителями Немецкой национальной народной партии, Народной партии, «Стального шлема» и «Пангерманского союза». Было подписано коммюнике, в котором провозглашалось начало совместной «решительной борьбы за низвержение нынешней системы», т. е. объявлялась война Веймарской буржуазно-демократической республике. Отныне пока еще непрочный блок правых партий и союзов стал именовать себя «национальной оппозицией».

Второй, более важный шаг к собиранию и сплочению всех фашистских сил был сделан через три месяца — 11 и 12 октября — в брауншвейгском курортном городке Бад-Гарцбург под эгидой правительства этой земли, состоявшего из представителей партии немецких националистов и НСДАП.

Для обсуждения совместной программы и проведения затем крупного митинга и парада там собралась верхушка тех, кто словом и делом выступал против республики или же стоял за спиной ее врагов в качестве вдохновителей и кредиторов. Наряду с Гитлером, Фриком и некоторыми

их сообщниками сюда прибыли Гугенберг и вся партийная верхушка ННП, руководители «Стального шлема» Зельдте и Дюстерберг, почти весь президиум «Ландбунда» (граф фон Калькрёйт, барон фон Гайль, фон Вангенхайм, фон Зибель и фон Мюнххаузен), пангерманская элита (Класс, барон фон Фитингхоф-Шеель, князь Зальм-Хорстмар и граф фон Брокдорф), гогенцоллернские принцы Айтель Фридрих и Август Вильгельм, принц цу Шаумбург-Липпе; один из организаторов и в свое время военный руководитель капповского путча — генерал в отставке барон фон Лютвиц, а также еще 14 отставных генералов и адмиралов (в том числе подписавшие вышеупомянутое письмо Гинденбургу фон дер Гольц и бывший командующий рейхсвером фон Сект).

К ним присоединились видные крупные промышленники и банкиры, в частности Тиссен и Шахт, фон Штаусс, Пёнсген, Бранди и Равене, директора крупнейшей германской верфи Гок и Блом, генеральные директора Кригер (калийный концерн «Винтерсхаль») и Миддендорф («Дойче эрдольгезельшафт»), директора металлургических и горнопромышленных комбинатов Готштайн и Квебир, владелец хемницких станкостроительных заводов Райнэкер, связанный с различными транснациональными кредитными учреждениями Вильгельм Регенданц, его коллега Якоб Лубарш, а также управляющие различными промышленными объединениями (например, так называемым «Лангнамферайном» — Макс Шленкер и Союзом северо- и западногерманских представителей хозяйства — Мартин Зогемейер).

Гарцбургская встреча состоялась через неделю после преобразования кабинета Брюнинга и через день после уже упоминавшейся аудиенции, данной Гитлеру Гинденбургом. Произведенное с большим трудом реформирование правительства ясно показало, что Брюнинг, все больше терявший доверие могущественнейших капитанов хозяйства, не мог создать тот правый кабинет, которого требовала вся крупная буржуазия и которого страстно желал Гинденбург. Иначе говоря, ему предстояло расстаться с канцлерским креслом. Прием Гитлера в президентском дворце должен был послужить канцлеру дополнительным явным намеком на то, кто будет иметь решающий голос при формировании следующего правительства и, возможно, станет его главой.

Таким образом, гарцбургская встреча проходила под счастливой для фашизма звездой, ведь из этого совещания, этого смотра контрреволюционных сил, нацисты извлекли выгоду гораздо большую, чем все остальные. Важное значение имело для них прежде всего то, что с принятием в Гарцбурге подписанного многочисленными представителями аристократии документа¹⁷ у престарелого рейхспрезидента отпали последние личные возражения против Гитлера. «Мы, — говорилось в этом программном документе, — заклинаем избранного нами рейхспрезидента фон Гинденбурга... в последний час осуществить спасительную смену курса, призвав к власти подлинно национальное правительство».

Этот документ подействовал на подогреваемые национализмом массы как показатель решительного поворота к свастике всех правых партий и объединений. Документ побудил многих сторонников Гугенберга и Зельдте спросить себя (точно так же, как это было во время референдума против «плана Юнга»), зачем собственно им идти за своими старыми лидерами, если Гитлер и его сообщники отстаивают их цели куда энергичнее и последовательнее.

И действительно, в гарцбургском решении можно было прочесть все то, о чем уже давно вопили на всех перекрестках нацисты: о «кастрации» Германии Версальским договором, о «пресмыкательстве перед границей», о «кровавом терроре марксизма» и о «прогрессирующем большевизме в области культуры» (так называемом культур-большевизме). Гарцбургский фронт, как отныне называла себя объединившаяся на базе этой программы «национальная оппозиция», клялся в «кровном единстве» своих лидеров с немецким народом, требовал «восстановления германского военного суверенитета» и выражал решимость «оградить страну от хаоса большевизма» — вполне в духе гитлеровской «Майн кампф».

Мало того, что в Гарцбурге фактически был принят документ, служивший для вербовки новых сторонников фашизма, — ряд видных представителей финансового капитала подтвердили там притязание нацистов на руководство страной. Характерна, в частности, речь Шахта. В ней он призвал довести «до победы процесс национального воспитания, переживающего в последние годы столь огромный подъем благодаря его решительным руководителям». Хотя Шахт как человек, сведущий в политической экономии, разумеется, понимал всю бессмысленность те-

зиса о «созидающем и пожирающем капитале», он все же говорил, что в экономике противостоят друг другу «творящие» и «пожирающие», и этим демонстративно дал понять, что стоит за фашистов и признает их демагогию необходимой¹⁸.

Для Гитлера и других нацистских бонз гарцбургская встреча явилась выигрышем, кроме того, и потому, что они смогли установить там с боссами промышленности новые контакты, освежить старые, а также, несомненно, провести первые предварительные переговоры о включении доверенных лиц крупного капитала в будущий фашистский государственный аппарат.

Показателен в этом отношении пример Людвиг Граурта, управляющего делами Союза работодателей чугунной и стальной промышленности Северо-Запада, который когда-то был вместе с Герингом военным летчиком. После своей встречи с Гитлером в Гарцбурге он быстро выдвинулся в число важнейших связных между крупным капиталом и фашизмом. Как доказано, в 1931—1932 гг. через него промышленность передала НСДАП три пожертвования по 100 тыс. марок каждое, причем одно — из кармана Тиссена¹⁹. После создания гитлеровского правительства Граурт, знавший по своей прошлой деятельности всю рурскую элиту, стал статс-секретарем прусского министерства внутренних дел, заделавшись таким образом ключевой фигурой в координации и реализации политических и экономических требований тяжелой промышленности.

Однако ввиду обрисованных выше внутренних противоречий правого блока гарцбургский фронт дал трещину еще прежде, чем был вынут из купели. Первой причиной явилось то, что нацистские главари были вынуждены убеждать своих обманутых приверженцев в полной самостоятельности фашистского движения и в его полной независимости от «реакции», представленной всякими тайными советниками и дворянами с голубой кровью. Во-вторых, им было важно бескомпромиссно подчинить воле нацистского главаря лидеров консервативных партий, которые не могли обойтись без фашистской массовой базы.

Поэтому в первый день гарцбургской встречи, в который до полуночи обсуждался программный документ, Гитлер демонстративно появился только тогда, когда обсуждение это уже закончилось, а на второй день не явился на банкет именитых участников встречи. В ответ на упрек

в «оскорблении» он прислал оправдательное письмо, в котором, словно позабыв о многочисленных встречах, проведенных за изысканно сервированными столами промышленных клубов и роскошных вилл, заявил, что, мол, питает отвращение к официальным банкетам, ибо знает, что в это самое время многие его приверженцы сидят «с пустыми животами»²⁰. Однако такие дешевые и лживые декларации оказывали действие лишь на рядовых «партайгеноссен»²¹.

Фашисты для вида раздували все, что могло подтвердить противоречия между ними и их гарцбургскими партнерами. Они намеренно устроили в Брауншвейге через пять дней после гарцбургской встречи огромный смотр северогерманских СА, который по своему характеру был равнозначен не проводившемуся в 1930 и 1931 гг. из-за нехватки денежных средств общегерманскому съезду НСДАП. Он был устроен со всей помпой и по всем правилам нацистской стратегии воздействия на массы. Играя роль завтрашнего единоличного победителя, Гитлер на параде 100 тыс. штурмовиков и эсэсовцев провозгласил: здесь он последний раз перед взятием власти освящает знамена СА. Одновременно он подстрекал коричневые террористические банды на жестокие акты насилия против антифашистских сил. Во время провокационного марша через рабочие районы Брауншвейга СА спровоцировали ряд кровавых столкновений; трое рабочих были убиты, 50 тяжело ранены.

Геббельсовская газета «Ангриф» в статье о брауншвейгском параде расценила гарцбургскую встречу как «тактический промежуточный пункт»²², а Фрик пренебрежительно заявил на заседании нацистской фракции рейхстага, что после взятия нацистами власти с гарцбургской «неаппетитной кашей» будет покончено. Гугенберг констатировал, что «основная идея» гарцбургской встречи уже всего неделю спустя предана забвению, и с возмущением говорил о намерении нацистов использовать немецких националистов «как пристяжных лошадей», а потом «дать им пинка под зад»²³.

И в самом деле, при первом же крупном испытании гарцбургский фронт развалился. Этим испытанием явились президентские выборы, назначенные на весну 1932 г. Сначала Гитлер на уже упоминавшихся выше предварительных переговорах с Брюнингом положительно отнесся к планам продления парламентом срока пребывания Гин-

денбурга на президентском посту. Но затем некоторые из ближайших сообщников «фюрера» побудили его пойти на открытую конфронтацию как с канцлером Центра, так и с гарцбургскими партнерами. В то время как Грегор Штрассер высказывался за согласие с брюнинговским проектом, Геббельс предостерегал от всякого компромисса со старыми партиями и вместе с Ремом добивался отклонения предложения Брюнинга²⁴.

Гитлер, которого нацистская пропаганда постоянно изображала как человека, принимающего решения в одиночку и с лунатической уверенностью, несколько дней никак не мог определиться. Только после того, как Гугенберг, пожелавший «упредить» соперника и тем закрепить собственное притязание на руководство «национальной оппозицией», отказал канцлеру в своей поддержке, Гитлер тоже уразумел: НСДАП, неустанно кичащаяся своей последовательностью во «вражде к [веймарской] системе», не может позволить себе пойти на соглашение с канцлером Центра, враждебным немецким националистам. Он послушался совета Геббельса и Рема и заявил Брюнингу, что его предложение противоречит конституции, а потому не может быть одобрено фашистами²⁵.

Еще через несколько дней Гитлер сделал тот шаг, который, собственно, и должен был привести к краху гарцбургского фронта. НСДАП заявила, что «фюрер» не только отказывается согласиться на продление рейхстагом срока пребывания Гинденбурга на президентском посту, но и не намерен поддержать выдвинутую в 1925 г. всеми будущими участниками гарцбургской встречи кандидатуру фельдмаршала на обычных выборах. Это означало: фашисты выставят на выборах собственного кандидата в президенты и заставят своих гарцбургских партнеров или безоговорочно пойти за ними, или же поставить крест на судьбе объединенной «национальной оппозиции». Нацистские главари, партия которых одерживала все большие успехи на выборах в ландтаги, явно рассчитывали, даже если им придется идти одним, получить за своего кандидата (в противовес другим партиям гарцбургского блока) около 12 млн. голосов и тем самым выиграть спор за пост главы государства.

В качестве кандидата в рейхспрезиденты от НСДАП мог котироваться только ее главарь Гитлер. Но он не имел никакого гражданства, поэтому прежде всего должен был взять первый барьер — приобрести германское подданст-

во. Он уже дважды пытался преодолеть это препятствие и оба раза неудачно. Первый раз, когда захотел стать жандармским комиссаром в тюрингенском городе Хильдбургхаузене, а второй — когда попробовал получить в Брауншвейгской высшей школе должность профессора по специальности «органическое учение об обществе». Но с третьего захода все же удалось. Нацистский министр внутренних дел земли Брауншвейг специально учредил для Гитлера новую должность — правительственного советника по экономическим вопросам при брауншвейгском представительстве в Берлине. Тем самым «фюрер» получал германское гражданство. Этот трюк понравился и имперскому правительству, хотя единственный акт служебной деятельности Гитлера (впрочем, ничего иного от него и не ожидали) выразился в принесении им чиновничьей присяги.

Однако испытывавшие недоверие к фашистам гарцбургские компаньоны вовсе не желали безоговорочно выступать за кандидатуру Гитлера в рейхспрезиденты. Поскольку же нацисты отвергали всякие условия, а значительная часть гарцбуржцев (среди них — большинство экс-генералов и юнкеров, а также многие монополисты) предпочитала Гинденбурга, то «национальная оппозиция» вступила в избирательную борьбу расколотой.

Самым примечательным было то, что Немецкая национальная народная партия и «Стальной шлем», дабы продемонстрировать свою независимость от нацистов, а вместе с тем проверить и собственную силу, на первый (не решающий) тур 13 марта выставили и третьего кандидата гарцбургского блока — председателя «Стального шлема» Дюстерберга. Этим афронтом Гинденбургу они вместе с тем показали свою враждебность к республике: ведь как никак бывший кайзеровский фельдмаршал являлся ее высшим представителем.

Поскольку Брюнинг, последовательно выполняя роль проводника президиальной политики, слыл главным агитатором за избрание фельдмаршала (против которого, кстати, с 1925 г. вела борьбу и партия Центра), Гугенберг и К⁰, отвернувшись от Гинденбурга, тем самым играли ему на руку. Ибо шансы выиграть выборы у Гинденбурга были только в том случае, если бы он получил миллионы голосов избирателей Центра и СДПГ, а рассчитывать на них он не мог до тех пор, пока сам считался кандидатом записных реакционеров из лагеря Гугенберга. При этом заранее бы-

ло ясно, что Брюнингу удастся склонить уже и без того сделавшую сильный крен вправо партию Центра в пользу взятого президентом курса чрезвычайных распоряжений. Под вопросом оставалось лишь, сумеет ли он побудить и лидеров СДПГ выступить за отвергаемого всеми классово сознательными рабочими архимилитариста и промонархиста.

Но это удалось. Как уже отмечалось, социал-демократическое руководство твердо придерживалось доктрины «меньшего зла». Поэтому оно якобы для того, чтобы побить одного кандидата гарцбургской фронды — Гитлера, решило выступить в поддержку другого ее кандидата — Гинденбурга. Вместо того чтобы использовать развал единого фронта реакции и противопоставить ему единое антифашистско-демократическое движение, руководители СДПГ, которая по численности представляла сильнейший отряд противников Гитлера и могла выставить кандидатуру президента-антифашиста, из-за своего антикоммунизма и страха перед единством действий пролетариата сами завели себя в тупик. В конце этого тупика их ждали разгром собственной партии, а некоторых — концлагерь и выстрел в затылок.

Своим решением в пользу Гинденбурга правые социал-демократические лидеры окончательно отказались от самостоятельной позиции в борьбе против фашизма и превратили себя в придаток буржуазных политиков, которые были заинтересованы не в отпоре гарцбургским реакционерам, а только в том, чтобы усилить одну фракцию фашистско-милитаристского блока в противовес другой.

Социал-демократическая историография до сих пор защищает и оправдывает решение СДПГ в пользу Гинденбурга, утверждая (и в этом ее поддерживают все буржуазные историки), что кандидат в президенты от СДПГ в 1932 г. не имел никаких шансов быть избранным. Однако в этом можно с полным правом усомниться. Если бы такой кандидат порвал с антикоммунизмом и вместе с тем использовал все возможности влияния на демократически настроенные слои буржуазии и мелкой буржуазии, возникло бы такое антифашистское народное движение, которое можно было бы сравнить с антимонархическим движением за отчуждение собственности князей в 1925—1926 гг.

Ведь в таком случае (несмотря на постоянные враждебные единству рабочего класса действия социал-демо-

кратического руководства) удалось бы добавить к числу избирателей, проголосовавших на предыдущих выборах в рейхстаг за КПП и СДПП, еще 35%! Даже если предположить, что в условиях крена вправо в 1932 г. нельзя было бы перетянуть столь большое число непролетарских избирателей на сторону блока рабочих партий, кандидат в президенты, поддержанный коммунистами и социал-демократами, все же мог рассчитывать минимум на 15 млн. голосов. Этому противостояли бы 11—13 млн. голосов за Гитлера и (поскольку, как свидетельствовал опыт, в выборах обычно участвовало 37 млн. человек) 8—10 млн. голосов за Гинденбурга.

На это, разумеется, можно возразить, что социал-демократический кандидат, поддержанный коммунистами и демократическими элементами буржуазии и мелкой буржуазии, во втором туре, возможно, потерпел бы поражение от общего кандидата гарцбургской реакции. Однако это отнюдь не являлось безусловно предопределенным, ибо единая антифашистско-антимилитаристская избирательная борьба обеих рабочих партий и проводимые ими внепарламентские акции оказали бы огромное мобилизующее действие. Даже возможное поражение антифашистско-антимилитаристского кандидата в результате незначительного перевеса голосов настолько активизировало бы антифашистов, что возникла бы совершенно иная расстановка политических сил по сравнению с той, к какой привели правые социал-демократические лидеры своей политикой срыва единства действий рабочего класса, парализацией находившихся в их руках крупных рабочих организаций и собственной деградацией до придатка профашистских буржуазных политиков. Существование окрепшего в ходе политического наступления антифашистского фронта, насчитывающего 15 млн. человек, придало бы сопротивлению нацизму ту энергию и ту силу, благодаря которым можно было бы не допустить установления фашистской диктатуры.

Для того чтобы создать ядро такого фронта, сплотить вокруг знамени антифашистской борьбы по меньшей мере тех трудящихся, которые не дали ввести себя в заблуждение лозунгом «меньшего зла», коммунисты выдвинули на президентских выборах собственного кандидата — Председателя КПП Эрнста Тельмана. Он был представителем того немецкого антифашизма, который был призван с одинаковой целеустремленностью бороться как против

гитлеровской партии, так и против тех, кто открыто или скрыто пролагал путь фашистской диктатуре. Эрнсту Тельману принадлежит историческое предостережение, адресованное прежде всего социал-демократическим товарищам по классу: *«Кто голосует за Гинденбурга, голосует за Гитлера; кто голосует за Гитлера, голосует за войну!»*²⁶

Этому пророчеству было суждено трагически осуществиться. Через девять месяцев после президентских выборов Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, а через семь лет фашистская Германия развязала вторую мировую войну.

Кандидатуру Эрнста Тельмана поддерживали и те некоммунисты, которые осознавали масштаб фашистской опасности. Так, Карл Осецкий писал в журнале «Вельтбюне»: «Тельман — единственный действительно левый, все остальные — разные оттенки реакции. Это облегчает выбор... Чем лучших результатов добьется Тельман, тем отчетливее будет доказано, какой успех мог бы иметь единый социалистический кандидат, какие возможности все еще имеются»²⁷.

Однако в нагнетаемой буржуазной и реформистской печатью атмосфере антикоммунизма привлечь на сторону кандидатуры Эрнста Тельмана крупные массы некоммунистических избирателей оказалось невозможно. Прежде всего не удалось побудить к выступлению за единственного социалистического кандидата тех рабочих социал-демократов, которые хотя и роптали, но все же подчинились партийной дисциплине. Брюнинг с ликованием вспоминает в своих мемуарах о дне выборов: «Социал-демократы везде привели к избирательным урнам 100% своих людей»²⁸.

В первом туре за Эрнста Тельмана проголосовали почти 5 млн. человек. Это было на 400 тыс. больше, чем на последних выборах в рейхстаг. На деле за Тельмана стояло гораздо больше. Но многие избиратели, симпатизировавшие революционной партии коммунистов, сочли, что у Тельмана все равно нет реальных шансов стать президентом, а потому в день выборов остались дома.

Итоги выборов отчетливо сигнализировали: фашистские и профашистские силы получили угрожающий численный перевес над готовыми к борьбе антифашистами. В результате помощи, оказанной буржуазии правыми социал-демократическими лидерами, почти 87% избирателей

проголосовало за кандидатов воинствующей реакции: Гинденбург получил 18,6 млн., Гитлер — 11,3 млн. и Дюстерберг — 2,5 млн. голосов.

Коммунисты реалистически оценили нависшую опасность, но не потеряли мужества. Они умножили свои усилия, чтобы привлечь социал-демократических товарищей по классу к антифашистскому единству действий и помочь им осознать тот факт, что фашистскую диктатуру и войну можно предотвратить только совместными действиями всех рабочих организаций.

Важнейшим рычагом убеждения рабочих — членов социал-демократической партии они считали свое участие в той повседневной борьбе, которая велась повсюду — на предприятиях, пунктах регистрации безработных, в жилых кварталах — против фашистского террора и демагогии, против всех покушений на коренные, жизненные интересы трудящихся. Эрнст Тельман подчеркивал: «Думаю, как самое важное из итогов выборов следует отметить следующий факт: всюду, где мы вели борьбу, где было движение за частичные требования, где организовывались забастовки, где мы действовали, где мы не сделали слишком много ошибок, — там мы получили прирост голосов даже в тех случаях, когда наши выступления не приносили победы»²⁹.

Продолжая принципиально придерживаться установки на сочетание парламентской борьбы с внепарламентской, КПГ и во втором туре президентских выборов не сняла кандидатуру Эрнста Тельмана. Этот тур, в котором в отличие от первого кандидат считался избранным при получении им простого большинства голосов, естественно, превратился в соперничество Гинденбурга и Гитлера.

После второй мировой войны стали известны многие подробности финансирования избирательной кампании Гинденбурга. Это стало возможным не в последнюю очередь потому, что некоторые уцелевшие крупные промышленники задним числом выступили с разоблачением бывших тайн, чтобы выставить себя покровителями Гинденбурга, а тем самым мнимыми противниками Гитлера³⁰. Секретные же документы о финансовой поддержке ими нацистского главаря (в тех случаях, когда они вообще не уничтожены) остаются и дальше недоступными. Это позволяет буржуазной историографии выдвигать далекое от истины утверждение, будто «германская промышленность... на обоих выборах рейхспрезидента в марте и ап-

реле 1932 г. стояла преимущественно на стороне Гинденбурга»³¹. Однако тот же Брюнинг признавал: «Только позже я узнал, что кое-кто из этих господ из страха (! — В. Р.) предоставил Гитлеру десятикратную сумму (по сравнению с предоставленной Гинденбургу. — В. Р.). «Ферайнигте штальверке», несмотря на личные переговоры с Фёглером, передал на ведение Гинденбургом избирательной борьбы 5000 марок, в то время как (я узнал об этом из нацистских кругов) в распоряжение Гитлера он предоставил полмиллиона»³².

Косвенные сведения о размере финансовой поддержки Гитлеру дает сама ведшаяся нацистами избирательная борьба, в ходе которой ими были израсходованы миллионы и миллионы марок. Главными отличительными чертами захлестнувшей всю Германию грязной волны фашистской пропаганды были полнейшая централизация политической рекламы, осуществлявшейся по образцу американского делового мира, использование самой совершенной для того времени техники (радио, кино, грамзапись и т. п.), а также сочетание вербовки избирателей с усиленным запугиванием их при помощи террора. Новшеством в истории буржуазных выборов было то, что Гитлер зафрахтовал самолет, на котором в канун выборов (с 3 по 10 апреля) летал из одного конца Германии в другой. Таким образом он ухитрялся в один и тот же вечер выступать в трех-четыре отдаленных друг от друга крупных городах, а ночные его выступления превращались в факельные шествия.

На пользу Гитлеру шло теперь то, что в этом туре президентских выборов он выступал уже против своих прежних партнеров по антибрюнинговской кампании и по гарцбургской встрече, которых он демагогически называл «реакционерами», чтобы привлечь на свою сторону голоса рядовых избирателей. Своим лозунгом «всё или ничего» нацисты старались привлечь тех, кто отчаялся во всем и больше не видел иного выхода из окружающего. К тому же свои речи Гитлер подкреплял скоро осуществимыми угрозами и обещаниями, да и вообще вел себя так, словно победа у него в кармане. Это производило немалое впечатление на подавленных кризисом представителей околопролетарских и средних слоев, крестьян, неустойчивые круги интеллигенции.

«Гитлер над Германией», — во всю трубил пропагандистский центр нацистской партии, обыгрывая предвы-

борные полеты нацистского главаря. Гитлеровские речи и фашистские вербовочные статьи, опиравшиеся на ежедневно подводимые итоги оголтелой пропаганды, точно в назначенный час передавались по телефону в редакции нацистских газет, гауляйтерам НСДАП, в центры распространения листовок и т. п. Регулярно рассылавшиеся пропагандистские разработки для митингов и речей нацистских функционеров учитывали самые последние события политической борьбы, экономического положения, международной обстановки. Банды коричневых громил по единым планам срывали нефашистские массовые мероприятия, нападали на редакции рабочих газет, предпринимали настоящие походы против опорных пунктов революционных организаций. В конце недели, когда проходило большинство предвыборных собраний, они провоцировали настоящие уличные побоища. Поскольку запрет на владение оружием соблюдался сторонниками «национальной оппозиции» весьма «условно», они пускали в ход не только дубинки, кастеты и ножи, но и все чаще огнестрельное оружие. Множилось число застреленных, раненых, искалеченных и забитых до смерти антифашистов.

Несмотря на несравнимую с прошлыми выборами поддержку со стороны магнатов монополий, несмотря на огромные пропагандистские усилия и террор, Гитлер в решающем туре президентских выборов получил всего на 2 млн. голосов больше, чем в первом. В общей сложности он собрал 13,4 млн. голосов, тем самым исчерпав свой резерв избирателей. За Гинденбурга проголосовало почти 19,4 млн. избирателей — это были по большей части те введенные в заблуждение люди, которые рассчитывали, что, оставшись на своем президентском посту, он не допустит установления фашистской диктатуры.

Хотя Гинденбург и оказался вновь избранным, общая политическая обстановка определялась в первую очередь несомненным фактом: почти треть избирателей высказалась за Гитлера. К тому же в последующие недели на выборах в ландтаги всех крупных земель НСДАП тоже получила 30—40% голосов (в Ольденбурге — даже более 50%).

Если сентябрьские выборы 1930 г. создали прежде никем не принимавшуюся в расчет непосредственную возможность участия НСДАП в правительстве, то после весенних выборов 1932 г. закулисные покровители и пособники фашизма (а также, разумеется, и сами фашисты)

уже нацелились на руководящую роль нацистской клики в правительстве.

Двумя годами ранее, когда покровители фашистского движения убедились, что их финансовые и прочие инвестиции в гитлеризм не окажутся бесполезными, они стремились включить нацистское руководство в качестве весомой составной части в блок буржуазных партий, чтобы со временем предоставить ему место в правительстве. Это дало бы нацистским главарям шанс зарекомендовать себя в качестве законодательной и исполнительной власти и таким образом подготовить свое единоличное господство. Многие буржуазные политики, относившиеся тогда к нацистам с недоверием и воспринимавшие их как весьма неудобных партнеров, более или менее соглашались с такой перспективой, поскольку были заинтересованы в использовании фашизма в интересах всего буржуазного лагеря.

Теперь, в 1932 г., самые реакционные, самые шовинистические, самые империалистические элементы финансового капитала стремились к быстрой передаче всего государственного аппарата фашизму и к осуществлению таким образом тесного слияния власти крупных монополий с властью государства. Увлекаемые этой волной, к фашизму стали поворачивать и те представители крупной буржуазии, которые пока еще сдержанно относились к движению свастики с его псевдосоциалистической драпировкой. Теперь они возлагали свои надежды исключительно на то, что потребуются нацистскому руководству и будут терпимы им в качестве хозяйственных и административных специалистов. Порой эти политики даже с содроганием говорили о возможности падения влияния нацистов на массы, ибо боялись (как это еще в 1930 г. выразил председатель Баварской народной партии Георг Хайт и в 1931 г. Брюнинг³³), что разочарованные сторонники Гитлера могут повернуть уже не к традиционным партиям буржуазии или к СДПГ, а еще более влево.

Однако с тем, как провести и наиболее безопасно осуществить передачу власти фашизму, у его покровителей было немало различных проблем. Их решение зависело от располагавших различным опытом и различными возможностями монополистов, от соперничавших друг с другом лидеров партий, от офицерского корпуса и от нередко значительных расхождений с другими реакционными кругами. Самым важным было исключить или подавить

сопротивление пролетариата установлению фашистской диктатуры — сопротивление, из которого могло вырасти народное движение, поставившее бы под вопрос самое существование империалистического строя. Это движение могло в конечном счете привести к таким общественным преобразованиям, ради предотвращения которых и был взращен и выпестован фашизм.

Покровители нацизма были обеспокоены тем, как обеспечить, чтобы не вышли из-под контроля ожидания тех, кого нацизм сумел обмануть своими псевдосоциалистическими обещаниями. Волновало их и то, как приспособить передачу власти нацистам к ходу экономического развития (использование хозяйственного подъема, начавшегося после преодоления самой низкой точки мирового экономического кризиса) и к международной ситуации (завершение Брюнингом успешно начавшихся переговоров о прекращении выплаты репараций и отмене положений Версальского договора насчет разоружения Германии).

К тому же каждая из групп крупной буржуазии (а они находились в жестокой конкурентной борьбе между собой) старалась заранее обеспечить себе как можно большее влияние на экономическую политику будущего фашистского правительства и подвести к рычагам власти своих людей из числа нацистских главарей или их покровителей. Само собой разумеется, множество военных, государственных функционеров и управляющих различными промышленными объединениями стремились сохранить свои позиции и посты, а если возможно, на волне «взятия власти» подняться и еще выше.

В дальнейшем мы лишь мимоходом остановимся на многообразных стычках и интригах вокруг этих и им подобных вопросов. Пока же отметим сопутствовавшие будущему сотрудничеству командования рейхсвера с гитлеровской кликой разногласия между ними. Ведь вопрос о положении армии в будущем фашистском государстве рассматривался господствующим классом в целом как имеющий ключевое значение: от решения его зависело, кто именно должен и сможет (да и удастся ли это вообще) обезопасить диктатуру в период ее консолидации или при возможном внутреннем кризисе. Должны ли это сделать зарекомендовавший себя надежным орудием капитала рейхсвер или же пестрая по своему составу коричневая орда террористов-штурмовиков, от которой, как считали

некоторые осторожные правые политики, можно ждать чего угодно?

Кроме того, политический глава рейхсвера генерал Шлейхер, который сотнями нитей был связан с самыми различными группами финансового капитала, с юнкерством, с высшей министерской бюрократией, с верхушкой буржуазных партий и пользовался доверием рейхспрезидента, располагал средствами давления на социал-демократических лидеров. К тому же он, держа в своих руках наиболее боеспособный инструмент насилия германского империализма, был самой подходящей фигурой, чтобы координировать переговоры по всем вопросам передачи Гитлеру власти и одновременно обеспечить подавление антифашистских сил в решающий момент.

Все фракции и группы крупного капитала считали, что время Брюнинга уже истекло, а Гинденбург хотел в глазах аристократического сословия и «камерадов по войне», т. е. высшего офицерства, отмежеваться от основной массы своих избирателей, состоявшей, как он презрительно выражался на своем солдафонском жаргоне, из «сбци» и «катблей» (т. е. из социалистов и католиков.— *Перев.*). К тому же эти фракции и группы жаждали как можно скорее дать пинка под зад его канцлеру и первейшему помощнику на выборах. Поэтому отставки Брюнинга ждали со дня на день. И действительно, через семь недель после своего переизбрания, 30 мая 1932 г., Гинденбург вытолкнул его из канцлерского кресла.

Но еще задолго до этого дня Шлейхер принял меры, чтобы в ходе протекавших с переменным успехом переговоров о призывании Гитлера к власти обеспечить создание послушного себе кружка министров. Как заметил в своем дневнике посвященный в эту кухню Геббельс, нужен был «бесцветный переходный кабинет», призванный «расчистить путь» нацистам. «По возможности не слишком сильный, чтобы было легче сменить его», — добавил шеф фашистской пропаганды³⁴.

Однако поскольку в спорах о конкретных условиях передачи государственной власти фашистам большую роль играли разнообразные и порой резко противоречивые интересы, а также честолюбие и жажда власти различных претендентов на долю своего участия в диктатуре, нельзя представлять себе дело так, будто это было рыцарское ристалище с поднятым забралом или контрагенты действовали в лайковых перчатках.

«В действительности,— констатировал Георгий Димитров в 1935 г., имея в виду, в частности, ход развития в Германии в 1932 г.,— фашизм приходит обыкновенно к власти во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или с определенной частью их, в борьбе даже в самом фашистском лагере...»³⁵

Шло, так сказать, ожесточенное «перетягивание каната» в соперничестве за более выгодные условия переговоров, да и споры протекали крайне сложно. Дело дошло до того, что взаимные интриги после президентских выборов, в конечной фазе которых Гитлера должны были вплотную пододвинуть к власти, привели к направленной (для вида) против нацистов мере: 13 апреля правительство Брюнинга при активном участии Шлейхера запретило СА и СС.

Между тем благодаря этому запрету (который буржуазная историография считает доказательством «враждебности к Гитлеру» со стороны брюнинговской своры) те, кто находился у власти, и те, кто уже видел себя завтрашними министрами, заполучили козырь для предстоящих переговоров с нацистами. И не только это. Каждый из соавторов данной меры преследовал и свои собственные цели. Брюнингу, например, было важно прежде всего подписью фельдмаршала под распоряжением о запрете убедить социал-демократические массы, приведенные к избирательной урне для голосования за Гинденбурга, в надежности рейхспрезидента, якобы решившегося на действия против фашизма. Иными словами, Брюнинг рассчитывал создать предпосылки для дальнейшего использования социал-демократической политики «меньшего зла». Так как политика эта служила одной из опор его правительства, положение канцлера укрепилось. Вместе с тем он считал, что этим привлечшим к себе всеобщее внимание запретом сумеет привязать рейхспрезидента, а значит, и задержать свою отставку.

Министр же рейхсвера Грёнер (ему подчинялось и министерство внутренних дел) надеялся этим запретом положить начало такому процессу, который со временем смог бы привести к сотрудничеству фашистов с социал-демократами (т. е. фактически к подчинению последних нацистам) в «надпартийной» и контролируемой рейхсвером военной организации для расширения массовой базы будущей диктатуры. Свою концепцию он выработал еще во время Ноябрьской революции, когда в качестве начальника генерального штаба являлся первым советником вер-

ховного главнокомандующего Гинденбурга. Она заключалась в следующем: сделать правых социал-демократических лидеров пособниками реакции, которые толкают массы в ее стан. В 1923 г. в письме Гинденбургу он выдвинул лозунг: бороться против коммунизма «в союзе с социализмом»³⁶, т. е. вместе с реформистскими лидерами социал-демократии. В 1931 г. Грёнер сформулировал такую задачу: «Наци мы хотим завлечь, а со́ци — не толкать в оппозицию»³⁷.

Важное значение для Грёнера имело и то, что запрещение нацистских военных организаций имперским правительством предшествовало возможному и гораздо более эффективному запрету их социал-демократическими министрами внутренних дел различных земель. К тому же этот общегерманский запрет выбивал из рук западных держав (с которыми в то время как раз велись переговоры об увеличении германских вооруженных сил) сильный аргумент, что Германия наряду с рейхсвером имеет еще и насчитывающую сотни тысяч вспомогательную армию в лице штурмовиков и эсэсовцев.

Но особенно ловкими в связи с запретом СА и СС были интриги Шлейхера. Он исходил из того, что, предпринимая марш к диктатуре, а также стараясь найти новые формы расширения влияния на массы, следует отмежеваться как от СДПГ, так и от Центра. К тому же он рассчитывал, что запрещение «национальной» личной армии Гитлера восстановит против старого милитариста, восседающего на троне республики, уже порядочно зараженный нацизмом офицерский корпус, а также озлобит всю традиционную реакцию против терпимого социал-демократией канцлера Центра Брюнинга. Вместе с тем в запрете СА и СС Шлейхер видел и возможность запретить затем социал-демократический «Рейхсбаннер». В соответствии с этой антисоциалдемократической установкой Шлейхер намеревался дискредитировать и сделать враждебным офицерскому корпусу своего многолетнего ментора Грёнера, от которого теперь хотел отделаться и сам занять его пост министра внутренних дел в будущем правительстве.

И наконец, самое главное: в исходившем внешне от Брюнинга и Грёнера запрете СА и СС Шлейхер видел средство войти в доверие к фашистам. И он сумел сделать это; сначала добившись за кулисами запрета, он потом стал разыгрывать из себя его противника. И без того колебавшемуся Гинденбургу он внушал сомнение в целесо-

образности этой меры, а Геббельсу поставлял такую информацию, которая изображала его единственным защитником нацистов в правительственных сферах. Он не только своевременно известил начальника штаба СА Рема о предстоящем решении, но и продолжал предоставлять штурмовикам полигоны и спортивные сооружения рейхсвера.

Занимая такую позицию молчаливого, но могущественного покровителя, Шлейхер сначала через посредников (Рема, Гимmlера и начальника берлинских СА графа Гельдорфа) вступил в переговоры с Гитлером. 28 апреля и 8 мая он лично встретился с ним. Нацистский главарь, отказывавшийся на переговорах от каких-либо компромиссов, подтвердил на этих встречах: он требует для себя ни много ни мало поста рейхсканцлера и ни на что иное не согласен! Шлейхер ответил, что пока выполнение этого желания невозможно, ибо сохраняется угроза мощного сопротивления гитлеровскому правительству, а Гинденбург все еще имеет большие опасения насчет передачи правительственной власти одной-единственной партии. Генерал предложил такой план: сначала создать зависимый от него, Шлейхера, президиальный кабинет, отменить запрет фашистских террористических организаций и назначить новые выборы в рейхстаг, чтобы затем НСДАП, которая, вне всякого сомнения, как сильнейшая партия получит в рейхстаге от 220 до 250 мест, «легально» пришла к власти. Возможно, генерал пообещал также разогнать прусское правительство во главе с социал-демократами, которое располагало большими полицейскими контингентами, а потому было бельмом на глазу у нацистов и всей юнкерско-консервативной реакции.

За эти предварительные услуги Гитлер был обязан терпимо отнестись к переходному кабинету. Однако гитлеровская тактика исключала какие-либо обязывающие обещания. В высокопарной декларации, полной общих мест, Гитлер лишь намекнул, что может еще малость повременить с осуществлением своего требования «всё или ничего». Шлейхер, истолковавший это как обещание терпимого отношения к переходному кабинету, остался доволен.

Дабы «отмыть» руководящего милитариста Шлейхера и всю его касту от позорного пятна — неоспоримо доказанного сообщества с Гитлером, от вины за создание «третьего рейха», буржуазная историография разгла-

гольствует о попытке «укрощения» фашизма, будто бы генерал хотел привести к власти, так сказать, «очищенно-го» Гитлера, готового на компромисс с другими правыми партиями. А поскольку 30 июня 1934 г., в «ночь длинных ножей», генерал был подло убит гитлеровскими бандитами-эсэсовцами, легенда об «укрощении» призвана оправдать военщину: мол, коварный хищник вдруг вырвался из клетки и в ярости загрыз своего укротителя.

Однако подобные преследующие вполне определенную цель легенды не имеют ничего общего с исторической истиной. Напротив, непреложный факт таков: стратегическая цель германских милитаристов (Шлейхер служит здесь символом всего этого общественного слоя) заключалась в том, чтобы (как сформулировано в одной новейшей буржуазной сравнительно трезвой исследовательской работе о рейхсвере) «военным и экономическим образом обеспечить» германскому империализму «континентально-европейский, а в отдаленном будущем и мировой статус»³⁸. Иначе говоря, эта цель в принципе ничем не отличалась от целей фашизма. Осуществление ее предполагало в качестве предварительного условия (как это констатирует цитированный выше автор) «политику насилия внутри страны», реализация которой в 1932 г. стала «решающей проблемой», ибо далеко зашедшее тайное вооружение не могло во внутривнутриполитическом, финансовом и внешнеполитическом отношении продвигаться вперед «на веймарской основе»³⁹.

Таким образом, и в этой области наблюдалось далеко идущее совпадение взглядов Шлейхера и нацистов. Поскольку фашисты располагали организациями и техническими средствами, необходимыми для проведения такой политики внутри страны, было вполне естественно, что Шлейхер, как он впоследствии не раз подтверждал (например, в письме в газету «Фоссише цайтунг» 30 января 1934 г.), длительное время содействовал назначению Гитлера рейхсканцлером. Это доказывается всеми его переговорами, договоренностями и инициативами, а также не в последнюю очередь тем, что Гитлер впоследствии без всяких опасений взял в свое правительство пять из тех десяти министров, которых Шлейхер в конце мая 1932 г. протолкнул в правительство Папена.

«Особенностью» разработанного Шлейхером плана ступенчатой передачи власти фашизму было следующее. Во-первых, при помощи парламентских средств, методами

утонченного удушения, имевшего решающее значение для антифашистского единства действий тех широких масс, которые находились под социал-демократическим влиянием, как можно более осмотрительно подвести Гитлера к правительственной власти. Во-вторых, использовать необходимое для того время с целью укрепить господствующие позиции прикрывающего весь этот процесс рейхсвера, а следовательно, и собственное положение. Таким образом, мнимое «укрощение» выливалось в гарантирование минимального риска при установлении диктатуры. Образно говоря, мнимый «укротитель» сделал все для того, чтобы изготовившаяся к прыжку «бестия не сломала себе шею в этом прыжке».

На первых порах казалось, что план Шлейхера осуществляется. 3 мая правительство Брюнинга пошатнулось из-за отставки министра экономики Германа Вармбольда, представителя «ИГ Фарбен». 12 мая пришлось уйти в отставку с поста министра внутренних дел и Грёнеру, произнесшему в рейхстаге речь с оправданием запрета СА. Геббельс записал в своем дневнике: «Кризис развивается дальше согласно программе». Всем было ясно: в ближайшие дни, самое большее через две-три недели, Брюнинга сменит открыто профашистский канцлер.

В этой тревожной ситуации Коммунистическая партия Германии призвала рабочий класс собрать все силы на отпор фашизму. 25 мая, после того как нацисты физически удалили Вильгельма Пика с трибуны прусского ландтага и учинили избиение поспешивших ему на помощь членов коммунистической фракции, ЦК КПГ провозгласил новую форму боевого движения против фашизма — Антифашистскую акцию. «Центральный Комитет КПГ, — говорилось в опубликованном на следующий день воззвании, — призывает всех немецких рабочих без различия их партийно-политической и профсоюзной принадлежности: перед лицом смертельного фашистского врага осознайте всю серьезность грозящей вам в этот час опасности!.. Антифашистская акция должна привести в действие все силы рабочего класса города и деревни, чтобы остановить фашизацию Германии, чтобы сорвать кровавый план гитлеровского фашизма, который хочет установить над Германией открытую, фашистскую диктатуру!»⁴⁰

Немецкие коммунисты ясно видели, что назревшая огромная опасность повелевает сконцентрировать все силы партии и рабочего класса на разгроме фашизма. Чрезвы-

чайная ситуация требовала чрезвычайных мер. Поэтому КПГ пыталась при помощи нового, пока еще не имевшего твердых организационных форм боевого фронта всех антифашистов создать условия для того, чтобы вопреки бойкоту со стороны правых социал-демократических лидеров осуществить такое единство действий, которое в этой обстановке превратилось бы в решающий фактор борьбы за сохранение рабочего движения и за будущее немецкого народа.

Провозглашение Антифашистской акции, настойчивая борьба за осуществление задачи отбросить фашизм доказали: немецкие коммунисты были готовы и способны извлечь уроки из новой формы классовых схваток и, продвигаясь вперед, совершенствовать свою политику. Решению ЦК КПГ о создании Антифашистской акции предшествовала огромная теоретическая работа. КПГ не только с самого начала дала правильную оценку гитлеровского фашизма, его сущности и функции, но и указала на степень фашистской опасности. Она проанализировала ту обстановку, в которой должна вестись антифашистская борьба, определила свое отношение к потенциальным союзникам в этой борьбе за недопущение фашистской диктатуры.

Георгий Димитров в 1935 г. на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала констатировал: «в наших партиях» имелись раньше «такого рода установки... что «Германия — не Италия», — в том смысле, что фашизм мог победить в Италии, но его победа в Германии исключена, потому что это промышленно высокоразвитая, высококультурная, имеющая сорокалетние традиции рабочего движения страна...»⁴¹. КПГ своевременно выступила против любых подобных иллюзий. Эрнст Тельман еще во второй половине 1931 г. не раз указывал на опасность гитлеровского фашизма, подчеркивая, что ее ни в коем случае нельзя недооценивать. Вильгельм Пик на пленуме ЦК КПГ в феврале 1932 г. дал трезвую оценку: «создалось такое положение, при котором «фашизм может прийти к власти в Германии», и предостерег, что в этой ситуации партия может оказаться «разгромленной фашистами прежде, чем ей удастся повести массы на борьбу»⁴².

КПГ шла к трудящимся и открыто, с убедительной силой говорила им: только сплоченный рабочий фронт, привлечший на свою сторону и непролетарские слои, спо-

собен в последний час спасти Германию от неограниченного террористического господства самых агрессивных ставленников империализма. Она постоянно подчеркивала: в случае прихода к власти нацисты будут стремиться к войне как выходу из кризиса. «Чтобы удержать многомиллионные массы города и деревни от борьбы против варварской, загнившей капиталистической системы, — говорилось в другом воззвании ЦК КПГ, — буржуазия разворачивает дикую националистическую кампанию. Подумайте о годах перед [первой мировой] войной, когда миллионы трудящихся еще не были брошены как пушечное мясо на смерть в грязь и кровь окопов ради прибылей тех, кто наживается на войне, ради интересов военной промышленности, финансового капитала! Сегодня, как и тогда, в Германии с помощью гитлеровской партии справляет свои оргии шовинизм, лживый ура-патриотизм... Гитлеровская партия подстрекает к войне против Советского Союза!.. Гитлеровская партия борется за броненосцы и за безумие вооружения!.. Гитлеровский фашизм никогда не должен взять власть в Германии!»⁴³

Коммунисты все отчетливее понимали степень фашистской опасности, все четче осознавали, что фашизм — это «не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии другой его формой — открытой террористической диктатурой»⁴⁴.

КПГ быстро изживала существовавшую в ней прежде тенденцию считать, будто правительство Брюнинга — это уже правительство установления фашистской диктатуры. Тщательно проанализировав обстановку и избегая любых преувеличений, Эрнст Тельман в начале июня 1932 г. охарактеризовал кабинет Папена, занявший место в имперской канцелярии, как «реакционное правительство, имеющее целью подготовить открытую фашистскую диктатуру»⁴⁵.

Эта реалистическая оценка, нацеленная тогда же на использование противоречий внутри буржуазного лагеря, ориентировала коммунистов во всех боях и действиях частичного характера не упускать из виду главного врага, которому следует нанести решающий удар. Вместе с тем коммунисты создавали предпосылки для расширения фронта противников Гитлера и для мобилизации рабочих в рядах социал-демократии на борьбу против всех, кто по-

собничал и пролагал путь гитлеровскому фашизму, кто держал ему стремя и подсаживал его в седло.

Провозглашением Антифашистской акции КПГ выразила свою готовность бороться против фашизма рука об руку не только с членами других организаций самими по себе, но и вместе с этими организациями как таковыми, т. е. вместе с их руководящими органами. Уже за месяц до воззвания от 25 мая ЦК КПГ и Общегерманский комитет Революционной профсоюзной оппозиции в обращении ко всем рабочим, состоящим в Социал-демократической партии и профсоюзах, ясно заявили, что полны решимости вступить в союз с любой действительно желающей бороться организацией⁴⁶. Но такой союз, естественно, предполагал готовность других организаций, прежде всего СДПГ, реформистских профсоюзов, спортивных и молодежных объединений, «Рейхсбаннера» и т. п., к совместным соглашениям и сотрудничеству. Однако их руководители своим антикоммунизмом сами связали себе руки. «Они,— говорил Вильгельм Пик в прусском ландтаге, имея в виду правых социал-демократических лидеров,— стали пленниками буржуазии, настолько связаны они с нею борьбой против пролетарской революции»⁴⁷.

Поэтому коммунисты, неустанно призывавшие всех противников фашизма включиться в Антифашистскую акцию, вновь и вновь продолжали, по выражению Эрнста Тельмана, «со всей серьезностью повторять свое предложение рабочим из АДГБ, рейхсбаннеровцам, всем социал-демократическим рабочим, напоминать им: с вашей поддержкой мы сделаем все, что в наших силах. Мы хотим,— продолжал он,— призвать и мобилизовать на борьбу многомиллионные революционные массы в городе и деревне, чтобы террористические колонны нацистов не смогли установить в Германии свой кровавый режим»⁴⁸.

Специально встретившись с функционерами СДПГ и «Рейхсбаннера», Председатель КПГ повторил в беседе с ними: «Для нас, коммунистов, само собою разумеется, что социал-демократические и рейхсбаннеровские рабочие могут участвовать в Антифашистской акции, не покидая свою партию. Если бы вы миллионами влились в сплоченный фронт, мы только приветствовали бы это с радостью, даже если у вас, по нашему мнению, еще и остаются неясности по некоторым вопросам оценки нами СДПГ. Жгучая проблема, которая не терпит никакого отлага-

тельства для всех рабочих, — это как не допустить установления в Германии фашистской диктатуры?»⁴⁹

Выдвинутые под знаком и в рамках Антифашистской акции инициативы включали в себя создание комитетов единства, созыв конгресса единства, проведение массовых митингов и недель антифашистской борьбы, демонстраций и забастовок протеста против нацистских сборищ и нападений вплоть до формирования отрядов самообороны из рабочих и безработных для совместного отпора фашистскому террору. Все проводившиеся по инициативе коммунистов действия Антифашистской акции определялись усилиями сделать то, что Эрнст Тельман на пленуме ЦК КПГ непосредственно перед провозглашением нового боевого фронта назвал «самым важным», а именно «устранить ту стену, которая стоит между социал-демократическими и коммунистическими рабочими»⁵⁰.

Несмотря на значительные успехи, Антифашистской акции все же коренного перелома в решении этой задачи добиться не удалось. Время, упущенное антифашистскими силами к тому моменту, когда фашизм изготoвился к генеральному наступлению, наверстать было уже нельзя. Хотя многие состоявшие в социал-демократических организациях рабочие (зачастую даже большие группы, а иногда и местные организации СДПГ, профсоюзов и «Рейхсбаннера») участвовали в комитетах, конгрессах, демонстрациях, а также в мерах самозащиты, проводившихся Антифашистской акцией, основная масса рабочих социал-демократов так и не решилась преступить освященный партийной дисциплиной запрет реформистских лидеров участвовать в ней.

Несмотря на подспудное недовольство своим руководством, большинство социал-демократических рабочих продолжало следовать за ним даже и тогда, когда правые социал-демократические лидеры отказались применить вместе с коммунистами против фашизма восхвалявшиеся ими как панацея от всех бед «государственно-правовые возможности» и совместно выступить против нацистов в парламентах.

Преодолевая эти оппортунистические взгляды, коммунисты энергично выступали в защиту каждого, как позже сформулировал Вильгельм Пик, «клочка буржуазной демократии»⁵¹. Для поддержки внепарламентской борьбы против фашизма они были готовы идти на любые допустимые парламентские компромиссы. Ярким примером

того явилось выступление Вильгельма Пика в прусском ландтаге.

В результате последних выборов (24 апреля), на которых нацисты получили 162 мандата (по сравнению с 6 в 1928 г.), абсолютного большинства в нем не имели ни блок фашистов с немецкими националистами, ни бывшие правительственные партии — СДПГ и Центр. Но поскольку такое большинство было необходимо, согласно принятому накануне выборов изменению процедуры избрания министр-президента (премьер-министра Пруссии. — *Перев.*), прежнее земельное правительство Брауна — Зеверинга — Хиртцифера и после своей отставки продолжало выполнять текущие дела.

Такая патовая ситуация царила и при выборах председателя ландтага, функции которого имели в Пруссии особенно большое значение: вместе с министр-президентом и председателем Государственного совета он образовывал коллегия, выполнявшую роль главы прусского государства. Дабы не допустить избрания на этот пост фашиста, коммунисты согласились при голосовании поддержать кандидатов СДПГ и Центра. В качестве же компенсации за это они потребовали отнюдь не включения коммуниста в президиум ландтага, а всего лишь таких мер, на которых настаивали за стенами парламента социал-демократические массы: отмены запрещения демонстраций и отказа от недавно принятого имперским правительством чрезвычайного распоряжения о сокращении расходов на социальные нужды, особенно на пособия безработным.

Когда СДПГ и Центр эти условия отклонили, коммунистическая фракция ландтага все же заявила о своей готовности (т. е. без всяких условий) при выборах его президиума поддержать тех же кандидатов. Логической предпосылкой этого, естественно, являлось то, что обе вышеназванные партии, часть депутатов которых выступала за неучастие в выборах (что фактически давало «зеленый свет» нацистам), выставят своих кандидатов. Выступая от имени КПГ, Вильгельм Пик потребовал поэтому всего лишь, чтобы «обе фракции заявили о своей готовности путем активного участия в выборах вместе с коммунистами отстранить национал-социалистов и немецких националистов от какого-либо участия в президиуме ландтага, будь то в качестве его председателя или вице-председателя»⁵².

Но социал-демократия и Центр не пошли и на это, ибо, как высокомерно оправдывает этот шаг Карл Зеверинг в своих мемуарах, не желали, чтобы коммунисты ставили им свои условия⁵³. «Это было бы смешно, когда бы не было столь серьезно, — замечает по данному поводу один из немногих в ФРГ историков-антифашистов. — Совместное выступление против нацистов отклоняется из-за «условия», направленного против нацистов»⁵⁴.

Через две недели, 6 июля, социал-демократы и депутаты Центра в прусском ландтаге превзошли даже этот показательный пример саморазрушительной, антикоммунистической твердолобости. Как ни гротескно это звучит, они (покинув зал заседаний) уклонились от голосования за предложение коммунистов отменить запрещение двух газет — центрального органа СДПГ «Форвертс» и «Кёльнише цайтунг», принадлежавшей партии Центра. Такое поведение тем более невероятно, что в это самое время буржуазная пресса уже без обиняков писала о предстоящей вскоре насильственной смене выполняющего текущие дела прусского правительства в ходе дальнейшей реализации шлейхеровского плана устранения социал-демократии и Центра из политической жизни страны.

Между тем план профашистского генерала уже осуществлялся. 1 июня Гинденбург по рекомендации Шлейхера поставил перебежавшего из партии Центра в стан немецких националистов Франца фон Папена во главе кабинета, составленного почти исключительно из одних архиреакционеров; многие из них в прошлом гвардейские офицеры. Сам Шлейхер, крепко державший в своих руках эту правительственную команду, занял пост министра рейхсвера. А еще через три дня рейхстаг был распущен под тем предлогом, что его состав в результате последних выборов в ландтаги больше не выражает «политическую волю немецкого народа». Еще через 10 дней новое правительство, которое все открыто называли «кабинетом баронов», отменило запрет СА и СС, тем самым выполнив второе обещание, данное генералом Гитлеру. Кроме того, фашистам впервые была предоставлена возможность использовать для своей пропаганды и злобных нападок на республику находившееся под государственным контролем радио.

Снятие запрета с организаций фашистских громил привело к уличному террору. Всего за четыре недели было убито 99 и ранено 1125 рабочих. За одно лишь воскресенье

17 июля 1932 г. от пуль и ножей фашистов погибли 20 антифашистов, в том числе 17 — в небольшом городе Альтона, неподалеку от Гамбурга. Здесь 7 тыс. одетых в форму фашистов с разрешения социал-демократического полицей-президента прошли маршем через рабочие кварталы, провоцируя трудящихся такими песнями, как «Красному отродью от нас уж не уйти! СА шагает — прочь с пути!». Зверство коричневых банд не знало предела. Оно вызвало отвращение даже во враждебных к коммунистам кругах.

Особенно кровавое злодеяние совершили штурмовики в одной верхнесилезской деревне в начале августа. Они ворвались ночью в квартиру одного молодого рабочего, прямо на глазах у матери закололи его в постели ножами, бросили на пол. Топтали коваными сапогами и в довершение несколько раз выстрелили в уже бездыханное тело. Защищая этих преступников, будущий фашистский генерал-губернатор оккупированной Польши Ганс Франк оправдывал перед судом это убийство тем, что речь шла «всего лишь о том, чтобы обезвредить двойного ублюдка: польского повстанца и коммуниста». А Гитлер прислал убийцам, приговоренным только что учрежденным правительством специальным судом к смертной казни (но через несколько недель помилованным и выпущенным на свободу), телеграмму, в которой говорилось: их «честь» — это и его «честь».

Однако, исполненные решимости бороться, антифашисты не дали запугать себя вздымавшейся все выше волне террора. Во многих случаях нападениям нацистов давали отпор спешившие друг другу на помощь члены запрещенных коммунистических организаций обороны, товарищи по «Рейхсбаннеру», отряды самозащиты и пролетарские боевые группы. Все чаще и чаще приходилось нацистам за свою жажду крови платить собственной кровью. Нацистский террор, развязанный с целью парализовать готовность антифашистов к борьбе, вопреки намерениям его вдохновителей содействовал прежде всего более тесному сплочению антифашистских сил.

Гитлер и его сообщники горланили об угрозе общественному порядку и спокойствию, с которой, мол, не в состоянии справиться полиция, подчиненная социал-демократическому правительству Пруссии. Это взвинчивание страстей и запугивание политических деятелей должно было дать Шлейхеру и правительству Папена алиби для давно запланированного удара против якобы марк-

систского правительства крупнейшей германской земли, смещения которого реакционеры всех мастей требовали вот уже несколько месяцев.

«Ударом по Пруссии» правящие круги хотели выполнить (возможно, данное лишь намеками) обещание фашистам обеспечить дальнейшую поддержку всех бывших гарцбургцев, а также поставить прусский аппарат исполнительной власти под руководство дружественного нацистам правительства. Но прежде всего этот насильственный акт против прусского правительства, вполне вписавшийся в шлейхеровский ступенчатый план установления диктатуры, должен был «прощупать», будет ли руководство СДПГ и при этих действиях, несомненно противоречащих конституции и идущих против его самых коренных интересов, по-прежнему придерживаться своей политики умиротворения. Как поступят в таком случае социал-демократические рабочие: объединятся ли они тогда через головы своих лидеров с коммунистами для внепарламентской борьбы против профашистской реакции? Вот почему задуманный реакцией государственный переворот в Пруссии можно назвать своего рода генеральной репетицией передачи власти Гитлеру.

Шлейхер попытался привлечь нацистов к непосредственному участию в этом государственном перевороте, а Папен предусмотрительно гарантировал согласие самых могущественных магнатов Рура с моментом проведения и формой задуманного акта. Однако Гитлер, не желавший связывать себя с непопулярным «кабинетом баронов», отклонил предложение Шлейхера назначить министром внутренних дел Пруссии с комиссарскими полномочиями нациста⁵⁵. Предполагавшийся на этот пост обер-бург-мистр крупновской столицы Эссена Франц Брахт (в своё время душеприказчик Гуго Стиннеса и в течение ряда лет ближайший политический советник Круппа) незадолго перед переворотом в Пруссии встретился по поручению Папена с Круппом, а возможно, и с другими рурскими магнатами.

Надежды заговорщиков на то, что социал-демократическое руководство отступит, полностью оправдались. Правление СДПГ фактически капитулировало раньше, чем реакция нанесла удар. 16 июля, когда в Берлине уже буквально все говорили, что Папен хочет назначить имперским комиссаром Пруссии самого себя, оно решило,

«что бы ни случилось, не покидать правовой основы конституции»⁵⁶.

Как и всегда в таких случаях, руководство СДПГ выступило с «грозным» заявлением о своей готовности бороться. Но заявление это предназначалось только для того, чтобы показной решимостью на самостоятельные действия удержать сторонников социал-демократии от совместных действий с коммунистическими братьями по классу. Ссылаясь на жалкий конец капповского путча, «Форвертс» намекнул, что в случае необходимости социал-демократия может прибегнуть для защиты конституции к всеобщей забастовке, но тут же добавил по адресу коммунистов: «Мы не позволим путчистам притупить это самое крайнее, решающее оружие пролетариата»⁵⁷.

Однако через три дня, 20 июля 1932 г., когда реакция показала, что она всерьез намерена нарушить конституцию, руководство СДПГ от своих угроз всеобщей забастовкой отказалось. В этот день Папен сначала сместил прусского министр-президента социал-демократа Брауна (который в этой напряженной ситуации даже не счел нужным прервать свой отпуск) и его министра внутренних дел социал-демократа Зеверинга. Через несколько часов он разогнал весь прусский кабинет. В ответ Правление СДПГ опубликовало обращение, в котором говорилось: «Борьба за восстановление упорядоченных правовых условий в Германской республике должна со всей силой вестись прежде всего как избирательная борьба... Несанкционированным лозунгам со стороны тех, кто не имеет на то полномочий, следует оказывать сопротивление!»⁵⁸

Позорные события, происходившие 20 июля в Берлине в имперской канцелярии, прусском министерстве внутренних дел и полицей-президиуме, описаны много раз⁵⁹. Зеверинг сначала заявил Папену и Брахту, что уступает силе, но затем согласился, что в качестве такой «силы» будет достаточно всего двух полицейских офицеров, которые «с наступлением темноты» незаметно выведут его из здания правительства. Полицей-президент Берлина, функционер СДПГ Альберт Гржезински по телефону заверил генерал-лейтенанта рейхсвера Герда фон Рундштедта (будущего фашистского генерал-фельдмаршала), которому было поручено осуществить введение поспешно объявленного чрезвычайного положения: он готов делать все, что ему прикажут! Затем он пустился в рассуждения с командующим полицией полковником Хаймансбергом

и начальником политической полиции Вайсом насчет того, совместим ли их уход в отставку с их «честью» и как это отразится на их будущей пенсии. Засим три так называемых сильных человека берлинской полиции некоторое время побыли под «почетным арестом», а еще через несколько часов благополучно возвратились по домам.

Совсем по-иному восприняли покушение на последний бастион республики рабочие массы, в том числе социал-демократические. Они поняли: дело идет не о судьбе нескольких социал-демократических министров и полицейских офицеров, а о выходе реакции на финишную прямую, ведущую к открытой фашистской диктатуре. Когда в полдень в Берлине, а немного погодя и в других городах Германии стало известно о введении осадного положения и смещении прусского правительства, сотни и тысячи людей стали собираться на улицах, в правительственном квартале, перед социал-демократическими «локалями» (пивными) и на сборных пунктах «Рейхсбаннера». В предчувствии крупных исторических событий возникали бурные споры, взвешивались шансы, а нацисты ждали сигнала своего «фюрера».

В середине дня появился экстренный выпуск «Роте фане» с призывом ЦК КПГ к рабочим Германии. В нем государственный переворот в Пруссии характеризовался как установление военной диктатуры. Всеобщая забастовка была названа в нем единственным оружием против деспотического режима. КПГ потребовала отмены осадного положения и смещения правительства Папена, свободы печати и демонстраций, отмены реакционных, антисоциальных чрезвычайных распоряжений, разоружения контрреволюции и запрещения фашистских террористических организаций.

«Коммунистическая партия,— говорилось в обращении,— перед лицом всей пролетарской общественности обращается к Социал-демократической партии Германии, к АДГБ, к «АФА-бунду» *: готовы ли они вместе с Коммунистической партией провести в поддержку этих требований всеобщую забастовку, отвечающую стремлению многомиллионных масс, а также и социал-демократических рабочих и рабочих, состоящих в свободных профсоюзах? Коммунистическая партия обращается к рабочим,

* Аббревиатура от нем. Allgemeiner freier Angestelltenbund (AfA-Bund) — Всеобщий свободный союз служащих.

работницам, молодым рабочим всей Германии с призывом развернуть под знаком Антифашистской акции снизу, путем широчайшего развертывания инициативы масс на предприятиях и в конторах, на пунктах регистрации безработных и в деревне массовую борьбу против установления фашистской диктатуры, а также против кровавого террора гитлеровского фашизма и немедленно организовать всеобщую забастовку»⁶⁰.

Но всеобщая забастовка, которая парализовала бы всю экономическую жизнь, могла состояться только при том условии, что за нее выступили бы также социал-демократическое руководство и шедшие в его фарватере свободные профсоюзы.

На такое решение надеялись не только миллионы членов социал-демократических профсоюзов. Объявления всеобщей забастовки требовали целые производственные и местные группы АДГБ и даже отдельные отраслевые профсоюзы. Однако руководство АДГБ и в тот решающий час подтвердило свой союз с буржуазными организациями и откровенно антикоммунистическими политиками — сторонниками соглашательской линии. Вместе с христианскими и так называемыми (по фамилиям их реформистских создателей) гириш-дункеровскими профсоюзами оно в своем воззвании призвало массы, несмотря на «последние политические события, сохранять благоразумие».

Как и правление СДПГ, профсоюзное руководство утешало себя предстоящими выборами в рейхстаг, а также ожидаемым решением имперского суда по вопросу об антиконституционном смещении прусского правительства. Оно предупреждало, что момент для действий «не может предписываться врагами профсоюзов», и старалось всячески подогреть антикоммунистические настроения⁶¹.

Эта клевета на готовый к борьбе революционный пролетариат в момент наступления реакции по всему фронту способствовала углублению рва, существовавшего между коммунистами и социал-демократами. К ненависти коммунистов против заговорщиков, осуществивших государственный переворот в Пруссии, против рейхсвера и фашистов добавился теперь и их справедливый гнев против реформистских капитулянтов, а социал-демократические рабочие, большинство которых понимало, что надо действовать, поддались опасению, будто спонтанная поддержка коммунистических требований может привести

к расколу СДПГ и АДГБ, а тем самым к полному бессилию самой крупной рабочей организации.

Многочисленные воспоминания и другие свидетельства современников говорят о растерянности, отчаянии и ожесточенности рядовых социал-демократов, разочаровавшихся в своих руководителях. Например, социал-демократические рабочие, «рейхсбаннеровцы» рассказывают о том, как они до поздней ночи 20 июля с нетерпением ожидали любой новости, как они до последнего момента надеялись, что вот-вот раздастся призыв к борьбе. Даже полицейские части, построенные перед зданием Берлинского полицей-президиума, терпеливо ждали до позднего вечера приказа выступить против путчистов.

Важнейшим результатом событий 20 июля 1932 г. явилось разочарование многомиллионной массы сторонников социал-демократии, широко распространившееся среди них чувство своей беспомощности перед лицом реакционного насилия.

Итак, генеральная репетиция прошла для Гитлера без помех. Геббельс с удовлетворением записал в своем дневнике: «Все разворачивается по плану... Красные свой решающий час упустили».

Глава шестая

«КОНСТИТУЦИОННОЕ» ПОПРАНИЕ КОНСТИТУЦИИ

Сколь ни изощренными были замыслы генерала Шлейхера, он не предвидел, что выношенный им «удар по Пруссии» приведет к значительному ограничению его собственной свободы политических действий и, следовательно, к крушению его плана самому стать ключевой фигурой в передаче власти Гитлеру. Если в результате «вероломства» Папена в отношении Брюнинга партия Центра и без того оказалась противницей нового кабинета, созданного как орудие Шлейхера, то государственный переворот в Пруссии, направленный также и против этой крупной католической партии, участвовавшей в прусской правительственной коалиции, свел на нет последние возможности взаимопонимания между ее руководством и правительством.

Теперь Папен мог рассчитывать только на поддержку немецких националистов, число поданных голосов за которых на выборах в рейхстаг 31 июля достигло, однако, своей абсолютной нижней точки за все время существования Веймарской республики. Первый и единственный раз она получила вдвое меньше голосов, чем партия Центра (2,2 млн. по сравнению с 4,6 млн.). Тем самым позиция канцлера и направлявшего его действия военного министра на предстоящих переговорах с фашистами оказалась настолько ослабленной, что о дирижерской роли Шлейхера в передаче правительственной власти нацистам теперь едва ли могла идти речь. И еще менее могла идти о ней речь, когда Центр, пользуясь изоляцией Папена и готовясь к желанному партнерству с Гитлером, сам попытался осуществить перевод стрелок на путях, ведущих фашистов к власти. Сразу же после выборов руководство этой партии начало сначала в Пруссии, а потом и в общегерманском масштабе переговоры с НСДАП о создании черно-коричневого, т. е. католическо-фашистского, правительственного блока.

Из июльских выборов в рейхстаг, в результате которых коммунисты получили 5,3 млн. голосов (почти на 700 тыс. больше, чем в 1930 г.), а социал-демократы — около 8 млн.

(на 600 тыс. меньше, чем два года назад), Центр вышел единственной, кроме НСДАП, буржуазной партией, имевшей прирост голосов. Народная партия, Хозяйственная партия, Государственная партия, «Ландфольк» и Христианско-социальная партия, которые в 1930 г. еще собирали от 900 тыс. до 1,7 млн. голосов каждая, потерпели сокрушительное поражение и превратились в малозначительные осколочные партии.

Избирателей, голосовавших за эти партии, поглотила НСДАП, в которую устремились многие прежние сторонники Немецкой национальной народной партии и, как и в 1930 г., многие молодые избиратели. В сравнении с предыдущими выборами нацистская партия сумела более чем вдвое увеличить число поданных за нее голосов (с 6,4 до 13,7 млн.) и теперь имела в рейхстаге 230 депутатов вместо 107. Таким образом, она стала самой сильной партией в германском парламенте за всю его историю.

И все же итоги выборов сигнализировали о начавшейся стагнации влияния нацистов на массы. Если на протяжении предыдущих трех лет избирательный корпус нацистов (это было заметно из месяца в месяц на выборах в ландтаги и коммунальные органы) непрерывно резко возрастал, то за три с половиной месяца после вторых президентских выборов фашисты приобрели всего 300 тыс. новых голосов. И это несмотря на невиданный ранее размах их пропаганды, использование самой современной по тем временам пропагандистской техники, применение ловкими ораторами всевозможных демагогических трюков, несмотря на предпринятый Гитлером новый (уже третий по счету) «полет над Германией», несмотря на жесточайший уличный террор в сочетании со всеми мыслимыми методами запугивания политических противников.

Нацистскому руководству и закулисным покровителям фашистского движения, как и противникам фашизма, было ясно: влияние коричневых на массы уже достигло высшей точки. Было ясно и то, что в условиях парламентского режима, существования легальных рабочих партий и еще не до конца подавленной оппозиционной прессы привлечь сколько-нибудь значительное число новых своих приверженцев из тех слоев населения, которые устояли перед вербовкой и угрозами, нацистам не удалось бы. Это относилось не только к рабочему классу, но и к католическим кругам, к прогрессивной интеллигенции, части либеральной буржуазии. С такой задачей можно было

справиться только после установления открытой фашистской диктатуры — разгрома легальных рабочих организаций, превращения ничем не замаскированного террора в «нормальный» инструмент государственной политики, унификации прессы, тотальной нацификации всего информационно-пропагандистского дела, на волне упоения одержанной победой.

«Генеральная репетиция», устроенная 20 июля 1932 г. в Пруссии, убедила нацистского главаря и его шайку, а также влиятельнейших монополистов, стремившихся не только к участию фашистов в правительстве, но и к их руководящей роли в нем, что социал-демократическая партийная верхушка в случае передачи правительственной власти Гитлеру свяжет по рукам и ногам идущие за ней массы своей политикой непротивления и тем сорвет единое антифашистское сопротивление пролетариата. Отсюда вытекал вывод: время для перехода к установлению диктатуры назрело. К тому же выборы 31 июля показали: массово-политические предпосылки для призвания к власти гитлеровского правительства в дальнейшем не улучшатся, а ухудшатся, а потому теперь нужно действовать.

В соответствии с этим сразу же после выборов начались интенсивные зондажи и переговоры между силами, заинтересованными в фашизме и желающими участвовать в будущем механизме господства, насчет условий передачи власти нацистам.

Шахт, неустанно действовавший за кулисами с целью побудить своих монополистических коллег поэнергичнее выступать за гитлеровское правительство, писал в этой ситуации все еще колебавшемуся Ройшу: из недавней беседы с нацистским шефом он вынес «успокаивающее впечатление, во-первых, что он (Гитлер.— В. Р.), как и прежде, держит свое движение в руках и, во-вторых, что он не будет делать никаких глупостей в области экономической политики»¹. Иными словами, Шахт рассеивал опасения монополистов именно по тем двум пунктам, которые были главными в последующем «перетягивании каната» и во всех интригах господствующего класса вокруг дележа власти.

Это был прежде всего вопрос о сопряженном с риском призвании к власти Гитлера, антинародная политика которого могла привести к разочарованию тех его сторонников, которые были сознательно обмануты псевдосоциалистическими лозунгами, а также к антиимпериалисти-

ческой активизации широких мелкобуржуазных масс. Здесь противостояли друг другу два взгляда. Та часть буржуазии, выразителем которой был в числе прочих Шахт, считала: риск был бы наименьшим, если бы нацисты получили все ключевые позиции власти. Другие же (не в последнюю очередь из эгоистических соображений поддерживаемые основной массой генералов рейхсвера и руководителей буржуазных партий) полагали целесообразным связать фашистов участием в псевдопарламентарном правительстве. Таким образом они намеревались наряду с НСДАП сохранить и другие реакционные центры власти, организации и идеологии, которые смогли бы в момент отрезвления отравленных фашизмом масс подчинить их своему влиянию.

Как первые, так и вторые боялись (об этом свидетельствуют приведенные выше высказывания Брюнинга и Хаймса), что закат фашистского влияния на массы может привести к «большевизации» Германии.

Гитлер знал об этих опасениях и пользовался ими как умелый шантажист для осуществления своих требований формирования нацистского правительства. Так, в ноябре 1932 г. он заявил Гинденбургу: «Я войду в кабинет только в том случае, если смогу принять на себя политическое руководство... Я ставлю на карту не только свое имя, но и свое движение. Если это движение погибнет, Германия окажется в величайшей опасности, ибо тогда в ней насчитывалось бы 18 миллионов марксистов, и среди них, вероятно, 14—15 миллионов коммунистов. Поэтому сохранение моего движения — а условием этого является передача ему руководства — полностью отвечает интересам фатерланда»².

Вторым вопросом, вокруг которого накалялись страсти в связи с призыванием к власти фашистского правительства, была его экономическая политика. Решение его требовало либо открыто заявить, либо отбросить прочь сомнения в том, сможет ли Гитлер и его клика обуздать массы и удержать в своем повиновении низший командный состав штурмовиков, стремившийся к осуществлению данных ему лживых «социалистических» обещаний. Ведь нацистское руководство и не помышляло о каких-либо псевдосоциалистических «экспериментах» в духе своих демагогических обещаний, и это было ясно всем прямым и косвенным участникам переговоров.

Неясность и скептицизм оставались у них лишь насчет конкретных мер фашистского правительства по преодолению экономического кризиса и оживлению конъюнктуры; предлагаемого пути финансирования новых рабочих мест для ликвидации безработных и производства вооружения; участия тех или иных монополистических объединений в государственно-монополистическом руководстве экономикой; шагов к увеличению объема внешней торговли или частичному осуществлению концепций автаркии; планов реприватизации формально или фактически переданных государству некоторых крупных банков или промышленных предприятий, а также насчет некоторых других вопросов. Ведь именно из-за всего этого и враждовали между собой различные монополистические группы крупного капитала в борьбе за непосредственные прибыли.

Схватки из-за состава будущего фашистского правительства становились все сложнее и ожесточеннее, поскольку преследовавшие в первую очередь политические цели партнеры по переговорам (например, камарилья рейхспрезидента Гинденбурга, генералитет рейхсвера, вынужденное опираться на немецких националистов правительство Папена, руководство партии Центра и почти слившийся с ней высший католический клир) были не только тесно связаны с различными заинтересованными экономическими группами правящего класса (юнкерством, военной промышленностью и т. д.), но и отстаивали именно те концепции, которые в ряде пунктов отвечали интересам отдельных отраслей и региональных промышленных и аграрных групп.

Сам Гитлер и нацистские пропагандисты изображали дело так, будто во время переговоров «фюрер» целиком и полностью полагался на свое безошибочное чутье и никогда и ни в чем не считался с советами своих «сподвижников» или с ворчанием своих приверженцев. Примерно то же самое утверждали и некоторые его партнеры по переговорам. Впрочем, то упорство, с каким вел себя на переговорах нацистский главарь, объяснялось тем, что без своих советников он не мог ни отказаться от решений, уже принятых, ни принять новые. Всегда испытывавший жгучую потребность в личном успехе, Гитлер тщился казаться безошибочно рвущимся вперед человеком действия, дабы не вызвать пагубного для своего мифа о «фюрере» подозрения, что на него оказывается влияние извне. На самом же деле он ожесточенно цеплялся именно за те решения,

которые подсказывали ему его сообщники, делая вид, будто решения эти — его собственные и единоличные.

Однако противоречия в кругу нацистских главарей резко выявились еще до начала переговоров о формировании правительства. Грегор Штрассер, который уже несколько месяцев распоряжался почти всем партийным аппаратом, стремился к компромиссу с окружением Гинденбурга, рейхсвером и все еще существовавшими буржуазными партиями — Немецкой национальной народной и Центром. «Салонный лев» Геринг, специалист по демагогии Геббельс и начальник штаба СА Рем, напротив, старались (хотя и по не вполне одинаковым мотивам) убедить Гитлера занять на предстоящих и ведшихся с партиями переговорах позицию «всё или ничего» лишь для вида. Вышеизложенную и более или менее признававшуюся Грегором Штрассером концепцию сохранения нефашистских реакционных центров власти и организаций они отвергали прежде всего потому, что их личная карьера во многом зависела от подъема или падения НСДАП. Разумеется, это в еще большей мере относилось к самому Гитлеру, который жаждал своей абсолютной руководящей роли в правительстве.

В результате Шлейхер, пригласивший Гитлера 5 августа в Фюрстенбергские казармы на тайные предварительные переговоры, увидел перед собой нацистского главара, настаивавшего на максимальных требованиях. Гитлер явно считал, что уже в ходе этой беседы сможет взять верх над своим важнейшим контрагентом. Ведь Шлейхер (пусть даже позиция его и была ослаблена) выступал представителем сразу трех участвовавших в грызне за власть сил: доверенным лицом Гинденбурга и его камарильи, политическим руководителем рейхсвера и военным министром, а также закулисным инспиратором и покровителем Папена. Нацистский главарь, как говорится, ввалился в дом вместе с дверью: он без околичностей потребовал для себя кресло канцлера, а для представителей своей партии — посты министр-президента Пруссии, имперского и прусского министров внутренних дел (т. е. права распоряжаться полицией), руководства имперскими министерствами юстиции и сельского хозяйства, задуманным имперским министерством авиации, а также создания скроенного по геббельсовской мерке специального «министерства народного воспитания». Остальные министерства он намеревался отдать не принадлежавшим

к НСДАП реакционным политикам; министерство рейхсвера должен был получить сам Шлейхер.

Генерал заколебался и от ясного ответа уклонился. С одной стороны, он (как указывается в изготовленной позже памятной записке его министерства) считал, что «министр р[ейхс]в[ера]... будет определять любой кабинет»³ и, следовательно, сам он и при Гитлере останется «тайным канцлером». В соответствии с этим он по возвращении из Фюрстенберга заявил своему близкому сотруднику: «Следовательно, я должен заполучить согласие старого барина (Гинденбурга.— В. Р.) на канцлерство Гитлера»⁴. С другой стороны, Шлейхер опасался, что после образования гитлеровского правительства нацистам все же удастся устранить всех своих соперников в реакционном лагере, дать фактическую отставку ему самому и привести к возникновению такой ситуации, при которой именно рейхсвер в результате крайне опасной гражданской войны против антифашистских сил будет вынужден играть роль последней опоры империалистического господства. А посему Шлейхер заявил нацистскому главварю, что, к сожалению, рейхспрезидент, вероятно, эти требования отвергнет, однако обещал весьма скоро сообщить результат.

Через два дня после фюрстенбергской встречи правительство обсудило, как это сформулировал министр внутренних дел барон фон Гайль, «эксперимент образования правительства во главе с Гитлером»⁵. Шлейхер держался выжидательно. «Разумеется, следует, — весьма неопределенно заявил он, — в ходе переговоров попытаться заставить нацистов отказаться от требования канцлерского поста»⁶.

Гайль, которого Шлейхер хотел заменить Грегором Штрассером, «эксперимент» с канцлерством Гитлера отклонил. Он подчеркнул, что возглавленное фашистами правительство «вызовет острейшее сопротивление слева», а это поневоле означало бы «возврат к парламентарной системе со всеми ее ошибками и недостатками». По его мнению, необходимо было прежде всего сохранить правительство Папена, одновременно усилив его «содействием и участием национал-социалистов», начать «борьбу против дроптивного рейхстага», распустить его без назначения новых выборов, а в остальном положиться на рейхсвер и прусскую полицию⁷.

К этой точке зрения более или менее категорично присоединились все другие министры. Министр иностранных дел Нейрат высказал насчет назначения Гитлера канцлером «серьезнейшие опасения». Министр экономики Вармбольдт заявил: нацисты, пришедшие к руководству, представляют собой бóльшую опасность, чем в оппозиции⁸. Сам Папен, хотя и не занял четкой позиции, еще утром того же дня сказал Гинденбургу: «Гитлер не способен даже твердо держать в руках свою собственную партию, не говоря уж о том, чтобы править в ней», а потому для управления страной совершенно непригоден⁹.

С нетерпением ожидавший ответа Шлейхера нацистский главарь узнал об отклонении своих требований утром 13 августа 1932 г., когда он вместе с Ремом и Фриком был принят генералом и Папеном, а во второй половине дня — рейхспрезидентом. Ему был предложен пост вице-канцлера, а НСДАП — одно или два министерства (вероятно, министерство внутренних дел для Грегора Штрассера и еще одно министерство — для Геринга). Гитлер, уже почти уверовавший в близкую победу, пришел в ярость. Он воспринял как личное оскорбление, что над ним, «фюрером», будет стоять какой-то рейхсканцлер!

Но еще больше был он возмущен потому, что неудача переговоров грозила нацистской партии тяжелым кризисом. Ведь многие из шедших за нею избирателей начинали задавать себе вопрос, за ту ли партию они отдали свои голоса, поскольку НСДАП, несмотря на беспрецедентное в истории большинство в парламенте, оказалась неспособной завладеть правительственной властью. Надеявшиеся на государственный переворот и «национальную революцию» банды коричневых громил выражали недовольство «унизительной» и к тому же безуспешной кухонной воэней со старыми политиками, которая в их глазах низводила нацистское движение до уровня обычных «партий [веймарской] системы».

Когда же через несколько дней после 13 августа отданный Ремом секретный приказ о «марше на Берлин» и об аресте руководителей рабочего класса был отменен Гитлером, который к тому же объявил двухнедельный «отпуск» всем частям СА¹⁰, от НСДАП снова стали отпадать отдельные оппозиционные группы. Правда, поначалу спиной к ней повернулось всего несколько сот или тысяч человек, но можно было вскоре ожидать массового отхода от свастики.

Однако самым тяжелым для Гитлера было то, что все более углублялась трещина в самой фашистской руководящей верхушке. Грегор Штрассер видел в результатах переговоров подтверждение своей концепции и уже вскоре на митинге «Национал-социалистской производственной организации» в «Спортпаласте» (октябрь 1932 г.) публично выступил с предложением предоставить возможность участвовать в переговорах о включении нацистов в правительство не только уже привлеченному к ним Центру, но и немецким националистам и даже реформистским лидерам Свободных профсоюзов. Противники же Штрассера требовали еще большей неуступчивости и делали все для того, чтобы сжечь мосты, соединяющие их с вновь предложенными партнерами по переговорам. Геббельс обзывал правительство скопищем «реакционеров, нанесших удар кинжалом в спину» нацистам и заявлял, что они «в данный момент опаснее самих марксистов». В интересах НСДАП он провозглашал борьбу «против клики одержимых манией величия реакционеров и эгоистичных саботажников национальной воли к свободе, окопавшихся в гугенберговском лагере»¹¹.

Перед антифашистскими силами стояла задача использовать растущий кризис нацистской партии и обострение противоречий в реакционном лагере, чтобы привести массы в состояние боевой готовности против участия фашистов в правительстве, расширить зачатки единства действий рабочего класса и заставить нацизм перейти к обороне. Хотя руководство Коммунистической партии, естественно, не знало подробно о тайных беседах Гитлера со Шлейхером и о переговорах между НСДАП и Центром, оно правильно оценило эту закулисную игру. 22 августа ЦК КПГ разослал всем окружным комитетам циркулярное письмо¹², озаглавленное: *«Накануне нацистской коалиции во всем рейхе? Немедленно подготовить забастовки протеста и массовые демонстрации!»* Шлейхер, Папен и желаемый партией Центра правительственный союз с фашистами были охарактеризованы в письме как опаснейшая угроза жизненным основам народа и революционным рабочим организациям. «Политические требования, — говорилось в этом документе, — таковы: долой нацистское коалиционное правительство! Покончить с фашистской диктатурой! Распустить СА, закрыть нацистские казармы! Политические лозунги таковы: ни одного пфеннига сокращения заработной платы! Защита тарифных ставок!

Никакой трудовой повинности, никакого принудительного труда! Отмена всех чрезвычайных распоряжений!»

Выдвигая все эти требования, коммунисты ориентировались на сочетание антифашистской борьбы с отпором наступлению предпринимателей и правительства в социальной области. По их инициативе с начала сентября стала расти волна забастовок против отданных правительством Папена чрезвычайных распоряжений насчет так называемого оживления экономики и подрыва законодательства о тарифах, при помощи которых придавалась видимость законности всякого рода сокращениям заработной платы. Начала вырисовываться такая ситуация, в которой предприниматели оказывались уже не в состоянии осуществить на деле санкционированные правительством меры по ликвидации тарифного права и отстранению профсоюзов на предприятиях. Частичные успехи в этих боях позволяли рабочим все больше осознавать силу своего класса и необходимость в едином строю бросить ее против затмевающей все остальное опасности фашизма и готового идти на сотрудничество с ним правительства.

Ведшиеся под знаком Антифашистской акции со все большим успехом оборонительные бои против нацистского уличного террора укрепляли возникавшее во многих местах на локальном уровне пролетарское единство действий. В комитетах единства и в отрядах красной массовой самозащиты росло убеждение: самое насущное веление времени — отбросить в сторону все, что разделяет братьев по классу — коммунистов и социал-демократов, и сконцентрировать все без остатка силы на борьбе против фашизма. Действуя в этом духе, коммунисты неустанно подчеркивали: всех социал-демократов, готовых оказать отпор нацизму, они считают своими равноправными товарищами и готовы сами без всяких оговорок вместе со всеми антифашистски настроенными трудящимися бороться против гитлеризма.

Это подчеркивалось во многих документах Антифашистской акции. Так, в одной листовке Общегерманского комитета Антифашистской акции, содержавшей директивы для самообороны, о защите рабочих и охране рабочих организаций и их собственности от фашистских нападений, говорилось: «Ни в коем случае нельзя делать никакой разницы между собственностью, принадлежащей коммунистам, социал-демократам, РПО (революционной профсоюзной оппозиции. — В. Р.) или свободным профсоюзам.

Здесь следует придерживаться принципа, выдвинутого товарищем Эрнстом Тельманом: коммунисты борются вместе с социал-демократическими рабочими, рейхсбаннеровцами и христианскими рабочими в рамках Антифашистской акции против нацизма — всегда, а вместе с фашистами против СДПГ или рейхсбаннеровцев — никогда!»¹³

Насчет комитетов единства отмечалось: «Они должны при всех обстоятельствах охватывать все слои независимо от того, состоят ли те в политических и профсоюзных организациях или нет, независимо от их религиозных или атеистических убеждений. *Существует лишь одно предварительное условие — серьезное желание активно бороться против фашизма в любой его форме, а особенно против нацистов!*»¹⁴

Но, как и прежде, самым большим препятствием на пути антифашистского единства действий оставался антикоммунизм правых социал-демократических лидеров. Вместо того чтобы видеть главную задачу в организации борьбы против угрозы гитлеровской диктатуры, правления СДПГ и свободных профсоюзов пытались изобразить себя поборниками интересов трудящихся. Они делали это при помощи иллюзорной и никоим образом не отвечавшей актуальным задачам Социалистической акции. То была широко разрекламированная кампания с целью парламентским путем добиться такой «перестройки экономики», которая фактически не содержала бы ни грана социализма и вела бы к усиленному развитию государственного капитализма. При сложившемся в рейхстаге соотношении сил она не имела никаких шансов на осуществление.

Единственным результатом этой кампании явилось то, что члены реформистских организаций были мобилизованы на бессмысленное и бесперспективное дело, которое вовлекало их в один фронт *не с коммунистами, а против коммунистов*, т. е. к еще более глубокому расколу рабочего движения и его ослаблению в борьбе против фашизма.

Примечательно, что писал предназначенный лишь для руководящих кругов предпринимателей политический бюллетень «Дойче фюрербрифе» о роли социал-демократии в буржуазном государственном механизме в связи с развернутой СДПГ так называемой Социалистической акцией¹⁵. В одной из его сентябрьских статей говорилось: «Распоряжающаяся хозяйством буржуазия (а точнее, монополистическая буржуазия. — В. Р.) для сохранения

своего господства нуждается в союзе с теми слоями, которые хотя в социальном отношении и не принадлежат к ней, но могут оказать ей незаменимую услугу, помогая ей закрепить свое господство в народе».

Этот союз, констатировал бюллетень, установлен после 1918 г. при помощи социал-демократического руководства и профсоюзной бюрократии, которые совместно, путем «перечеканки революции в социальную политику... с руками и ногами приковали идущую за ними часть рабочего класса к буржуазному государству». Это, по мнению бюллетеня, в принципе могло сохраняться лишь до тех пор, «пока, во-первых, оставалась бы хоть малейшая часть (социально-политических.— *В. Р.*) завоеваний (трудящихся.— *В. Р.*) и, во-вторых, рабочий класс шел бы за своим (социал-демократическим.— *В. Р.*) руководством».

Однако обе эти предпосылки, на сохранение которых и была направлена так называемая Социалистическая акция, оказались, по мнению «Дойче фюрербрифе», необратимо разрушенными. С одной стороны, говорилось в статье, растущее влияние коммунистов на массы все больше и больше суживает базис социал-демократической реформистской политики; с другой — тяжелый экономический кризис уже не позволяет предпринимателям сохранять те социальные завоевания (рабочего класса.— *В. Р.*), на которые они вынуждены были пойти в виде уступки. «Тот буржуазный режим, который уничтожит эти завоевания,— делал вывод бюллетень,— должен пожертвовать социал-демократией и парламентаризмом, он должен найти замену социал-демократии... В этом — позитивные возможности и задачи национал-социализма».

Самое курьезное, что автор этой статьи в защиту фашизма, ставший спустя почти 40 лет разыгрывать из себя некоего тайного борца Сопротивления¹⁶, осознал закулисные причины уничтожения парламентаризма гораздо лучше, чем социал-демократические лидеры. Они же (как это доказала, в частности, их реакция на нарушение конституции в Пруссии 20 июля) надеялись сдержать процесс фашизации избирательными бюллетенями и парламентскими решениями.

Коммунисты, стремившиеся исчерпать в борьбе против фашизма все возможности, отнюдь не недооценивали парламентскую борьбу, но всегда рассматривали ее прежде всего как средство подготовки, поддержки и расширения борьбы внепарламентской. Образцом такого подхода слу-

жила, в частности, речь Клары Цеткин на первом заседании вновь избранного рейхстага 30 августа 1932 г. Как старейшему депутату, ей принадлежало право открыть его. Несмотря на преклонный возраст и болезнь, она воспользовалась этой возможностью, чтобы с трибуны рейхстага со всей проникновенностью призвать массы к борьбе против фашизма и его пособников, а также указать путь к этой борьбе.

«Само собою разумеется,— заявила Клара Цеткин,— никаким парламентским решением не сломить силу того правительства, которое опирается на рейхсвер и на другие средства власти буржуазного государства, на террор фашистов, на трусость буржуазного либерализма и пассивность значительной части пролетариата, трудящихся. Падение правительства в рейхстаге может послужить лишь сигналом для подъема на борьбу и развертывания сил широчайших масс вне стен рейхстага».

Клара Цеткин подчеркнула: ближайшая цель борьбы — «побороть фашизм, который хочет кровью и железом уничтожить все классовые завоевания трудящихся... Веление времени,— предостерегала она,— это единый фронт всех трудящихся, чтобы отбросить фашизм и тем самым сохранить поработанным и эксплуатируемым силу и мощь их организаций, более того — самое их жизнь. Перед лицом этой настоятельной исторической необходимости должны отступить на задний план все сковывающие и разделяющие политические, профсоюзные, религиозные и мировоззренческие установки. Все находящиеся под угрозой, все страждущие, все жаждущие освобождения должны быть в рядах Единого фронта против фашизма и его уполномоченных в правительстве! Отпор трудящихся фашизму — очередная неотъемлемая предпосылка единого фронта в борьбе против кризиса, империалистических войн и их причины — капиталистического способа производства»¹⁷.

В своей парламентской деятельности коммунисты использовали все те возможности, которые вытекали из грызни между различными буржуазными партиями и правительством. 12 сентября они внесли в рейхстаге предложение отменить антирабочее чрезвычайное распоряжение от 4 сентября и потребовали вотума недоверия правительству Папена. Ни СДПГ, ни Центр, которых Папен и Шлейхер 20 июля бесцеремонно выставили в Пруссии за дверь, не решились, учитывая настроения масс,

проголосовать за правительство. К тому же католическая партия все еще злилась на Папена за «удар кинжалом в спину», нанесенный новым канцлером Брюнингу, а также дала понять фашистам, которых она поддержала при избрании Геринга председателем рейхстага, что видит для себя перспективу пребывания на стороне НСДАП только в союзе против Папена.

Таким образом, результат голосования, в ходе которого некоторые осколочные буржуазные партии, как можно было предполагать, должны были ориентироваться на нацистов, зависел от позиции фракции НСДАП. Это создало для носителей свастики крайне неудобное положение. Они оказались перед альтернативой: либо голосовать против правительства, с которым часть нацистского руководства желала вести переговоры, либо вступить за вызывающее ненависть во всей стране чрезвычайное распоряжение и встать на сторону непопулярного «кабинета баронов».

Сразу по зачитании в рейхстаге предложения КПГ о вотуме недоверия Папену нацистская фракция потребовала получасового перерыва, чтобы определить свою тактику. Геринг и Геббельс, ссылаясь на волю «фюрера», во время спешного обсуждения за закрытыми дверями высказались за то, чтобы нацисты по возобновлении заседания проголосовали против правительства. Таким образом, кабинет Папена потерпел полное парламентское поражение. Из 608 депутатов за доверие ему проголосовали всего 42 немецких националиста и несколько попутчиков (менее 7% депутатов!).

Однако Шлейхер и его канцлер не сдались. Следуя своим представлениям насчет сопряженного с наименьшим риском пути к диктатуре и по-прежнему притязая на власть, они решили и дальше играть взятую на себя роль пособников в установлении фашистского режима.

Исходя из того, что рейхстаг все равно выразит им недоверие, они заблаговременно, еще 30 августа (в день открытия парламента!), на совещании в восточнопрусском поместье Гинденбурга Нойдеке решили просто-напросто сразу же разогнать докучливое народное представительство. Президент в нарушение конституции дал канцлеру карт-бланш на роспуск рейхстага¹⁸, в который затем, 12 сентября, в обоснование этого роспуска была вписана вдвойне противоречившая конституции фраза: «Поскольку имеется опасность того, что рейхстаг потребует отмены

моего чрезвычайного распоряжения от 4 сентября сего года».

Это противоречило конституции, во-первых, потому, что в статье 48-й, абзац 3-й, Германской конституции совершенно ясно говорилось: «Обо всех мерах, принятых в соответствии с абзацем 1-м или абзацем 2-м данной статьи, президент обязан незамедлительно поставить в известность рейхстаг. *По требованию рейхстага эти меры лишаются силы*» (курсив автора). Во-вторых, это являлось нарушением конституции потому, что «опасность» законного лишения чрезвычайного распоряжения силы никак не могла служить оправданием роспуска рейхстага.

На постоянно допускавшиеся Гинденбургом и его президиальным кабинетом явные нарушения конституции следует указать потому, что социал-демократическое руководство удерживало массы от борьбы против правительства, готовившего фашистскую диктатуру, лживым аргументом, будто это правительство в своих действиях не выходит за рамки конституции и СДПГ во имя спасения республики будет готова призвать к его свержению, как только оно за эти рамки выйдет.

Под предлогом, что «состояние государственного бедствия... дает господину рейхспрезиденту полное право отсрочить выборы», дабы таким образом «оградить немецкий народ от ущерба»¹⁹, Гинденбург, Папен, Шлейхер и Гайль приняли в Нойдеке антиконституционное решение: отложить выборы в парламент на неопределенный срок, а тем временем, как писал министр внутренних дел, «провести реформу конституции и управления» — иными словами, нанести республике смертельный удар.

Первая часть заговора Шлейхера — Папена против парламента была осуществлена с некоторыми курьезными, но в конечном счете не имевшими никакого значения «проколами». Собственно говоря, Папен собирался прочесть заготовленный им ордер на роспуск рейхстага непосредственно перед голосованием вотума недоверия и тем самым не допустить этого голосования. Подобно школьнику, заранее знающему правильное решение задачи, он в возбуждении попросил слова, махая высоко поднятой рукой. Однако председательствующий Геринг, заинтересованный в вящем позоре канцлера и ослаблении его позиции, сделал вид, что «не заметил» этого.

Реализовать же вторую часть заговора Шлейхера — Папена, а именно недопущение новых выборов, не удалось.

Сокрушительные результаты голосования послужили правительству сигналом: если оно будет опираться только на рейхсвер и полицию, у него не будет никаких шансов, учитывая настроения подавляющего большинства народа, удержаться у власти хотя бы на период «перетягивания каната» с нацистским руководством. Шлейхер отнюдь не случайно при каждом удобном случае высказывал в те дни мысль, которую он несколько позже сформулировал так: «На штыках сидится плохо. Это значит, что без широкого народного настроения в свою поддержку у власти не удержишься»²⁰.

В истории нередко бывает так, что поражение союзников ведет к разрыву между ними. Так случилось со Шлейхером и Папеном. Свою неспособность окончательно прикончить рейхстаг они восприняли как тяжкую неудачу. Теперь им приходилось замышлять новые тактические козни. Пути министра рейхсвера и «сделанного» им канцлера начали расходиться. Снова подтвердилось: действия политических актеров гораздо меньше зависят от их личных качеств, нежели от тех возможностей, которые определяются специфическими формами классовых условий. Известный как хитроумный интриган, Шлейхер пошел на более или менее открытую конфронтацию с Гитлером, между тем как обычно пребывавший в состоянии безмерного самоупоения Папен (незадолго до своей отставки он даже сравнивал себя с Бисмарком!) удовлетворился ролью младшего партнера «фюрера»!

Для концепции обоих этих политических актеров существовали объективные причины. Шлейхер имел (или по крайней мере считал, что имеет) за собой вооруженную силу государства в виде рейхсвера. Потому он полагал, что посредством давления сможет заставить Гитлера придать фашистской диктатуре приемлемую для военщины форму. Это значило, что генералитет (а прежде всего сам Шлейхер) получит значительные полномочия исполнительной власти и на случай падения нацистского влияния на массы сохранит все свое значение и резервные возможности. Давление это (разумеется, при помощи интриг) должно было оказываться, с одной стороны, рейхсвером, а с другой — угрозой откола от нацистской партии готового на компромисс крыла Штрассера.

Папен, не имевший ни влияния на рейхсвер, ни прямых нитей к Штрассеру или к каким-либо другим готовым на раскол нацистским главарям, вынужден был прибег-

нуть к другим методам. Сила его — наряду с хорошими отношениями с домом Гинденбурга — состояла в том, что он (хотя и считавшийся до своего прихода к правительственной власти всего лишь величиной второго или третьего порядка) поддерживал связи с весьма различными группами господствующего класса. Потому, несмотря на свои всем известные жалкие умственные способности, он был пригоден играть роль посредника как между этими группами, так и между ними и нацистским руководством.

Папен происходил из вестфальского дворянства, в свое время обретался пажом при дворе, владел имением и благодаря женитьбе был связан родственными узами с западногерманской индустрией; лично знал многих магнатов Рура. Служил в гвардейском полку и (правда, с весьма сомнительным успехом) пытался выступать на дипломатическом поприще. Написал несколько политико-публицистических трактатов об исторической миссии христианского Запада, не брезговал и антисоветскими памфлетами. В течение многих лет он в качестве главного акционера католической газеты «Германия» всеми силами толкал партию Центра вправо. Будучи частым гостем во дворце рейхспрезидента и вращаясь в берлинском Клубе господ, он сумел превратить свои безукоризненно аристократические манеры и репутацию владельца самых дорогих верховых лошадей, а также первоклассных, с иголки костюмов в политический капитал. Ему хотелось быть человеком, сочетающим в себе офицера, дипломата, промышленного босса, помещика и специалиста по идеологии, который не только принимает близко к сердцу все желания могущественных монополистических магнатов и антиреспубликанских юнкеров, но и умеет превратить эти желания в действия государственного мужа.

Еще в августе Папен встретился с Круппом, Карлом Бошем и Сименсом, получил информацию насчет их ближайших внешнеполитических и хозяйственно-политических шагов. Выполняя их волю, он дал согласие на создание режима, высокопарно именуемого «новое государство», и разработал проект экономической программы, провозглашенной под названием «Двенадцатимесячный план».

Незадолго до того Папен произнес в Мюнстере речь, в которой заявил о своих намерениях. Девизом ее служило: «Каждому — свое». Нетрудно понять, что под этим подразумевалось: гигантские субсидии, налоговые льготы

и наиболее благоприятные условия получения прибыли для одной стороны — крупной промышленности и юнкерства; значительное сокращение заработной платы, урезывание социальных ассигнований и начало милитаризации промышленности посредством пока еще «добровольной» трудовой повинности — для другой, для рабочего класса. На первом месте стояла фактическая отмена тарифного права при помощи чрезвычайных распоряжений. Тем самым забастовка объявлялась незаконным средством борьбы рабочих, а профсоюзы лишались своих важнейших прав.

Все эти меры в интересах различных групп господствующего класса были нацелены на создание авторитарного государства, полную ликвидацию социального законодательства, получение максимальных прибылей, устранение рабочих организаций из общественной жизни. Иначе говоря, это были меры для непосредственного перехода к открытой диктатуре капитала. Папен рассматривал их как аванс, обеспечивающий ему участие в теперь уже близкой власти фашистов.

На каких бы встречах представителей правящего класса ни выступал канцлер под аплодисменты присутствующих, разъясняя свою программу, он давал понять, что сделал все зависящее от него, дабы проложить ровный путь к диктатуре, и теперь от самих нацистов зависит повести свое массовое движение по этому пути в последнее и решающее наступление против парламентарного государства. Исподволь он заклинал капитанов индустрии использовать свое влияние на фашистскую партию и побудить ее действовать совместно с президиальным правительством. Именно в таком духе он разъяснял 12 октября баварским промышленникам свой план «имперской реформы под антипарламентарным знаком», присовокупив к сему жалобу: мол, ввиду притязания фашистов на тоталитарность все еще не удалось «включить большое и заслуженное движение национал-социализма в полное ответственности сотрудничество во всем рейхе»²¹.

Однако к тому времени растущее противоречие между Шлейхером и Папеном открыто еще не проявилось. Оба они тянули за один канат, стараясь обеспечить Немецкой национальной народной партии, а тем самым и правительству максимальный успех на предстоявших 6 ноября новых выборах в рейхстаг и дать слишком самоуверенной НСДАП почувствовать, что пора ее неудержимого подъема

уже миновала. Они добились также того (и это в тогдашних условиях было важнее, чем дополнительно полученные Немецкой национальной народной партией 100 тыс. голосов), что значительная группа промышленных и финансовых магнатов открыто высказалась за немецких националистов. Это было сделано в воззвании под лозунгом «С Гинденбургом — за народ и рейх!»; под ним стояли и подписи Борзига, Фёглера, Шпрингорума, Кнеппера, Равене, Зольмсена, а также многих юнкеров и отставных генералов²².

Эта открыто выраженная воля монополистических и юнкерских кругов отнюдь не означала их выступления против нацизма. Она лишь документировала факт: подписавшие воззвание считали предложенный Папеном путь установления фашистской диктатуры наиболее приемлемым. Несмотря на господствовавшее во всем лагере реакции со времени июльских выборов мнение, что с предоставлением нацистам власти надо поспешить, теперь стало ясно: решение о процедуре передачи власти будет зависеть от зафиксированного новыми выборами соотношения сил. Потому эти круги и выступали активно за тот или иной вариант окончательной фашизации.

Для всех кругов, участвовавших в формировании этого этапа и связывавших с ним определенные ожидания, речь шла в первую очередь об их интересах в целом. Поэтому все, кто рассчитывал извлечь выгоды из нацистского господства, с исключительной энергией ринулись в избирательную борьбу. Центр и партия немецких националистов, пытавшиеся копировать элементы рассчитанной на успех пропагандистской стратегии нацистов и тоже оперировавшие лозунгами о спасительной миссии своего движения или о целительной силе своих принципов, старались превзойти друг друга. Борясь за наибольшее влияние на массы, они старались обеспечить себе положение главного партнера в будущих переговорах с НСДАП по поводу правительственной коалиции.

Нацистское руководство, которое, конечно, знало, что исход выборов 6 ноября окажет влияние на торг вокруг условий передачи власти НСДАП, поставило перед собой цель по возможности добиться прироста голосов в сравнении с июльскими выборами и ни в коем случае не допустить их падения. Оно запустило на полный оборот свою гигантскую пропагандистскую и террористическую машину и в уверенности, что финиш уже близок, не оста-

навливалось ни перед какими затратами на ведение предвыборной борьбы. Были пущены в ход все уже испытанные на прошлых выборах средства — от четвертого по счету гитлеровского «полета над Германией» до повторения самых лживых и лишенных всякого здравого смысла обещаний всем без исключения слоям населения и до пропаганды антикапиталистического революционаризма. При этом нацистские главари пошли даже на такой чрезвычайно рискованный для себя шаг: они приказали своим людям там, где доведенные до крайней нищеты трудящиеся активно выступали против антисоциальных мер правительства, для вида поддерживать их.

Наиболее ярким примером активных выступлений трудящихся явилась забастовка рабочих и служащих берлинского городского транспорта 3—7 ноября 1932 г. Она знаменовала высший подъем стачечной волны против правительства гитлеровского фюрера Папена. Забастовка была организована Революционной профсоюзной оппозицией и поддержана тысячами и тысячами состоявших и не состоявших в профсоюзах рабочих. Эта забастовочная волна, приведшая к единым действиям рабочих различной партийной принадлежности и мировоззрения, готовых бороться против организаторов голодного режима и пролагателей пути фашизму, явилась одним из важнейших рычагов расширения Антифашистской акции и укрепления ее позиций на предприятиях. В самый разгар избирательной борьбы она показала, что все большее число трудящихся готово преградить путь изготовившейся к последнему удару реакции не только избирательным бюллетенем, но и внепарламентским сопротивлением.

По различным причинам (не в последнюю очередь и для того, чтобы не содействовать расширению единства действий и задержать распространение Антифашистской акции на важные производственные центры) дирекции большинства крупных предприятий поначалу воздержались от проведения санкционированного правительством сокращения заработной платы. Таким образом, стачечная волна охватила прежде всего мелкие и средние предприятия и лишь в отдельных случаях перекинулась на крупные (например, в начале октября в Гамбурге). Тем не менее она отражала растущую боевую готовность всего рабочего класса, и особенно тот факт, что первоначально вызванные мерами отдельных предпринимателей экономические бои все более и более направлялись против режима чрезвы-

чайных распоряжений, таким образом все сильнее принимая политический характер.

Это новое качество характеризовало борьбу 22 тыс. рабочих и служащих берлинского городского транспорта — метро, трамвая и автобуса. Объединявшая их Берлинская транспортная компания (БФГ) являлась самым крупным предприятием, бастовавшим осенью 1932 г. Сначала речь шла о борьбе против сокращения заработной платы на 2 пфеннига в час, но вскоре стало ясно, что это проба сил между стремящимися к боевому единству трудящимися, с одной стороны, и реакционными государственными органами вместе с плывущими в их фарватере реформистскими лидерами — с другой. Хотя основная часть работников БФГ состояла в свободных профсоюзах и только менее 7% принадлежало к РПО, 66% транспортных рабочих при поименном голосовании высказались за отклоненную ведущими профсоюзными функционерами забастовку.

Учитывая явно выраженное возмущение широких масс правительственной политикой и проявленную рабочими волю к борьбе, нацистское руководство не решилось призвать своих сторонников стать штрейкбрехерами и тем самым разоблачить себя как соучастников реакционного наступления папеновской клики в социальной области. «Национал-социалистская производственная организация» (НСПО) даже направила двух своих представителей в забастовочный комитет. Когда через 14 дней Гитлеру пришлось держать за это ответ перед Гинденбургом, он оправдывался так: «Если бы я удержал своих людей от участия в этой забастовке, она состоялась бы все равно, но я потерял бы своих сторонников среди рабочих»²³.

Забастовка рабочих берлинского городского транспорта носила многие черты политической борьбы: столкновение между трудом и капиталом, между выступившим под революционным руководством производственным коллективом и государством разыгралось не в каком-нибудь отдаленном фабричном квартале, а на улицах и площадях германской столицы. Забастовка явно доказывала: подавляющее большинство населения города симпатизирует тем, кто борется под антипапеновскими лозунгами. Во многих местах сотни и тысячи берлинских рабочих устраивали демонстрации в поддержку бастующих. В крупном марше протеста против использования полиции и попыток срыва забастовки участвовало 80 тыс. человек. Стаечники

и берлинцы блокировали трамвайные стрелки, устраивали заграждения на рельсах, опрокидывали трамвайные вагоны. Для обеспечения «аварийного» трамвайного движения полиция применила огнестрельное оружие — трое рабочих были убиты, 60 ранены. Было ясно: полиция и правительство не в состоянии контролировать положение в столице. Назревала ситуация, подобная гражданской войне.

Фашистская клика, разумеется, отнюдь не желала и ни при каких обстоятельствах не могла содействовать такому ходу развития, дававшему мощный импульс антиимпериалистическим силам. На третий день забастовки НСПО отозвала своих представителей из стачечного комитета. Она оправдывала это принятым накануне решением реформистского профсоюзного руководства, которое сочло постановление государственного третейского суда обязательным для рабочих и объявило забастовку оконченной. Но стачка продолжалась и в день выборов; она прекратилась только 7 ноября.

Какое значение имели проведенные в духе единства действий и перераставшие в политические выступления массовые бои за антифашистскую мобилизацию трудящихся, показали, в частности, итоги выборов в Берлине. До апреля 1932 г. (выборы в прусский ландтаг) СДПГ всегда далеко опережала в столице Германии все партии. На июльских выборах КППГ и СДПГ получили здесь равное число голосов, в то время как НСДАП первый и единственный раз одержала верх. Но 6 ноября она потеряла почти 5% своих избирателей, а КППГ, получившая почти 20% всех голосов (на 140 тыс. больше, чем нацисты), стала самой сильной партией в Берлине.

Подобными же выглядели результаты выборов по всей Германии. КППГ приобрела 700 тыс. новых голосов (более 11%); за ней теперь шло почти 6 млн. избирателей, и она имела 100 своих депутатов. СДПГ потеряла 700 тыс. голосов (получив 7,2 млн.). НСДАП потеряла 2 млн. голосов (собрала 11,7 млн.). Из этих двух миллионов добрая треть перешла к другой ударной партии реакции — немецким националистам, которые таким образом смогли улучшить свои позиции. Небольшие потери понес Центр.

Итак, важнейший итог выборов заключался в спаде нацистского влияния на массы, в начинавшемся разрушении фашистского нимба успеха, в ярко осознаваемом как друзьями, так и врагами факте: массово-политические ресурсы НСДАП исчерпаны, и дальнейший ход событий мо-

жет привести к резкому сокращению числа приверженцев Гитлера. С этой точки зрения исход выборов 6 ноября 1932 г., который, разумеется, рассматривался во взаимосвязи с общей политической и экономической обстановкой в стране, был расценен большинством магнатов промышленности и банков как сигнал, что с окончательным установлением диктатуры медлить больше нельзя!

Банкир барон Курт фон Шрёдер, имевший деловые и политические связи со многими заправилами концернов самых различных отраслей, выразительно подтвердил это на предварительном следствии Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными и нацистскими преступниками. «Когда 6 ноября 1932 г. НСДАП потерпела свое первое поражение и таким образом миновала свою кульминационную точку,— заявил он,— поддержка ее со стороны германского хозяйства стала особенно срочно необходимой»²⁴. Употребляя невинно и нейтрально звучащее слово «хозяйство» вместо «монополистический капитал», Шрёдер вместе с тем показал, что процесс политического развития осенью 1932 г., т. е. перерастание боев рабочего класса за свои экономические интересы в политические схватки, вызвал у крупной буржуазии опасения, как бы экономический кризис не привел к возникновению революционной ситуации и к потрясению, а затем и свержению империалистического господства. «Общий интерес хозяйства,— говорил далее Шрёдер,— заключался в страхе перед большевизмом и в надежде, что национал-социалисты, придя к власти, смогут создать в Германии устойчивую политическую и экономическую основу».

Руководствуясь такими соображениями, закулисные покровители фашизма принимали в расчет и то, что крупный экономический кризис, как это показывало положение с заказами в промышленности, достиг своей низшей точки и уже начиналось, хотя и медленное, улучшение конъюнктуры, а это уменьшило бы шансы на установление диктаторского режима. «Во времена высокой конъюнктуры,— писал бюллетень «Дойче фюрербрифе» несколькими днями ранее в призывавшей к «исчерпанию кризиса» статье о парламентской системе,— без него никак не обойтись»²⁵. А если бы гитлеровское правительство быстро утвердилось у власти, это, напротив, дало бы возможность преподнести массам ожидаемое улучшение экономического положения как деяние всемогущего «фюрера».

Данный момент казался влиятельным крупным капиталистам благоприятным, требующим передачи правительственной власти фашистам и по внешнеполитическим соображениям. За четыре месяца до этого международная конференция в Лозанне дала согласие на фактическую приостановку германских репарационных платежей. Двумя месяцами позже представители германского правительства на Женевской конференции по разоружению покинули ее без всякого протеста западных держав, провозгласив новое вооружение Германии, дипломатически названное «обретением равноправия».

Тем самым германские империалисты лишили силы Версальский мирный договор, «продырявливание» которого они начали со дня его подписания. Однако подготовленное тайным перевооружением в веймарские времена открытое вооружение крупного размаха и примыкавшие к нему насильственный пересмотр границ и аннексия чужих территорий не могли быть быстро и основательно осуществлены до тех пор, пока существовало республиканское правительство. Явно имея в виду военный бизнес, строительство стратегических автострад и тому подобное, Шрёдер заявил на нюрнбергском предварительном следствии: «Далее ожидалось, что в результате крупных государственных заказов возникнет экономическая конъюнктура»²⁶.

В соответствии с изложенной концепцией, подстрекатели-монополисты сразу же после выборов 6 ноября заговорили о том, что теперь нельзя больше ждать, пока закончатся терпимые до сих пор (поскольку они прикрывали ключевую роль капитала) интриги участвующих в возне вокруг власти Папена, Шлейхера, Гугенберга, Кааса и пр. Пора, настаивали они, взять дело передачи власти фашистскому правительству в собственные руки. А поэтому они решили обратиться непосредственно к главе государства и втолковать ему: время посадить Гитлера в канцлерское кресло уже пришло. Такое послание было в первые дни после выборов составлено при решающем участии Шахта. В нем без обиняков говорилось: дабы избежать дальнейших «экономических, политических и душевных» потрясений, не следует вновь распускать рейхстаг и опять назначать новые выборы, а надо передать руководство правительством «фюреру крупнейшей национальной группы»²⁷, т. е. Гитлеру.

В письме от 12 ноября нацистскому главарию с предупреждением не проявлять после поражения 6 ноября никаких колебаний и не отступать от категорического требования канцлерского поста Шахт сообщал ему, что «попытка собрать ряд подписей в поддержку этого» увенчалась успехом²⁸. Однако некоторые монополисты, в частности и могущественные боссы рурских концернов, ставили подписание данного документа в зависимость от конкретного согласия Гитлера на определенные экономические меры. К тому же эта акция не продвигалась вперед так быстро, как надеялись ее инициаторы. Недаром Шахт в цитированном выше письме с раздражением отмечал: тяжелая индустрия вполне оправдывает наименование тяжелой своей тяжеловесностью в принятии решений.

Тем не менее у сборщиков подписей не было никаких причин сомневаться в успехе задуманного предприятия, тем более что и Папен пришел к убеждению: ради обеспечения своего собственного участия в осуществлении диктатуры стоит согласиться на канцлерство Гитлера. 13 ноября связное лицо Кепплер сообщил Шрёдеру об этом письмом, в котором даже говорилось о готовности Папена дать авторам послания советы насчет того, как противодействовать сопротивлению, оказываемому в «одном известном месте» (президентском дворце. — *В. Р.*)²⁹.

Шлейхер, повсюду имевший своих информаторов, разумеется, тотчас узнал о затеянной акции, а также и о том, что Папен договорился с доверенным человеком Шахта Эвальдом Хеккером (членом наблюдательного совета одного частично национализированного металлургического предприятия — «Ильзедедер хютте», владевшим также и угольными шахтами) и с уполномоченным Гитлера Генрихом Гиммлером «не вести пока переговоры с другими партиями»³⁰.

Таким образом Шлейхеру пришлось убедиться: рейсканцлер Папен, которого он до сих пор считал своей кратурой, начал идти собственным путем. Это угрожало планам военного министра: он хотел ограничить свободу действий Гитлера соглашениями командования рейхсвера с группой Грегора Штрассера, а возможно, и с реформистскими профсоюзами. Если еще каких-нибудь шесть месяцев назад Шлейхер на вопрос о мотивах назначения им Папена канцлером отдался остротой, что ему нужна не голова, а шляпа, то теперь ему пришлось убедиться,

что, пользуясь его же собственным циничным выражением, шляпа решила поискать для себя другую голову.

Отныне Шлейхер и Папен из игроков-партнеров стали противниками. Это обстоятельство по вполне понятным причинам всячески раздувается буржуазной историографией. Поскольку репутацию Папена все равно уже не отмыть добела (как-никак он был вице-канцлером Гитлера, сидел в Нюрнберге на скамье подсудимых в качестве главного военного преступника и после 1945 г. саморазоблачался невероятно глупыми и неуклюжими фальсификациями истории), буржуазные историки стали делать из нужды государственно-правовую добродетель. Они изображают Папена лишенным морали, незначительным по своей роли и в конечном счете одураченным маркировщиком пути для злодея Гитлера. Это, мол, недалекий Папен свел на нет разработанные генералом-демократом Шлейхером планы «укрощения» фашистского хищника. Тем самым они затушевывают решающий факт: как Папен, так и Шлейхер работали на установление фашистской диктатуры и интриговали друг против друга потому, что имели свои (или же присвоили себе чужие) взгляды насчет того, как именно с минимальнейшим риском протолкнуть Гитлера к власти и как конкретно обставить его власть в интересах определенных кругов господствующего класса (отдельных концернов, их групп, генералитета и т. п.).

Приглашая 13 ноября официальным письмом (как это было принято) после выборов Гитлера на личную беседу рейхспрезидента с руководителями крупных партий (на которые никогда не приглашались представители КППГ, а в последние годы и СДПГ), Папен еще вынужден был мириться с тем, что Шлейхер отредактировал это письмо и вычеркнул из него самые любезные фразы³¹. Однако всего через несколько дней ему во многом удалось «обставить» вездесущего министра рейхсвера. Теперь уже не Шлейхер формулировал условия, на которых должно было создаваться правительство, а Гитлер — именно его требования господствовали теперь во всех официальных и неофициальных беседах.

С одной стороны, стало ясно: Шлейхер уже не может полностью положиться на рейхсвер, часть высших командных кадров которого безоговорочно стояла за «решение — Гитлер». Это подтверждает и известный буржуазный военный историк³². С другой стороны, Гитлеру все больше оказывали поддержку своими листами с многочисленными

подписями самые экстремистские монополисты и юнкеры, заодно с которыми был и близкий друг Гинденбурга Папен. Их открытое выступление в пользу нацистского главаря заставляло и лидеров остальных буржуазных партий более или менее четко высказываться за канцлерство «фюрера».

16 ноября Гитлер весьма обстоятельным письмом ответил на послание Папена. В нем он подчеркнул свое решение «неколебимо стоять на своих (прежних.— В. Р.) требованиях»³³. На следующий день кабинет в полном составе подал в отставку, дабы сделать возможным выполнение этих требований, т. е. очистить Гитлеру путь в имперскую канцелярию. А еще через день Гинденбург принял председателей Немецкой национальной партии Гугенберга и партии Центра Кааса, а также председателя уже ставшей незначительной Немецкой народной партии Дингельдея. Он пожелал выяснить их мнение насчет назначения Гитлера, предопределенного ушедшим в отставку кабинетом. 19 ноября был дополнительно принят руководитель баварского филиала партии Центра Фриц Шеффер.

Самую сдержанно-выжидательную позицию занял гитлеровский сообщник и соперник по гарцбургскому фронту Гугенберг. Он говорил о «весьма больших опасениях» и намеревался «вернуться к этому вопросу позднее, когда положение вещей станет яснее»³⁴. Трое же других партийных лидеров от требования призвать Гитлера к власти уклонились, хотя и заявили, что готовы сотрудничать с ним как с рейхсканцлером. При этом они дали понять, что такое решение считают единственно желательным и по существу уже принятым. Так, Каас сказал: «Национальная концентрация, включая национал-социалистов,— это необходимость» — и затем уклончиво добавил: назначение канцлера — «личное право господина рейхспрезидента и дело его личного доверия»³⁵. Почти так же высказался Дингельдей; он в категорической форме добавил: «Человек, которого господин рейхспрезидент считает достойным своего доверия, вправе рассчитывать на нашу поддержку»³⁶. Шеффер заметил, что «оценивает характер и личность Гитлера отнюдь не неблагоприятным образом»³⁷.

Гинденбурга удалось настолько переубедить, что, как констатирует один буржуазный историк, он счел Гитлера «способным и достойным стать рейхсканцлером, хотя ранее считал: фюрер НСДАП в лучшем случае может коти-

роваться в качестве вице-канцлера»³⁸. Но те, кто нашептывал рейхспрезиденту, все еще спорили между собой, каким образом должны быть созданы определенные гарантии против хотя и маловероятных, но все же вызывающих опасение «экспериментов» в области экономики и массовой политики со стороны предполагаемого канцлера. Чего доброго, он вдруг пойдет на них под давлением полчищ своих взвинченных псевдосоциалистическими обещаниями приверженцев! Спор велся тем упорнее, чем больше от гарантий недопущения этого зависело соучастие определенных кругов военщины, тяжелой индустрии, юнкерства и т. д. в передаче власти фашистскому правительству.

Здесь-то и выяснилось, что Шлейхер, несмотря на падение своего влияния, все еще в силах воздействовать на решения в президентском дворце. Дело в том, что Гинденбург, постоянно кичившийся своими правами «главнокомандующего рейхсвера», отказывался дать ефрейтору Гитлеру полномочия «президиального канцлера». Иными словами, это означало, что, следуя концепции Шлейхера, старик фельдмаршал хотел сохранить за собой возможность в случае конфликта фашистского канцлера с рейхстагом или в случае политических неудач в отношении влияния «фюрера» на массы сместить Гитлера и назначить вместо него военным диктатором какого-нибудь генерала.

Однако упорно настаивавшие на назначении Гитлера монополисты и юнкеры (на сторону которых переметнулся Папен и к которым все больше склонялись также озабоченные своей личной карьерой Гугенберг и Каас) считали: дабы гарантировать себя от «экспериментов», достаточно окружить Гитлера «компетентными», т. е. подобранными самим крупным капиталом и юнкерством, министрами. Эти господа в подготовленной ими петиции открыто требовали поставить Гитлера во главе *президиального кабинета*, «составленного из наилучших в деловом и личном отношении сил». Это, заявляли они, имея в виду «эксперименты», которых они столь опасались, — самый верный путь «устранить недостатки и ошибки, поневоле присущие каждому массовому движению»³⁹.

Но и у могущественнейших и энергичнейших магнатов индустрии и банков не все шло гладко. Как уже отмечалось, соперничество и эгоистические особые желания отдельных концернов замедляли быстрое завершение сбора

подписей. В результате произошел сбой. Не успела петиция попасть в руки рейхспрезидента, как он в полдень 19 ноября 1932 г. уже принял Гитлера, чтобы окончательно решить вопрос о назначении нацистского главара на пост рейхсканцлера. Авторы ходатайства явно узнали о дате приема слишком поздно, ибо им пришлось действовать сломя голову. Во всяком случае директор «Коммерцунд приватбанк» Фридрих Райнхарт передал документ с уже имевшимися подписями во дворец рейхспрезидента как раз в тот момент, когда Гинденбург уже совещался с Гитлером. Это видно из бумаг канцелярии рейхспрезидента, в которых один из подлинных экземпляров данной петиции был обнаружен в 1956 г. (Копия петиции с фамилиями предусмотренных для подписания лиц была представлена еще в 1945 г. Международному Военному Трибуналу в Нюрнберге ⁴⁰.)

То, что вручение петиции произошло в спешке, ясно видно по многим признакам. Несколько экземпляров документа с теми подписями, которые получить своевременно не удалось, были досланы только через два дня с сопроводительным письмом; в нем сообщалось, что, несомненно, последуют новые заявления о согласии. К тому же рейхспрезидента лишь с опозданием поставили в известность, что крупные промышленники Фёглер, Ройш и Шпрингорум «целиком и полностью стоят на почве этого ходатайства, но не подписали его, поскольку не желают выходить в политическом отношении на первый план». Заметим кстати: для подобных господ это была типичная и поистине едва ли превзойденная фарисейская позиция.

Поскольку оригиналы дальнейших «заявлений о согласии» до сих пор не найдены, можно с уверенностью предполагать: они были переданы позже и потому попали в другие фонды документов, возможно погибшие в годы войны или каким-либо иным образом. Кто конкретно должен был дать дальнейшие «заявления о согласии», мы все же знаем из трех сохранившихся рукописных списков; в них стоят фамилии тех промышленников, банкиров и крупных аграриев, которым был послан текст петиции⁴¹.

По обнаруженным источникам под этим исторически неопровержимым документом стоят фамилии самых влиятельных представителей тяжелой индустрии и породнившегося с ней юнкерства, банковского мира и торгового капитала. Этот документ подписали или однозначно выразили свое согласие с ним следующие лица: Тиссен

и Фёглер из «Ферайнигте штальверке», Шпрингорум из концерна Хёша, генеральный директор концерна Ганиеля Ройш, магнат горноугольной промышленности и банков Хеккер, владелец калийного концерна Ростерг, владельцы крупных пароходных компаний Хельферих, Вёрман и Байндорф, банкиры Шахт, Райнхарт, Шрёдер и Витхёфт (последний также и владелец крупной фирмы заокеанской торговли), крупные аграрии граф Калькрёйт (председатель «Рейхсландбунда»), фон Оппен-Данненвальде, фон Рор-Манце и др. Рядом стоят подписи лиц второго и третьего гарнитура, которые, однако, принадлежали к кругу знакомых рейхспрезидента и потому были приглашены участвовать в этой акции.

Следует, далее, принять во внимание важное обстоятельство: инициаторы петиции, будучи уверенными в ее одобрении, разослали ее и другим монополистам, и не исключено, что подписи по крайней мере некоторых из них все еще остаются необнаруженными либо уничтожены. Возможно также, что данные лица делали такие же фарисейские заявления, как Фёглер (во всяком случае отрицательные заявления неизвестны). Отсюда можно сделать вывод: за исключением менее затронутой кризисом и фактически более гибкой химической промышленности, за этой петицией стоит вся германская монополистическая элита. В таком случае к числу если и не подписавших, то одобрявших ее следует отнести оружейного магната Круппа (председателя Имперского союза германской промышленности) и Ганиеля, некоронованного короля бурого угля, и финансового босса Зильверберга (как уже отмечалось, еврея по происхождению, на которого явно производила впечатление классовая позиция Гитлера, а отнюдь не его антисемитизм), заправил электропромышленности Сименса и Роберта Боша, крупного пароходовладельца Куно и др.

Нет никакого сомнения в том, что на Гинденбурга это ходатайство произвело крайне большое впечатление. Хотя в течение всей своей долгой жизни и за многие годы пребывания на высших постах фельдмаршал (при всей своей ничтожности и маразме, обладавший ярко выраженным чувством власти) постоянно воротил нос от тех, кто не принадлежал к его аристократическому сословию, однако в решающих ситуациях всегда действовал по воле всемогущих капитанов экономики.

Так было, например, когда он, руководимый Людендорфом, во время первой мировой войны, будучи главнокомандующим германскими войсками на Восточном фронте, сначала провозглашал концепцию решающего значения именно этого фронта, а потом, после назначения начальником Высшего военного руководства (ОХЛ), по первому же знаку рурских магнатов отказался от нее и перенес центр тяжести военных действий на Запад.

Так было и в 1925 г., когда он, уже сидя в президентском кресле, отбросил прочь свое «патриотическое возмущение» Локарнским «пактом отказа» (Германии от реваншистских требований.— *В. Р.*), лишь только сливки промышленно-финансового мира потребовали от него, чтобы он поставил под соглашением свою подпись.

Так было и на сей раз: спустя 10 недель после подачи петиции промышленников Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером.

Однако буржуазные историки имеют наглость в своих толстенных фолиантах о жизни Гитлера или о гибели Веймарской республики либо вообще не упоминать о петиции монополистической элиты в ноябре 1932 г., либо отделяться ничего не значащей фразой, а то и набранным мелким шрифтом подстрочным примечанием⁴². Даже в выпущенном спустя 22 года после опубликования подлинных документов исследовании «Последние месяцы Веймара», в котором освещается буквально каждая интрига и содержится специальная глава «Национал-социализм и тяжелая индустрия», можно найти лишь несколько мимоходом сделанных высказываний насчет подачи этой петиции. Например, такие: «Намерение своей цели не достигло»; «Шахт не был связным лицом или координатором отношений между промышленностью и национал-социализмом»⁴³. Чем выразительнее правда, тем неуклюжее фальсификация.

Разумеется, Гинденбург не сразу, не на другой же день после беседы с нацистским главварем отказался от своего отрицательного решения насчет предоставления Гитлеру президиальных полномочий. Дело не только в том, что к нему попали далеко не все экземпляры петиции и он своим негибким умом пока все еще не мог уразуметь, сколь же широк фронт атакующих его этой просьбой. Ему потребовалось некоторое время: надо было как-то задрапировать изменение своего мнения при помощи того, что он называл собственным «достоинством». К тому же могло

играть определенную роль и то обстоятельство, что откладывание этого решения давало ему возможность позволить своему любимчику (иногда он трогательно говорил: «Мой Папен») еще немного посидеть в канцлерском кресле.

Так же безрезультатно прошла и вторая встреча рейхспрезидента с нацистским главарем 21 ноября. Безрезультатной поначалу осталась и последовавшая за ней переписка между гинденбурговским статс-секретарем Майснером и Гитлером. Тем не менее, прощаясь с Гитлером, президент подчеркнул: «Дверь моего дома для вас всегда открыта»⁴⁴.

Однако дальнейшее пребывание Папена на канцлерском посту подвергалось энергичной атаке по крайней мере с трех сторон: самих нацистов, монополистов и Шлейхера. На пресс-конференции 24 ноября Геринг назвал Папена бездарным честолюбцем, которому важно только одно — «править вопреки народному представительству». Еще более категорически, чем раньше, он потребовал для Гитлера «честное полномочие» на занятие канцлерского поста; под этим он подразумевал «все присущие полномочия», которые «дали бы ему [Гитлеру] возможность... оказывать на партии и на рейхстаг необходимое давление и в случае необходимости апеллировать против непокорного рейхстага к народу»⁴⁵.

Могущественные промышленные боссы, еще несколько месяцев назад считавшие Папена подходящим человеком, чтобы обеспечить установление фашистской диктатуры, и рассчитывавшие, так сказать, походя получить в результате его чрезвычайных распоряжений налоговые подарки и прочие экономические льготы, теперь, поскольку он не сумел быстро заполучить согласия рейхспрезидента на «решение — Гитлер», естественно, не испытывали от него восторга.

Председатель Немецкой народной партии на заседании ее имперского комитета заявил: «В дни после отставки Папена и перед образованием нового правительства (Шлейхера. — *В. Р.*) число посланцев крупного хозяйства, особенно запада (Германии. — *В. Р.*), стало огромным. Они явились сюда, чтобы заявить: предоставление Папену вновь канцлерского поста равнозначно сигналу к революции; мы уже не сможем тогда защитить наши предприятия. Это те же самые люди, которые незадолго до того подняли господина фон Папена на щит»⁴⁶.

Такие же высказывания содержит и одно сообщение из Рурской области; оно пришло в Берлин на последней неделе ноября. В нем говорилось: «Заседание «Лангнамфрайна» в Дюссельдорфе, которое первоначально намечалось в рамках папеновской программы и в поддержку (его правительства.— *В. Р.*), в результате обсуждения констатировало очевидный факт: почти вся индустрия желает призвать Гитлера (на пост канцлера.— *В. Р.*), независимо от обстоятельств, при которых это произойдет. Если несколько недель назад Папен был окружен восхищением, то сегодня полагают, что было бы крупнейшей ошибкой, если бы Гитлер, даже если бы против этого выдвигались серьезные причины, не был уполномочен сформировать правительство»⁴⁷.

В то же самое время (с 25 по 26 ноября 1932 г.) Шлейхер приказал провести командно-штабное учение рейхсвера⁴⁸. Оно должно было внести ясность в вопрос, сможет ли рейхсвер в случае нового государственного переворота à la 20 июля в Пруссии положиться на отряды фашистских громил для борьбы против объявленной коммунистами и возможно поддержанной свободными профсоюзами всеобщей забастовки. Во-вторых, Шлейхер хотел проверить, достаточно ли сильны рейхсвер и полиция, чтобы в случае необходимости справиться с нацистскими формированиями, если те взбунтуются против отклонения канцлерства Гитлера при одновременной всеобщей забастовке трудящихся против установления военной диктатуры самого рейхсвера.

Этот второй вопрос командно-штабного учения побудил буржуазную историографию утверждать, будто рейхсвер был полон решимости бороться с оружием в руках против фашизма. На самом же деле Шлейхер, который еще 23 ноября и вновь 1 декабря искал контакта с Гитлером, чтобы договориться с ним против Папена, и не помышлял о сопротивлении фашизму. К тому же Шлейхеру было важно дискредитировать Папена в глазах Гинденбурга и с этой целью доложить президенту, что рейхсвер и полиция не в состоянии были бы защитить правительство, у которого нет поддержки даже со стороны десятой части населения. Он заявил: «Бороться против 9/10 народа пулеметами — бесперспективно»⁴⁹.

Заявление подействовало! Не только Гинденбург, но и все члены кабинета (некоторые из них к тому же,

и частично не без оснований, надеялись остаться в правительстве Гитлера) увидели: Папена не спасти.

Задержка с назначением Гитлера рейхсканцлером из-за разногласий в лагере буржуазии дала антифашистским силам незначительный выигрыш во времени для мобилизации масс на отпор фашистской диктатуре. Теперь следовало этот выигрыш увеличить. «Наша ближайшая задача, — говорил руководитель окружного комитета КПГ Берлин-Бранденбург-Лаузиц-Гренцмарк Вальтер Ульбрихт 19 ноября на окружной партийной конференции, — заключается в данный момент в том, чтобы там, где классовый враг пытается расширять фашизм, приложить все силы, чтобы акцией единого фронта настолько увеличить темп собирания пролетарских сил, чтобы наши силы росли быстрее, чем силы фашистской концентрации»⁵⁰. Для этого имелись обнадеживающие основания, и уже вырисовывались первые успехи. Ведь острые споры внутри руководящей клики господствующего класса в значительной мере сводились к разногласиям насчет риска вызвать такое народное движение против фашизма, которое сметет все планы капитала. Следовательно, они исходили из предпосылки существования и усиления единого революционного фронта.

Своим усилением этот фронт путал карты интриганов, группировавшихся вокруг Гинденбурга и его камарильи. К тому же многие сторонники нацизма были обеспокоены задержкой с созданием обещанного фашистами «третьего рейха», выжидательной позицией Гитлера. В большой мере на них воздействовало и разъяснение коммунистами сущности фашизма.

Общинные выборы в Саксонии (13 ноября) и Тюрингии (4 декабря 1932 г.) отчетливо сигнализировали о тенденции к падению массового влияния нацистской партии. Хотя эти выборы и нельзя прямо сравнивать с выборами в рейхстаг (в частности, участие избирателей было примерно на 20% ниже), важно, что нацисты, например, в Тюрингии получили на 40% меньше голосов, чем 6 ноября.

Когда результаты и подробности переговоров в президентском дворце стали известны, Общегерманский комитет Антифашистской акции (22 ноября) так охарактеризовал возникшую ситуацию: «Переговоры Гинденбурга с Гитлером о сформировании имперского правительства кладут начало резкому обострению курса на фашизацию Герма-

нии. Крупные успехи Антифашистской акции, закончившиеся победой на многих предприятиях стачечные бои, особенно героическая борьба рабочих берлинского городского транспорта, сотни успешных акций квартиросъемщиков и безработных сорвали осуществление намеченной буржуазией программы голода и решающим образом способствовали свержению правительства Папена. Рост революционных боев и обострение капиталистического кризиса буржуазия пытается теперь приостановить объединением всех фашистских сил... Из всего этого вытекает необходимость немедленной мобилизации всего рабочего класса против любых мер фашистского подавления...»⁵¹

В речах революционных руководителей пролетариата, в воззваниях КПГ, в призывах Антифашистской акции и Революционной профсоюзной оппозиции вновь и вновь подчеркивалась мысль, незадолго до того высказанная Эрнстом Тельманом: частичные бои служат «обязательным условием решения дальнейших революционных задач...»⁵². В этих частичных боях против урезывания заработков рабочих и сокращения пособий безработным, за обеспечение миллионов, страдающих от голода и холода, хлебом, картофелем и углем, против выселения из квартир и внесения залогов, против ограничения права на демонстрации и собрания, против запрета газет и против антикоммунистических репрессий, против фашистского террора и папеновских трибуналов крепло единство масс в расстановке классовых сил. У трудящихся зрела решимость идти на неизбежную борьбу с угрозой фашизма. «Опираясь на организацию повседневной борьбы рабочих на предприятиях, безработных и квартиросъемщиков, — говорилось в цитированном выше письме Общегерманского комитета Антифашистской акции, — следует так укрепить единый рабочий фронт, чтобы он был в состоянии успешно провести массовую политическую забастовку против режима фашистской диктатуры и всех принимаемых ею мер подавления»⁵³.

Растущая боеготовность масс вылилась во второй половине ноября в мощную волну демонстраций в Берлине, Дюссельдорфе, Гамбурге, Хемнице (ныне Карл-Маркштадт) и других городах. Несмотря на голод и холод, десятки тысяч трудящихся вышли на улицу, чтобы поднять свой голос против грозящей фашистской опасности и призвать всех еще стоящих в стороне от борьбы примкнуть к массовому антифашистскому движению.

Это отвечало реалистической оценке Общегерманским комитетом Антифашистской акции, который так разъяснял конкретные боевые задачи: «Все эти задачи мы сможем выполнить, только если включим во все боевые действия, во все комитеты единства, делегации, формирования «Красной самозащиты» новые широкие слои социал-демократических рабочих, членов Свободных профсоюзов, рейхсбаннеровцев, пролетарских спортсменов и христианских рабочих»⁵⁴.

Но именно этого, как и прежде, всеми средствами старались не допустить реформистские лидеры СДПГ и профсоюзов. Первое после парламентских выборов 6 ноября заседание социал-демократического руководства прошло под впечатлением роста голосов, поданных за коммунистов, и было посвящено в первую очередь вопросам борьбы против развернутого КПГ привлечения масс к антифашистской борьбе и против растущего движения Единого фронта. Обсуждение же мер отпора фашизму было отодвинуто на задний план. А через две с половиной недели, в конце ноября, крайние антикоммунисты в профсоюзном и социал-демократическом руководстве, выдавая это за «меньшее зло», даже выразили свою готовность поддержать любых покровителей фашизма в государственной верхушке, которые стремились обеспечить участие военщины в осуществлении диктатуры.

28 ноября председатель АДГБ Теодор Лейпарт и его заместитель Вильгельм Эггерт в ходе предварительных переговоров договорились со Шлейхером о терпимом отношении к тому правительству, которое сформирует генерал, ведь министру рейхсвера было ясно, что после того, как командно-штабные учения показали, что сохранение правительства Папена стало невозможным, а Гинденбург пока все еще воздерживается от предоставления Гитлеру президиальных полномочий, единственной приемлемой для рейхспрезидента кандидатурой на пост канцлера является лишь он сам. При этом правительство Шлейхера (что понимали как его политические противники, так и его «команда») могло играть роль только переходного правительства; за время его пребывания у власти должен быть закончен торг об условиях установления фашистской диктатуры.

4 декабря Эрнст Тельман говорил о правительстве Шлейхера как о «правительстве подготовки гитлеровской коалиции или гитлеровского правительства»⁵⁵. Связанная

с тяжелой промышленностью «Дойче альгемайне цайтунг» спустя два дня без смущения писала: задача такого правительства — «дать передышку германской политике на двенадцать недель, пока носители власти не договорятся с Гитлером»⁵⁶.

Чтобы как можно сильнее вклиниться в эти переговоры и тем обеспечить себе максимальное участие в будущей диктатуре, Шлейхер стремился обрести массово-политическую опору для политики рейхсвера и для своего переходного кабинета. Он не только установил контакты с верхушкой Свободных профсоюзов, но и начал переговоры с руководством христианских профсоюзов и объединениями работодателей.

Но прежде всего Шлейхер постарался заручиться поддержкой Грегора Штрассера, в разведывательном аппарате которого он узнал, что за ним в случае ссоры с Гитлером пойдут минимум 60 членов фракции фашистской партии в рейхстаге. Генералу было известно, что Штрассер крайне обеспокоен ускоряющимся падением нацистского движения, огромными долгами своей партии и якобы «несгибаемой» позицией Гинденбурга, а потому внутри узкого руководящего круга НСДАП выступает за «сближение с государством», т. е. за компромисс с президентским дворцом и рейхсвером. Поддерживаемый Фриком и другими нацистскими бонзами, Штрассер в последние дни пытался побудить Гитлера (вопреки совету Геринга, Геббельса и Рема) для начала — в качестве трамплина к окончательной передаче власти — удовлетвориться постом вице-канцлера.

Когда Шлейхер 3 декабря 1932 г., как и следовало ожидать, включил в свое правительство почти всех министров Папена (новыми были только министр внутренних дел Франц Брахт и министр труда Фридрих Зируп вместо барона фон Гайля и Гуго Шеффера), он предложил пост вице-канцлера самому Грегору Штрассеру, а его последователям — несколько министерских портфелей. Генерал надеялся с помощью своего одобряемого Свободными и христианскими профсоюзами правительства, терпимо воспринятого и СДПГ, а также поддержанного немецкими националистами и штрассеровским крылом НСДАП, создать такую фалангу, которая заставит Гитлера из страха перед окончательным распадом нацистской партии войти в новый кабинет на его, Шлейхера, условиях.

Но все эти планы были построены на песке. Социал-демократическое руководство поняло, что антифашистски настроенные массы СДПГ и Свободных профсоюзов отвернутся от него, если оно встанет на сторону главного закулисного организатора государственного переворота в Пруссии 20 июля, который теперь более или менее незаметно старался приблизить нацистского главаря к рычагам власти. Хотя Носке и некоторые другие крайне правые социал-демократы стояли за них, Лейпарту и Эггерту пришлось прервать конкретные переговоры со Шлейхером. Однако это не помешало им в своем новогоднем послании набиваться в друзья к генералу-канцлеру: «Сегодня Шлейхер старается осуществить часть наших требований. Можем ли мы в этой ситуации отклонить призыв правительства сотрудничать с ним в создании рабочих мест [для безработных]?»⁵⁷

Одновременно рухнули и надежды Шлейхера на Штрассера. Последнему пришлось убедиться: в спорах с поддерживаемым основными силами капитала нацистским главарем, которого те подбивают не отказываться от своих требований, он при попытке расколоть НСДАП останется почти в одиночестве. После ожесточенного спора 5 декабря 1932 г. в берлинском отеле «Кайзерхоф» на так называемом совещании у «фюрера» Штрассер сдался. 7 ноября он сложил с себя все свои официальные посты в НСДАП. Ненадолго задержавшись в Мюнхене, он на следующий же день отправился в отпуск в Италию. Соперники Штрассера по партии воспользовались этим, чтобы изгнать из аппарата НСДАП последователей потенциального руководителя оппозиции.

Разногласия среди крупной буржуазии насчет персонального состава будущего фашистского правительства и по специальным вопросам экономической политики продолжали существовать параллельно обрисованным выше тайным контактам и интригам на политическом уровне. Помехой служили при этом некоторые старые нацистские функционеры (частично с неуместными теперь демагогическими лозунгами, а частично со своими мелкобуржуазно-псевдосоциалистическими взглядами). А посему Гитлер и его клика сразу же воспользовались возможностью устранить этих людей, многие из которых были связаны с Грегором Штрассером, в частности Федером, псевдосоциалистические взгляды которого раздражали крупный капитал. Историк ФРГ Штегман верно замечает

об устранении Штрассера и Федера: «То, что Гитлеру удалось сделать это без раскола партии, укрепило веру крупной буржуазии в его способность справиться с антикапиталистическими (читай: псевдоантикапиталистическими.—В. Р.) настроениями внутри ее»⁵⁸.

Хотя планы Шлейхера провалились уже в первые дни его канцлерства, он продолжал добиваться своей цели. И месяц спустя он, хотя для этого уже не было никаких оснований, все еще считал, что сможет создать для своего правительства «широкую базу, вероятно, от Штрассера до Центра включительно»⁵⁹. Вполне естественно поэтому, что в своей программе, которую он обнародовал 15 декабря в речи по радио и которая была воспринята всеми как его правительственное заявление, Шлейхер ориентировался и на антикапиталистическую демагогию Штрассера, и на реформистские обещания профсоюзных боссов из АДГБ. Лидер Немецкой народной партии Дингельдей, выразивший большое и растущее «неудовольствие хозяйства» новым канцлером, охарактеризовал эту речь по радио как «речь для галерки, а не для партера»⁶⁰.

Хотя Шлейхер, как первый генерал в канцлерском кресле республики, должен был показать свою решительность и грозил прибегнуть к «применению вооруженной силы» против «подстрекателей к беспорядкам» и принять (несомненно, всерьез) «драконовские меры против коммунистической партии», ему все же пришлось отменить папеновские чрезвычайные распоряжения, а также временно приостановить повышение налогов и сокращение заработной платы рабочих и окладов служащих. А посему он провозгласил себя «социальным генералом», который не является «ни приверженцем капитализма, ни приверженцем социализма». Он дал понять, что готовятся меры государственно-капиталистического характера, которые должны повести к развитию сырьевой и военной промышленности, а также способствовать их тесной увязке с рейхсвером. Одновременно эти меры должны были породить иллюзии о «притуплении остроты» капиталистической эксплуатации. Шлейхер подчеркивал, что правительство начинает осуществлять обширную, руководимую государством программу создания новых рабочих мест с целью ликвидации безработицы, что оно будет проводить широкую поселенческую политику особенно потому, что он «как военный министр придает большое значение... заселению восточных областей»⁶¹.

Можно было бы сказать, что, провозгласив такую программу, Шлейхер уселся меж двух стульев. Но такое утверждение не состоятельно потому, что одного стула уже не было: какой-либо организованной оппозиции Штрассера в НСДАП больше не существовало, а руки реформистского профсоюзного руководства были связаны антифашистско-антимилитаристской в своей основе позицией шедших за ним масс.

Таким образом, здесь у Шлейхера была зияющая пустота. А заискивание перед, так сказать, вторым стулом было напрасным. Хотя монополисты и юнкерство и считали антикоммунистическую решительность юнкера Шлейхера в порядке вещей, на эту приманку они все же не клюнули. В конце концов генерал был вовсе не единственным апостолом антикоммунизма, и все давало основание полагать, что другой — в первую очередь именно Гитлер — будет выступать против революционного рабочего движения еще более жестоко.

И уж совершенно неприемлемыми для монополистического капитала были шлейхеровские антикапиталистические амбиции, его намеки о контроле со стороны государства и национализации, его ламентации насчет того, что «крупные предприятия хотят пользоваться всеми выгодами частнособственнического хозяйства, а все убытки, прежде всего риск, перекладывать на государство». Тем самым новый канцлер рисовал такую перспективу, которая весьма сильно отличалась от обещанного Гитлером «самоуправления хозяйства». Но еще больше, чем крупные промышленники, негодовали крупные помещики: они восприняли программу, которую можно было осуществить только за счет их имений, как объявление войны всему их сословию.

Назначенный Шлейхером на пост имперского комиссара по обеспечению работой и по восточным поселениям (несколько позже временно входивший и в состав гитлеровского кабинета) Гюнтер Гереке, человек с весьма переменчивой политической судьбой, рассказывает в своих мемуарах, что рейнско-вестфальская тяжелая индустрия, «Рейхсландбунд» и «Пангерманский союз» после официального заявления Шлейхера весьма энергично выступили против нового канцлера. «Этого,— продолжает он,— мы, собственно говоря, и ожидали; но я, как и Шлейхер, был удивлен, когда узнал о растущих признаках того, что ведущие деятели электротехнической и хи-

мической промышленности также отклоняют наши концепции»⁶².

На самом же деле позиция этих людей (Герике называет Сименса, Боша * и Дуйсберга) не должна вызывать удивления. Подобно представителям остальных групп монополистического капитала, они стремились к назначению Гитлера — человека, который с давних пор был готов проделать за них «всю работу» во внутренней и внешней политике, а также требовал осуществления «принципа фюрерства» и в области вооружения. Они тоже пришли к выводу: путь к канцлерству Гитлера следует проделать не со Шлейхером, а помимо его. Эту мысль теперь выразил состоявший в тесном контакте с Гитлером доверенный человек нацистских промышленников Кепплер. 19 декабря он писал Шрёдеру: «Я рад, что в ноябре не произошло назначения нашего фюрера, ибо необходимое тогда включение господина ф[он] Шл[ейхера] в кабинет не принесло бы хороших плодов»⁶³.

У инспираторов назначения Гитлера, проявивших месяц назад инициативу с подачей петиции Гинденбургу, после шлейхеровского правительственного заявления терпение постепенно иссякало. Все аргументы в пользу быстрого установления диктаторского режима во главе с Гитлером за минувшие месяцы приобрели для них еще больший вес. Влияние руководящей клики НСДАП даже на своих сторонников падало с каждым днем. 15 декабря Геббельс записал в своем дневнике: «Стоит большого труда держать СА и партийный аппарат в духе ясного курса. Самое время прийти нам к власти».

Антифашистская боевая готовность масс росла. В докладах министерства внутренних дел о положении в стране с тревогой указывалось на возросший авторитет КПП, на акции единства рабочего класса во время демонстраций, в осуществлении самообороны, в проведении стачек на предприятиях, забастовок квартиросъемщиков, на проявления солидарности, на различные пролетарские конгрессы и т. п.

С другой стороны, ощутимо продолжала нарастать и тенденция к оживлению экономической конъюнктуры, что могло положительно сказаться на укреплении будущего режима насилия. И наконец, принятое 11 декабря

* Имеется в виду явно Карл Бош — представитель правления «ИГ Фарбениндустри». — Авт.

заявление пяти держав (США, Англии, Франции, Италии и Германии) относительно германского «равноправия» в вооружении служило особенно благоприятным исходным пунктом для форсирования фашистской политики агрессии и войны.

Так как для ускорения назначения Гитлера явно требовалось дополнительное давление на рейхспрезидента, некоторые монополисты и нацистские бонзы стали готовить следующий шаг воздействия на Гинденбурга. Их план, руководящее участие в выработке и осуществлении которого снова принял Шахт, предусматривал свести вместе Папена и Гитлера, до этого действовавших в одном и том же направлении, но порознь. В качестве соучастника и режиссера этой встречи они привлекли барона фон Шрёдера. На допросе в Нюрнберге он показал следующее: «Прежде чем предпринять этот шаг, я посоветовался с несколькими господами из хозяйственных кругов и в общих чертах получил информацию о том, как хозяйство относится к их (Гитлера и Папена.— *В. Р.*) сотрудничеству»⁶⁴.

Папен, обозленный после назначения Шлейхера тем, что его преемник хочет вместе с «его» министрами, но без него достигнуть той же цели, к которой стремился он сам, уже примерно с 10 декабря (тоже по показаниям Шрёдера) пытался сблизиться с Гитлером. Он хотел успокоить ярость Гитлера лично против себя в связи с отказом 13 августа. После разговора Шрёдера с Папеном 19 декабря дело продвинулось настолько далеко, что Кепплер сообщил Гитлеру: «Господин ф[он] П[апен] считает скорое политическое изменение положения возможным и необходимым и полностью выступает за Ваше канцлерство. Господин ф[он] П[апен] желает иметь с Вами доверительную беседу, чтобы разъяснить Вам имевшее прежде место (в августе.— *В. Р.*) событие и поговорить о дальнейшем политическом процессе»⁶⁵.

В отличие от традиционных буржуазных политиков, которые при своих контактах с нацистским главарем всегда принимали во внимание возможность всяких неожиданностей и выходов с его стороны, глашатаи монополистической буржуазии, казалось, даже и не сомневались в согласии Гитлера на необходимую, с их точки зрения, встречу с Папеном, которого нацисты в своих демагогических целях называли не иначе как реакционером. В тот же день, 19 декабря, когда он писал «фюреру», Кепплер, не ожидая ответа Гитлера, в письме Шрёдеру сообщил, о чем,

собственно, должна идти речь на этой встрече. В письме говорилось: «Господин фон Папен наверняка может наилучшим образом судить о том, каково ныне настроение старого барина (Гинденбурга.— *В. Р.*) и как лучше всего преодолеть его сопротивление»⁶⁶. Далее указывалось, что именно должен предпринять Папен, дабы побудить рейхспрезидента «пойти на единственно правильную меру». Под нею понималось назначение Гитлера главой сформированного вместе с Папеном правительства, обладающего президиальными полномочиями, причем «в первые же месяцы будущего года» («оживление хозяйства удастся осуществить только весной») и без предварительных выборов в рейхстаг. «Здесь господин ф[он] П[апен],— добавлял Кепплер в другом письме,— смог бы выполнить великую историческую миссию»⁶⁷.

Встреча Гитлера с Папеном, о которой Шлейхер, несмотря на строжайшую конспирацию, узнал в тот же день, состоялась 4 января 1933 г. в Кёльне в доме Шрёдера. Довольно подробное сообщение (сделанное записным фальсификатором истории Папеном спустя 19 лет, когда фашистская диктатура уже сгинула в аду развязанной ею второй мировой войны и была полностью дискредитирована) о происходивших на этой встрече переговорах служит лишь одной цели: обелить самого автора этого сообщения. Оно гораздо больше затуманивает происшедшее, чем освещает его. Более полное представление о ходе беседы дает показание Шрёдера, который, однако, постарался как можно меньше сказать о зависимости обоих партнеров по переговорам от монополий.

В отличие от оставшихся в приемной Гесса и Гиммлера, которые сопровождали Гитлера, Шрёдер присутствовал во время всей беседы. Он излагает ее следующим образом: «Далее (после устранения некоторых разногласий.— *В. Р.*) Папен сказал, что он считает наилучшим сформировать такое правительство, в котором бы консервативные и национальные элементы, поддерживающие его, были представлены вместе с нацистами. Он предложил, чтобы новое правительство по возможности возглавлялось Гитлером и Папеном. В ответ Гитлер произнес длинную речь, в которой сказал, что, если будет назначен канцлером, сторонники Папена смогут принять участие в его (Гитлера) правительстве в качестве министров, если они пожелают поддерживать его политику, преследующую цель внести многие изменения в существующие условия. Он

обрисовал эти изменения, включая устранение всех социал-демократов, коммунистов и евреев с руководящих постов в Германии и восстановление порядка в общественной жизни. Фон Папен и Гитлер достигли принципиального согласия, в результате которого... возникла возможность сотрудничества. Договорились, что дальнейшие подробности надо подработать»⁶⁸.

Этой благословленной Шрёдером договоренностью стрелки были окончательно переставлены на принятие в том же месяце «решения — Гитлер». Однако Френцхен, как пренебрежительно называл Папена Шлейхер, считал, что речь идет о «решении — Гитлер плюс Папен». Нацисты же, которые нуждались в Папене как в своем ходатае перед Гинденбургом, его в этом, разумеется, не разубеждали. Однако всего через несколько недель после формирования 30 января 1933 г. фашистского правительства под вывеской «Гитлер плюс Папен» от гитлеровского «вице», как известно, уже избавились. А еще через полгода Папен и совсем впал в немилость у нацистов. Когда 30 июня 1934 г. нацистский главарь разделался со своими прежними соперниками, Папен остался в живых только благодаря своим хорошим личным отношениям с Гинденбургом.

После достигнутого в доме Шрёдера соглашения оба партнера ринулись, каждый по своей беговой дорожке, к цели — реализации этого соглашения. Гитлеру было необходимо предварить свое вступление в Имперскую канцелярию эффектной победой хоть на каких-то выборах, чтобы повысить свое влияние в массах. Поэтому обычно не имевшая никакого существенного значения избирательная борьба на выборах в ландтаг карликовой земли Липпе, где проживало всего $\frac{1}{4}$ процента населения Германии, вдруг выдвинулась на первый план. Успехом на этих выборах нацисты хотели доказать недоказуемое — что кризис их партии преодолен, а движение их находится на новом подъеме. Поэтому они бросили на выборы в Липпе огромные деньги и своих лучших ораторов. Гитлер лично отправился из Кёльна в Детмольд, столицу этой крошечной земли, чтобы провести там несколько театрализованных митингов. Благодаря такому большому напору НСДАП удалось на выборах, состоявшихся в Липпе 15 января 1933 г., добиться некоторого роста числа голосов по сравнению с выборами в рейхстаг 6 ноября.

Папену надлежало после соглашения от 4 января по-

будить рейхспрезидента как можно быстрее осуществить требования, содержащиеся в ноябрьской петиции монополистической элиты. Этому он и посвятил свои усилия после возвращения в Берлин 9 января. Невероятно переоценивая значение собственной личности, он заверил рейхспрезидента, что этому выскочке Гитлеру никак не выйти из-под его контроля, ибо он, Папен, хоть и второй человек в кабинете, будет играть в нем первую скрипку. Неспособность этого высокомерного аристократа оценить реальное положение зашла столь далеко, что в беседе с Гинденбургом и руководителями «Стального шлема» Дюстербергом и Зельдте о назначении нацистского главаря рейхсканцлером он самодовольно заявил: «Мы поставим Гитлера в рамки»⁶⁹. А через несколько недель он даже договорился вот до чего: «Я пользуюсь доверием Гинденбурга. Через два месяца мы так загоним Гитлера в угол, что он запищит». Во время беседы в конце января Папен тоном, не допускавшим сомнений, заявил: как вице-канцлер, он возьмет на себя руководство «всем хозяйством, включая сельское».

Папен явно представлял себе дело так, что в кабинете будет существовать такое распределение обязанностей, при котором Гитлер будет произносить речи из окна имперской канцелярии, дабы удерживать в повиновении поддающуюся нацистской демагогии часть населения, фашистские министры внутренних дел Германии Фрик и Пруссии Геринг возьмут в свои руки подавление рабочего движения, а сам он со своими «консервативными и национальными» коллегами, собственно, и будет вершить правительственные дела.

Это нереалистическое, продиктованное собственными желаниями, фантастическое представление побудило Папена прежде всего поехать из Кёльна в Рурскую область. Там он в качестве, как он воображал, экономического ментора будущей правительственной команды решил посоветоваться с генеральными директорами крупных концернов (например, 5 января в Дортмунде с Фёглером и Шпрингорумом). Хотя никаких данных о том, где находился Папен 6 и 8 января, нет, можно предположить, что и в эти дни он встречался с влиятельными, однако предпочитавшими избегать глаз общественности крупными промышленниками.

Все говорит за то, что капитаны индустрии (несомненно, те же люди, с которыми Шрёдер советовался насчет целе-

сообразности кёльнской встречи) с удовлетворением восприняли известие о единении Гитлера и Папена и воспользовались случаем высказать будущему вице-канцлеру свои особые желания в области экономики, финансов и налоговой политики. Но нет никаких сведений о том, что они разделяли, а тем более приветствовали представления Папена насчет распределения обязанностей в будущем кабинете.

Они знали, что Гитлер как главная фигура фашизма — в противоположность обанкротившемуся президиальному канцлеру — не удовольствуется слишком узкой для него программой чрезвычайных распоряжений. Нет, он готов взяться за решение тех основных проблем, которые вот уже с 1918—1919 гг. заботили монополистический капитал: устранение всех препятствий на пути извлечения прибылей, уничтожение рабочего движения, удаление из общественной жизни всех демократических сил, пересмотр итогов мировой войны и результатов Ноябрьской революции, осуществление претензии Германии на руководящую роль в антисоветском «крестовом походе», курс на новую захватническую войну. Это, само собой разумеется, предполагало, что фашистский глава правительства должен на самом деле взять в свои руки бразды правления, а вовсе не дать низвести себя до папеновского «министра болтологии».

Крупные промышленники дали ясно понять свою точку зрения. В ответ на сообщение Папена они открыли денежные сейфы отнюдь не довольно неуверенно поддерживавшим будущего вице-канцлера немецким националистам, а фашистской партии. За одну неделю огромные долги НСДАП словно растаяли. Геббельс, еще в конце декабря 1932 г. в отчаянии причитавший насчет денежных забот и предвидевший «темное и мрачное» будущее, в середине января записал в своем дневнике: финансовое положение партии «в одно мгновение коренным образом изменилось». Согласно опубликованному в то же самое время в «Байрише штатсцайтунг» сообщению, всего за несколько дней НСДАП получила минимум 10 млн. марок, из них 4 млн.— от одного лишь концерна «Ферайнигте штальверке»⁷⁰.

Симптоматично было и то, что по крайней мере часть магнатов Рура (в первую очередь Кирддорф) не удовлетворялась только информацией Папена о соглашении от 4 января и разговорами с ним одним о будущей прави-

тельственной политике. Поэтому Гитлеру, возившему с собой в обозе Геринга и Гесса, пришлось 7 января вслед за Папеном отправиться в Мюльхайм (на Руре) и там самому выступить перед приглашенными магнатами тяжелой промышленности и банкирами с докладом о принятых решениях.

Подробности этих и, возможно, других подобных встреч неизвестны, что весьма типично для сотрудничества капитанов хозяйства с реакционными политиками. Мы знаем только то, что после поездок Гитлера и Папена в Рурскую область события стали развиваться поистине стремительно. Не проходило и дня, чтобы нацистский главарь не подбирался все ближе и все ощутимее к канцлерскому креслу.

9 января Папен встретился со Шлейхером, лицемерно заверив его в том, что не замышляет против него ничего дурного. Затем беседовал с Гинденбургом; ему он посоветовал, как лучше всего избавиться от нынешнего канцлера и заменить его Гитлером. Папен явно (возможно, по телефону) сразу же информировал нацистское руководство об этих обеих встречах. Иначе Геббельс не смог бы в тот же день зафиксировать в своем дневнике, что Гинденбург решил лишить Шлейхера президиальных полномочий. Шеф фашистской пропаганды записал: «Дела наши идут хорошо. Если больше не произойдет ничего особенного, на этот раз все вполне удастся... Во всяком случае нынешнее правительство не имеет ордера на роспуск рейхстага».

Таким образом, нацистская верхушка уже в тот момент оказалась гораздо лучше информированной, чем обычно всеведущий и все еще полагавшийся на свой отличный информационный аппарат Шлейхер. У того даже и неделю спустя, 16 января, на совещании министров не возникло и тени сомнения в том, что в случае необходимости он будет в состоянии послать рейхстагу подписанный президентом «письменный ордер на его роспуск»⁷¹. На самого же Гитлера краткая информация Папена произвела такое впечатление, что он немедленно поспешил в Берлин с целью еще в полночь 10 января выслушать от своего будущего вице-канцлера подробный рассказ о разговоре с Гинденбургом.

Наверняка не без содействия Папена 11 января в президентском дворце появились руководители высокоценового Гинденбургом «Ландбунда» граф Калькрёйт, фон Зибель и фон Рор-Деммин, чтобы настроить старика про-

тив поселенческой политики Шлейхера, который считал, что рейхсвер вовсе не предназначен «охранять отжившие отношения собственности»⁷² в сельском хозяйстве. Возможно, беседа эта (ко второй ее части Гинденбург привлек Шлейхера) и не отвечала их ожиданиям. Во всяком случае руководство «Ландбунда», дабы придать своим протестам наибольший вес, сразу после этой аудиенции опубликовало свою резолюцию. В ней говорилось, что обнищание сельского хозяйства приняло «при терпимом отношении со стороны нынешнего правительства такой масштаб, какой был бы немислим даже при чисто марксистском (имеется в виду социал-демократическом.— В. Р.) правительстве»⁷³.

Аристократические просители прибегли к столь острым выражениям потому, что бюджетная комиссия рейхстага, как стало известно из парламентских кругов, в ближайшие дни собиралась создать следственную комиссию для расследования «непорядков» (читай: коррупции) в организации так называемой восточной помощи и многие из этих господ хотели путем немедленной ликвидации всех парламентских институтов и так или иначе связанного с ними правительства избежать затрагивающих их лично разоблачений. Сам Гинденбург тоже был замешан в подобной коррупции⁷⁴, а потому к просьбе ландбундовцев оказался весьма восприимчив.

Однако при данном положении вещей ни о каком согласии в лагере реакции, а тем более единстве среди реакционных противников Шлейхера не могло быть и речи. Например, Имперский союз германской индустрии резко выступил против президиума «Ландбунда» и заявил (прямо-таки в нацистских демагогических выражениях), что возмущен «ограблением сельского хозяйства в угоду всемогущим интересам денежного мешка, принадлежащего ориентирующейся на международный рынок экспортной промышленности и ее сателлитам»⁷⁵.

Тем временем Гитлер и Папен, старавшиеся перехитрить друг друга (последний, правда, без всяких перспектив на успех), продолжали торговаться по оставшимся 4 января еще не выясненным пунктам. В частности, спор шел по персональным вопросам: о дальнейшем подчинении Пруссии рейху и о передаче отдельных ведомств министерству рейхсвера и министерству внешней политики. Поскольку в августе Гинденбургу внушили (с точки зрения конституционного права это было лишено какого-либо

основания), будто он, как главнокомандующий рейхсвером и международно-правовой представитель государства, может назначать глав обоих министерств по собственному желанию, то он со свойственным ему упрямством держался за свое право. Поэтому Папен считал, что сможет использовать данное обстоятельство для расширения своего влияния на будущее правительство. Он даже попытался оказать давление на нацистов, заявив, например, 18 января: у него не хватает влияния на Гинденбурга, чтобы добиться назначения Гитлера.

Бушевавший нацистский главарь был несколько успокоен Герингом, Фриком и другими своими советниками; сначала он уехал из Берлина, а потом вернулся. Теперь ради спасения своего престижа он вынужден был искать компромисса: предложить на пост военного министра такого генерала, который бы, с одной стороны, был верен свастике, а с другой — пользовался доверием Гинденбурга. Таким человеком явился тогдашний глава делегации рейхсвера на Женевской конференции по разоружению генерал-лейтенант Вернер фон Бломберг. Как и Гинденбург, он принадлежал к старинной офицерской фамилии, воспитывался в кадетском корпусе и служил в Большом генеральном штабе.

Поскольку предметом спора служил и пост министра иностранных дел, Гитлер привлек к шедшим с переменным успехом переговорам с Папеном о коалиционном правительстве своего советника по внешнеполитическим вопросам Иоахима фон Риббентропа. Имевший свою виллу в фешенебельном районе западного Берлина, Риббентроп из соображений секретности предоставил ее для встреч Гитлера и его ближайших сообщников с Папеном (18 и 22 января), а также Геринга и Фрика с Папеном (24 января). Встречи проходили по всем правилам конспирации: участники покидали оперный театр во время действия, пересаживались в темноте из одной автомашины в другую, и она мчалась в прямо противоположном направлении, избирали зигзагообразный маршрут и прибегали к иным подобным методам маскировки.

Все эти предосторожности хотя и скрыли подробности ковавшегося фашистского заговора, однако не смогли помешать общественности в общих чертах узнать о нем.

Старые буржуазные партии (в той мере, в какой они еще были способны действовать) отреагировали на него тем, что заблаговременно постарались примкнуть к буду-

щему фашистскому правительству. Гугенберг попытался сделать это (хотя сам он зачастую действовал противоречиво) посредством сближения с Папеном. Немецкая народная партия и Баварская народная партия, а также Центр (хотя в нюансах по-разному) руководствовались ошибочным предположением, будто они смогут вклиниться в возглавляемое нацистами правительство, следуя за Шлейхером. Не выступая открыто за непопулярного канцлера в генеральском мундире, они поддерживали его кабинет.

Социал-демократическое руководство плыло все в том же фарватере, как и до 20 июля 1932 г., бодро заявляя, что организованный рабочий класс не допустит нарушения конституции. В то же время оно активно препятствовало сплочению антифашистских сил и уклонялось от любой подготовки конкретных боевых акций. Основная масса рабочих, состоявшая в Социал-демократической партии и Свободных профсоюзах, «Рейхсбаннере» и других реформистских организациях, стремилась к активному отпору фашизму. Однако в большинстве своем она не решалась вести эту борьбу вопреки руководству СДПГ и профсоюзов. Это большинство боялось, что разрыв между руководством СДПГ и массой приведет к помехам в функционировании хорошо отлаженного организационного механизма и к его ослаблению в час суровых испытаний.

Лишь меньшинство сторонников социал-демократии (как и часть количественно небольшой демократической интеллигенции) было готово идти вместе с коммунистами. Но оно не было достаточно сильным для того, чтобы помешать распространяемому правосоциалдемократическими лидерами антикоммунизму. Это мешало сплочению и единым действиям противников Гитлера для отпора фашизму.

Сплочения и совместных действий всех антифашистских сил с большой настойчивостью добивались коммунисты. В речи на берлинском кладбище социалистов во Фридрихсфельде 15 января 1933 г. по случаю 14-й годовщины со дня убийства реакцией Карла Либкнехта и Розы Люксембург Вильгельм Пик страстно призывал всех трудящихся сплотиться вокруг надпартийных органов единства действий на борьбу против фашизма, капитализма, грозящей диктатуры, против разбойничьего нацистского террора и самоубийственной политики терпимости к фашизму со стороны правосоциалдемократических лидеров.

Клеймя исходящую от гитлеровского фашизма опасность войны, Вильгельм Пик страстно говорил: «Мы предостерегаем вас, рабочие Германии и всего мира: империалисты готовят преступление — развязывание новой войны, и в первую очередь войны против единственного в мире государства рабочих — против Советского Союза!» Обращаясь к немецким рабочим, он заявил: «Мы должны осуществить тот призыв, тот смелый клич, который бросил рабочему классу Карл Либкнехт во время мировой войны: разбить врага в собственной стране!»⁷⁶

В этих исторических словах нашел свое отражение тот факт, что здесь, у могилы погибших основателей Коммунистической партии Германии, формировался первый отряд той армии антифашистского Сопротивления, в ряды которой в годы второй мировой войны вступили сотни тысяч и миллионы антифашистов и партизан из всех оккупированных нацистским вермахтом стран и в рядах которой они внесли свой важный вклад в разгром фашизма Советским Союзом и другими державами антигитлеровской коалиции.

Борьба коммунистического авангарда в Германии и мобилизованных им миллионов немецких трудящихся привлекала к себе внимание всех политически мыслящих людей всего мира. С затаенным вниманием и друзья и враги следили за тем, удастся ли классово сознательным силам на родине основоположников научного социализма, в стране, богатой традициями революционного рабочего движения, где действует сильнейшая в капиталистическом мире коммунистическая партия, отразить наступление ударного отряда империалистической контрреволюции, превосходящего по своей мощи и жестокости все прежние виды реакции.

Свою солидарность с немецкими антифашистами выражали рабочие и крестьяне Советского Союза, пролетарские организации Франции, Польши, Бельгии, Италии и многих других стран. Об их боевом содружестве с германскими революционерами писал Эрнст Тельман в статье, посвященной 10-й годовщине оккупации Рура. После Вильгельма Пика на кладбище социалистов во Фридрихсфельде выступил руководитель Французской коммунистической партии Морис Торез. Он заверил своих немецких братьев по классу в солидарности французских рабочих в борьбе против фашизма и угрозы войны.

В этой ситуации фашисты стремились не только дока-

зять своим закулисным покровителям внутри страны, что они в состоянии разгромить революционные силы рабочего класса в Германии, но и показать свой воинствующий антикоммунизм империалистам по ту сторону границы. Они провокационно назначили на 22 января марш своих банд в сердце Красного Берлина — перед Домом имени Карла Либкнехта, где размещался Центральный Комитет КППГ.

Это провокационное намерение вызвало мощную волну гнева и возмущения антифашистов во всех частях Германии. Во многих районах Берлина, в Кёльне, Дрездене, Мюнхене, Эрфурте, Нюрнберге, Аугсбурге и других городах тысячи и тысячи трудящихся вышли под лозунгами Антифашистской акции в знак протеста против наглого вызова нацистов. Коммунисты, социал-демократы, беспартийные последовали обращению КППГ, которая призвала массы ни при каких условиях не мириться с дальнейшим наступлением фашизма.

«Фабрики и заводы, — говорилось в этом обращении, — поднимайте тревогу! Биржи труда, поднимайте тревогу! Пролетарии, поднимайте тревогу! Вся антифашистская Германия во главе с Красным Берлином защищает свои интересы, защищает свою жизнь, защищает свою партию, защищает свой большевистский Центральный Комитет от провокационного покушения наемников трестовского капитала. Следующее воскресенье (22 января.— В. Р.) имеет исключительно большое значение для всех немецких трудящихся. Террористические акции и участвовавшие нападения призваны подготовить новые акции государственного переворота со стороны контрреволюции.

Наш клич: предприятия, биржи труда, будьте готовы к борьбе! Кровавый марш нацистов в Берлине и в других германских городах и селах направлен против вас! Немедленно выражайте свое отношение к этому на всех предприятиях и биржах труда! Принимайте резолюции протеста, решения о борьбе и забастовках! Готовьтесь к массовой стачке!.. Наша борьба против фашистской провокации должна привести к мощному оживлению действий всех трудящихся Германии против фашизма! Трудящиеся! Защищайте самих себя, ваших жен и детей от свинца и ножей фашистских убийц!.. Наш лозунг на ближайшие дни и недели: пусть это будут недели антифашистского штурма! Пусть прозвучит по всей стране миллионкратная тревога!»⁷⁷

Через три дня после нацистского парада, ограждаемого

шпалерами полиции от возмущенных берлинских рабочих, КПП и Антифашистская акция призвали к массовой демонстрации перед Домом имени Карла Либкнехта. Поскольку большинство демонстрантов подходило по окончании работы, колонны формировались по большей части тогда, когда короткий зимний день уже клонился к вечеру. Они стекались уже в темноте из различных районов и пригородов Берлина к площади Бюловплац. Вечер был для Берлина необычно холодным: ртутный столбик термометра упал до 16—18 градусов ниже нуля. Многие демонстранты были истощены голодом, у них не было настоящей зимней одежды, обувь рваная. И все-таки 130 тыс. человек собрались на площади для того, чтобы заявить о своей готовности дать отпор фашизму и о своей приверженности революционной партии рабочего класса.

Полиция чинила демонстрантам всякие препоны. То какой-нибудь полицейский офицер орал с оперативной машины, что пение боевых рабочих песен запрещено, и грозился разогнать демонстрантов резиновыми дубинками. То полиция разрывала колонну на части и заставляла продрогших людей без всяких причин подолгу стоять на перекрестках. Но трудящиеся не давали запугать себя. Там, где им запрещали петь, они насвистывали свои рабочие марши. Там, где их разъединяли, они создавали новые головные колонны, и люди шагали еще решительнее. Там, где их останавливали, возникали стихийные митинги, в которых принимали участие и стоявшие на тротуарах. Работницы из близлежащих домов приносили демонстрантам горячий чай и кофе из цикория, выражая этим свою поддержку. Целых четыре часа шли рабочие колонны мимо трибуны перед Домом имени Карла Либкнехта, на которой с поднятым в знак приветствия кулаком стоял Эрнст Тельман, а рядом с ним — его ближайшие боевые соратники Йон Шеер, Вальтер Ульбрихт, Франц Далем и другие товарищи.

В то время как проходила эта демонстрация, одна из самых грандиозных, какие когда-либо видела столица Германии, на одной из вилл в западной части города фашистские заговорщики плели последние петли своего коварного заговора. По поручению нацистского главаря Риббентроп вел в своем доме в районе Далем конспиративные беседы с президентским сыном и адъютантом Оскаром Гинденбургом, который тремя днями раньше

включился в переговоры о создании фашистского правительства.

Как ни невероятно это звучит, но Оскар Гинденбург обладал еще меньшими интеллектуальными способностями, чем Папен, и не шел в сравнение даже со своим умственно инертным отцом. Выросший в среде, где умели обращаться с властью или по крайней мере делали вид, что умеют, он со своим неумным честолюбием решил тоже «делать» историю. Своей помощью тому, что он называл «национальным спасением» Германии, он рассчитывал теперь вписать свое имя в историю и обеспечить продолжение блестящей карьеры и после уже недалекой смерти 85-летнего фатера. В качестве «подарка» к своему 50-летию 31 января 1933 г. он ожидал получить от папаши назначение Гитлера рейхсканцлером. Но поскольку за неделю до этого срока дело выглядело так, будто вступление нацистского главаря в Имперскую канцелярию еще задержится на какое-то время, Оскар 22 января просидел с Гитлером в доме Риббентропа целых два часа, а затем вместе с Папеном и статс-секретарем Майснером беседовал с главарем нацистов, Герингом и Фриком.

Вмешательство Оскара, претендовавшего на то, что он лучше всех знает, как воздействовать на рейхспрезидента, было использовано Папеном, чтобы обеспечить Гугенбергу как своему потенциальному союзнику внешне влиятельное место в будущем кабинете. 25 января Оскар беседовал с Риббентропом наедине. На следующий день Геринг и Фрик вели переговоры с фракцией немецких националистов в рейхстаге, в то время как Папен совещался с Гугенбергом и руководителями «Стального шлема». Они договорились держать Гитлера «в рамках».

27 января враждующие главари гарцбургского фронта Гитлер и Гугенберг встретились и сразу же вступили в резкий спор из-за вопроса о Пруссии, а вероятно, и из-за кандидатуры на пост министра экономики. Правда, вскоре их удалось утихомирить. Якобы не поддающегося никакому влиянию Гитлера настроили на примирительный лад Геринг и Фрик, а упрямого Гугенберга — Папен. Таким образом, 28 января разногласия между обоими высшими представителями реакции в конечном счете удалось устранить настолько, что Гинденбургу был положен на стол более или менее окончательный список членов гитлеровского кабинета.

В этот момент, в полдень 28 января 1933 г., подал в от-

ставку рейхсканцлер Шлейхер. Перед тем на аудиенции у рейхспрезидента он заявил: есть только два пути — или кабинет Гитлера (будь то правительство меньшинства или большинства), или предоставление его, Шлейхера, правительству президиальных полномочий, а особенно права роспуска рейхстага, и вопреки конституции перенесение выборов на осень. Однако Гинденбург, уже сделавший выбор в пользу нацистского канцлера, в ответ привел тот аргумент, который сам Шлейхер дал ему в руки результатами командно-штабных учений в ноябре 1932 г.

Тогда Шлейхер, чтобы сбросить Папена, постарался доказать, что правительство, отвергаемое $\frac{9}{10}$ населения и поддерживаемое только рейхсвером, втянет страну в бесперспективную гражданскую войну. Но теперь за правительство Шлейхера не стоял целиком даже весь рейхсвер. Это стало внезапно ясно, когда ближайший сотрудник Шлейхера, начальник войскового управления рейхсвера генерал фон Гаммерштейн (и его начальник не смог помешать этому) 29 января отправился к Гитлеру и предложил ему свою поддержку (а это значило — поддержку рейхсвера) на тот случай, если в президентском дворце возникнет еще какое-либо сопротивление немедленному назначению нацистского главаря на пост рейхсканцлера ⁷⁸.

29 января все еще висело в воздухе, ибо день был воскресный. Гинденбург, ввиду старческого маразма после полудня никакими государственными делами заниматься не способный, в первой половине дня отправился в кирху. Поэтому на церемонию назначения Гитлера рейхсканцлером у него просто не хватило времени. Кроме того, в Берлин все еще не прибыл генерал Бломберг, сверхпоспешно вызванный из Женевы, поскольку на его назначении военным министром категорически настаивал старик президент с целью не поставить во главе вооруженных сил «человека нацистской партии». А чтобы этот пост хоть одну минуту оставался незанятым, Гинденбург не желал.

Таким образом возникла вынужденная 24-часовая пауза, но участвовавшие в фашистском заговоре честолюбцы, разумеется, сложа руки не сидели. Озабоченные расширением и укреплением собственного участия в будущей власти, они и в самые последние моменты предпринимали попытки отеснить своих конкурентов на менее выгодные позиции. Несколько высших офицеров, хотевших стать Гитлеру необходимыми (если верить воспоминаниям раз-

личных участвовавших лиц), 29 января даже обсуждали в министерстве рейхсвера возможность арестовать Гинденбурга, коли он и далее будет тянуть со своим решением назначить Гитлера канцлером. Сам Гитлер встретился с Папенем и пытался побудить его настаивать перед рейхспрезидентом и будущими министрами-консерваторами на быстром проведении новых выборов в рейхстаг. На них он, опираясь на беспощадный террор, рассчитывал на значительный успех НСДАП и на укрепление своих позиций в отношении партнеров.

Шлейхер, разведывательный аппарат которого функционировал все хуже и потому неточно информировал его о намерениях Гинденбурга, встретился с Гаммерштейном, чтобы еще раз проанализировать свои возможности, но пришел к выводу: «В качестве будущего рейхсканцлера возможен только Гитлер»⁷⁹. Тем самым он признал, что его концепция военно-фашистского дуумвирата Шлейхер — Штрассер или Шлейхер — Гитлер провалилась. Эта капитуляция объяснялась прежде всего изменением образа мыслей Гинденбурга, соглашением немецких националистов с Гитлером, а также открыто профашистскими настроениями офицерского корпуса. Однако все это в конечном счете отражало лишь выраженную в ноябрьской петиции и во время кёльнских встреч волю монополистической элиты, стремившейся без всяких оговорок и дальнейших предварительных условий привести к власти того человека, в которого она верила, — Гитлера.

После того как жребий был брошен и отставка Шлейхера 28 января состоялась, всякие беседы и интриги следующего дня имели уже столь же малое значение, как и абсурдные, раздуваемые буржуазными историками фантастические слухи насчет якобы имевшихся планов восстания против Гитлера Потсдамского гарнизона в ночь с 29 на 30 января⁸⁰.

Необоснованной является и распространенная в буржуазной литературе драматизация прибытия Бломберга в Берлин ранним утром 30 января. Она служит реабилитирующей военщину байкой о якобы типичном в те дни конфликте с совестью у генералов — между освященной присягой верностью впавшему в старческий маразм и принявшему пагубные решения верховному главнокомандующему Гинденбургу, с одной стороны, и моральной обязанностью перед призванными «спасти фатерланд» непосредственными начальниками — с другой.

Обстоятельства прихода Гитлера к власти изображаются так, будто Бломберг, прибывший в Берлин на Ангальтский вокзал, был встречен там представителями двух различных органов (Оскар фон Гинденбургом как посланцем рейхспрезидента и, как положено по службе, адъютантом Гаммерштейна) и ему предстояло решить вопрос, на чьей стороне он: тех, кто хочет, или тех, кто не хочет назначить Гитлера рейхсканцлером.

Гаммерштейн, как уже говорилось, всего несколькими часами раньше предложил свои услуги в качестве пособника нацистского главаря и никоим образом не являлся противником Гитлера, поэтому ни о какой решающей ситуации для Бломберга не могло быть и речи. Ведь он даже не знал, что Оскару приказано доставить его в президентский дворец, чтобы там привести к присяге в качестве первого члена гитлеровского кабинета. Бломберг просто подчинился приказу вышестоящего начальника. Передав через адъютанта извинение Гаммерштейну за свою неявку в министерство рейхсвера, он отправился к главнокомандующему. Однако тот принял Бломберга не в качестве такового, а как глава государства и вручил обескураженному генералу грамоту о назначении его министром рейхсвера, а затем во время завтрака и прогулки в дворцовом саду дал ему время обдумать свою позицию.

Через добрый час, в 10.30, в расположенной неподалеку служебной квартире Папена (в Имперской канцелярии) собрались и остальные кандидаты в министры, чтобы затем всем вместе отправиться к президенту на принятие присяги. Им было назначено явиться точно в 11.00. По пути к заднему portalу президентского дворца между этими персонажами, выступавшими под вывеской «национальной концентрации», еще раз произошла острая перепалка. Когда Гитлер по дороге во дворец в разговоре с Папеном обмолвился, что новое правительство вскоре найдет свою сильную опору в лице вновь избранного рейхстага, Гугенберг проявил строптивость и идти дальше отказался.

Выяснилось, что хотя нацистский главарь и договорился с Папеном насчет новых выборов, но три дня назад добился согласия Гугенберга на роспуск нынешнего рейхстага только заверением, что за этим роспуском никаких новых выборов не последует. Лидер партии немецких националистов, шагая в президентский дворец, заявил: предназначенный ему пост министра он не займет, если,

как он того требовал ранее, его сейчас же не заверят, что рейхстаг вообще распущен не будет. Казалось, формирование правительства в последнюю минуту лопнуло, ибо Гинденбург, как всем этим лицам было известно, согласился на «решение — Гитлер» только при условии: рядом с этими выскочками из нацистской партии будут сидеть «достопочтенные» немецкие националисты.

Громко споря и пререкаясь между собой, претенденты на министерские посты вошли в переднюю приемного зала Гинденбурга, из дверей которого появился статс-секретарь Майснер, чтобы проводить господ к президенту. Но перепалка и свара продолжались. Гугенберг, за свое козлиное упрямство получивший кличку Гугенбок *, использовал досадную ситуацию для шантажа, упорствуя в своем требовании. Прошло десять минут. В дверях снова появился Майснер. На сей раз он предупредил: господин рейхспрезидент уже проявляет нетерпение. Еще через пять минут Майснер появился в третий раз и объявил: через несколько минут президент удалится в свои личные апартаменты.

Тогда Гитлер своим «торжественным честным словом» заверил Гугенберга, что результаты новых выборов ничего не изменят в составе правительства. А Папен стал заклинать председателя партии немецких националистов «не сомневаться в торжественном честном слове немца». В конце концов Гугенберг уступил. Упомянем кстати, что через три месяца после новых выборов в рейхстаг Гугенберга прогнали со всех его министерских постов не только с бранью и позором, но и, что для него было куда хуже, при явном одобрении его прежнего близкого друга Круппа и всего президиума Имперского союза германской индустрии ⁸¹.

А Гинденбург уже просто выходил из себя: он был возмущен 20-минутным опозданием. Брюзжа, он привел министров, одного за другим, к присяге на верность конституции, ради ликвидации которой, собственно, и призвал их к себе. Первым присягнул новый рейхсканцлер Адольф Гитлер, за ним — вице-канцлер Франц фон Папен, одновременно вновь получивший пост рейхскомиссара Пруссии, чего он и добивался. Министром внутренних дел стал старый нацист Вильгельм Фрик, министром без портфеля — ближайший сообщник Гитлера Герман Геринг, ко-

* Игра слов от нем. Hugenberg и Vock (козел, баран, в переносном смысле — упрямец).

торый одновременно был назначен прусским министром внутренних дел с комиссарскими полномочиями (таким образом ему была подчинена полиция крупнейшей германской земли) и одновременно имперским комиссаром авиационного транспорта. Альфред Гугенберг сделался министром хозяйства, а также министром продовольствия и сельского хозяйства, председатель «Стального шлема» Франц Зельдте — министром труда. Министерство иностранных дел и министерство финансов остались в руках подобранных еще Папеном и Шлейхером министров — барона фон Нейрата и графа Шверина фон Крозига. Вновь назначенный на тот же пост прежний министр транспорта и почт барон Эльтц фон Рюбенах из-за болезни на церемонию не явился. Незамещенным остался пост министра юстиции. Только через два дня на него был назначен старый мюнхенский покровитель Гитлера Франц Гюртнер, тоже входивший прежде в состав кабинетов Папена и Шлейхера.

По традиции президент после присяги должен был обратиться к членам правительства с краткой речью. Однако вместо него слово взял Гитлер и в высокопарных выражениях заверил, что превратит раздираемую распрями нацию в «настоящее народное сообщество». Гинденбург поспешил к своему обеденному столу, выпроводив министров из зала с напутствием: «Ну, господа, с богом вперед!»

Весть о назначении Гитлера рейхсканцлером распространилась с быстротой молнии. Радиоприемники в казармах штурмовиков были включены на полную мощность; коричневые громилы горланили «Зиг хайль!» и выкрикивали антисемитские лозунги. На предприятиях и на еще полупустых в полдень биржах труда зловещая новость переходила из уст в уста. Перед зданиями газет и перед витринами, где уже в 13 часов было вывешено краткое сообщение телеграфного агентства Вольфа «Гитлер — рейхсканцлер», собирались группы людей — недовольных и радостных, негодующих и ошеломленных, растерянных и запуганных. Во многих местах в толпе царило молчание — от ужаса или ожидания, в других возникали оживленные споры. Бюргеры и лавочники выражали свое удовлетворение, а иногда и сомнение, действительно ли все будет так, как обещал «фюрер». Молодые парни со значками нацистской партии ликовали: они уже считали себя баловнями будущего.

И ничего похожего — в рабочих районах. Там люди

понимали, что теперь, в самую последнюю минуту, надо действовать. Многие вспоминали капповский путч 1920 г., когда всеобщая забастовка 12 млн. трудящихся за четыре дня смела реакционных заговорщиков. Рядовые социал-демократы и члены профсоюзов считали: вот теперь настал наконец момент, выждать который постоянно уговаривали их руководители. Коммунисты убеждали их: пора перестать ждать отсутствующего сигнала сверху, пора действовать. А действовать — значит объявить всеобщую забастовку. Многие из молодых коммунистов и седовласых товарищей еще вчера распространили листовку, призывавшую: «Веление дня — единый фронт! Массовая забастовка! Не допустить диктатуры Гитлера — Папена — Шахта!.. Адольф Гитлер на переговорах в виллах миллионеров предназначен на пост рейхсканцлера... Контрреволюционные заговорщики-путчисты готовят новое неслыханное покушение на весь трудовой народ! Это — непрерывное осадное положение против революционного пролетариата»⁸².

Через несколько часов после назначения нового правительства, когда сумрачный зимний день уже был на исходе, появилась новая листовка КПГ. Гитлеровское правительство характеризовалось в ней как «открытая фашистская диктатура», как «самое жестокое, самое неприкрытое объявление войны трудящимся, немецкому рабочему классу». КПГ разъясняла: «Кровавый, варварский, террористический режим фашизма устанавливается сейчас в Германии. Массы, не дайте смертельным врагам немецкого народа, смертельным врагам рабочих и крестьян-бедняков, трудовых людей города и деревни творить преступления! Оказывайте сопротивление посягательствам и террору фашистской контрреволюции! Защищайтесь против безграничной социальной реакции фашистской диктатуры! Все — на улицы! Остановите предприятия! Немедленно ответьте на покушение фашистских кровавых псов забастовкой, массовой забастовкой, всеобщей забастовкой!»⁸³

Коммунисты ясно сознавали: для свержения гитлеровского правительства необходима единая и решительная борьба всех рабочих, всех противников фашизма, и это должно произойти раньше, чем новая власть сумеет консолидироваться. «Коммунистическая партия Германии, — говорилось в только что распространенном призыве к трудящимся, — перед лицом всей пролетарской

общественности обращается с этим воззванием к АДГБ, «АФА-бунду», СДПГ и христианским профсоюзам с призывом провести всеобщую забастовку против фашистской диктатуры Гитлера, Гугенберга, Папена, против разгрома рабочих организаций, за свободу рабочего класса!»⁸⁴

По поручению Центрального Комитета КПП Вальтер Ульбрихт еще в тот же день передал Правлению СДПГ предложение немедленно, независимо от всех разногласий, объявить всеобщую забастовку и заставить фашистское правительство уйти. Однако социал-демократическое руководство и теперь не отказалось от рокового и самоубийственного курса. Слепым антикоммунизмом, далекой от реальности верой в буржуазную правовую государственность и генеральной концепцией сотрудничества с буржуазией оно само связало себе руки для отпора фашизму.

Точно так же, как и при папеновско-шлейхеровском государственном перевороте в Пруссии 20 июля 1932 г., Правление СДПГ и сейчас ответило отказом на братское предложение коммунистов о союзе. Чтобы не показаться бездейственным, оно призвало к «единству всего трудового народа» и утешило своих сторонников тем, что будет вести «борьбу на почве конституции». Одновременно оно клеветало на коммунистов, заявляя, что «недисциплинированные действия отдельных организаций и групп» КПП наносят «тяжелейший ущерб»⁸⁵. Таким образом, СДПГ осталась на позиции примиренчества и выжидания, безропотно ожидая смертельного удара классового врага.

Оправдывая антикоммунизм правого руководства СДПГ и словно позабыв, что нацистский главарь, едва появившись на политической арене, стал проповедовать насилие и попрание права, видный социал-демократ Рудольф Брайтшайд* при всеобщем одобрении присутствующих заявил на заседании руководства СДПГ: «Пока Гитлер стоит на почве конституции, пусть даже это тысячу раз лицемерие, было бы ошибкой, если бы мы дали ему повод нарушить конституцию, столкнули бы его с правовой почвы»⁸⁶. Пораженный политической слепотой и судорожно цепляясь за свой пост, в том же духе выступил и руководитель АДГБ Петер Грассман. Назвав всеобщую забастовку «политической бессмыслицей», он сказал:

* Впоследствии Рудольф Брайтшайд, осознавший роковые ошибки социал-демократического руководства, стал убежденным поборником единства рабочего класса и братского союза с коммунистами. Погиб в фашистском концлагере Бухенвальд 18 августа 1944 г. — *Прим. перев.*

«Если рабочий класс даст сейчас сбить себя с толку нецелесообразным политическим или профсоюзным надувательством, это значит, что, возможно, (нацисты.— *В. Р.*), посягнут на сами профсоюзы, возьмут руководителей под превентивный арест, конфискуют профсоюзные дома и кассы»⁸⁷.

Этим отказом активно выступить за самые кровные интересы рабочего класса оппортунистические лидеры социал-демократии в час величайшей опасности углубили раскол пролетариата и взяли на себя груз ответственности перед историей за то, что антифашистское единство действий не было создано. Поскольку Коммунистическая партия Германии не имела достаточно сил для того, чтобы привести в движение находившиеся под реформистским влиянием массы через голову руководства СДПГ или вопреки ему, «это было решающей причиной тяжелого поражения немецкого рабочего класса и установления хищниками финансового капитала фашистской диктатуры»⁸⁸.

Фашистские властители прекрасно знали: их пребывание в министерских креслах, до которых они дорвались, или их свержение, а значит, и их политическая судьба зависят от решительности или нерешительности рабочего класса.

На первом же заседании нового кабинета после полудня 30 января 1933 г. в повестке дня стоял в сущности один вопрос: какими тактическими трюками можно избежать опасности всеобщей забастовки: отсрочкой запрещения КПГ, законом о чрезвычайных полномочиях, новыми выборами? Геринг произнес столь желанные для политиков насилия слова: «В данный момент СДПГ на всеобщую забастовку не пойдет»⁸⁹. С этой уверенностью фашистское правительство приступило к «практической работе» — подготовке беспримерных во всей истории человечества преступлений, к манипуляции сознанием людей для оправдания тех злодеяний, которые оно замышляло.

Вечером этого зловещего дня казавшиеся нескончаемыми колонны штурмовиков с тысячами горящих факелов вступили в правительственный квартал, промаршировали по Вильгельмштрассе, мимо приветствовавшего их поднятой рукой Гитлера и недоумевавшего по этому поводу старого маразматика Гинденбурга. Они провозглашали здравицы в честь «национальной революции», которая являлась враждебным немецкому и всем другим народам контрреволюционным заговором, ликовали по поводу на-

ступления «тысячелетнего рейха». Этот «тысячелетний рейх» всего через 12 лет, покрытый несмываемой кровью, был разрушен народами, боровшимися за свою свободу, честь и независимость. Именно здесь, на этой самой улице, в глубоком бункере Имперской канцелярии, в мерзких предсмертных судорогах испустил дух этот рейх и подход его «фюрер».

30 января 1933 г. знаменовало начало фашистского господства над Германией. В этом факте ничего не меняется от того, что в новом правительстве рядом с Гитлером и его нацистскими сообщниками сидели и фашисты ненацистской масти, а также другие реакционеры. Не меняет ничего и то обстоятельство, что жизнь в Германии в первые дни после назначения фашистского главаря рейхсканцлером, как казалось, шла своим чередом. Новая власть не могла сразу же проявить всю свою бесчеловечность и античеловечность. Но уже через несколько недель она использовала совершенный ею же самой 27 февраля 1933 г. поджог рейхстага как предлог для беспрецедентного по своей жестокости похода против Коммунистической партии Германии и других антифашистов, против всех, кто сохранял верность прогрессу, гуманизму и миру.

Через несколько месяцев после 30 января конституция была растоптана, слово «республика» истреблено, любое подобие социальных и политических прав трудящихся уничтожено, последние препятствия на пути безудержной эксплуатации рабочих сметены. А еще через немного лет фашистская Германия ввергла мир в пучину самой ужасной из всех имевших место войн и решилась на попытку уничтожить созданное в величайших трудах и муках на одной шестой части земного шара социалистическое общество — высшее достижение человечества.

Путь ко всем этим преступлениям и злодеяниям проложило 30 января, тот день, когда все еще функционировавшая в буржуазно-демократической Германии республиканская государственная власть была передана самому воинствующему ударному отряду реакции. 14-летняя предыстория 30 января — и это нельзя забывать! — является важной и определяющей частью истории Веймарской республики. Она доказывает, что вовсе не какой-то превосходящий всех окружающих и наделенный сверхчеловеческими способностями человек своей собственной единоличной волей разрушил эту республику и вторг Германию в пропасть фашизма.

Этого человека, Гитлера, достаточно часто ведшего себя самым жалким образом и неоднократно являвшегося предметом насмешек за свою гаерскую самоуверенность, выдвинули на авансцену истории другие — те, кто стояли за занавесом. При этом закулисные покровители Гитлера, которым он предложил себя в качестве послушной креатуры и которые оценили его беспардонность демагога точно так же, как и его пресмыкательство перед сильными мира сего, отнюдь не были ни гениальными мыслителями и тактиками, ни одержимыми дьявольской силой злодеями. То были реально существовавшие личности, которые преследовали определенные классовые, враждебные интересам трудящихся, всего немецкого народа цели. Сколь ни демократичной могла казаться обставленная атрибутами «правового и свободного государства» Веймарская республика, она в результате поражения рабочего класса в Ноябрьской революции оставила в руках крупной буржуазии и сросшегося с нею юнкерства, в руках милитаристов, т. е. тех сил, которые объективно были врагами всего трудового народа, материальные основы общества, а вместе с ними и возможности оказывать то политическое влияние, без которого фашизм не смог бы ни возникнуть, ни окрепнуть.

Эти силы, особенно их экономически наиболее мощная и структурно наиболее крепкая верхушечная группа — монополистический капитал, определяли не в каждом отдельном пункте, а в плане общего направления действия Гитлера и его сообщников и в последующий период. Этими действиями были постоянный истребительный поход против лучших дочерей и сынов немецкого народа, безудержное усиление эксплуатации, унификация всех областей жизни для подчинения их фашистской тирании и, наконец, планирование и развязывание новой мировой войны во имя господства германского империализма.

Чем кончилось двенадцатилетнее существование гитлеровского «тысячелетнего рейха», хорошо известно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Русский перевод новой книги видного историка-марксиста, лауреата Национальной премии ГДР Вольфганга Руге способен, думается, не только выполнить свою прямую задачу — углубить понимание советским читателем важной страницы германской истории. Он расширяет и знакомство с интересным автором. Ранее на русском языке, если не считать ряда статей в научной печати, вышли две большие работы В. Руге — «Германия в 1917—1933 гг.» и «Гинденбург. Портрет германского милитариста». Стоит добавить, что перу В. Руге принадлежат исследования по истории Ноябрьской революции и Веймарской республики в Германии, научные биографии видных германских политиков и дипломатов Г. Штреземана и М. Эрцбергера, другие труды.

В данной книге автор обращается к проблематике прихода фашизма к власти, что продиктовано весьма серьезными мотивами. Первый из них — понимание непреходящего значения того трагического периода в европейской и мировой истории, когда установление в Германии жесточайшей фашистской диктатуры знаменовало переход германского империализма к открытой подготовке второй мировой войны, в которой он рассчитывал добиться установления своего господства над миром. В. Руге, несомненно, испытывал также внутреннюю потребность научно обобщить многочисленные новые документы и факты, обнаруженные за последние годы исследователями, в том числе им самим.

Побудительным мотивом было и естественное для историка-антифашиста желание дать решительный отпор всевозможным попыткам буржуазных историков и публицистов приуменьшить преступления нацизма в прошлом, опасность его возрождения в наши дни. Проявлением такой пагубной тенденции стали «гитлервеллен» — «гитлеровские волны» на Западе, и прежде всего в ФРГ. Первая родилась в 50-х годах как спутник «холодной войны». Многие западногерманские деятели и историки, чьи

взгляды сформировались в условиях «третьего рейха», пустились на разные лады истолковывать и перетолковывать историю, стремясь как-то смягчить или вовсе снять с монополистического капитала и высших чинов вермахта вину за установление фашистской диктатуры и совершенные ею преступления против мира и человечества. Гитлера они изображают «демонической личностью» — то ли психопатом, то ли фанатичным идеалистом.

Вторую «волну» открыла в начале 70-х годов упоминаемая В. Руге книга западногерманского историка И. К. Феста — биография Гитлера объемом свыше тысячи страниц¹. В ней нацистский «фюрер» предстает в героизированном облике чуть ли не единственного создателя фашистского движения, «революционного» преобразователя, человека сверхъестественной притягательной силы, воли и активности. За этим «бестселлером» появились десятки других биографий и описаний. В них так или иначе затушевываются социальные истоки нацизма, зато оживляется и муссируется империалистический миф о «советской угрозе», борцом против которой был-де Гитлер.

Вернемся, однако, к книге В. Руге. Ее характерной чертой является органическое соединение того, что давно уже составляет общее достояние марксистской исторической науки, с результатами новых изысканий автора и многих других историков. Читатель, конечно, оценил то, что живое, динамичное описание досконально изученной им истории Веймарской республики сопровождается в книге вдумчивыми, нетривиальными обобщениями. В присущей автору яркой индивидуальной манере он резкими штрихами рисует зловещую фигуру фашистского главаря, который, начав карьеру мелким шпиком, благодаря поддержке монополистического капитала достигает единоличной власти, обернувшейся для народов мира кровавой трагедией.

Рамки книги ограничены четырнадцатью годами существования Веймарской республики, причем особое внимание уделяется обстоятельствам ее гибели. Выделение этого сюжета, безусловно, оправданно, поскольку автор обращается к читателям ГДР и ФРГ, хорошо знакомым с предшествующей и последующей германской историей, в которую вписывается Веймарская республика. Но для советского читателя, если он не специалист по истории

¹ *Fest J. C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a. M.—Berlin (West) — Wien, 1973.*

Германии, многие явления, о которых идет речь в книге В. Руге, требуют, как нам думается, пояснений. Хотя комментировать повествование такого мастера, как Вольфганг Руге, — задача неблагодарная, представляется все же полезным кратко охарактеризовать два круга вопросов: во-первых, проблему становления Веймарской республики, поскольку здесь надо искать корни ее слабости, и, во-вторых, проблему функционирования «третьего рейха», поскольку в нем получили развитие те черты фашизма и его «фюрера», которые лишь наметились в период продвижения к власти нацистской партии.

Веймарская республика родилась в жесточайших схватках между революцией и контрреволюцией. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии началась ровно год спустя после Великой Октябрьской социалистической революции в России. Они стоят в истории почти рядом, и их нередко сравнивают. Но еще В. И. Ленин заметил, что гораздо более правомерно сопоставление германского Ноября с российским Февралем, хотя объективные условия в Германии вполне созрели для социалистической революции. Народные массы в стремительном порыве смели с лица земли империю Гогенцоллернов и еще два десятка мелких монархий и княжеств. Сбылось предсказание Энгельса — короны дюжинами валялись на мостовых, и никто их не поднимал. Уже 9 ноября 1918 г. Германия стала республикой. Однако вопрос о том, какой будет эта республика — буржуазной или пролетарской, решался в ходе многомесячной классовой борьбы, приобретшей характер гражданской войны.

В ноябрьские дни 1918 г. многим казалось, что перед страной открылся путь к социализму. Вся Германия покрылась густой сетью рабочих и солдатских, а кое-где и крестьянских Советов. Правительство, состоявшее из социал-демократов, назвало себя Советом народных уполномоченных, а свою программу именовало не иначе как социалистической. Однако чем дальше, тем яснее становилось, что слова расходятся с делами.

Вставшие у власти в центре и на местах социал-демократические деятели всерьез и не думали о социалистическом преобразовании страны. Их верхушку, которая еще в августе 1914 г. стала открытым союзником империалистической буржуазии, вполне устраивала буржуазно-парламентарная республика, в которой они рассчитывали сохранить власть.

Чтобы помешать дальнейшему развитию революции, установлению реального полновластия Советов, лидеры социал-демократии Эберт, Шейдеман и К⁰ совершили еще одно предательство интересов пролетариата — они стали организаторами заговора против революции. Важными звеньями его были: сговор с генералитетом рейхсвера, нацеленный на разгром Советов; соглашение профсоюзных лидеров с монополистами о продолжении «классового мира»; директива правительства, согласованная с организациями юнкерства и крупных крестьян, о превращении «крестьянских советов» в орудие контрреволюции; прозападный внешнеполитический курс с ориентацией на американского президента Вильсона и на совместную со врагами «борьбу против большевизма».

Контрреволюция собирала силы, используя для прикрытия лозунг скорейшего созыва Учредительного национального собрания. Она опиралась на продолжавший функционировать в центре и на местах старый государственный аппарат, лишь немного потесненный Советами, которые не осознали необходимости его полного устранения. Пользуясь слабостью левых сил, не имевших сплоченной, разветвленной организации, социал-демократы разлагали Советы и изнутри.

Для борьбы против революции были наспех сколочены белогвардейские «добровольческие корпуса». Опираясь на них, социал-демократ Носке спровоцировал рабочих столицы на преждевременное выступление в январе 1919 г. и жестоко разгромил революционный авангард. Были зверски убиты основатели Коммунистической партии Германии, выдающиеся вожди немецкого народа Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Проведенные в обстановке террора «свободные выборы» в Национальное собрание дали большинство буржуазным партиям. Но они охотно доверили руководящие посты в республике тем социал-демократическим главарям, которые в критический момент спасли от народного гнева буржуазное общество и государство.

Из страха перед революционным народом Учредительное национальное собрание укрылось в провинциальном тюрингском городке Веймаре, по имени которого и была названа первая германская республика. Пока парламентарии в Веймаре спорили о «демократии», контрреволюционные ландскнехты развернули весной 1919 г. кровавые походы по всей стране, чиня расправу над гор-

няками Рура и Средней Германии, над рабочими Берлина, Бремена и Баварии, самоотверженно отстаивавшими завоевания Ноябрьской революции и пытавшимися продвинуть ее вперед, к решению социалистических задач. В. Руге в другой своей работе лаконично выразил итог этих боев: «В самой крупной до того времени классовой битве с империализмом германский пролетариат потерпел поражение»¹.

А под гром пушек и треск пулеметов партнеры по «веймарской коалиции» (социал-демократы, христианская партия Центра и буржуазные демократы) вели конституционные дебаты, решая непростую задачу: закрепив в Германии капиталистический общественный и государственный строй, найти такие юридические формы, которые по видимости отражали бы надежды и чаяния совершивших революцию масс. Девятимесячный процесс становления германской республики завершился принятием в августе 1919 г. веймарской конституции.

Внешне Веймарская республика выглядела даже более демократичной, чем другие современные ей буржуазно-парламентские республики. Но внимательные наблюдатели уже тогда отмечали формальный и показной характер ее демократизма. Указывали, в частности, на отсутствие в конституции слова «республика» и сохранение названия «империя» (рейх), на пресловутую статью 48, предоставляющую президенту диктаторские права, на многие другие «оговорки» и ограничения, на иллюзорность параграфов о выхолащенных «советах» и «социализации». Тем не менее лидеры социал-демократии старались внушить рабочим, что «самая демократическая демократия» Веймарской республики открывает якобы перспективу «мирного востания» в социализм...

Революционеры-коммунисты, историки-марксисты с самого начала стремились рассеять эти пагубные иллюзии. Они подчеркивали, что в фундаменте республики, где решающие экономические и политические позиции принадлежали монополистам, юнкерству, военщине, бюрократии, имеются глубокие социальные трещины, делающие ее слабой и неустойчивой. Только рабочий класс, вступающий единым фронтом, способен противостоять нажиму реакции, стать гарантом прогрессивного развития.

¹ Ruge W. Novemberrevolution. Die Volkserhebung gegen den deutschen Imperialismus und Militarismus 1918/19. Berlin, 1978, S. 173.

Для «просветления умов» реформистских политиков и историков относительно корней слабости веймарской демократии понадобились суровые уроки истории: крушение республики в 1933 г., трагические испытания времен фашистской диктатуры, поражение Германии во второй мировой войне, возрождение германского империализма и милитаризма в ФРГ. Лишь в 60-х годах новое поколение историков ФРГ рискнуло критически переосмыслить действия социал-демократических правителей в 1918—1919 гг. Глядя на бесславный конец Веймарской республики, не выдержавшей натиска фашизма, некоторые историки наконец-то усомнились: а были ли в начале ее пути «правильно установлены стрелки»? Другие пошли дальше и признали пагубным курс ослепленных антикоммунизмом лидеров социал-демократии, которые вступили в союз с реакционной военщиной и бюрократией и разгромили революционных рабочих. Гораздо объективнее и точнее профессиональных историков, однако, оказался известный буржуазный публицист Себастиан Хаффнер, который без обиняков заявил, что «Эберт и его команда» несут вину за «великое предательство»:

«Рабочие и солдаты, совершившие революцию, инстинктивно чувствовали, что, пока у власти остаются старая бюрократия и старое офицерство, революция будет обречена на гибель и ее не спасут ни самая лучшая конституция, ни самый лучший парламент... И как раз в этом вопросе Эберт и все руководство СДПГ совершенно однозначно встали на сторону контрреволюции. Они стремились спасти именно то, что революция хотела сокрушить: старое государство и старое общество, воплощением которого были бюрократия и офицерский корпус. Они лишь хотели придать старому государству парламентские формы, интегрироваться в него, чтобы в дальнейшем участвовать в управлении»¹.

Хаффнер со всей определенностью показал, что гражданская война была развязана контрреволюционерами, что уничтожение К. Либкнехта и Р. Люксембург было преднамеренным «убийством тех, кто превосходил своих противников мужеством и умом, было убийством неопровержимой правды». Он вскрыл преименные связи, считая это убийство «первым шагом, предвестником тысячекрат-

¹ Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? М., 1983, с. 123.

ных убийств в последующие месяцы власти Носке, миллионов и миллионов убийств в последующие годы власти Гитлера»¹. В «добровольческих корпусах», расправлявшихся с революционными рабочими во имя упрочения социал-демократического правления, он увидел прямых предшественников гитлеровских отрядов СА и СС. Поскольку эти убийства до сих пор не признаны в ФРГ преступлением, они, по мнению Хаффнера, продолжают излучать палящий свет, подобный смертоносному лучу лазера².

Выдающаяся заслуга в интерпретации истории Веймарской республики принадлежит историкам-марксистам, которые не ограничиваются, как Хаффнер, поверхностными, броскими параллелями, а дают глубокий анализ многослойных явлений — экономических, социальных, политических, идеологических, культурных, памятуя о связях перипетий в «верхах» с процессами, происходящими в «низах» общества.

В книге В. Руге развернута широкая панорама событий в Германии 20-х — начала 30-х годов, причем их развитие идет в двух планах, временами переплетаясь: с одной стороны, Веймарская республика совершает по мере обострения внутренне присущих ей антагонистических противоречий трагическое продвижение по пути, ведущему ее к гибели, с другой — происходит восхождение преступной фашистской партии к террористической диктатуре. Хотя все эти события — следствие определенных закономерностей, они не носят характера фатальной предопределенности, а являются на каждом этапе результатом столкновений противоборствующих сил.

Советскому читателю, которому со школьной скамьи известны принципиальные марксистско-ленинские положения о роли личности в истории, может показаться, что В. Руге слишком много внимания уделяет разоблачению «антилегенды о всесильном злодее» Гитлере. Но в Веймарской республике уровень политического сознания широких народных масс был настолько низким, что имела немалый успех апелляция к темному подсознанию, к массовой психологии, питаемой живучими предрассудками. На такой почве и происходило продвижение к власти человека лично незначительного, грубого, психически неурав-

¹ Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? с. 163—164.

² См. там же, с. 164—165.

новешенного, беспринципного и малообразованного горлопана.

Для вскрытия глубинных причин, обеспечивших продвижение к власти фашистской партии, Руге тщательно собрал и выстроил в систему многочисленные разрозненные данные о ее связях с истинными хозяевами веймарской Германии — влиятельными кругами финансового капитала, магнатами промышленности и банкирами. Несмотря на то что в послевоенные годы выявлено множество документальных доказательств этой связи, буржуазная историография продолжает и ныне их всячески затушевывать. Автор не ограничивается данными о сочувствии и материальных субсидиях тех или иных фирм и концернов, без которых нацистская партия не могла бы вести дорогостоящие и шумные избирательные кампании. Он показывает, что верхушке крупной буржуазии принадлежала инициатива развернутого наступления в обстановке экономического кризиса 1929—1932 гг. на все социальные завоевания трудящихся, на их демократические права. Она же вручила Гитлеру мандат на власть, означавший уничтожение в Германии буржуазно-парламентарного строя.

Читатель, вероятно, заметил, что в конце 20-х и начале 30-х годов немецких избирателей чаще прежнего призывали к урнам для голосования: в 1928 и 1930 гг. переизбирался рейхстаг, в 1932 г. было два тура голосования при выборах президента, а летом и осенью того же года вновь проводились выборы в рейхстаг. Такая избирательная активность была свидетельством отнюдь не «расцвета» демократии, а, напротив, ее агонии. В это тревожное время рейхстаг был практически отключен от управления государством и страной правил с помощью «чрезвычайных декретов» рейхсканцлер, опиравшийся на «президентскую диктатуру», предусмотренную веймарской конституцией. Как это ни парадоксально звучит, демократия разрушалась и выхолащивалась изнутри при активном участии сил, считавшихся ее создателями и столпами. Параличу республики способствовали не только правые буржуазные партии, но и партия католического Центра. Лидеры социал-демократии, считавшие веймарскую демократию своим детищем, подрывали ее дееспособность верхушечными манипуляциями и отвержением единства действий трудящихся.

С продвижением фашизма к власти связано множество легенд, о которых говорится в книге. Версию буржуазных историков, будто судьба Веймарской республики зависела от личных отношений между фельдмаршалом Гинденбургом и бывшим ефрейтором Гитлером, В. Руге развенчал еще в биографии Гинденбурга, где рассказал, как этот лишенный военного таланта деятель стяжал себе славу великого полководца, а на склоне лет, будучи президентом республики, стал ее могильщиком. Теперь автор показал еще и то, как постепенно рассеивалось недоверие к Гитлеру среди германских и зарубежных промышленников и банкиров, среди военных, аграриев, аристократов. Не упрощая истинного хода истории и не сглаживая ее острых углов, В. Руге доказал, что в конечном счете вся монополистическая буржуазия поверила умению Гитлера вести за собой большие массы приверженцев.

Реконструируя драматическую картину назначения «фюрера» рейхсканцлером, В. Руге еще раз напоминает, что Гитлер вовсе не был выдающимся деятелем, обладавшим «сверхчеловеческими» способностями, напротив, он нередко вел себя самым жалким образом. На авансцену истории его вытолкнули силы, предпочитавшие оставаться в тени. И они не были ни гениальными мыслителями и тактиками, ни злодеями, в которых якобы вселился дьявол. Смена Веймарской республики «третьей империей» была осуществлена заурядными личностями, движимыми классовыми интересами буржуазии.

Выводы вдумчивого историка-исследователя перекликаются с богатым жизненным опытом ветерана германского рабочего движения, одного из руководителей ГКП, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Курта Бахмана. В книге «Кем был Гитлер в действительности» он отметил, что реакционным силам весьма по душе миф о «сильной личности», который мог бы привлечь молодежь. Но его невозможно поддерживать без грубой фальсификации фактов. Нацистский главарь был скорее «негативной личностью, антиличностью». Крупным он был только как политический преступник. «...Гитлер, — пишет К. Бахман, — обладал некоторыми свойствами, которые делали его наиболее пригодным, чтобы встать в какой-то момент во главе, поскольку германский империализм на протяжении четверти века вторично тянулся к мировому господству. Глубочайшим образом враждебный людям, лишенный ка-

кого бы то ни было гуманизма, он был готов на любое политическое преступление таких масштабов, каких до тех пор не знала история. Эти свойства отражали безграничное моральное разложение класса, которому он служил, — немецкой монополистической буржуазии»¹.

В. Руге не ограничился показом перипетий в «верхах», в результате которых Гитлер оказался главой имперского правительства. Опираясь на неоспоримые факты, он доказал, что была возможность массовым давлением снизу помешать укреплению у власти злейших врагов трудового народа. Коммунисты со всей энергией призывали рабочих социал-демократов, членов профсоюзов, безработных к единой Антифашистской акции. Однако провести ее снова помешали лидеры СДПГ и Объединения немецких профсоюзов, неизменно отклонявшие любые совместные действия.

Проведя читателей по лабиринтам истории Веймарской республики, В. Руге оставил их у рокового рубежа — 30 января 1933 г. Нам придется хотя бы в самых общих чертах продолжить повествование. Главное заключалось в том, что приход к власти фашистов не был обычной сменной кабинета. Он знаменовал начало открытого «демонтажа» всей системы буржуазно-демократического, парламентарного веймарского государства, начало формирования «нового порядка» — террористической фашистской диктатуры. Власть захватила партия, выражавшая интересы наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических кругов германского монополистического капитала. А их главной целью была подготовка новой мировой войны.

Однако тогда лишь немногие в Германии сознавали, в какую бездну влечет страну Гитлер. И хотя рабочий класс не доверял фашистским демагогам, а нацистам почти не удалось проникнуть в пролетарские организации, он был расколот. Верхушка СДПГ и профсоюзов снова отвергла предложение коммунистов призвать всех рабочих к генеральной забастовке. А ведь это грозное оружие мобилизации масс заставило в 1920 г. позорно бежать монархических путчистов Каппа—Лютвица, захвативших власть в столице, и таким образом помогло сохранить республиканский строй.

¹ Бахман К. Кем был Гитлер в действительности. М., 1981, с. 179, 183.

Не удивительно, что и гитлеровские правители в первые дни более всего боялись именно такого взрыва народного возмущения. Разобщенный по вине правых социал-демократических лидеров, немецкий пролетариат не смог подняться, а широкие слои мелкой буржуазии поддались нацистской демагогии о «национальной революции», поверили обещаниям, что нацисты укажут выход из кризиса, путь к избавлению от безработицы и инфляции. Для поддержания иллюзий легализма правительство назначило на 5 марта 1933 г. новые выборы в рейхстаг.

Тем временем Гитлер в качестве рейхсканцлера установил связь с генералитетом рейхсвера. На встрече 3 февраля в штабе генерала Гаммерштейна он откровенно изложил свой стратегический план. На первом этапе будут преобладать задачи внутренние: устранение парламентской демократии, «искоренение марксизма», создание авторитарного управления, введение всеобщей воинской повинности. Вермахт останется самой важной частью государства, никакого слияния его со штурмовыми отрядами не произойдет. Второй этап — этап мировой политики, главное содержание которой — война Германии за «жизненное пространство» на Востоке и Западе. Этот план не только успокоил, но и вдохновил генералов.

20 февраля состоялась встреча Гитлера и Геринга с крупнейшими промышленниками и банкирами, среди которых были Крупп, Фёглер, Шахт. Монополисты заверили, что предстоящие выборы в рейхстаг на самом деле лишь средство для устранения парламентаризма, подавления рабочего движения и обеспечения политики вооружений. Связь Гитлера с промышленниками, о становлении которой многое рассказал В. Руге, начала приобретать государственные формы. Собравшиеся охотно выделили 3 млн. марок на финансирование избирательной кампании нацистов.

Уличные шествия и сборища гитлеровцев сопровождались террористическими нападениями СА и СС на антифашистов. Однако и этого нацистам было мало. Стремясь пробудить в стране антикоммунистический психоз, они пошли на чудовищную провокацию: вечером 27 февраля устроили пожар в здании рейхстага, обвинив в поджоге коммунистов, а ночью провели массовые аресты демократов по заранее заготовленным спискам. На следующее утро Гинденбург подписал декрет об «охране народа и государства», дававший правительству право принимать лю-

бые меры для ограничения свободы личности и свободы мнений. Демократические гарантии отменялись, фашистский террор был узаконен. Штурмовики и эсэсовцы прочесывали рабочие районы. 3 марта был арестован и Председатель КПГ Эрнст Тельман.

Состоявшиеся 5 марта 1933 г. выборы в рейхстаг не вполне оправдали надежды гитлеровцев. Хотя нацисты собрали 17,3 млн. голосов, они лишь при поддержке партии немецких националистов смогли получить большинство в рейхстаге. За коммунистов отдали голоса, несмотря на жесточайший террор, почти 5 млн., за социал-демократов — более 7 млн. избирателей. Вместе они получили свыше 30% голосов, а в Берлине и промышленных центрах их влияние было значительно большим. Результаты выборов свидетельствовали о том, что возможности антифашистского сопротивления рабочего класса остались неиспользованными из-за противодействия лидеров СДПГ.

Открытие рейхстага состоялось 21 марта в святыне прусских консерваторов — потсдамской гарнизонной церкви, у гробниц Фридриха-Вильгельма I и Фридриха II. Символический «день Потсдама» должен был закрепить публичное «признание» Гитлера Гинденбургом и генералитетом. Два дня спустя рейхстагу был представлен законопроект «об устранении бедственного состояния народа и рейха». Он давал правительству чрезвычайные полномочия: право принимать законы (в том числе и не соответствующие конституции), а также заключать договоры с иностранными государствами без санкции рейхстага.

Этот смертный приговор народному представительству, означавший ликвидацию основ веймарской конституции, сам рейхстаг должен был одобрить двумя третями голосов. 81 мандат депутатов-коммунистов был просто аннулирован. 94 социал-демократа проголосовали против (26 других уже находились в тюрьмах и концлагерях или эмигрировали). Закон о полномочиях был принят голосами всех буржуазных партий, которые тем самым узаконили фашистскую диктатуру.

В мае 1933 г. рейхстагу представилась еще одна возможность выразить свое отношение к программе фашистской партии, на сей раз внешнеполитической, требовавшей ревизии Версальского договора и открывавшей путь к вооружению и подготовке второй мировой войны. И снова все деятели буржуазных партий, а также 65 присутствовавших социал-демократов проголосовали вместе с на-

цистами. А между тем судьба всех этих партий была уже predetermined. В июне была окончательно запрещена политическая деятельность СДПГ. Буржуазные партии одна за другой «самораспустились». НСДАП обрела монополию, выраженную словами: «одна партия, один рейх, один фюрер». Еще раньше были разгромлены профсоюзы, похищено их имущество, создан нацистский «трудовой фронт».

Фашистская унификация охватила и государственный аппарат. Выборные органы в землях были упразднены, имперскими наместниками стали нацистские гауляйтеры, а в Пруссии — сам Гитлер. В ходе чисток из госаппарата были уволены сторонники демократических взглядов. Новый слой руководящей элиты нацисты формировали на основе строгой иерархии, системы привилегий, принципа «фюрерства», государственно закрепленного расизма и антисемитизма. По всей стране на кострах публично сжигали творения прогрессивных мыслителей и демократов.

К лету 1933 г. система «третьего рейха» была в основном сформирована. Ведущую роль в ней играла нацистская партия, а ключевые позиции оставались в руках монополистов. Крупн от имени Имперского союза германской индустрии заявил о поддержке правительства, провозгласив Гитлера «вождем нации», и провел реорганизацию союза. В Генеральный совет германского хозяйства вошли представители как крупной промышленности, аграриев, банков, торговли, так и высшей нацистской бюрократии. Этот орган форсировал развитие государственно-монополистического капитализма. Еще раньше было обеспечено систематическое финансирование нацистской партии промышленниками путем отчислений в «Фонд Адольфа Гитлера»¹.

В своих публичных выступлениях Гитлер все чаще заявлял, что, поскольку «партия стала государством», закончилась «национал-социалистская революция», настала пора мирной эволюции, а те, кто призывают продолжать революцию, — противники «народной общности». Шумные демагогические кампании направлялись теперь в русло «трудовой битвы»: строительство стратегических авто-

¹ О масштабах поступлений дают представление данные, приведенные в кн.: *Безыменский Л.* Разгаданные загадки третьего рейха. 1933—1941. М., 1980, с. 41—45.

страд, трудовая повинность для молодежи и другие меры подготовки к войне, кампания «зимней помощи» бедным, которую именовали даже «социализмом действия», и т. п.

Несмотря на жесточайший террор, рабочее движение, загнанное в глубокое подполье и потерявшее многих героических борцов, продолжало антифашистское Сопротивление, в авангарде которого сражались коммунисты. Блестящим образцом стало мужественное поведение на Лейпцигском процессе о поджоге рейхстага болгарского коммуниста Георгия Димитрова, одержавшего победу над фашистскими судьями. И позднее гестапо признавало, что не удастся подавить активность коммунистов, ибо КПГ располагает «ядром революционеров, которые десятилетиями обучались как активисты и закалены в борьбе», так что после каждого удара «снова появляется организационный центр...».

С другой стороны, в массовой базе нацистского движения — выходцах из мелкой буржуазии — зрело недовольство тем, что его руководство не выполняет данных ранее разнообразных широкообещательных обещаний, раздавались требования «второй революции». Рупором этой оппозиции стала верхушка СА во главе с Ремом, у которой были свои амбиции в вопросах дележа власти с рейхсвером. Генералитет потребовал от Гитлера выполнения данных военщине заверений. Монополисты устами Папена выразили протест против любых разговоров о «второй революции».

Гитлер внял указаниям. Хотя он прекрасно знал, что штурмовики не готовят ни путча, ни тем более его убийства, но под прикрытием этих обвинений Гитлер осуществил кровавую расправу, в которой участвовал лично. В «ночь длинных ножей», как назвали 30 июня 1934 г., были убиты не только Рем и его приближенные, но и другие прежде близкие Гитлеру деятели — бывший рейхсканцлер фон Шлейхер, генералы Лоссов и Бредов, ранее второй человек в НСДАП Г. Штрассер. Многие промышленники и генералы, а также президент Гинденбург выразили Гитлеру благодарность якобы за «спасение народа от опасности».

Эта массовая расправа укрепила положение диктатора. Численность штурмовых отрядов сократилась, зато усилилось влияние СС. Когда 2 августа 1934 г. умер Гинденбург, был объявлен принятый еще накануне правительством закон об упразднении поста рейхспрезидента. Гитлер,

соединивший должности главы правительства и государства, стал именоваться «фюрером и рейхсканцлером». Рейхсвер был приведен к присяге ему лично как главнокомандующему.

В. Руге в политической биографии Гинденбурга, развеяв легенды относительно его политического завещания, заметил: «Было лишь логичным завершением гинденбургской жизни на службе милитаризму и империализму то, что все свои полномочия главы государства, данные ему правящим классом в знак признания его преступлений в отношении немецкого и других народов, он, испуская дух, передал тому человеку, который, как управляющий делами тех же хозяев, в этот момент готовил еще большие преступления и уже частично начал их осуществлять»¹.

Теперь были открыты все внутренние шлюзы для подготовки Германии к войне за мировое господство. Разветвленная система фашистских организаций охватила все стороны жизнедеятельности народа. Нацистская партия быстро росла. Подавляющее большинство ее членов составляли государственные чиновники, в том числе учителя, «самостоятельные производители», ремесленники, торговцы, служащие. В то же время в партию вступило менее 5 % рабочих.

«Боевой дух» низовых подразделений партии первое время поддерживался террористическими акциями, прежде всего антисемитскими и антипролетарскими. Но постепенно террор стал функцией полиции (особенно гестапо), органов юстиции, специальных подразделений СС. Важным средством идеологической мобилизации масс служили ежегодные съезды НСДАП, проводившиеся в Нюрнберге с большой помпой. В 1935 г. он именовался «съездом свободы», хотя речь шла лишь о восстановлении всеобщей воинской повинности. Здесь же были провозглашены пресловутые «расовые законы», внушавшие немцам идею об их превосходстве над всеми другими народами. Разжигались националистические и антисоветские настроения.

Военно-экономической и идейно-политической подготовке народа к войне служил «трудовой фронт», поддерживавший «классовый мир». Гитлеровские молодежные организации вовлекали подрастающее поколение в сферу идей и практики нацизма, прежде всего в трудовую и во-

¹ Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981, с. 398.

енную муштру. Но то, что скрывали от масс, готовя их к войне, Геринг разъяснял крупным предпринимателям. В 1938 г. он заверял их: «Если мы выиграем битву, Германия станет первой державой мира, будет владеть мировым рынком, тогда придет час богатства Германии. Но для этого нужно пойти на риск, нужно приложить усилия...»¹

В преддверии войны была проведена так называемая национальная концентрация, и Гитлер стал непосредственным главой вооруженных сил. Министром иностранных дел был назначен близкий к Гитлеру фон Риббентроп. В министерстве экономики Шахта сменил В. Функ. Ведомство Геббельса активизировало идеологическую обработку населения с упором на завоевание Германией «жизненного пространства» на Востоке. Молодежный «фюрер» фон Ширах ратовал за такую систему воспитания, которая сделала бы немецкую молодежь «способной осуществлять господство над миром»².

География, методы и цели нацистской агрессии хорошо известны, как и политика западных держав, надеявшихся «умиротворением» агрессора направить его против СССР. Германский фашизм всесторонне подготовил страну и народ к «большой войне» с захватническими, агрессивными целями. В системе, становившейся все более тоталитарной, немцам предназначалась роль «политических солдат». Они должны были силой навязать поработленным народам фашистский «новый порядок», обречь их на безысходное рабство. В памятке солдатам вермахта, утвержденной в 1938 г. генштабом сухопутных войск, говорилось: «Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец; как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»³.

Гитлер поставил перед нацистскими руководителями задачу вымуштровать немецкий народ, чтобы он «стоял по

¹ Pätzold K., Weißbecker M. Hakenkreuz und Totenkopf. Die Partei des Verbrechens. Berlin, 1981, S. 274.

² Ibid., S. 239.

³ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945, т. 2, М., 1974, с. 305.

стойке «смирно», даже когда начнется гроза»¹. А в речи перед высшим командным составом вермахта он в феврале 1939 г. так определил конечную цель войны: «а) господство в Европе; б) мировое господство на столетия»². Провоцируя нападение на Польшу, Гитлер цинично разъянял своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, а будет ли он правдоподобен — значения не имеет. Победителя потом не спросят, говорил он правду или нет»³.

Установив свое господство почти над всей капиталистической Европой, германские фашисты развернули политику жесточайшего геноцида. Миллионы людей погибали от голода, болезней, непосильного труда и террора. Военнопленных и рабочих массами угоняли на принудительные работы в Германию. Вместе с тем первоначальные военные успехи и ограбление оккупированной Европы коррумпировали многих немцев. Одним из массово-психологических устоев нацистского режима стал отмеченный В. Руге третий компонент ослепления (наряду с демагогией и террором) — «подкуп успехом»⁴.

Главным препятствием на пути к мировому господству оставался для германского империализма Советский Союз. Гитлеровцы стремились не только сломить его военную силу, захватить территорию, поработить или истребить советский народ, но и уничтожить социалистический общественный строй. Гитлер заявлял, что ликвидация большевизма является целью всей его жизни и смыслом национал-социализма. План «Барбаросса» — план нападения на СССР и генеральный план «Ост» были самыми человеконенавистническими порождениями бредовой фантазии фашистов и военщины. На эту карту ими было поставлено все. 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа.

В этой войне советский народ, на плечи которого выпала главная тяжесть борьбы против фашистской Германии, отстаивал свободу и независимость своей Родины, спас человечество от угрозы порабощения злейшим врагом че-

¹ *Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus, 1933—1945, Bd 3. Bielefeld, 1961.*

² Цит. по: Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с. 38.

³ *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg. Nuremberg, 1947, vol. XXIV, p. 523.*

⁴ См. стр. 150 данной книги.

ловечества — германским фашизмом. Под ударами Советской Армии и армий других стран антигитлеровской коалиции фашистский «рейх», который его создатели хвастливо именовали «тысячелетним», рухнул.

Когда советские войска окружили Берлин и вели бои в центре города, нацистский «фюрер» разыграл свой последний фарс: 30 апреля, обвенчавшись с киноактрисой Евой Браун, он вместе с нею принял яд и вдобавок велел себя пристрелить.

Покончили с собой, предварительно умертвив шестерых детей, супруги Геббельс. Другие нацистские лидеры бежали из Берлина, но повсюду их настигло: большинство их предстало перед судом народов — Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге и понесло заслуженное наказание.

За 12 лет своего существования «третий рейх» причинил огромное зло народам мира, в том числе и немецкому. Из 50 млн. жизней, которые унесла развязанная фашистами война, наиболее тяжелые жертвы понес советский народ, потерявший свыше 20 млн. своих сыновей и дочерей.

9 мая 1945 г. «победоносно завершилась небывалая в истории по своим масштабам и ожесточенности битва против наиболее реакционной ударной силы империализма — гитлеровского фашизма, ставившего своей целью уничтожение первого в мире социалистического государства, установление мирового господства»¹. Советский Союз внес решающий вклад в разгром фашистской Германии, в освобождение народов Европы, в спасение мировой цивилизации.

В том памятном 1945-м державы-победительницы, выступая от лица всего человечества, предписали в Потсдамском соглашении полное уничтожение преступной нацистской партии и ее организаций, принятие мер к тому, чтобы они ни в какой форме не могли возродиться, а преступники против мира и человечности были сурово наказаны. Запрещались любая милитаристская, расистская, нацистская деятельность и пропаганда. Предусматривались перестройка политической жизни Германии на демократической основе, ликвидация чрезмерной концентрации экономической мощи в руках монополий.

¹ О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Постановление ЦК КПСС.— Коммунист, 1984, № 9, с. 36.

Партия германских коммунистов, восставшая из крови и пепла, горячо приветствовала освобождение немецкого народа от фашистского рабства. Она призвала всех немцев стряхнуть оцепенение и взяться за восстановление, осознать, что прежний путь нации был ошибочным и ложным, что германская буржуазия, повинная в двух мировых войнах и фашизме, доказала свою неспособность руководить нацией. Руководство может и должен взять в свои руки рабочий класс.

«Не повторять ошибок 1918 года! — говорилось в воззвании ЦК КПГ. — Покончить с расколом трудового народа! Никакого снисхождения нацизму и реакции! Никогда впредь не допускать травли и враждебности по отношению к Советскому Союзу!.. Теперь пора основательно и навсегда извлечь уроки из прошлого. Необходимо избрать совершенно новый путь!»¹

Этот призыв был услышан и реализован лишь на востоке страны. Здесь уже более 35 лет под руководством революционной марксистско-ленинской партии рабочего класса — Социалистической единой партии Германии растет и развивается Германская Демократическая Республика — социалистическое государство рабочих и крестьян. Произошли немалые изменения и в Федеративной Республике Германии. Но там правят страной деятели, послушные воле монополий, в руках которых главные рычаги экономической и политической власти. Забыты запрещения милитаристской деятельности и пропаганды, неонацистские организации и реваншистские союзы снова пытаются отравить сознание молодежи. Вопреки воле большинства народа ФРГ превращена в полигон, на котором размещаются американские ракеты «первого удара»...

Разумеется, когда речь идет об уроках истории, о возможном повторении прошлого, следует избегать упрощений и надуманных параллелей. Современная ФРГ действительно не Веймарская республика. Выросло новое поколение немцев, которое не сочувствует оголтелым бандам неонацистских террористов. Многие молодые немцы активно противодействуют превращению немецкой земли в стартовую площадку новой мировой войны.

¹ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Reihe III, Bd 1. Berlin, 1959, S. 16—17.

Кое в чем изменились и нынешние глашатаи «крестового похода против коммунизма», политические и идейные вдохновители новых военных авантюр. Это не фашисты гитлеровского толка. Они не маршируют по улицам в коричневых рубашках, вопя о превосходстве германской нации и восхваляя «фюрера-спасителя». Им не свойственны фанатизм и маниакальная истерия. Однако в основном они прежние, эти «вечно вчерашние». В них жива описанная в книге В. Руге вера в возможность с помощью демагогии и насилия остановить неумолимый ход истории, «уничтожить коммунизм», использовав некое «чудо-оружие», установить господство над миром если не арийской расы, то американизированной «атлантической общности».

Эти опасные иллюзии, из-за которых ставится на карту судьба человечества, весьма живучи. Дело в том, что объективно обреченный историей капитализм не может существовать без такого извращенного сознания. Он снова и снова порождает его в разных обликах и все еще способен, манипулируя средствами массовой информации, навязывать его многомиллионным массам.

В этих условиях хорошая книга, разоблачающая «старый» фашизм, является боевым оружием в борьбе против тех сегодняшних сил, которые грозят свергнуть мир в пропасть самоуничтожения.

Доктор исторических наук
Я. С. Драбкин

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Deuerlein E. (Hrsg.). Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1968, S. 13.
- ² Fest J. C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a. M.— Berlin (West) — Wien, 1973, S. 18.
- ³ Высказывания Г. Тайленбаха и Й. Томаса цит. по: Kühnl R. Faschismustheorien. Reinbeck bei Hamburg, 1979, S. 48.
- ⁴ Erdmann K. D., Schulze H. (Hrsg.). Weimar — Selbstpreisgabe einer Demokratie. Eine Bilanz heute. Kölner Kolloquium der Fritz Thyssen Stiftung. Juni 1979. Düsseldorf, 1980, S. 319, 305. Докладчик Эберхард Геккель. Аналогичные взгляды высказали, в частности, Карл Дитрих Брахер, Клаус Хильдебранд и Андреас Хильгрубер.
- ⁵ Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Bd 22. Nürnberg, 1949, S. 70.
- ⁶ Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма.— В кн.: Димитров Г. Избранные произведения, т. 2. М., 1983, с. 64.
- ⁷ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. М., 1948, с. 37.
- ⁸ Wippermann W. Faschismustheorien. Darmstadt, 1975, S. 37, 149, 173. На коллоквиуме по вопросам фашизма историк из ФРГ Вольфганг Моммзен констатировал отклонение всеми «серьезными исследователями» «вульгарно-марксистской теории агентов».— Frankfurter Rundschau (Frankfurt a. M.), 2. XII. 1978.
- ⁹ Из целого ряда работ назовем лишь: Gossweiler K. Großbanken, Industriemonopole, Staat. Ökonomie und Politik des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland 1914—1932. Berlin, 1971; *idem*. Kapital, Reichswehr und NSDAP 1919—1924. Berlin, 1982; Nussbaum M. (Hrsg.). Wirtschaft und Staat in Deutschland während der Weimarer Republik, Bd 2. Berlin, 1978; Zumpe L. (Hrsg.). Wirtschaft und Staat in Deutschland 1933 bis 1945, Bd 3. Berlin, 1980.
- ¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 175.
- ¹¹ Там же, с. 176, 175.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423.
- ¹³ Там же, с. 159.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 176.
- ¹⁵ Плеханов Г. В. Указ. соч., с. 27, 33.
- ¹⁶ Там же, с. 33.
- ¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 109, 43.

Глава первая

- ¹ Mann Th. Bruder Hitler. — In: Gesammelte Werke. Zwölfter Band. Berlin — Weimar, 1965, S. 775.
- ² Fest J. C. Op. cit., S. 123.

- ³ *Städtler E.* Als Antibolschewist 1918/19. Düsseldorf, 1936, S. 70.
- ⁴ *Wulf P.* Hugo Stinnes. Wirtschaft und Politik 1918—1924. Stuttgart, 1979, S. 144.
- ⁵ *Frymann D.* (он же — *Claß H.*). Das Kaiserbuch (4. Aufl. des Buches «Wenn ich der Kaiser wär»). Leipzig, 1925, S. 62 f., 71, 86.
- ⁶ Цит. по: *Ruge W.* Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919.— In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (далее — *ZfG*). Berlin, 1963, Ht. 6, S. 1093.
- ⁷ Der Hitler-Prozeß. Auszüge aus den Verhandlungsberichten. München, 1924, S. 55.
- ⁸ *Scheringer R.* Das große Los. Unter Soldaten, Bauern und Rebellen. Berlin, 1963, S. 276.
- ⁹ *Jäckel E., Kuhn A.* (Hrsg.) Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905—1924. Stuttgart, 1980, S. 91.
- ¹⁰ Arbeiterklasse siegt über Kapp und Lüttwitz. Quellen, ausgewählt und bearbeitet von Erwin Könnemann, Brigitte Berthold und Gerhard Schulze, Bd I. Berlin, 1971, S. 56.
- ¹¹ *Ibid.*, S. 15, 18.
- ¹² Цит. по: *Hörster-Philipps U.* Wer war Hitler wirklich? Großkapital und Faschismus 1918—1945. Dokumente. Köln, 1978, S. 29 ff.
- ¹³ Цит. по: *Petzold J.* Die objektive Funktion des Faschismus im subjektiven Selbstverständnis der Faschisten.— *ZfG*, 1980, Ht. 4, S. 365.
- ¹⁴ Цит. по: *Stegmann D.* Zwischen Repression und Manipulation. Konservative Machteliten und Arbeiter- und Angestelltenbewegung 1910—1918.— In: Archiv für Sozialgeschichte (Bonn — Bad Godesberg), 1972, Bd XII, S. 413, 414.
- ¹⁵ Цит. по: *Petzold J.* Claß und Hitler.— In: Jahrbuch für Geschichte, Bd 21. Berlin, 1980, S. 280.
- ¹⁶ *Ibid.*, S. 278.
- ¹⁷ Цит. по: *Maser W.* Die Frühgeschichte der NSDAP. Hitlers Weg bis 1924. Frankfurt a. M.— Bonn, 1965, S. 288 ff.
- ¹⁸ *Weißbecker M.* Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei.— In: Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945, Bd II. Leipzig, 1970, S. 389.
- ¹⁹ *Auerbach H.* Hitlers politische Lehrjahre und die Münchener Gesellschaft 1919 — 1923.— In: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. München, 1977, Ht. 1, S. 34, 35.

Глава вторая

- ¹ *Thyssen F.* I Paid Hitler. New York, 1941, S. 80.
- ² *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М., 1974, с. 72.
- ³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.
- ⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 158.
- ⁵ Das Krisenjahr 1923. Militär- und Innenpolitik 1922—1924. Bearb. von Heinz Hürlen. Düsseldorf, 1980, S. 20.
- ⁶ *Weißbecker M.* Zur Herausbildung des Führerkults in der NSDAP.— In: Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945. Berlin, 1966, S. 121.
- ⁷ *Moeller van den Bruck A.* Das dritte Reich. Hamburg, 1931, S. 194.
- ⁸ *Petzold J.* Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. Berlin, 1978, S. 36 f., 61.
- ⁹ Die Tradition, 24. Mai 1919 und 6. August 1921.—Zentrales Staatsarchiv

Der DDR (далее — ZStA). Potsdam, Nachlaß Westarp, N 150 (см. также шарлоттенбургскую речь Вестарпа 1 января 1919 г.— Ibid., N 148, Bl. 8).

- ¹⁰ Цит. по: *Heiden K.* Adolf Hitler. Eine Biographie, Bd 2. Zürich, 1937, S. 57.
- ¹¹ *Franz-Willing G.* Die Hitlerbewegung. Der Ursprung 1919—1922. Hamburg—Berlin (West), 1962, S. 123; *Shirer W. L.* Aufstieg und Fall des Dritten Reiches. Köln—Berlin (West), 1961, S. 46.
- ¹² Цит. по: Deuerlein E. (Hrsg.) Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten, S. 180.
- ¹³ *Gossweiler K.* Kapital, Reichswehr und NSDAP 1919—1924, S. 314—315.
- ¹⁴ О финансировании НСДАП с 1921 до 1923 г. см.: *Hallgarten G.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a. M., 1955, S. 96; *Pool J.*, *Pool S.* Hitlers Wegbereiter zur Macht. Bern — München, 1979, S. 65 ff.; *Gossweiler K.* Kapital, Reichswehr und NSDAP 1919—1924, S. 319 ff., и приведенные там источники.
- ¹⁵ Факсимиле письма Фрида Дерерга Борзигу-младшему от 23.X.1937.— In: *Hellwig J.*, *Weiß W.* So macht man Kanzler. Berlin, 1962, S. 33.
- ¹⁶ *Thyssen F.* Op. cit., S. 82.
- ¹⁷ Цит. по: *Petzold J.* Claß und Hitler, S. 283.
- ¹⁸ *Thyssen F.* Op. cit., S. 80; *Turner H. A. jr.* Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Studien zum Verhältnis zwischen Nationalsozialismus und Wirtschaft. Göttingen, 1972, S. 109.
- ¹⁹ *Jäckel E.*, *Kuhn A.* (Hrsg.) Op. cit., S. 530.
- ²⁰ Цит. по: *Hörster-Philippus U.* Wer war Hitler wirklich? Großkapital und Faschismus 1918—1945. Dokumente, S. 35 ff.
- ²¹ *Hallgarten G.* Op. cit., S. 88—89.
- ²² *Ruge W.* Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919, S. 1007.
- ²³ *Hallgarten G.* Op. cit., S. 55 f.
- ²⁴ См. раздел «Гитлер и Форд» в работе: *Pool J.*, *Pool S.* Op. cit., S. 80 ff.; *Schubert G.* Anfänge nationalsozialistischer Außenpolitik. Köln, 1963, S. 208 ff.
- ²⁵ Доклад вюртембергского посланника в Мюнхене от 29.I.1923.— In: Politik in Bayern. Hrsg. und kommentiert von Wolfgang Benz. Stuttgart, 1971, S. 121.
- ²⁶ Письмо представителя имперского правительства в Мюнхене фон Хаймхаузена статс-секретарю Хамму от 29.I.1923 г.— In: Das Krisenjahr 1923, S. 9.
- ²⁷ Цит. по: *Schubert G.* Op. cit., S. 77.
- ²⁸ *Hallgarten G.* Op. cit., S. 27; *Meier-Welcker H.* Seeckt. Frankfurt a. M., 1967, S. 360 ff.
- ²⁹ Zusammenfassung der vom Truppenamt vorgetragenen Beurteilung der inneren Lage. 7. Dezember 1923.— In: Das Krisenjahr 1923, S. 195.
- ³⁰ Politik in Bayern, S. 125.
- ³¹ *Zetkin C.* Der Kampf gegen den Faschismus.— In: Ausgewählte Reden und Schriften, Bd II. Berlin, 1960, S. 693, 699, 705, 696—697, 719.
- ³² Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd VII/2. Berlin, 1966, S. 364 ff.
- ³³ Politik in Bayern, S. 131.
- ³⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 69.
- ³⁵ Цит. по: *Hallgarten G.* Op. cit., S. 67.
- ³⁶ Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinette Stresemann I- und II. Bearb. von Karl Dietrich Erdmann und Martin Vogt. Boppard am Rhein, 1978, S. 1203 ff.

- ³⁷ Ibid., S. 1184.
³⁸ ZStA. Potsdam, Alldeutscher Verband, N 250, Bl. 210 ff.
³⁹ Hofmann H. H. Der Hitlerputsch. München, 1961, S. 284 ff, 293 f.
⁴⁰ Hoegner W. Hitler und Kahr. Die bayerischen Napoleongroßen von 1923, II. Teil. München, 1928, S. 36.
⁴¹ Deuerlein E. (Hrsg.) Der Hitler-Putsch. Bayerische Dokumente zum 8./9. November 1923. Stuttgart, 1962, S. 258.
⁴² Ibid., S. 303.
⁴³ Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918—1933. Hannover—Frankfurt a. M., 1955, S. 187.

Глава третья

- ¹ Цит. по: Kreiler K. (Hrsg.) Traditionen deutscher Justiz. Politische Prozesse 1914—1932. Berlin (West), 1980, S. 177—178. Последующие цитаты взяты из: Der Hitler-Prozeß, S. 250 u. passim.
² Цит. по: Fest J. S. Op. cit., S. 312.
³ Toller E. Eine Jugend in Deutschland. Leipzig, 1970, S. 199.
⁴ Ibid., S. 209.
⁵ Berndorff H. R. General zwischen Ost und West. Hamburg [s. a.], S. 151.
⁶ Über den Kampf gegen den Faschismus. Resolution des Politbüros des ZK der KPD, 4. Juni 1930. — In: Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946. Berlin, 1954, S. 265.
⁷ Die nächsten und höheren Aufgaben der KPD. Aus der Resolution des ZK-Plenums, Januar 1931. — In: Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands, S. 296.
⁸ Das III. Reich, 1974, Ht. 1, S. 42.
⁹ Ibid., S. 43.
¹⁰ Czichon E. Wer verhalf Hitler zur Macht? Köln, 1967, S. 60.
¹¹ Gossweiler K., Schlicht A. Junker und NSDAP 1931/32.— ZfG, 1967, Ht. 4, S. 653.
¹² Вестарп — Карштедту, 8 июля 1919.— ZStA. Potsdam, Nachlaß Westarp, N 41, Bl. 102.
¹³ Это подчеркивалось в уставах, см.: Jochmann W. Nationalsozialismus und Revolution. Ursprung und Geschichte der NSDAP in Hamburg 1922—1923. Frankfurt a. M., 1963, S. 212.
¹⁴ Hellwig J., Weiß W. Op. cit., S. 45 (выдержка из: Rheinisch-Westfälischen Zeitung, 28.VII.1935).
¹⁵ Gossweiler K. Hitler und das Kapital 1925—1928.— Blätter für deutsche und internationale Politik. Köln, 1978, Ht. 7, S. 852.
¹⁶ Jochmann W. Im Kampf um die Macht. Hitlers Rede vor dem Hamburger Nationalklub von 1919. Frankfurt a. M., 1960; Gossweiler K. Hitler und das Kapital 1925—1928, S. 843 ff. Последующие высказывания основываются на указанном исследовании, вторую часть которого см.: Blätter für deutsche und internationale Politik, 1978, Ht. 8.
¹⁷ Цит. по: Turner H. A. jr. Op. cit., S. 67.
¹⁸ Ibid., S. 72.
¹⁹ Цит. по: Pool J., Pool S. Op. cit., S. 137.
²⁰ Turner H. A. jr. Op. cit., S. 73—74.
²¹ Ibid., S. 80.

- ²² Ibid., S. 82.
- ²³ Ibid., S. 34—35.
- ²⁴ Курт Госсвайлер аргументированно доказывает, что Гитлер учитывал также склад характера Кирдорфа (*Blätter für deutsche und internationale Politik*, S. 997).
- ²⁵ Цит. по: *Turner H. A. jr. Op. cit.*, S. 70.
- ²⁶ *Norden A. Lehren deutscher Geschichte*. Berlin, 1950, S. 64 ff; *Honigmann G. Kapitalverbrechen oder der Fall des Geheimrats Hugenberg*. Berlin, 1976. S. 230.
- ²⁷ *Gossweiler K. Hitler und das Kapital 1925—1928; Гилцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию*. М., 1972; *Stegmann D. Zum Verhältnis von Großindustrie und Nationalsozialismus 1930—1933*. — In: *Archiv für Sozialgeschichte*, 1973, S. 399—482; *Kapitalismus und Faschismus in Deutschland 1929—1934*. — In: *Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie*. Frankfurt a. M., 1976, Ht. 6, S. 19—75; *Hörster-Philipp U. Wer war Hitler wirklich? Großkapital und Faschismus*. — In: *Kühnl R., Harlach G. (Hrsg.) Die Zerstörung der Weimarer Republik*. Köln, 1977, S. 38—141.
- ²⁸ *Hentschel V. Weimars letzte Monate*. Düsseldorf, 1979, S. 117.
- ²⁹ Ibid., S. 109.
- ³⁰ *Heiden K. Hitler*, Bd 1. Zürich, 1936, S. 313.
- ³¹ Цит. по: *Heiber H. Joseph Goebbels*. Berlin (West), 1962, S. 123.
- ³² Цит. по: *Fest J. C. Op. cit.*, S. 362.
- ³³ *Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus*, Bd 15. Studien zur Geschichte der zyklischen Überproduktionskrisen in Deutschland 1918 bis 1945. Berlin, 1965, S. 105 f.
- ³⁴ Цит. по: *Weisbrod B. Schwerindustrie in der Weimarer Republik*. Wuppertal, 1978, S. 406—407.
- ³⁵ *Menne B. Krupp — Deutschlands Kanonenkönige*. Zürich, 1937, S. 356 ff.
- ³⁶ Запись Дитриха о политических задачах германской буржуазии, апрель 1929 г. — In: *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930—1932. Quellen zur Ära Brüning*. Eingel. von Gerhard Schulz. Düsseldorf, 1980, S. 6.
- ³⁷ Цит. по: *Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1929*. München, 1930, S. 165.
- ³⁸ См. письмо Леветцова Куно от 15 января 1929 г. — *ZStA. Potsdam, Stahlhelm*, N 44, Bl. 10.

Глава четвертая

- ¹ Цит. по: *Die ungeliebte Republik. Dokumentation zur Innen- und Außenpolitik Weimars 1918—1933*. Hrsg. von Wolfgang Michalka und Gottfried Niedhart. München, 1980, S. 264.
- ² Ibidem.
- ³ *Die Weimarer Republik*. Hrsg. von Walter Tormin. Hannover, 1968, S. 178.
- ⁴ Эти и последующие данные см.: *Gossweiler K. Faschismus und Arbeiterklasse*. — *Bulletin des Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg»*, 1980, N 1—4, S. 32 ff.; *Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933*. Hrsg. von Wolfgang Ruge und Wolfgang Schumann. Bearb. von Kurt Gossweiler. Berlin, 1975, S. 107.
- ⁵ *Resolution des Politbüros des ZK der KPD*, 4. Juni 1930. — In: *Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands*, S. 267.
- ⁶ *Тельман Э. Биография*. М., 1984, с. 316.

- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См. там же, с. 295.
- ¹⁰ Resolution des Politbüros des ZK der KPD, 4. Juni 1930, S. 266.
- ¹¹ Хонеккер Э. Из моей жизни. М., 1982, с. 51.
- ¹² См. там же, с. 50—51.
- ¹³ Dokumente zur Geschichte der SED, Bd 1: 1847 bis 1945. Berlin, 1981, S. 246 ff.
- ¹⁴ Цит. по: *Ullrich H.* Der Kampf der KPD gegen die Ideologie des Hitlerfaschismus. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Berlin, 1975, Ht. 5, S. 674.
- ¹⁵ Цит. по: *Menne B.* Op. cit., S. 357.
- ¹⁶ Напечатано в выдержках в: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4. von 1924 bis Januar 1933. Berlin, 1966, S. 523 ff.
- ¹⁷ Цит. по: *Klein F.* Zur Vorbereitung der faschistischen Diktatur durch die deutsche Großbourgeoisie (1929—1932). — ZfG, 1953, Ht. 6, S. 895.
- ¹⁸ Вальтер Бернхард — главному редактору Кляйну 5 июня 1932 г. — In: Nachlaß Klein, unpaginiert. Об этом фонде см.: *Ruge W.* Die «Deutsche Allgemeine Zeitung» und die Brüning-Regierung. — ZfG, 1968, Ht. 1, S. 20.
- ¹⁹ *Brüning H.* Memoires 1918—1934. Stuttgart, 1970, S. 309.
- ²⁰ Ibid., S. 193.
- ²¹ Ibid., S. 194.
- ²² Ibid., S. 577.
- ²³ *Petzold J.* Großgrundbesitzer — Bauern — NSDAP. — ZfG, 1981, Ht. 12, S. 1128.
- ²⁴ Цит. по: *Koplin R.* Carl von Ossietzky als politischer Publizist. Berlin (West), 1964, S. 154, 155.
- ²⁵ *Strasser O.* Hitler und ich. Konstanz, 1948, S. 136 ff.
- ²⁶ *Mann K.* Der Wendepunkt. Berlin und Weimar, 1974, S. 324.
- ²⁷ Ibid., S. 326.
- ²⁸ *Trumpp Th.* Zur Finanzierung der NSDAP durch die deutsche Großindustrie. Versuch einer Bilanz. — Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Stuttgart, 1981, Ht. 4, S. 229.
- ²⁹ Цит. по: *Hellwig J., Weiß W.* Op. cit., S. 59.
- ³⁰ *Schacht H.* 76 Jahre meines Lebens. Bad Wöringshofen, 1953, S. 352.
- ³¹ Цит. по: *Pool J., Pool S.* Op. cit., S. 246.
- ³² *Calic E.* Ohne Maske, S. 34.
- ³³ Ibid., S. 35, 36.
- ³⁴ Ibid., S. 37.
- ³⁵ Цит. по: Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 73.
- ³⁶ Цит. по: *Stegmann D.* Zum Verhältnis von Großindustrie und Nationalsozialismus 1930—1933, S. 452.
- ³⁷ *Norden A.* Op. cit., S. 161.
- ³⁸ *Fest J. C.* Op. cit., S. 429.
- ³⁹ Politik und Wirtschaft in der Krise 1930—1932, S. 419—420.
- ⁴⁰ Цит. по: *Ruge W.* Deutschnationale Volkspartei. — In: Die bürgerlichen Parteien in Deutschland, Bd I. Leipzig, 1970, S. 744.
- ⁴¹ Deutsche Allgemeine Zeitung (Berlin), 15.XII.1930.
- ⁴² Ibidem.
- ⁴³ Deutsche Allgemeine Zeitung, 31.X.1931.
- ⁴⁴ Deutsche Allgemeine Zeitung, 29.IX.1930.
- ⁴⁵ *Brüning H.* Memoires 1918—1934, S. 464.
- ⁴⁶ Напечатано в выдержках в: Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 46.

- 47 *Brüning H. Memoiren 1918—1934*, S. 463.
- 48 *Görlitz W. Hindenburg. Bonn, 1953*, S. 350.
- 49 *Hentschel V. Op. cit.*, S. 31.
- 50 *Völkischer Beobachter (München)*, 25.IX.1930.
- 51 *Deuerlein E. (Hrsg.). Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten*, S. 329.
- 52 Цит. по: *Vogelsang Th. Neue Dokumente zur Geschichte der Reichswehr 1930—1933.— Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 1954, Ht. 2, S. 406.
- 53 *Ibid.*, S. 416.
- 54 Цит. по: *Petzold J. Claß und Hitler*, S. 287.
- 55 Цит. по: *Gossweiler K., Schlicht A. Op. cit.*, S. 658.
- 56 *Ibid.*, S. 652.
- 57 *Ibid.*, S. 654.
- 58 Цит. по: *Kreiler K. (Hrsg.). Op. cit.*, S. 195.
- 59 *Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart — Düsseldorf, 1957*, S. 114.
- 60 *Ibid.*, S. 492.
- 61 Цит. по: *Hoegner W. Der Volksbetrug der Nationalsozialisten. Berlin, 1930*, S. 14.
- 62 *Слова Отто Брауна.— Vorwärts (Berlin)*, 10.III.1932.
- 63 *Brüning H. Memoiren 1918—1934*, S. 502.
- 64 Цит. по: *Niemann H. Sozialdemokratie und Faschismus.— In: Soziale Grundlagen und Herrschaftsmechanismen des deutschen Faschismus. Der antifaschistische Kampf, Teil 2. Halle, 1980*, S. 66.
- 65 *Die Rote Fahne, 17.IX.1930* (опубликовано в: *Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschland*, S. 285 f.).
- 66 *Pieck W. Gesammelte Reden und Schriften, Bd IV. Berlin, 1981*, S. 356, 358.
- 67 *Ibid.*, S. 353.
- 68 *Ibid.*, S. 358.
- 69 *Ibidem.*
- 70 *Pieck W. Reden und Aufsätze, Bd I. Berlin, 1954*, S. 397.
- 71 Цит. по: *Тельман Э. Указ. соч.*, с. 360.
- 72 Там же, с. 377.
- 73 Там же, с. 388.
- 74 Там же, с. 349.
- 75 *Pieck W. Gesammelte Reden und Schriften, Bd IV*, S. 435.

Глава пятая

- ¹ *Vogelsang Th. Die Reichswehr und die Politik. 1918—1934. Bad Ganderheim, 1959*, S. 124.
- ² Цит. по: *Norden A. Op. cit.*, S. 158—159.
- ³ *Ibid.*, S. 159.
- ⁴ *Weltherrschaft im Visier. Hrsg. und eingel. von Wolfgang Schumann und Ludwig Nestler. Berlin, 1975*, S. 222.
- ⁵ *Calic E. Op. cit.*, S. 27.
- ⁶ Цит. по: *Klein F. Op. cit.*, S. 901.
- ⁷ *Schützle K. Reichswehr wider die Nation. Berlin, 1963*, A. 116.
- ⁸ Цит. по: *Berthold L. Das Programm der KPD zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes vom August 1930. Berlin, 1956*, S. 189.
- ⁹ *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4*, S. 562 ff.
- ¹⁰ *Thyssen F. Op. cit.*, S. 101.
- ¹¹ Цит. по: *Hentschel V. Op. cit.*, S. 166.

- ¹² Ibidem.
- ¹³ Письмо Гильза Ройшу от 6.VIII.1931.— In: Politik und Wirtschaft in der Krise 1930—1932, S. 871.
- ¹⁴ См.: *Pyge B.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981.
- ¹⁵ Цит. по: Matthias E., Morsey R. (Hrsg.). Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960, S. 629.
- ¹⁶ Цит. по: Politik und Wirtschaft in der Krise 1930—1932, S. 871.
- ¹⁷ Опубликовано в выдержках в: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4, S. 557 f.
- ¹⁸ *Hörster-Philipps U.* Wer war Hitler wirklich? Großkapital und Faschismus, S. 88 f.
- ¹⁹ *Trumpp Th.* Op. cit., S. 229 f.
- ²⁰ *Duesterberg Th.* Der Stahlhelm und Hitler. Wolfenbüttel, 1949. S. 25.
- ²¹ См. письмо Гугенберга Гитлеру от 20.III.1932 г.— Цит. по: Matthias E., Morsey R. (Hrsg.). Op. cit., S. 628.
- ²² Der Angriff (Berlin), 21.X.1931.
- ²³ См. письмо Гугенберга Гитлеру от 20.III.1932 г.— Цит. по: Matthias E., Morsey R. (Hrsg.). Op. cit., S. 628 f.; *Roeske U.* Zum Verhältnis zwischen DNVP und NSDAP.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1973, Ht. 1/2, S. 35.
- ²⁴ *Bracher K. D.* Op. cit., S. 448.
- ²⁵ *Brüning H.* Memoiren 1918—1934, S. 506 f.
- ²⁶ Цит. по: *Pyge B.* Указ. соч., с. 309.
- ²⁷ *Ossietsky C. von.* Schriften, Bd 2. Berlin-Weimar, 1966, S. 41—42.
- ²⁸ *Brüning H.* Memoiren 1918—1934, S. 533.
- ²⁹ Цит. по: *Тельман Э.* Указ. соч., с. 402.
- ³⁰ *Pyge B.* Указ. соч., с. 313.
- ³¹ *Trumpp Th.* Op. cit., S. 230—231.
- ³² *Brüning H.* Memoiren 1918—1934, S. 531.
- ³³ *Renner H.* Georg Heim, der Bauerndoktor. München — Bonn — Wien, 1960, S. 238; *Brüning H.* Ein Brief.— Deutsche Rundschau. Gelsenkirchen, 1947, Ht. 7, S. 7.
- ³⁴ Цит. по: *Shirer W. L.* Op. cit., S. 156.
- ³⁵ *Димитров Г.* Указ. соч., с. 66.
- ³⁶ *Phelps R. H.* Aus den Groener-Dokumenten.— Deutsche Rundschau, 1950, Ht. 9, S. 742.
- ³⁷ Deutsche Rundschau, 1950, Ht. 12, S. 1017.
- ³⁸ *Geyer M.* Aufrüstung oder Sicherheit. Wiesbaden, 1980, S. 235.
- ³⁹ Ibid., S. 290, 297.
- ⁴⁰ Цит. по: Die Antifaschistische Aktion. Dokumentation und Chronik. Mai 1932 bis Januar 1933. Hrsg. und eingel. von Heinz Karl und Erika Kücklich. Berlin, 1965, S. 32—33.
- ⁴¹ *Димитров Г.* Указ. соч., с. 75.
- ⁴² *Pieck W.* Gesammelte Reden und Schriften, Bd IV, S. 426.
- ⁴³ Die Antifaschistische Aktion, S. 78—80, 81.
- ⁴⁴ *Димитров Г.* Указ. соч., с. 66.
- ⁴⁵ Цит. по: Die Antifaschistische Aktion, S. 84.
- ⁴⁶ Ibid., S. 7.
- ⁴⁷ *Pieck W.* Gesammelte Reden und Schriften, Bd IV, S. 461.
- ⁴⁸ Цит. по: Die Antifaschistische Aktion, S. 104.
- ⁴⁹ Ibid., S. 167.
- ⁵⁰ Ibid., S. 24.
- ⁵¹ *Pieck W.* Gesammelte Reden und Schriften, Bd V. Berlin, 1972, S. 119.
- ⁵² *Pieck W.* Gesammelte Reden und Schriften, Bd IV, S. 470.

- ⁵³ *Severing C.* Mein Lebensweg, Bd 2. Köln, 1950, S. 342.
⁵⁴ *Carlebach E.* Hitler war kein Betriebsunfall. Frankfurt a. M., 1978, S. 64.
⁵⁵ *Hentschel V.* Op. cit., S. 53.
⁵⁶ *Severing C.* Op. cit., S. 347.
⁵⁷ Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4, S. 586.
⁵⁸ Цит. по: Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 67—68.
⁵⁹ *Petzold J.* Generalprobe für Hitler.— Illustrierte historische Hefte, N 24. Berlin, 1980.
⁶⁰ Цит. по: Die Antifaschistische Aktion, S. 193—194.
⁶¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4, S. 591.

Глава шестая

- ¹ Цит. по: *Stegmann D.* Zum Verhältnis von Großindustrie und Nationalsozialismus 1930—1933, S. 465.
² Цит. по: *Gossweiler K.* Karl Dietrich Brachers «Auflösung der Weimarer Republik».— In: ZfG, 1958, Ht. 3, S. 550—551. Часть опубликованных Госсвайлером и неоднократно цитируемых документов была позже опубликована также в кн.: *Hubatsch W.* Hindenburg und der Staat. Göttingen, 1966.
³ Цит. по: *Vogelsang Th.* Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962, S. 481.
⁴ Цит. по: *Garsten F. L.* Reichswehr und Politik 1918—1933. Köln — Berlin (West), 1965, S. 424.
⁵ Цит. по: *Hubatsch W.* Op. cit., S. 337.
⁶ Ibid., S. 336.
⁷ Ibid., S. 337.
⁸ Ibidem.
⁹ Ibid., S. 336.
¹⁰ *Weißbecker M.* Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, S. 411.
¹¹ Цит. по: *Roeske U.* Op. cit., S. 36.
¹² Die Antifaschistische Aktion, S. 229 f.
¹³ Ibid., S. 237.
¹⁴ Ibid., S. 233.
¹⁵ Die soziale Rekonsolidierung des Kapitalismus.— Частично напечатана в: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4, S. 593 ff.
¹⁶ *Berliner E.* Das monopolistische Problem der Massenbasis, die «Deutschen Führerbriefe» und Alfred Sohn-Rethel.— Blätter für deutsche und internationale Politik, 1974, Ht. 2, S. 154 ff.
¹⁷ *Zetkin C.* Es gilt, den Faschismus niederzuringen.— In: *Zetkin C.* Ausgewählte Reden und Schriften, Bd III. Berlin, 1960, S. 416, 418.
¹⁸ *Hubatsch W.* Op. cit., S. 342.
¹⁹ Ibid., S. 341.
²⁰ Цит. по: Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 87.
²¹ Politik in Bayern, S. 264—265.
²² ZStA. Potsdam, Büro des Reichspräsidenten, N 47, Bd 8, Bl. 229 f.
²³ Цит. по: *Gossweiler K.* Karl Dietrich Brachers «Auflösung der Weimarer Republik», S. 551.
²⁴ Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4, S. 606.
²⁵ Цит. по: Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 82.
²⁶ Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4, S. 606.
²⁷ Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 84.
²⁸ *Czichon E.* Op. cit., S. 64.
²⁹ Ibid., S. 65.

- 30 Ibidem.
- 31 *Hentschel V.* Op. cit., S. 148 f.
- 32 *Carsten F. L.* Op. cit., S. 443.
- 33 Цит. по: *Maser W.* Hitlers Briefe und Notizen. Düsseldorf — Wien, 1973, S. 183.
- 34 Цит. по: *Gossweiler K.* Karl Dietrich Brachers «Auflösung der Weimarer Republik», S. 546.
- 35 Ibid., S. 547.
- 36 Ibid., S. 549.
- 37 Ibid., S. 552.
- 38 *Maser W.* Op. cit., S. 183.
- 39 Цит. по: Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 84.
- 40 *Schreiner A.* Die Eingabe deutscher Finanzmagnaten, Monopolisten und Junker für die Berufung Hitlers zum Reichskanzler (November 1932).— ZfG, 1956, Ht. 2, S. 367 f.
- 41 *Czichon E.* Op. cit., S. 68.
- 42 *Steen J. A.* The Rise and Fall of Adolf Hitler. London — New York — Sydney — Toronto, 1980; *Fest J. C.* Op. cit., S. 496; *Bracher K. D.* Op. cit., S. 668 f.
- 43 *Hentschel V.* Op. cit., S. 133, 127.
- 44 *Hubatsch W.* Op. cit., S. 356.
- 45 Цит. по: *Hentschel V.* Op. cit., S. 150.
- 46 ZStA. Potsdam, Deutsche Volkspartei, N 249, Bl. 2.
- 47 Цит. по: *Czichon E.* Op. cit., S. 73.
- 48 *Arndt F.* Vorbereitungen der Reichswehr für den militärischen Ausnahmezustand.— Zeitschrift für Militärgeschichte. Berlin, 1965, Ht. 2, S. 195 ff.
- 49 Цит. по: *Schüddekopf O.— E.* Op. cit., S. 350.
- 50 Цит. по: *Ulbricht W.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd I. Berlin, 1963, S. 632.
- 51 Цит. по: Die Antifaschistische Aktion, S. 314—315.
- 52 Цит. по: *Тельман Э.* Указ. соч., с. 448.
- 53 Цит. по: Die Antifaschistische Aktion, S. 315.
- 54 Ibidem.
- 55 Ibid., S. 320.
- 56 Deutsche Allgemeine Zeitung, 6.XII.1932.
- 57 Цит. по: *Stampfer F.* Die ersten 14 Jahre der deutschen Republik. Offenbach a. M., 1947, S. 660.
- 58 *Stegmann D.* Zur Verhältnis von Großindustrie und Nationalsozialismus 1930—1933, S. 438.
- 59 См. запись о совещании министров от 16.I.1933.— In: *Vogelsang Th.* Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 487.
- 60 ZStA. Potsdam, Deutsche Volkspartei, N 249, Bl. 3.
- 61 Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933, S. 87—88.
- 62 *Герече Г.* Я был королевско-прусским советником. Мемуары политического деятеля. М., 1977, с. 215.
- 63 Цит. по: *Czichon E.* Op. cit., S. 75.
- 64 Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4, S. 606.
- 65 Цит. по: *Vogelsang Th.* Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 485.
- 66 Цит. по: *Czichon E.* Op. cit., S. 76.
- 67 Ibidem.
- 68 Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 4, S. 605.
- 69 Цит. по: Die ungeliebte Republik, S. 358.
- 70 *Schützle K.* Op. cit., S. 204.
- 71 *Vogelsang Th.* Reichswehr, Staat und NSDAP, S. 486.

- ⁷² *Meißner O.* Staatssekretär unter Ebert, Hindenburg, Hitler. Hamburg, 1950, S. 257.
- ⁷³ Цит. по: Schulthess'Europäischer Geschichtskalender 1933. München, 1934, S. 11.
- ⁷⁴ См.: *Pyge B.* Указ. соч., с. 364.
- ⁷⁵ Цит. по: Schulthess'Europäischer Geschichtskalender 1933, S. 11.
- ⁷⁶ *Pieck W.* Gesammelte Reden und Schriften, Bd IV, S. 543, 542.
- ⁷⁷ Die Antifaschistische Aktion, S. 335—336, 337.
- ⁷⁸ *Bracher K. D.* Op. cit., S. 734.
- ⁷⁹ Ibid., S. 733.
- ⁸⁰ См.: *Pyge B.* Указ. соч., с. 371.
- ⁸¹ Anatomie des Krieges. Berlin, 1969, S. 115.
- ⁸² Die Antifaschistische Aktion, S. 350—351.
- ⁸³ Ibid., S. 354—355.
- ⁸⁴ Ibid., S. 355.
- ⁸⁵ Die ungeliebte Republik, S. 362.
- ⁸⁶ *Schulze H.* Anpassung oder Widerstand? Aus den Akten des Parteivorstandes der deutschen Sozialdemokratie 1932/33. Bonn — Bad Godesberg, 1975, S. 145.
- ⁸⁷ Ibid., S. 149—150.
- ⁸⁸ История Социалистической единой партии Германии. Очерк. М., 1980, с. 58.
- ⁸⁹ Цит. по: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd 5. Berlin, 1966, S. 443.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая НАЧАЛЬНЫЕ ШАГИ НАЦИЗМА	12
Глава вторая ПЕРВЫЙ НАСКОК НА РЕСПУБЛИКУ	38
Глава третья ЛОВКО ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ВЫНУЖДЕННАЯ ПАУЗА	83
Глава четвертая ОТРАВЛЕННЫЕ СЕМЕНА ДАЮТ ЯДОВИТЫЕ ВСХОДЫ	132
Глава пятая С ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ МОНОПОЛИЙ — В РЕШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ	181
Глава шестая «КОНСТИТУЦИОННОЕ» ПОПРАНИЕ КОНСТИТУЦИИ	225
ПОСЛЕСЛОВИЕ Я. С. ДРАБКИНА	289
ПРИМЕЧАНИЯ	309

Вольфганг Руге

КАК ГИТЛЕР ПРИШЕЛ К ВЛАСТИ

Германский фашизм и монополии

Заведующий редакцией А. Л. Ларионов
Редактор Н. И. Калашникова
Младший редактор Т. М. Найденова
Оформление художника А. Л. Сальникова
Художественный редактор А. М. Павлов
Технический редактор Л. П. Гришина
Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 2752

Сдано в набор 05.04.85. Подписано в печать 04.10.85. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 1. Обыкн. нов. гарн. Высокая печать. Усл. печатных ли-
стов 16,8. Усл. кр.-отт. 16,8. Учетно-издательских листов 18,48. Тираж 90 000 экз.
Заказ № 1875. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленин-
градское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени
А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136.
Чкаловский пр., 15.

Фотонабор и верстка выполнены системой АККОРД, разработанной в УНИИПП,
г. Львов, внедренной в ЛПТО «Печатный Двор» им. А. М. Горького.

1 р. 50 к.

Как Гитлер пришел к власти

**ВОЛЬФГАНГ
РУГЕ**